ПРОВ. 1935

М. О. Меньшиковъ.

БИБЛИОТЕКА

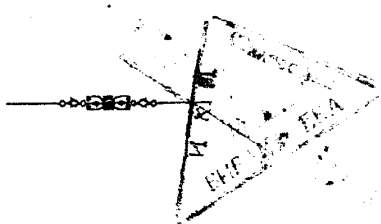
НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ

7947

И ДРУГІЕ

НРАВСТВЕННО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ.

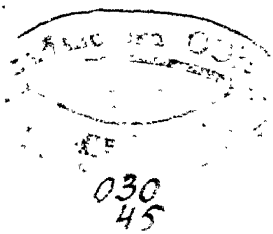
Народные заступники.—На порогѣ храма.—Дружескіе союзы.—Охрана юности.—Совѣсть и знаніе.—Ѳ. П. Гаазъ.—Серпуховскій циникъ.—Нужна-ли правда?



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

6 к

Вошедшія въ этотъ сборникъ статьи печатались въ разные годы въ „Книжкахъ Недѣли“ и одна изъ нихъ — „Совѣсть и Знаніе“ въ „Русской Мысли“.



Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.

Народные заступники *.

I.

Похороны автора «Основъ народничества» Осипа Ивановича Каблица (Юзова) почти совпали съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ писательской дѣятельности Д. В. Григоровича. И печальное, и радостное событія имѣли нѣчто общее, въ нихъ обоихъ главнымъ героемъ было лицо невидимое, даже стихійное—народъ, безъ котораго, ни имена названныхъ писателей, ни почести, имъ воздан-ныя, не имѣли-бы никакого значенія.

Крайне различны и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то неразрывны были впечатлѣнія отъ обоихъ торжествъ.

Похороны прошли очень скромно. Ѣхать надо было на далекое Митрофаньевское (бывшее холерное) кладбище, самое простонародное въ Петербургѣ, разбитое на подсохшемъ болотѣ, надо было разыскать самый унылый уголъ этого кладбища, отведенный для лютеранъ. На кладбищѣ не было ни души, только морозный вѣтеръ шумѣлъ въ оголенныхъ деревьяхъ. Съ большимъ трудомъ мы отыскали на заглохшей дорожкѣ мужиковъ, копавшихъ яму.—Тутъ хоронятъ Каблица? спросили мы. «А кто онъ такой?» спросили они въ свою очередь...—Писатель. «Нѣтъ, —значитъ, не тутъ. У насъ будетъ чиновникъ какой-то изъ контроля».

---

* Статья эта впервые напечатана въ декабрѣ 1893 года.

Оказалось, однако, что могилу копали именно для Каблица. Онъ, дѣйствительно, служилъ передъ смертью въ контролѣ и умеръ коллежскимъ регистраторомъ. Мужики, послѣдніе представители того народа, котораго до самозабвенія любилъ Каблицъ, не знали, конечно, даже имени его. Опуская въ могилу, они не подозрѣвали ни на одно мгновеніе въ немъ того, чѣмъ онъ былъ для нихъ или что они были для него. Въ этотъ страшный, послѣдній часъ для нихъ онъ былъ какимъ-то чиновникомъ изъ желѣзнодорожнаго контроля...

Наконецъ показалась печальная колесница,—конечно, бѣдненькая, скромненькая до-нельзя, да такъ, конечно, и лучше. Около колесницы шла тощая кучка человѣкъ въ пятнадцать-двадцать, да и то считая съ родственниками покойнаго, сослуживцами, репортерами. «Братья-литераторы» были въ числѣ двухъ или трехъ человѣкъ.. Единственный вѣнокъ отъ одной редакціи только подчеркивалъ скудость и сиротство этихъ похоронъ Опустили гробъ среди глубокаго молчанія, засыпали землей. Поплакала горько бѣдная молодая жена (двое маленькихъ сиротокъ остались дома... «Средствъ не осталось никакихъ», это ужь неизбѣжно) Тягостное молчаніе. Надоже что нибудь сказать на могилѣ человѣка, котораго мы всѣ любили. Надо, но мы всѣ самолюбивы и не искренни, всѣ боимся показаться смѣшными, до сумасшествія боимся задушевнаго слова. Наконецъ, маленькую рѣчь сказалъ г. Аксаковъ, на ту тему, что вотъ ты хотя и Каблицъ по фамиліи, хотя и полунѣмецъ, полуполякъ, дважды крещеный въ нерусскую вѣру—католическую и лютеранскую,—но кто горячѣе, нѣжнѣе, беззавѣтнѣе тебя любилъ народъ нашъ? И за это пусть-же русская земля будетъ легка надъ тобой.

Больше никто ничего не сказалъ, и тощая кучка уныло побрела съ кладбища, кутаясь отъ пронизывающаго осенняго вѣтра. Нѣсколько жиденькихъ некрологовъ въ газетахъ—и все.

А черезъ нѣсколько дней мы чествовали на Большой Морской другого писателя, на этотъ разъ, къ счастію, живого и находящагося въ добромъ здоровьѣ. Большой залъ съ хорами былъ весь наполненъ раззолоченными мундирами, изящными фраками, звѣздами, лентами, орденами, бальными туалетами. На эстрадѣ, осѣненной развѣсистыми пальмами, сидѣли высокія особы, и среди нихъ стоялъ величественный старецъ съ тургеневскою головою, на его фракѣ была генеральская лента и звѣзда... Гремитъ торжественный маршъ и стихаетъ. Перекатывается одушевленное «ура», и залъ дрожитъ отъ рукоплесканій Читаютъ привѣтствія и адресы, одни за другими на эстраду всходятъ въ мундирахъ и фракахъ депутаціи отъ академіи наукъ, академіи искусствъ, университетовъ, институтовъ, военныхъ академій и училищъ, отъ литературныхъ, драматическихъ, художественныхъ и всякихъ иныхъ обществъ, всходятъ дамы въ пышныхъ нарядахъ, всходитъ дѣвочка-гимназистка и милымъ голоскомъ читаетъ привѣтствіе, всходятъ извѣстные всей Россіи литераторы, профессора, артисты, художники... Конца не видно этой утомительной процессіи, и какихъ-какихъ подношеній только нѣтъ: адреса, альбомы, пергаментные свитки, серебряные и золотые вѣнки.. Хотя поминались въ самыхъ восторженныхъ фразахъ заслуги юбиляра на поприщѣ чистаго искусства и значеніе его въ литературѣ, но все это было довольно холодно и сухо, все звучало слишкомъ торжественной оффиціальностью Теплѣе стало, когда поднялся на своихъ стариковскихъ костыляхъ Я. П. Полонскій и возвышеннымъ и строгимъ голосомъ, какъ-бы съ высоты своей долгой и славной жизни, сказалъ нѣсколько словъ и пожалъ своему старому товарищу руку. Но вотъ произносится имя Л. Н. Толстого, отъ котораго совершенно неожиданно было получено письмо Зала замерла на мгновеніе и дрогнула отъ рукоплесканій, и опять замерла, прислушиваясь къ вѣщимъ словамъ.. Письмо прочитано—и снова громъ рукоплесканій, бурное, горячее

движеніе въ залѣ Холодъ исчезъ, на минуту всѣ почувствовали себя искренними, умиленными «Вы мнѣ дороги, писалъ Толстой,—въ особенности по тѣмъ незабвеннымъ впечатлѣніямъ, которыя произвели на меня, вмѣстѣ съ «Записками Охотника», ваши первыя повѣсти. Помню умиленіе и восторгъ, произведенный на меня, тогда 16-тѣтняго мальчика, несмѣвшаго вѣрить себѣ,—«Антономъ Горемыкой», бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика—нашего кормильца, и хочется сказать нашего учителя,—можно и должно описывать, не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ нетолько съ любовью, но съ уваженіемъ и даже трепетомъ. Вотъ за это-то благотворное на меня вліяніе вашихъ сочиненій вы особенно дороги мнѣ, и черезъ 40 лѣтъ отъ всего сердца благодарю васъ за него Отъ всей души желаю вамъ того, что всегда нужно вообще, но что намъ, старикамъ, нужнѣе всего въ мірѣ: побольше любви отъ людей и къ людямъ, безъ которой еще кое-какъ можно обходиться въ юности, но безъ которой жизнь въ старости—одно мученье..»

II.

Да, это была прекрасная, искренняя минута. Всѣ были ужасно рады почему-то, что именно Толстой прислалъ письмо. Мы были какъ-бы подхвачены великой волной, почувствовали что-то свѣжее и чистое, рѣдко сходящее въ душу, и слезы проснлись на глаза. Отчего это? Я думаю, что мгновенная радость при имени Толстого была отъ предчувствія, что сейчасъ будетъ сказано *настоящее* слово, которое объяснитъ тайну юбилея, его истину, а потомъ,—отъ восторга, что это предчувствіе сбылось. До этой минуты всѣ *знали* заслуги Григоровича, но не *чувствовали* ихъ и томились этимъ, кромѣ знанія, оставалось еще что-то важное, необходимое, до этой минуты нераскрытое. *Настоящее* слово раскрыло тайну, сердца затрепетали...

Скучная комедія, въ которую по примѣру всѣхъ юбилеевъ могъ превратиться этотъ праздникъ, вылилась на эту минуту въ задушевную, доподлинную жизнь..

Въ чемъ-же заключалась истина этого юбилея? Она заключалась въ огромной услугѣ, оказанной Д В Григоровичемъ народу полъ-столѣтія тому назадъ. Все остальное, вся послѣдующая дѣятельность этого писателя—всѣ его разсказы и романы, его двадцатилѣтніе труды въ обществѣ поощренія художествъ, все это, конечно, почтенно, но совершенно незначительно въ сравненіи съ подвигомъ, который ему удалось совершить въ литературѣ еще въ ранней молодости Въ самомъ дѣлѣ, вычеркните у Григоровича его первыя двѣ-три повѣсти или даже одного «Антона-Горемыку», предположите, что онъ не былъ написанъ — много-ли останется отъ знаменитаго писателя? А между тѣмъ этотъ писатель чествуется какъ великій, и даже ни одинъ изъ нашихъ великихъ писателей не удостоивался такихъ отмѣнныхъ почестей. Правда, что половина или болѣе этихъ почестей относились къ Григоровичу—общественному дѣятелю, къ основателю рисовальной школы и музея, но я въ своей душѣ относилъ всѣ эти привѣтствія, всѣ похвалы—къ Григоровичу-писателю, писателю за народъ,—и мнѣ казалось даже, что онъ заслуживаетъ еще бо́льшихъ похвалъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ роскошномъ залѣ, среди лентъ и звѣздъ, чувствовалось рѣзкое отсутствіе чего-то важнаго и особенно необходимаго—отсутствіе простого зипуна, потомка той сермяги, для которой пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Григоровичъ сдѣлалъ все важное, что онъ сдѣлалъ. Среди безконечныхъ депутацій хотѣлось-бы слышать голосъ самого Антона, переставшаго быть Горемыкой, голосъ «деревни», голосъ «переселенцевъ», нынѣ, увы, бредущихъ еще болѣе унылою толпою по «проселочнымъ дорогамъ» Всѣ они могли бы низко поклониться Дмитрію Васильевичу на закатѣ его дней за его подвигъ, хотя-бы и очень давній и случайный. Зипуна на юбилеѣ не было: доказа-

тельство, что Антонъ еще не переставалъ быть горемыкой и время подвиговъ для него въ литературѣ не прошло. Правда, на обѣдѣ въ ресторанѣ Кюба А. А. Потѣхинъ читалъ какія-то письма отъ «интеллигентныхъ крестьянъ», но эти письма были вымучены и неправдоподобны; правда, послѣ обѣда какой-то общипаный субъектъ во фракѣ бросался въ ноги Дмитрію Васильевичу, цѣловалъ ему плечо и ловилъ руки, называя себя крестьяниномъ и Антономъ-Горемыкой,—онъ силился даже плакать, но все это объяснялось больше вліяніемъ буфета, нежели юбиляра, и тотъ-же самый Антонъ-Горемыка во фракѣ черезъ полчаса покатывался со смѣху, слушая въ отдѣльной комнатѣ «извѣстные» разсказы И. Ѳ. Горбунова. Нѣтъ, на юбилеѣ Григоровича, какъ и на похоронахъ Юзова, «народъ безмолвствовалъ», онъ даже отсутствовалъ, и это, какъ въ драмѣ Пушкина, было трагическою чертою картины.

Я назвалъ «Деревню» и «Антона-Горемыку» *случайнымъ* подвигомъ Д. В. Григоровича. Въ самомъ дѣлѣ, въ литературѣ нѣтъ болѣе удивительной по случайности заслуги. По справедливому замѣчанію С. А. Венгерова, «трудно было-бы придумать человѣка менѣе подходящаго къ тому, чтобы стать отцомъ русской «мужицкой» беллетристики». Французъ по матери, малороссъ по отцу, Д. В. получилъ французское воспитаніе, началъ думать и говорить по-французски, такъ-что уже взрослымъ юношей, научившись русской рѣчи, говорилъ съ акцентомъ. Григоровичъ весьма мало зналъ деревню и народъ, проведя всю юность съ восьмилѣтняго возраста въ столицахъ и наѣзжая лишь изрѣдка и ненадолго на берега своей родной Смедвы. Въ самомъ душевномъ складѣ почтеннаго автора «Деревни» чувствуется всего менѣе народникъ; въ тотъ періодъ общественнаго возрожденія, въ періодъ страстнаго увлеченія освободительными и философскими идеями, Дмитрій Васильевичъ оставался невозмутимымъ эстетикомъ, поклонникомъ «чистой красоты». Всѣ умствен-

ныя и политическія бури, которыми такъ богата средина нашего вѣка, проносились высоко надъ его головою, не шевельнувъ на ней ни одного волоса. Литераторомъ сдѣлался Григоровичъ, какъ самъ онъ признается въ своихъ прелестныхъ по искренности «Литературныхъ воспоминаніяхъ», безъ какой-либо предвзятой цѣли, безъ опредѣленныхъ взглядовъ: «Сдѣлаться литераторомъ казалось мнѣ чѣмъ-то поэтическимъ, возвышеннымъ... Я не давалъ себѣ покоя, придумывая сюжеты для оригинальной повѣсти»,—и сюжеты являлись въ видѣ «Театральной кареты», «Собачки», «Штуки полотна», «Перваго апрѣля» и тому подобныхъ, крайне слабыхъ, по собственному сознанію автора, вещичекъ. Подбадриваемый Некрасовымъ, Григоровичъ соглашался написать повѣсть, но «согласившись, долго не зналъ на чемъ остановиться»— и остановился на «Шарманщикахъ», въ подражаніе гоголевской «Шинели». За «Шарманщиками» идетъ «Лотерейный балъ» — словомъ, молодой писатель, съ темпераментомъ безпечнаго француза, даже и не предчувствовалъ Америки, къ которой онъ плылъ, разсчитывая, какъ Колумбъ, отыскать свою Индію. Деревня, народъ, его невзгоды и въ голову ему не приходили. Случайно онъ познакомился съ кружкомъ братьевъ Бекетовыхъ, одинъ изъ которыхъ былъ впослѣдствіи извѣстный химикъ, другой — извѣстный ботаникъ. Этотъ кружокъ умной и задушевной молодежи имѣлъ чудотворное вліяніе на развитіе Григоровича. «До того времени, говоритъ онъ, какъ я сдѣлался постояннымъ членомъ кружка, мои мыслительныя способности облекались точно туманомъ... Читалъ я, правда, много, но читалъ безъ всякаго разбора, исключительно романы, повѣсти, жизнеописанія художниковъ. Я ни надъ чѣмъ не задумывался сколько-нибудь серьезно; общественные вопросы меня нисколько не интересовали. Впечатлительный и страстный, я очертя голову бросался въ жизнь, отдаваясь минутному увлеченію... Живое слово, отрезвляющее умъ отъ легко-

мыслія, я впервые услышалъ только здѣсь, въ кружкѣ Бекетовыхъ».

Чѣмъ-же выразилось вліяніе кружка на Григоровича? Можетъ быть, оно открыло дремавшее въ немъ призваніе, тяготѣніе къ народу? Нѣтъ. «Успѣхъ моего умственнаго развитія, говоритъ Д. В.,—выразился уже тѣмъ, что моему самолюбію было больно за мою отсталость противъ многихъ изъ бывшихъ товарищей; литературными моими попытками нечѣмъ было гордиться; я вполнѣ уже сознавалъ ихъ незначительность и незрѣлость»—дотого, что даже стыдился признать повѣсть «Сосѣдку» за свою. «Я чувствовалъ, что дальше такъ идти нельзя, что каждый, пожалуй, опередитъ меня и я останусь затерянным. Внутренній голосъ подсказывалъ мнѣ, что во мнѣ что-то есть, что я могу пойти впередъ, но для этого нужны другія условія, нужно прежде всего разстаться съ праздной жизнью и оставить Петербургъ».

Вотъ истинные мотивы, по признанію самого Григоровича, заставлявшіе его ѣхать къ себѣ въ деревню Тамъ онъ «хотѣлъ приняться за настоящую работу» и доказать, что «его порывы къ литературѣ не были мимолетными ка призами». Даже очутившись въ деревнѣ, среди народа, на который наталкивала его судьба, Григоровичъ не подозрѣваетъ въ себѣ народнаго писателя. Благословенная тишина родной усадьбы «нѣжила меня, говоритъ онъ, но не давала, однако-жь, подходящей темы для выдающейся повѣсти, которую во что-бы то ни стало я хотѣлъ сочинить. Напряженно бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ поляхъ и лѣсахъ, любовался картинами природы, напрасно цѣлыми ночами напрягалъ воображеніе, пріискивая интересный сюжетъ,—сюжетъ не вырисовывался, и если приходилъ, то непремѣнно напоминалъ *Хуторокъ* Кольцова или страданія маленькаго *Оливера Твиста* Диккенса—двухъ любимыхъ моихъ авторовъ въ то время, сочиненія которыхъ я привезъ съ собой».

Съ откровенностью, которая дѣлаетъ большую честь

прекрасному характеру Дмитрія Васильевича, онъ самъ признается, что «выручилъ» его «случай, этотъ хозяинъ, надъ которымъ нѣтъ власти». Какъ-бы утомившись непониманіемъ Григоровича, что̀ ему нужно и гдѣ искать этого нужнаго, судьба сама наконецъ послала ему «интересный сюжетъ», одну изъ трагическихъ исторій, которыми была тогда (да и теперь) переполнена крестьянская жизнь. «Къ матушкѣ, пишетъ Григоровичъ, привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію. Ее противъ воли выдали замужъ за грубаго молодого парня, котораго также приневолили взять ее въ жены, онъ возненавидѣлъ ее, началъ ее бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ и заколотилъ почти до смерти; баба была въ злѣйшей чахоткѣ и врядъ-ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чѣмъ жить; ее сокрушала только судьба дочки, двухлѣтней дѣвочки; «онъ и ее заколотитъ на смерть»,—говорила она. Разсказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Сюжетъ повѣсти былъ найденъ. Я тотчасъ-же принялся его обдумывать и приводить въ повѣствовательную форму».

III.

Вотъ до какой степени это была неожиданная случайность. Вѣдь еслибы въ тотъ достопамятный день къ матери Григоровича не привезли больной бабы, или еслибы за столомъ случайно подвернулась другая тема для разговора, не было-бы и «Деревни», и «Антона-Горемыки», не было-бы и того «умиленія и восторга», съ какимъ читались эти повѣсти тогдашнею чуткою молодежью, вродѣ Л. Н. Толстого; не было-бы и знаменитаго имени Григоровича, а можетъ быть, не было-бы и того Толстого, какимъ мы его знаемъ. Въ области столь тонкой и нѣжной, каковы впечатлѣнія юности, «умиленіе и восторгъ», вызванныя правдой жизни, имѣютъ могущественное, рѣшающее

значеніе. «Антонъ-Горемыка» *впервые* заставилъ плакать русскую привилегированную молодежь надъ судьбою народа, и вмѣстѣ съ Толстымъ плакали, быть можетъ, всѣ эти, нынѣ сошедшіе въ могилу, благородные дѣятели освобожденья, тогда еще бывшіе молодыми людьми. Чувствовала-ли бѣдная, заколоченная до чахотки бабъ, съ своею двухлѣтнею дѣвочкой, обреченною на заколачиваніе до смерти (въ ея-то два года!), чувствовала-ли она, привезенная къ господамъ, которые насильно отдали ее на жертву этимъ страданіямъ,—чувствовала-ли она, безсильно горюющая, разстающаяся съ жизнью, что она «выручаетъ» молодого, самолюбиваго писателя изъ тяжкаго затрудненія и даетъ ему «интересный сюжетъ»? Она не чувствовала, но и онъ едва-едва, черезъ силу лишь, да и то смутно почувствовалъ «интересность» этого сюжета. Конечно, это была не первая ужасная драма изъ крѣпостной жизни, которую онъ слышалъ и видѣлъ—вѣдь такими страданіями тогдашняя народная жизнь кишѣла. Только «страстное желаніе» отличиться, «написать выдающуюся повѣсть» помогло даровитому барчуку превозмочь отвращеніе къ народной жизни и взглянуть наконецъ на нее съ цѣлью что-нибудь увидѣть. Безъ сомнѣнія, и до Григоровича многіе десятки лѣтъ тысячи барчуковъ, воспитанныхъ и развитыхъ, пріѣзжали въ свои деревни, воочію видѣли Антона-Горемыку и даже сѣкали его, слышали и видѣли и даже сами устраивали исторіи, вродѣ разсказанной, и среди этихъ барчуковъ очень многіе были даровиты не менѣе Григоровича, но никому не приходило въ голову тронуться ужасами деревни и написать о нихъ сочувственное слово. И еслибы не необходимость Григоровичу во что-бы то ни стало отличиться,—быть можетъ, прошло-бы еще одно-другое десятилѣтіе, прежде чѣмъ судьба не натолкнула-бы на крѣпостные ужасы другого даровитаго писателя... Десятилѣтіе! Какъ много, господа, значитъ десятилѣтіе въ исторіи человѣка, въ исторіи общества! Какъ безконечно

важенъ одинъ подходящій случай, одинъ нужный по времени человѣкъ! Вѣдь за цѣлые вѣка до Григоровича деревня изнывала въ своихъ язвахъ, но напрасно она ждала съ тоскою своего пророка: «образованные» люди смотрѣли и не видѣли, слушали и не слышали. Изъ этихъ людей какое множество было «коренныхъ», родовитыхъ русскихъ, хвалившихся чуткимъ «пониманіемъ народнаго духа»—и никто, никто не понялъ самаго грубаго, самаго вопіющаго зла, томившаго этотъ духъ. Эта грустная честь выпала на долю полуфранцуза, незнавшаго Россіи, незнавшаго даже русскаго народнаго языка. Приступая къ «Деревнѣ», Д. В. Григоровичъ былъ, по его словамъ, знакомъ съ простонароднымъ языкомъ «только по рѣдкимъ книгамъ», которыя удавалось ему читать, и ему пришлось нарочно, какъ настоящему знатному иностранцу, «изучать этотъ языкъ практически, проводя часы на мельницѣ, разговаривая съ крестьянами» и пр. Первыя главы повѣсти «Деревня», говоритъ Григоровичъ, «стоили мнѣ неимовѣрнаго труда. Французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатилѣтняго возраста, все еще давалъ себя чувствовать». Французскій языкъ затруднялъ, но можетъ быть, французская кровь помогла нашему писателю тронуться и заинтересоваться деревней. Помогъ, вѣроятно, и Диккенсъ, какъ любимый авторъ Григоровича, и именно страданія-то маленькаго Оливера Твиста, перенесенныя за тысячи верстъ, въ душу симбирскаго барина, быть можетъ, помогли разглядѣть такія-же и даже горшія страданія деревенскихъ Акулекъ...

Но и разглядѣвъ страданія деревни и даже изображая ихъ, Григоровичъ не зналъ, къ чему это поведетъ, успѣхъ повѣсти онъ объяснялъ только новизною предмета да трогательностью списанныхъ съ натуры сценъ: что «натурой» явилась русская деревня, для самого Григоровича было простою случайностью. Ни изъ «Воспоминаній», ни изъ жизни этого писателя ничто не доказы-

ваетъ, чтобы онъ былъ сознательнымъ противникомъ крѣпостного права и сознательнымъ народолюбцемъ; значеніе «Деревни» и «Антона-Горемыки» всего менѣе ясно было самому автору ихъ, какъ и противокрѣпостническое значеніе «Мертвыхъ душъ»—Гоголю, который защищалъ крѣпостное право. Живой, безпечный по натурѣ, «молодой человѣкъ пріятной наружности», какъ характеризуетъ его Панаевъ, «петербургскій франтъ въ клѣтчатыхъ панталонахъ и лаковыхъ ботинкахъ», какимъ самъ себя рисуетъ Григоровичъ,—авторъ «Антона-Горемыки» просто возмущалъ своихъ знакомыхъ несвойственностью взятой имъ случайной роли мужицкаго писателя. Кружокъ Островскаго и лучшіе критики той эпохи (напр., Аполлонъ Григорьевъ) справедливо находили, что въ народныхъ романахъ Григоровича ничего нѣтъ народнаго, что даже послѣ «Деревни», «Антона-Горемыки», «Рыбаковъ» ихъ знаменитый авторъ все-таки не понимаетъ русскаго мужика. «Оставили-бы, право, писать о мужикахъ, говорилъ Григоровичу Писемскій:—гдѣ вамъ, джентльменамъ, заниматься этимъ? Предоставьте это намъ; это-же наше дѣло,—я самъ мужикъ!»

И Григоровичъ дѣйствительно оставилъ писать нетолько о мужикахъ, но и вообще: подвернулся случай поступить на службу—онъ и поступилъ, тотчасъ-же съ головой зарывшись въ устройство рисовальной школы и художественнаго музея. Писатель, прославленный какъ Колумбъ крѣпостныхъ ужасовъ, какъ первый боецъ съ ними—вдругъ оставляетъ и совершенно добровольно свое перо, замолкаетъ на десятки лѣтъ, и это въ разгаръ самаго кипучаго, самаго напряженнаго увлеченія народомъ, въ эпоху Некрасова, братьевъ Успенскихъ, Рѣшетникова, Якушкина, Левитова. И теперь, на склонѣ лѣтъ, если Д. В. и берется за перо, то беретъ городскія темы, ничего не имѣющія общаго съ деревенской жизнью.

Такимъ образомъ, все, что мы знаемъ о Григоровичѣ, убѣждаетъ въ томъ, что онъ совершенно нечаянно сдѣ-

лался народнымъ заступникомъ и охотно сбросилъ съ себя эту роль, какъ вовсе къ нему не подходящую. И тѣмъ не менѣе все-таки онъ сдѣлалъ большое дѣло и заслуживаетъ глубокой благодарности народа.

IV.

До крайности не схожъ былъ съ Григоровичемъ другой народный заступникъ, о которомъ я веду рѣчь—О. И. Каблицъ. Трудно вообразить себѣ и личный характеръ, и склонности, и судьбу болѣе противоположныя, чѣмъ у этихъ двухъ писателей-народниковъ. Въ то время какъ Григоровичъ двумя небольшими повѣстями пріобрѣлъ огромную извѣстность и даже знаменитость, такъ-что снисходительные критики иногда ставятъ его въ рядъ съ Тургеневымъ и Л. Толстымъ, называютъ «великимъ писателемъ, который геніальной кистью» и проч. и проч.—Каблицу не удалось составить себѣ выдающагося имени, рѣдко кто называлъ его талантливымъ, хотя поистинѣ это былъ человѣкъ замѣчательный. Въ противоположность Григоровичу, Каблицъ не былъ «тронутъ» какою нибудь случайною драмою изъ народной жизни, въ качествѣ «интереснаго сюжета»;—нѣтъ, онъ съ ранней юности былъ переполненъ трагедіей этой жизни, онъ носилъ ее въ своемъ сердцѣ, и она его преслѣдовала до послѣдняго вздоха. Къ сожалѣнію, онъ не оставилъ воспоминаній о своей крайне исключительной и бурной жизни. Какъ и Григоровичъ, Каблицъ не былъ русскимъ по крови. онъ былъ нѣмецъ, или полу-полякъ, полу-нѣмецъ,—но темпераментъ у него былъ несравненно болѣе пылкій и страстный, нежели у полу-француза Григоровича. Жизнь направляла Каблица, какъ и всѣхъ людей его круга, на путь обезпеченнаго покоя; и у него былъ моментъ въ юности, когда подъ нимъ «струя» чиновничьей карьеры была «свѣтлѣй лазури», и надъ нимъ игралъ «золотой лучъ» чиновъ, богатства, извѣстности,—

такъ-какъ способностей этого человѣка хватило-бы на всякую удачу; но онъ, мятежный, съ раннихъ лѣтъ отдался бурѣ, цѣлому вихрю бурь. Захваченный революціонными кружками, онъ принималъ въ нихъ пылкое участіе, «ходилъ въ народъ», пѣшкомъ, въ крестьянскомъ платьѣ исходилъ цѣлыя губерніи по глухимъ непроѣзднымъ дорогамъ, ночуя въ крестьянскихъ хатахъ и сѣнникахъ. Онъ проповѣдовалъ крайнія теоріи на студенческихъ сходкахъ, онъ былъ преслѣдуемъ и судимъ, скрывался, бѣдствовалъ, тысячи разъ рисковалъ жизнью, бѣгалъ въ Америку работать и изучать лучшую жизнь, разочаровывался, ѣздилъ въ Англію, тайкомъ возвращался, работалъ изъ-за куска хлѣба, корпѣлъ надъ книгами, ходилъ къ раскольникамъ,—и все искалъ правды... Да, *онъ искалъ* ее. Вся молодость его прошла въ этихъ неистовыхъ поискахъ, пока въ глубокихъ нѣдрахъ народныхъ онъ не нашелъ наконецъ утѣшенія. Блаженны алчущіе правды! Именно въ деревнѣ, едва поднятой и сейчасъ-же брошенной Григоровичемъ, на проселочныхъ дорогахъ Каблицъ нашолъ свою правду, свою любовь, свою вѣру, въ которую онъ вложилъ весь пламень души своей, весь гнѣвъ и умиленіе, на какіе былъ способенъ. Какъ-бы очарованный онъ вышелъ изъ народа; крайній революціонеръ преобразился въ отъявленнаго народника, и въ качествѣ такового вступилъ въ борьбу съ либеральными корифеями.

Я лично зналъ Юзова лишь въ послѣдніе, «легальные» его годы да и то не близко. Онъ присылалъ мнѣ свои книги; случайно встрѣтившись съ нимъ, трудно было не вступить съ нимъ въ горячій споръ, причемъ я невольно любовался его одушевленіемъ, искренностью и фанатизмомъ. «За народъ» онъ, что называется, лѣзъ на стѣну, бросался въ печати на друзей своихъ и не пощадилъ-бы отца родного. Ему было уже за сорокъ лѣтъ, и всѣ «вопросы» тысячу разъ, конечно, переворачивались въ головѣ его, но и въ тысяча-первый разъ онъ ухваты-

вался за нихъ съ юношеской пылкостью. Онъ готовъ былъ спорить хоть до второго пришествія, выдвигая арсеналъ своей дѣйствительно феноменальной начитанности. Онъ «проглотилъ», кажется, всѣ серьезныя книги въ русскомъ переводѣ и изъ каждой что-нибудь выловилъ въ защиту своей теоріи; въ своихъ печатныхъ трудахъ онъ каждую мысль свою обставляетъ цитатами изъ Спенсера, Льюиса, Рише, Рибо, Эспинаса, Ланге, Шопенгауэра, Милля, Дюринга, Маркса, Уоллеса, Блунчли, Тарда, Гартмана и пр. и пр., не избѣгая и мало извѣстныхъ и даже вовсе неизвѣстныхъ авторовъ: онъ цитируетъ даже журнальныя и газетныя статьи, совершенно какъ муравей, по былиночкѣ собирая гдѣ только встрѣтитъ матеріалъ для своего духовнаго жилища. И надо сказать правду, такой муравьиный пріемъ работы придавалъ книгамъ Юзова видъ муравьиной кучи: ихъ утомительно читать по безконечному множеству ссылокъ, цитатъ и примѣчаній, основная, крайне интересная мысль часто у него тонетъ въ интересныхъ-же попутныхъ мысляхъ и охватить въ цѣлости его теорію не легко.

Теорію «народничества», какъ обосновалъ ее Юзовъ, я въ цѣломъ не раздѣляю, но искренно совѣтую всякому познакомиться съ нею. Въ двухъ книгахъ Юзова («Основы народничества», ч. I. 2-е изд. 1888 г., и ч. II, 2-е изд. 1893 г.) пытливый умъ найдетъ громадный матеріалъ для собственной мысли и встрѣтитъ всевозможнѣйшія pro и contra въ необычайно-важной области отношеній образованнаго класса къ народу. Недаромъ Юзовъ ходилъ къ раскольникамъ (его книга «Русскіе диссиденты. Старовѣры и духовные христіане» считается однимъ изъ лучшихъ источниковъ по расколу и цитируется иностранными учеными): пройдя чрезъ эту коренную народную стихію, Юзовъ какъ-бы заразился ея и хорошими, и дурными свойствами ея бодростью и энергіей, и ея узкимъ, сектантскимъ фанатизмомъ.

«Народничество» Юзова явилось настоящимъ раско-

ломъ въ либеральной партіи, причемъ хула и клятвы на либераловъ сыпались имъ иногда за своего рода «двуперстіе». Даже тамъ, гдѣ либералы являлись несомнѣнными, искренними друзьями народа, Юзовъ возставалъ противъ нихъ только потому, что они—«интеллигенція» и какъ-бы уже въ силу этого представляютъ нѣчто не народное, не чистое, «мірское». Въ этомъ народничество явилось однимъ изъ видовъ реакціи противъ могучаго либеральнаго настроенія средины этого вѣка, и какъ всякая реакція, скоро дошло до отрицанія вмѣстѣ съ темными сторонами либерализма—и свѣтлыхъ его сторонъ. Народничество какъ теорія представляетъ какъ-бы отдыхъ послѣ страстныхъ порывовъ русской мысли найти ключъ къ разумѣнію русской жизни, къ ея обновленію и счастью. Эти страстные и по природѣ своей *добрые* порывы имѣли, такъ сказать, два предѣла: отрицаніе и идеализмъ, причемъ въ отрицаніи русскій человѣкъ дошолъ до нигилизма, а въ идеализмѣ—до фанатической вѣры въ знаніе, въ человѣческій разумъ и всѣ его логическія построенія. Но очень скоро и въ «отрицаніи», и въ «идеализмѣ» русская мягкая душа устала—и нашла себѣ отдыхъ въ «народничествѣ». Послѣ мрачныхъ и горькихъ мукъ пессимизма, въ бездны котораго завело отрицаніе, послѣ того какъ русское общество извѣрилось въ самой наукѣ, въ самомъ просвѣщеніи, въ самомъ народѣ и наконецъ въ самомъ себѣ, народники вдругъ провозгласили, что унывать нечего, что ничто не погибло, что все полно жизни и надежды. До того времени въ сознаніи общества народная жизнь представлялась глубоко-несчастной. Страшная бѣдность, вѣчный, тяжкій трудъ, тьма невѣжества, порабощенность — все это рисовало народную жизнь какъ юдоль печали и безпросвѣтныхъ сумерекъ. Ныло и болѣло сердце сострадательнаго либерала, благороднѣйшими муками оно томилось о народномъ горѣ, ища и не находя исхода, и вдругъ... вдругъ объявляется, что все это вздоръ, что народъ въ сущности довольно счастливъ

и былъ-бы, можетъ быть, совсѣмъ счастливъ, еслибъ не «заскорузлый и немощный либерализмъ».

Таково было главное открытіе народничества, породившее глубокій раздоръ въ либеральномъ лагерѣ. Мысль крайне старая въ устахъ консерваторовъ, когда она была высказана либералами-же и даже радикалами либерализма—показалась страшно новой, дерзкой, безумной. Какъ ни необузданъ былъ нигилизмъ 60-хъ годовъ, но все-же онъ не осмѣливался отрицать основную посылку либерализма—народное страданіе. Въ народничествѣ нигилизмъ сдѣлалъ какъ бы свое послѣднее напряженіе и отвергъ это страданіе. Народники провозгласили, что ни бѣдность, ни невѣжество, ни тяжелый трудъ, ни несовершенство общественныхъ формъ еще не исключаютъ счастія, и что народъ въ сущности живетъ такъ, какъ ему нравится и какъ только можетъ жить. Всѣ идеалы и мечтанія о совершенномъ строѣ жизни объявлены были «бреднями соціальныхъ дѣлъ мастеровъ», которыя народники, по словамъ Юзова, встрѣчали «насмѣшливымъ хохотомъ». Объявлено было, что факторомъ прогресса служитъ вовсе не умъ, не знаніе, а чувства и страсти, что «народъ обладаетъ извѣстнымъ строемъ чувствъ и страстей, который и опредѣляетъ возможную для народа общественную форму». Совершенно въ унисонъ съ консерваторами, народники заговорили, что «дѣло совсѣмъ не въ томъ, справедливѣйшая-ли это форма общественной жизни, а годна-ли она для современнаго общества или нѣтъ», причемъ доказывалось, что всѣ желаемыя либералами формы негодны, иначе онѣ уже были-бы осуществлены. Отрицая само отрицаніе, народники неизбѣжно должны были отвергнуть и противоположный его предѣлъ—идеализмъ, т. е. всѣ идеальныя формы общественности. Въ этомъ отношеніи народничество явилось развитіемъ извѣстной формулы, приписываемой не совсѣмъ вѣрно Гегелю: «что дѣйствительно, то разумно». Признавъ дѣйствительность, народники возвели ее чуть не въ идеалъ. И [illegible]

«чуть не въ идеалъ». они, пожалуй, провозгласили-бы существующее идеаломъ, но тогда не о чемъ было-бы спорить, и народничество, въ числѣ другихъ теорій, оказалось-бы ненужнымъ. Какъ-бы въ сознаніи этой опасности, народники (не замѣчая своей непослѣдовательности) признали, что существующее несовсѣмъ ладно, но оно неладно потому, что народной жизни мѣшаетъ интеллигенція, бюрократія и вообще привилегированные классы, подчинившіе себѣ народъ безъ всякаго права. Нужно поэтому стараться о томъ, чтобы дать національной жизни народный характеръ, положить въ основы этой жизни «коллективныя желанія русскаго народа въ томъ видѣ, въ какомъ они уже успѣли формулироваться помимо всякаго вліянія интеллигенціи». «Намъ нечего мудрствовать лукаво, говорятъ народники,—возьмемъ то, что предлагаетъ намъ жизнь. Не забывайте, что только идя рука-объ-руку съ народомъ, мы сильны,—внѣ его мы нуль, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ объ осуществленіи его благосостоянія. И такъ, да будутъ нашимъ знаменемъ коллективныя желанія русскаго народа!»

Эта красивая, мечтательная формула, заимствованная можетъ быть у Достоевскаго, крайне растяжима, и въ нее народники вкладываютъ самое разнообразное содержаніе. Отрицая насильственное вмѣшательство интеллигенціи въ народную жизнь, Юзовъ допускаетъ независимое существованіе образованнаго слоя, какъ и другихъ группъ—промышленныхъ и торговыхъ и т. п. Предостерегая отъ національнаго хищничества, Юзовъ, однако, отстаиваетъ національность и протекціонизмъ; сочувствуя этнографической независимости (въ отношеніи, напримѣръ, малороссовъ, сибиряковъ и т. п.), Юзовъ защищаетъ стѣсненіе евреевъ, черту осѣдлости и пр. и пр. Какъ въ древне-римскомъ храмѣ каждый язычникъ могъ найти своего бога, такъ и въ системѣ Юзова: и консерваторы, и радикалы, и славянофилы, и западники,—представители всѣхъ доктринъ встрѣчаютъ свои реликвіи,

прихотливо перемѣшанныя съ совершенно чуждыми и враждебными.

Откинувъ, однако, крупныя противорѣчія, каждый найдетъ въ народничествѣ много цѣнныхъ и важныхъ истинъ, и сверхъ того, несчетное число мыслей хотя и спорныхъ, но блестящихъ, позаимствованныхъ изъ лучшихъ источниковъ. Перелистываешь объемистыя книги Юзова и чувствуешь, что онъ поработалъ-таки на своемъ недолгомъ вѣку, и умомъ, и сердцемъ поработалъ, — и кое-что оставилъ. Для меня лично всего дороже въ этой лихорадочной и пестрой работѣ сквозящая изъ каждой строки нравственная ея цѣль. Это—*заступничество* за народъ, за униженное и оскорбленное человѣчество, отъ котораго мы, такъ-называемые образованные классы, отдѣлены точно какими-то злыми чарами. Никто горячѣе Юзова не волновался этимъ отчужденіемъ и никто самоотверженнѣе его не рѣшалъ этого проклятаго вопроса. Огромное большинство либераловъ, и мирнаго, и революціоннаго лагерей, врагомъ народа считаютъ извѣстный строй общества; на Западѣ враждебными народу считались аристократія, духовенство, монархія, капитализмъ и т. п. Народники въ лицѣ Юзова провозгласили, что настоящій врагъ народа—сами образованные классы, сама либеральная буржуазія и интеллигентная бюрократія, стремящаяся подчинить себѣ темное населеніе и эксплоатировать его трудъ въ свою пользу. Страницы, посвященныя въ «Основахъ» Юзова посягательствамъ просвѣщенныхъ классовъ на убогое добро народное, заслуживаютъ величайшаго вниманія. Самъ человѣкъ просвѣщенный и даже ученый, Юзовъ со свойственною ему пылкостью принесъ какъ-бы всенародное покаяніе за грѣхи своего сословія, исповѣдовалъ и явныя, и тайныя его вожделѣнія, направленныя къ обездоленію «меньшаго брата». Юзовъ клеймитъ и позоритъ эти вожделѣнія, обличаетъ ихъ безпощадно—какими-бы либеральными или благонамѣренными фразами они ни прикрывались. Народни-

чество такимъ образомъ представляетъ собою какъ-бы воззваніе къ совѣсти образованныхъ людей, къ законамъ вѣчнаго человѣческаго братства и вытекающаго изъ братства равенства и свободы.

V.

По своей мягкой, безпечной природѣ, Д. В. Григоровичъ всего менѣе былъ предназначенъ къ подвигу—и однако, онъ совершилъ его; наоборотъ: страстный, фанатическій темпераментъ Юзова, какъ-бы созданный для великаго дѣла, свершилъ немногое. Эта игра судьбы повторяется часто. Секретъ ея въ томъ, что Григоровичъ пришолъ «въ свое время» и дѣйствовалъ на сердце человѣка. Юзовъ-же явился или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно и обращался къ холодному разсудку. У него не было въ распоряженіи хватающихъ за сердце звуковъ и яркихъ красокъ, не было волшебства искусства, которымъ всетаки владѣлъ Григоровичъ. Проповѣдуя «на основаніи» Спенсера, Канта, Шарко, Вундта, Бэна, Дарвина, Сэлли, Гексли, Маудсли, Бокля, Гальтона, Лекки, Топинара и пр. пр., доказывая «по словамъ» нѣсколькихъ дюжинъ авторитетовъ простую мысль, что не умъ, а чувство есть движущее начало прогресса,—самъ Юзовъ владѣлъ только умомъ и лишенъ былъ дара волновать чувство читателей. Онъ не вызвалъ значительнаго теченія общественной мысли—по крайней мѣрѣ, въ настоящее, еще первое десятилѣтіе его ученія. Но я убѣжденъ, что мысли его не пропали безслѣдно, что онѣ, какъ добрыя сѣмена, пролежавъ въ подходящей почвѣ, непремѣнно взойдутъ сторицей, хотя-бы имя пахаря и было позабыто. Но зачѣмъ-же его забывать? Я думаю, что это благородное имя забывать не слѣдуетъ, что грѣхъ было-бы забыть народу одного изъ раннихъ и искреннѣйшихъ своихъ заступниковъ.

Тутъ кстати вспомнить, что въ русской литературѣ народные заступники не переводились, начиная съ Пуш-

кина, вѣщій умъ котораго первый открылъ высокую прелесть души народной Пушкинъ первый (или первый изъ могучихъ талантовъ) былъ очарованъ народнымъ языкомъ, преданіями, поэзіей и самыми типами народными, онъ первый полюбилъ и заставилъ полюбить ихъ офранцуженное русское общество. Пусть, вмѣстѣ съ Гоголемъ, онъ держался за крѣпостное право, но оба писателя искупили эту ошибку сторицей они привлекли къ народу вниманіе и уваженіе лучшихъ людей своего времени, раскрыли имъ глаза на прекрасный міръ деревни, правда, оба беря больше сказочную стихію, нежели дѣйствительность. Но это былъ періодъ, такъ сказать, *безсознательнаго* народозаступничества, хотя, быть можетъ, и самаго существеннаго Не безъ связи съ нимъ явилось замѣчательное движеніе славянофильства. Писатели пушкинской школы—Григоровичъ, Тургеневъ, Левъ Толстой (въ «Утрѣ помѣщика» и военныхъ разсказахъ), Достоевскій (въ «Запискахъ изъ Мертваго дома») выступили уже сознательными друзьями народа, и это прекрасное литературное теченіе приняло даже бурный, хотя и болѣе мутный видъ въ 60-ые и 70-ые годы, въ разгаръ такъ-называемой «народнической беллетристики». Вспомните эпоху Рѣшетникова, Слѣпцова, Успенскаго, Некрасова, Левитова, Златовратскаго и т. п. Еще до сихъ поръ живы нѣкоторые представители этой эпохи, хотя видимо она уже отошла. Въ послѣдующее время сочувствіе къ народу въ литературѣ замираетъ, хотя все еще способно привлекать къ себѣ выдающіеся таланты, напримѣръ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено начало и простонародной литературѣ, для которой работаютъ—правда, довольно вяло—лучшіе беллетристы съ Л. Н. Толстымъ и Н. С. Лѣсковымъ во главѣ. Малая, бѣдная это лепта въ пользу народа, а все-же она выражаетъ собою сочувствіе литературы къ народу, попытку заступиться за него и помочь ему. Несомнѣнно, что нынѣшнее охлажденіе къ народнымъ нуждамъ про-

длится не долго. Пройдетъ эта временная и для самого общества тягостная дремота — и оно снова увидитъ передъ собою все тотъ-же народъ, по-прежнему заслуживающій самаго горячаго состраданія. Въ литературѣ снова выступятъ народные заступники, и можетъ быть, мы снова переживемъ тѣ «умиленіе и восторгъ», которые удалось вызвать Григоровичу и Тургеневу полъ-вѣка тому назадъ.

Но скажутъ: къ чему теперь эти «умиленіе и восторгъ»? Теперь вѣдь нѣтъ крѣпостного права, и тѣ ужасы, какіе вывели на свѣтъ названные авторы, теперь уже немыслимы. Это такъ,—однако, возможны и другія бѣды не легче крѣпостническихъ.—Невозможны! воскликнетъ читатель.—Но я позволю себѣ замѣтить, что и ужасы крѣпостничества казались невѣроятными, пока не были освѣщены литературой, или по крайней мѣрѣ они не привлекали ничьего вниманія. Не дѣло литературы, конечно, непосредственно бороться съ этими бѣдами, но на ней лежитъ великая обязанность—указанія, «печалованія» за обиженныхъ, говоря прекраснымъ древнимъ выраженіемъ. Я думаю, что это печалованіе есть величайшая и даже, смѣю сказать, государственная обязанность писателя. Разъ онъ одаренъ исключительнымъ умомъ и совѣстью, онъ долженъ первый увидѣть горе народное и *сказать* о немъ,—сказать безъ злобы, но вслухъ,—именно такъ, какъ говорили Григоровичъ и Тургеневъ. Литература должна свидѣтельствовать о неправдѣ, своимъ свѣтомъ, ниспосланнымъ свыше, она обязана освѣщать мрачныя картины дѣйствительности и въявь показывать забытые идеалы ея. Смягчая сердце жестокихъ, ободряя волю слабыхъ, литература собираетъ разсѣянную душу общества во-едино и является, можетъ быть, самымъ могучимъ соціальнымъ факторомъ, какъ громко говорящая общественная совѣсть.

VI.

Народозаступничество необходимо нетолько для народа, но не въ меньшей мѣрѣ и для самыхъ правящихъ классовъ. Что для народа оно необходимо всегда, во всѣ времена, при всякихъ формахъ общественной жизни, это не требуетъ доказательствъ. Вѣдь во всѣ времена, съ чисто стихійною неуклонностью, самые сильные элементы въ народѣ стремятся притѣснить слабыхъ: феодалы желѣза смѣняются не менѣе суровыми феодалами золота, аристократія крови—аристократіей богатства, хитрости, знанія, таланта (знаніе и талантъ еще не есть совѣсть). До какой степени даже въ самыхъ либеральныхъ странахъ народъ нуждается въ любовномъ вниманіи къ нему высшихъ классовъ,—показываетъ удивительное современное движеніе въ Англіи, еще только начавшееся (университетскія поселенія, общества сальвешіонистовъ и проч.). Это высокое, истинно христіанское движеніе, при которомъ богатые и знатные люди нетолько отдаютъ свое состояніе нищимъ, но отдаютъ имъ и самихъ себя, идутъ къ нимъ лично, поселяются въ ихъ притонахъ и вертепахъ и дѣлятся своею душою, своею совѣстью, знаніями, надеждами, любовью. И все это въ такихъ размѣрахъ, что невольно начинаешь вѣрить парадоксальной фразѣ Дюма о приближающемся «бѣшенствѣ любви», когда общество будетъ охвачено нетолько теплотою, но пламенемъ сочувствія къ несчастнымъ. Это замѣчательное движеніе совершается въ самой благоустроенной и свободной странѣ, и даже тамъ оно оказывается не лишнимъ,—нѣтъ, далеко нѣтъ! Отчеты генерала Бутса раскрыли въ нѣдрахъ мірового города, въ центрѣ цивилизаціи, такіе ужасы, передъ которыми блѣднѣютъ, пожалуй, страданія Антона-Горемыки. Но если ужъ въ Англіи возможно такое униженіе человѣчества, то въ болѣе отсталыхъ странахъ

и подавно. Прочтите прекрасную книгу В. Г. Короленко «Голодный годъ», только что вышедшую: прочтите и почувствуйте, какъ близко отъ насъ невыразимое народное страданіе и какъ жаждетъ оно участія «старшихъ братьевъ». Передъ вами развернутся снѣжныя пустыни, глухія, занесенныя вьюгой деревни среди лѣсовъ, и въ деревняхъ вы услышите... тишину. Мертвая тишина! Не слышно лая на улицахъ, ни мычанія въ хлѣвахъ. смерть уже дохнула здѣсь. И въ избахъ тишина; въ этихъ промерзшихъ насквозь, темныхъ хатахъ, гдѣ ни истопить, ни освѣтиться нечѣмъ, слышатся еще стоны или вздохи. Угрюмое молчаніе, или бредъ лѣзущаго на стѣну «голоднаго тифика», уже потерявшаго разумъ, но все еще и въ сумасшествіи мечтающаго о коркѣ хлѣба. На улицахъ вьюга и тишина, за околицей—вой вѣтра на необозримой пустынѣ, дороги заметены, да и кому ѣхать по нимъ?... Въ этой могильной тишинѣ, можетъ быть, поднимаются гдѣ-нибудь во мракѣ избъ, исхудавшія какъ плети руки съ нѣмымъ призывомъ о помощи, но имъ отвѣчаетъ тоже нѣмое молчаніе. И вдругъ... звонъ колокольчика въ этой тишинѣ! И вдругъ помощь, хлѣбъ! Вы вообразите радость этихъ погасающихъ жизней, ихъ «умиленіе и восторгъ», ихъ «трепетъ»...

Нѣтъ, господа, время народозаступничества еще не прошло. Еще нуждаются бѣдные въ любви богатыхъ. Но позвольте мнѣ доказать и обратное: что и богатые не менѣе нуждаются въ любви бѣдныхъ и что народные заступники въ литературѣ оказываютъ и богатымъ неоцѣнимую услугу. Вѣдь что собственно дѣлаютъ народные заступники? Заражая сердце образованнаго человѣка состраданіемъ къ народу, они открываютъ для скучающаго интеллигента цѣлый міръ, даютъ одушевленное содержаніе его праздной жизни. Вспомните наши скучающія богатыя усадьбы, гдѣ хозяева почему-либо вынуждены жить по-долгу. Заѣдешь къ нимъ и диву даешься:

милые, радушные хозяева, оба молодые, образованные, съ кучею прелестныхъ, какъ херувимы, дѣтишекъ. Кажется, просто рай земной: кругомъ лѣса, поля, долины, горы, воды... Однако, и хозяева, и гости умираютъ отъ скуки. Пусть къ ихъ услугамъ библіотека, рояль, биллiардъ, экипажи, гимнастика,—все это скоро надоѣдаетъ. Встаютъ поздно, сходятся къ обильному столу и развлекаются пикировкой, маленькими столкновеніями, послѣ которыхъ разбредаются кто куда, никто и нигдѣ не находя мѣста. Отъ скуки устраиваются фантастическія игры, деревянныя горы въ залѣ, танцы, заводятся романы и связи, тоскливыя, капризныя,—винтятъ, ѣздятъ на охоту, поютъ, танцуютъ. .—Сибирь, настоящая Сибирь! уныло признается молодой хозяинъ, не имѣющій возможности выѣхать изъ имѣнія.—Поѣдемте, господа, въ городъ, умоляетъ хозяйка—хоть на три денька!

Такъ все общество изъ нѣсколькихъ образованныхъ и либеральныхъ мужчинъ и дамъ скучаетъ и вянетъ. Изъ оконъ усадьбы въ обѣ стороны по оврагу лѣпится среди зелени огромное село, вечеромъ тамъ мелькаютъ огни, слышатся пѣсни. Тамъ чувствуется жизнь, но между этой жизнью и тоскою усадьбы лежитъ какъ - будто бездна. Жители этого огромнаго людского муравейника чужды обитателямъ усадьбы какъ жители Марса. Да что я! Жителями Марса несравненно больше интересуются, благодаря недавнимъ открытіямъ Скіапарелли. Сумрачно глядитъ посреди своего вѣкового парка барскій дворецъ, загородившійся рѣшотками, и холодно глядитъ на него деревня. Совершенно необитаемый островъ среди океана, и на немъ кучка выброшенныхъ интеллигентовъ. Либеральные хозяева, чувствуя иногда, что что-то нужно сдѣлать, устраиваютъ школу, лазаретъ, нанимаютъ доктора—и удивляются, что народъ остается попрежнему къ нимъ холоденъ. Народъ чуждается, дѣйствительно, «баръ», видя ихъ лишь мелькомъ, въ коляскѣ во время прогулокъ или

издалека, изъ-за рѣшотки парковъ. Пойти-же въ деревню или впустить ее въ палаццо,—на это не хватаетъ у баръ ни мужества, ни желанія. — Скучно! Тоска! вздыхаютъ хозяева и гости, и очень скоро, какъ только явится возможность хозяевамъ уѣхать, рай пустѣетъ. Не свѣтлый ангелъ гонитъ оттуда общество, и не за познаніе добра и зла, а гонитъ его мрачный духъ отчужденія отъ народа, духъ презрѣнія къ нему—несмотря на весь либерализмъ, и гонитъ за незнаніе, что такое добро и зло. Надо замѣтить, что выѣзжая на прогулку, «баре» видятъ ежедневно примѣры крайней нищеты, самаго жалкаго невѣжества и вопіющихъ притѣсненій, видятъ изнуренныхъ бабъ и коростовыхъ, изъѣденныхъ вшами ребятишекъ, и при всемъ этомъ видятъ иногда хорошее настроеніе духа, бодрость, иногда даже веселье, которое, кажется, волною хлынуло-бы, еслибы не насѣвшія на мужика невзгоды. Скучающіе господа это видятъ и знаютъ, но это ничуть ихъ не трогаетъ, и они не могутъ придумать — куда-бы поѣхать, чѣмъ-бы заняться. Въ худшихъ случаяхъ, при богатствѣ и бездѣльѣ, начинается то безобразное прожиганье жизни, которымъ славились старинныя усадьбы.

Вотъ тутъ-то и недостаетъ сильнаго народозаступника, не достаетъ волшебнаго его слова, которое раскрыло-бы скучающимъ сердца и очи. Онъ указалъ-бы, что эти безчисленныя хаты полны жизнью, къ себѣ зовущей, что эта жизнь осмысленна и интересна, что всякое искреннее слово здѣсь встрѣтитъ радость и возвратится радостью. Заточеніе въ стѣнахъ усадьбъ могло-бы смѣниться шумной одушевленной дѣятельностью — во благо богатымъ столько-же, сколько и бѣднымъ.

VII.

Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, мнѣ кажется, очень серьезнымъ. Именно этимъ *нравственнымъ* отчуж-

деніемъ образованнаго сословія отъ народа объясняется абсентеизмъ, подорвавшій дворянство и разорившій его въ послѣднее столѣтіе. Пока дворянство наше было совершенно невѣжественно—до временъ Екатерины II, оно, какъ свидѣтельствуетъ Болотовъ, упорно жило въ усадьбахъ, хозяйничало само, жило крайне умѣренно и, не отличаясь много отъ народа, было къ нему сравнительно милостиво,—не до такой степени презирало его, а находило интересъ въ общенародныхъ обычаяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ. Жить въ деревнѣ было не скучно; напротивъ, заѣзжая въ городъ надолго, помѣщикъ чувствовалъ свое одиночество и торопился въ деревню Съ тѣхъ поръ лишь, какъ дворяне начали получать образованіе (преимущественно французское) въ пансіонахъ и университетахъ, а народъ продолжалъ оставаться безъ всякаго образованія—началось сословное распаденіе; появились какъ-бы уже двѣ породы людей, какъ-бы съ двухъ планетъ, двѣ касты, утратившія родственное чувство и даже взаимное пониманіе. Мужикъ пересталъ понимать энглизированнаго или офранцуженнаго барина и тотъ пересталъ понимать мужика. Прежнія органическія отношенія смѣнились механическими, выжиманіемъ всѣхъ соковъ изъ деревни и увозомъ этихъ соковъ въ города или заграницу. Выросло «средостѣніе» между дворянствомъ и народомъ въ лицѣ печальной памяти бурмистровъ и нѣмцевъ-управляющихъ, и какъ справедливо утверждаетъ князь Васильчиковъ, самое мрачное время рабства было именно въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ вѣкъ свободы и цивилизаціи. Дѣло дошло до того, что образованное общество совершенно разучилось понимать народъ и сочувствовать ему; въ рядѣ поколѣній накопилось вмѣсто христіанской любви—высокомѣріе неслыханное и презрѣніе къ огромному большинству націи, какъ къ «подлой породѣ». Это презрѣніе страшно уединяло образованныхъ людей, *одиночило* ихъ: заброшенный въ деревнѣ какой-нибудь Евгеній Онѣгинъ начиналъ адски скучать,

развлекаться дурачествами и злодѣйствами и въ концѣ-концовъ бѣжалъ изъ родного гнѣзда какъ изъ тюрьмы. Безъ людей природа пустыня, а людей не было· мужиковъ помѣщикъ отвыкъ считать за сколько-нибудь возможное для себя общество. Немудрено, что еще задолго до паденія крѣпостного права началась эмиграція дворянъ изъ деревни, выѣзды ихъ чуть не поголовно въ города и заграницу, та бродячая жизнь, которая не дала сложиться русскому обществу во что-нибудь прочное и сильное. Осиротѣвшее хозяйство неизбѣжно должно было упасть, удаленные отъ источниковъ дохода, ничего не возвращая имъ, а лишь истощая, помѣщики послѣдней эпохи потеряли мѣру привычекъ и неизбѣжно начали оскудѣвать. Разъединившись съ народомъ, презрѣвъ его, наше общество нашло себѣ искусственную родину заграницей или въ русскихъ отдѣленіяхъ «заграницы»—городахъ. Немудрено, что и народъ, оторванный отъ когда-то спаяннаго съ нимъ высшаго класса, замкнулся въ себѣ и охладѣлъ, взамѣнъ измѣнившей ему и отвергшей его интеллигенціи, онъ пытался создать себѣ другую—въ лицѣ раскола и кое-какъ жилъ въ надеждѣ освобожденія. Онъ могъ жить въ деревнѣ, потому что онъ стихія, — но и ему было тяжело отъ этого разъединенія какъ туловищу, разобщенному съ мозгомъ. И до сихъ поръ чувствуетъ онъ эту бѣду: вѣдь за удаленіемъ дворянства изъ деревень стали оттуда удаляться и всѣ тѣ, которые стремились въ дворянство — всѣ талантливые и сильные элементы. Изъ деревни въ городъ (и далѣе—заграницу) установился двойной центробѣжный токъ токъ богатства и токъ дарованія. Все шло изъ деревни и ничто въ деревню; кромѣ отбросовъ города, ничто не возвращалось,— оттого и захирѣла деревня. Совершенно во̀-время, и скорѣе поздно, нежели рано явилась реакція противъ этого губительнаго явленія, угрожавшаго самой жизни націи. Первою вѣстницею переворота была литература въ лицѣ ея великихъ народолюбцевъ. Правда, что лите-

ратура получила за это великій даръ: чудный языкъ народный, самое завѣтное достояніе его. За одинъ этотъ безцѣнный даръ писатели обязаны навѣки быть голосомъ народа — и въ лицѣ Пушкина и Гоголя этотъ голосъ впервые заговорилъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ сказалъ то, что было всѣмъ нужно, и образованнымъ классамъ не менѣе, нежели народу: онъ сказалъ о томъ, что довольно ненависти, довольно рабства, что всѣ мы—братья и всѣ должны быть свободны. Никогда во всей нашей исторіи высшіе классы не переживали такой высокой радости, какъ въ памятную эпоху раскрѣпощенья. Какъ-будто интеллигенція, послѣ долгой разлуки съ родиной, вновь обрѣла ее, нашла свою кровную семью, дорогую со всѣми ея недостатками. Впервые почувствовался народъ какъ собственная нація, почувствовалось, что стоитъ жить для него и работать. И съ какимъ-же лихорадочнымъ одушевленіемъ работали дѣятели реформы, съ какимъ счастьемъ! Или вспомните тѣхъ благородныхъ мечтателей, что устремились тогда въ мировые посредники, въ учителя, земскіе дѣятели, судьи, врачи. Свѣжо и сладко тогда дышалось, все, что было лучшаго въ Россіи—пошло навстрѣчу народу съ клятвой послужить ему, помочь, просвѣтить. На одинъ моментъ, какъ нѣкогда въ старину, снова въ деревнѣ стало пріятно жить и неодиноко. Рядъ выдающихся дѣятелей, вродѣ Л. Н. Толстого, А. Энгельгарда, С. А. Рачинскаго, поселившись «въ океанѣ невѣжества», окончательно слились съ нимъ, найдя необъятное поле работы самой плодотворной Съ тѣхъ поръ этотъ прекрасный порывъ русскаго общества затихъ, но стремленіе сойтись съ народомъ не прекратилось. Изъ города въ деревню идетъ одна волна образованныхъ людей за другой въ роли земскихъ дѣятелей, учителей, врачей, сестеръ милосердія. И я убѣжденъ, что «народозаступничество» во всѣхъ его видахъ будетъ расти, и «безмолвствующій» теперь народъ горячо помянетъ когда-нибудь имена своихъ печальниковъ.

На порогѣ храма.

Куда идти? Какой дорогой?
Гдѣ думъ мучительныхъ исходъ?
И какъ сведу я съ жизнью строгой
Мной неоконченный разчетъ?

Дрожжинъ

I.

Подъ конецъ лѣта въ «университетскіе» города приливаетъ волна новой молодежи. Кто откуда: изъ губернскихъ и уѣздныхъ захолустій, мѣстечекъ, селъ и деревень, послѣ лѣта, проведеннаго съ природой, въ радостномъ сознаніи, что прошла учебная страда, кончено рабство подневольнаго дѣтскаго труда! Точно послѣ каменнаго вѣка начинается «героическій періодъ» въ жизни юноши: все какъ-бы выростаетъ вокругъ. Не «школа», а уже «храмъ науки», не преподаватели, а профессора—творцы науки, и сама молодежь—не «воспитанники», а *студенты*. Хорошее, изстари благородное слово. И впереди еще вся молодость, вся свѣжесть..

Міръ предо мною широко открытъ,
Солнце надежды надъ далью горитъ..

Какое счастье, въ самомъ дѣлѣ, имѣть возможность юные годы провести въ стѣнахъ университета, въ атмосферѣ мысли! И вотъ, отборъ молодыхъ счастливцевъ, опьяненный радостью жизни, стучится въ двери «храма

наукъ». Моментъ торжественный! Надо быть ужъ очень черствою, прозаическою душою, чтобы переступая въ первый разъ порогъ высшей школы не испытать трепета сердечнаго,—и жрецамъ храма—профессорамъ—надо быть просто инквизиторами, чтобы не взглянуть съ умиленіемъ и тревожнымъ вздохомъ на эту молодую, хорошую толпу. Съ тревожнымъ вздохомъ—потому-что «много званыхъ, но мало избранныхъ» Доброму старому профессору хочется встрѣтить молодежь привѣтомъ, заглянуть въ эти ясные глаза и улыбнуться радости, которая въ нихъ сіяетъ. Профессоръ, глядя на честнаго юношу, невольно вспоминаетъ свою былую свѣжесть, и сердце у него бьется тѣми-же сладкими вдохновеніями, какъ когда-то. И онъ, какъ этотъ честный юноша, вступалъ нѣкогда въ высшую школу съ религіознымъ чувствомъ, съ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ знанію. На профессоровъ онъ — какъ и этотъ юноша—глядѣлъ съ благоговѣньемъ, какъ на первосвященниковъ науки,—и эти сѣрыя, старыя стѣны университета, старомодныя окна, тусклыя залы—все это казалось священнымъ и дорогимъ, душа волновалась молитвенно. «Знанія—ступени, по которымъ душа восходитъ къ Богу», говоритъ одинъ изъ великихъ отцовъ церкви. «Законы природы суть мысли Бога», говоритъ одинъ изъ отцовъ науки. Честный юноша, можетъ быть, еще не сознаетъ всей глубины и безконечности знанія, но какъ океанъ безбрежный, какъ бездонный куполъ небесный, темное для него величіе знанія влечетъ его къ себѣ неудержимо. Даже невѣрующаго охватываетъ смутный трепетъ: вотъ взовьется таинственная завѣса и откроется какая-то вѣчная сила, разгадка всѣхъ томленій духа. Сильное, строгое, полное поэзіи настроеніе... Такія минуты не повторяются, и именно въ такія минуты хорошо старому честному профессору подойти къ честному юношѣ и пожать ему руку.

Прекрасенъ союзъ мудрости съ невиннымъ еще влеченіемъ къ ней. Профессоръ—другъ студента, старшій

братъ или добрый дядя—вотъ милый, рѣдко встрѣчающійся типъ ученыхъ. Встрѣтить въ молодости такого друга—это счастье, можетъ быть болѣе великое, чѣмъ встрѣтить любящую женскую душу. Какимъ восторженнымъ уваженіемъ платитъ юность старости, если та благородна! Вспомните великія школы Пифагора, Сократа, Платона, Эпикура — эти безкорыстные дружескіе союзы, гдѣ молодежь цвѣла, такъ сказать, въ солнечныхъ лучахъ генія, впивая рѣчи его и вдохновляясь ими на всю жизнь..

Встрѣтить такого учителя-друга на порогѣ школы— удача неслыханно рѣдкая. Гораздо чаще встрѣчаются тупые педанты, холодные чиновники науки, напускающіе на себя каменное величіе — какъ-будто пропасть между ними и жалкимъ родомъ студенческимъ на вѣки непроходима. Они встрѣчаютъ молодежь какъ начальство, и въ самомъ дѣлѣ — это фельдфебели отъ науки, если не генералы. Дружба съ ними, конечно, невозможна, и не отъ нихъ услышитъ юноша привѣтъ на порогѣ храма. Есть профессора, которые усиленно ищутъ дружбы со студентами, даже заискиваютъ въ нихъ, льстя «молодому поколѣнію»: они пропускаютъ лекціи, ставятъ всѣмъ на экзаменахъ прекрасные баллы и униженно раскланиваются на рукоплесканья. Этотъ типъ отвратителенъ—онъ вреднѣе даже каменныхъ идоловъ, застывшихъ въ своемъ величіи. Угодники и льстецы молодежи — чаще всего бездарные и невѣжественные ученые, добившіеся профессуры на послугахъ у старшихъ коллегъ, у деканова и ректора. Но есть, къ сожалѣнію, и честныя бездарности, искренне-добрыя, желающія честно помочь молодежи — но рѣшительно не умѣющіе этого сдѣлать. Такой профессоръ подойдетъ къ студенту съ открытыми объятіями, со слезинками на глазахъ и готовъ всю свою душу излить предъ нимъ, но какъ только начнетъ изливать — выходитъ нѣчто очень скучное. Совсѣмъ блѣдныя, тусклыя, обыкновенныя мысли,

да и спутаны онѣ въ клубокъ какой-то, развертывающійся вяло, монотонно, безъ конца. Пылкій юноша, слушая профессора, начинаетъ зѣвать и съ трудомъ одолѣваетъ дремоту. Таковы «жрецы храма» — между ними живыя души встрѣчаются не чаще, чѣмъ въ жизни.

II.

Что можно сказать учащейся молодежи «на порогѣ храма»? Прежде всего, я сказалъ-бы ей: — Господа! Цѣните счастье посланное вамъ судьбой, — счастье отдать годы юности образованію. Поглядите, сколько милліоновъ такихъ-же юношей, какъ вы, съ тѣми-же или еще болѣе свѣжими талантами, остаются внѣ всякаго свѣта, тамъ гдѣ-то, внизу, въ горькой и тяжелой долѣ. Васъ ростили и холили, не жалѣя средствъ, съ гувернерами, репетиторами, преподавателями, со всевозможными учебными пособіями, вы отдавались въ гимназіи изученію такой роскоши, какъ языки Гомера и Горація, вамъ улыбались олимпійскіе боги и музы съ Геликона, предъ вами проходили пестрою толпою финикіяне, ассирійцы, персы, эллины, этруски, карѳагенцы и пр. и пр. Вамъ были открыты всѣ сказанія, вся поэзія человѣчества, вся его мудрость, вы получили аттестаты зрѣлости, медали, получили «права»—и теперь, еще на порогѣ «храма», огромное большинство васъ уже мечтаютъ объ университетской карьерѣ, о чинѣ X класса, объ ученыхъ степеняхъ, генеральскихъ должностяхъ... Но вспомните вашихъ братьевъ, сверстниковъ деревенскихъ, родившихся въ той-же странѣ, подъ тѣмъ-же небомъ и лишенныхъ даже простой грамотности и навсегда отрѣзанныхъ отъ знанія. Какъ тяжело, какъ безконечно тяжело народу добиваться того блага, которое вамъ—вовсе незаслуженно — дается въ изобиліи!

Позвольте напомнить исторію одного талантливаго человѣка, нашего современника, родившагося въ де-

ревнѣ—поэта Дрожжина. Если-бы я сослался на мученичество Ломоносова, стремившагося къ знанію, или Кольцова, Никитина, Рѣшетникова и т. д.—вы сказали-бы, что это было *когда-то*, и что теперь другія времена. Всмотритесь-же внимательно, какія *теперь* времена,—именно теперь, когда вы полны радости, гордости и эгоизма. Дрожжинъ—не заурядный, не дюжинный человѣкъ, хотя, казалось-бы, всякая, самая простая душа имѣетъ право на свѣтъ знанія и счастья, какъ на свѣтъ солнца; Дрожжинъ — все-же талантъ, не сильный, но нѣжный и *поэтическій*, т. е. такой, которому особенно внятны тайны жизни.

Онъ родился въ обыкновенной, т. е. очень бѣдной семьѣ крестьянской. Дѣдъ его былъ крѣпостной, но уже любилъ читать священныя книги; отецъ уже проявлялъ дарованіе (къ живописи), но дарованіе заглохло: пришлось служить то лакеемъ, то кучеромъ, то извощикомъ. Маленькій Спиря (будущій поэтъ) въ первый разъ увидѣлъ отца на шестомъ году жизни, когда тотъ пріѣхалъ изъ Петербурга. «Мать мнѣ сказала (описываетъ Дрожжинъ), что отецъ привезъ мнѣ изъ Питера книжку съ картинками. Книжка меня соблазнила, я вышелъ изъ своей засады и несмѣло подошелъ къ отцу, который поднялъ меня къ себѣ на колѣни и, крѣпко цѣлуя, вручилъ мнѣ эту книжку».

Картина трогательная: это было еще въ крѣпостное время, въ очень бѣдной мужицкой семьѣ, но уже въ семьѣ грамотной, жаждущей образованія, гдѣ книжку привозятъ уже какъ «гостинецъ». Но гдѣ-жъ тутъ было думать о школѣ: подъ самое Рождество ребенокъ видѣлъ, какъ бабушка замѣсила *послѣднюю* квашенку. Корова пала, оставалась старая лошадь, нѣсколько куръ да двѣ-три овцы. Ребенокъ видѣлъ, какъ старый дѣдъ, любитель священнаго писанія, «долго не рѣшался идти по міру» — стыдно было, и какъ все-таки пришлось идти, чтобы не умереть семьѣ съ голоду. Онъ видѣлъ,

какъ дѣдъ одѣвался въ «худой домотканый армячишко, обулся въ пеньковые лапти», какъ бабушка, «всхлипывая и глотая слезы, надѣла ему черезъ плечо заштопанную холщевую торбу»... «Было рано и темно. Морозный иней блисталъ на окнахъ и въ прогнившихъ углахъ дѣдовской избы, мать, утирая слезы, укачивала мою маленькую сестренку, а я лежалъ подлѣ нея на полу... Къ ночи съ сумою, полуголодный и утомленный долгой ходьбой, дѣдъ воротился домой. Такъ продолжалось до лѣта». Вотъ что приходится переживать талантливымъ дѣтямъ, рождающимся среди народа—въ томъ возрастѣ, когда иные сверстники ихъ начинаютъ болтать по-французски. Бѣдный, впечатлительный Спиря, слабенькій, грязный! На стѣнѣ избы съ прогнившими углами, прохваченными инеемъ, бѣдный Спиря наблюдаетъ засиженную мухами лубочную картину: Христосъ съ открытымъ сердцемъ, изъ котораго исходитъ пламя, а на сердцѣ крестъ и вѣнецъ терновый, на рукахъ раны... «Мнѣ такъ сдѣлалось жаль Христа, что я всталъ и началъ молиться безъ словъ»... О, этотъ Христосъ съ открытымъ сердцемъ и рвущимся изъ него пламенемъ!

III.

На седьмомъ году Спиря уже работаетъ, ѣздитъ въ лѣсъ съ дѣдомъ за дровами, носитъ снопы, ворошитъ сѣно, пасетъ коней. Восьми лѣтъ онъ уже бойко читаетъ (научилъ тотъ самый дѣдъ, что ходилъ по міру), — читаетъ житія святыхъ, воспламеняется, мечтаетъ бѣжать изъ дому, надѣть вериги (въ это время его счастливые сверстники уже переходятъ съ рукъ бонны на руки гувернантки). Но вериги ужъ и безъ того лежали на самомъ сердцѣ впечатлительнаго мальчика: тяжелая нищета семьи, отчаяніе матери и бабки. «Читать я знаю, умоляетъ ребенокъ дѣда:—отдай меня только къ дьячку, чтобы онъ выучилъ меня писать»—тогда ужъ мальчикъ выручитъ всѣхъ изъ бѣды, всѣхъ!.. Послѣ перваго учителя—дѣда, ходящаго по

міру, второй профессоръ—дьячекъ деревенскій въ истасканномъ подрясникѣ—вотъ школа, но и она далеко еще не всѣмъ доступна. Мать ведетъ мальчика къ дьячку, оставляетъ хлѣбца и пару печеныхъ яицъ и вручаетъ его судьбу Матери Божіей. Стоило это преподаваніе полтинникъ въ мѣсяцъ, но и того негдѣ взять было. Дьячекъ требуетъ, чтобы мальчикъ «хоть рублишко принесъ за всю зиму. Будущій поэтъ идетъ домой, горько размышляетъ, гдѣ достать «рублишко» — и незамѣтно оказывается у проруби. «Вдругъ ледъ треснулъ, и мальчикъ юркнулъ къ рыбкамъ», говоритъ біографъ, но — выкарабкался опять и пошолъ къ матери.—«Какія теперь, сынокъ, деньги, гдѣ я ихъ возьму... Вотъ, дастъ Богъ, натку, продамъ холстину»...

Отвѣтъ матери поражаетъ мальчика какъ громомъ. Сердце у него нѣжное, но гордое, хотя еще и очень маленькое. Онъ быстро скрылся изъ избы, въ училище не пошолъ, а притаился, какъ звѣрекъ, на дворѣ между дровами, гдѣ и пробылъ до разсвѣта и страшно продрогъ. Дѣдъ вышелъ корму давать, заслышалъ шорохъ, подумалъ, что овца завязла въ дровахъ.—«Что ты здѣсь дѣлаешь? Отчего не въ училищѣ?» Мальчикъ разсказалъ требованіе дьячка и заплакалъ... У стараго дѣда, любителя священнаго писанія, конечно, тоже «рублишка» не было: весь вѣкъ работалъ и всетаки не дожилъ до возможности имѣть рубль въ карманѣ, чтобы заплатить за ученье внука. Пошли дѣдъ съ внукомъ къ дьячку и униженно просили «подождать» ..

Вотъ какая была бѣдность: тянется даровитый мальчикъ срисовать голову Спасителя, — карандаша нѣтъ, приходится дѣлать карандашъ изъ старой оловянной пуговицы. «...Что касается лакомства, говоритъ біографъ, то оно состояло изъ щавеля, моркови, рѣпы». Образованіе Дрожжина у дьячка кончилось въ 12-лѣтнемъ возрастѣ. Отецъ, вернувшійся изъ Питера съ пятью копѣйками въ карманѣ, долженъ былъ поступить въ работники, а будущій

поэтъ отправился съ двоюроднымъ братомъ въ Петербургъ... вы думаете,—продолжать ученіе, развить нѣжную и чуткую душу, природное дарованіе? Конечно,—Петербургъ вѣдь—солнце Россіи и только въ этомъ центрѣ свѣта и можно сдѣлаться «человѣкомъ». Петербургъ—Европа, къ Петербургу тянутся таланты народные, ихъ свѣжая, искрометная энергія...

Посмотримъ, какъ встрѣтилъ Петербургъ (просвѣщенныхъ 60-хъ годовъ) малютку-поэта. «Прохоръ Ивановичъ представилъ его буфетчику гостинницы «Европа» — что стоитъ какъ разъ рядомъ съ министерствомъ *народнаго* просвѣщенія, центромъ всероссійскаго образованія. Будущему поэту приказали поклониться буфетчику въ ноги, что онъ и исполнилъ. Отъ буфетчика съ этихъ поръ всецѣло зависѣла судьба мальчика. Буфетчикъ, точь въ точь профессоръ, встрѣчающій учащуюся молодежь на порогѣ «храма наукъ», сдѣлалъ соотвѣтствующія наставленія мальчику и приказалъ ему идти на черную половину, въ отдѣленіе, называемое «Капказъ». Это была большая грязная, пропитанная табакомъ и водкой комната, стѣны ея были покрыты зеленой краской, по которой мѣстами выступала плѣсень; окна выходили на дворъ, къ помойной ямѣ. «Это мрачное помѣщеніе со спертымъ воздухомъ и чужіе люди подѣйствовали на мальчика такъ тяжело, что онъ первое время совершенно упалъ духомъ и ночью, валяясь на грязномъ полу, вспоминалъ своихъ родныхъ». Бѣдный маленькій поэтъ изъ народа! Въ то время какъ поэты-аристократы—Пушкинъ, Лермонтовъ, Полонскій, Толстой въ своей юности посѣщали Кавказъ — гдѣ среди роскоши природы и красоты — развивался ихъ геній,—онъ тоже попалъ на «Капказъ». Имъ доступна была Европа, ему—«Европа».

IV.

Черная половина грязнаго петербургскаго трактира—вотъ гдѣ очутился «талантъ народный» въ этомъ цен-

трѣ свѣта. Такъ свѣже скошенное сѣно съ изящными незабудками и ландышами бросаютъ иногда скоту, и скотъ топчетъ его въ своемъ навозѣ. «На моей обязанности, пишетъ поэтъ,—было прислуживать бурливымъ посѣтителямъ «Кавказа», большею частію ломовымъ извощикамъ и мастеровымъ. Пьяные половые гостинницы, мнящіе себя также моимъ начальствомъ, нетолько бранили меня, но часто награждали тяжелыми побоями. Моя служба начиналась съ 4 часовъ утра и оканчивалась 11—12 часами ночи Но и послѣ 12 часовъ мнѣ нерѣдко приходилось мыть полы, такъ-что я спалъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки. И за это получалъ два рубля въ мѣсяцъ жалованья». Жалованье это мальчикъ все сполна посылалъ въ деревню, бѣдной своей семьѣ. Вотъ какими усиліями приходится деревнѣ возвращать изъ города эти «два рубля» въ мѣсяцъ. Приходится продавать въ вертепы пьянства и разврата лучшую свою кровь! Высокодаровитая, нѣжная натура мальчика жаждала знаній, томилась ими, копѣйки, что онъ получалъ отъ извощиковъ на чай, онъ не проѣдалъ, не прокуривалъ на папироскахъ, онъ тратилъ ихъ на покупку книгъ—конечно, доступныхъ по цѣнѣ. «Еруслань Лазаревичей» и т п. Въ гостинницѣ «Европа» выписывались газеты и юмористическіе журналы; талантливый мальчикъ инстинктивно тянется къ нимъ, за что новый буфетчикъ «таскалъ такъ немилосердно за волосы, что голова пухла». Каморка, гдѣ стоялъ продырявленный диванъ съ выбившимися пружинами да столъ—«это говоритъ онъ, были единственные свидѣтели моихъ ночныхъ мечтаній, горячихъ молитвъ и слезъ». Все сердце его рвалось въ деревню, изъ этой адской трущобы на просторъ родныхъ полей, и онъ какъ-то забившись въ каморку, пѣлъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ горькія пѣсни народныя... Подслушалъ буфетчикъ—и даже тотъ смягчился; вѣрно, звуки забытой деревни напомнили ему и его безрадостную судьбу.

Изъ гостинницы Дрожжину посчастливилось перейти

въ табачную лавочку и провесть здѣсь свои «гимназическіе годы». Въ тотъ возрастъ, когда за его счастливыми сверстниками ухаживаютъ гувернеры, репетиторы, частные преподаватели, педагогическіе совѣты, требуя страшныхъ денегъ,—маленькій Дрожжинъ зарабатывалъ тяжелымъ трудомъ по пяти рублей въ мѣсяцъ и высылалъ ихъ въ деревню. Кончалось дѣтство, наступала юность; талантливая душа все раскрывалась, влекла къ природѣ, къ честной жизни, къ знанію... Онъ съѣздилъ въ деревню, убѣдился, что тамъ прежняя нищета (мать пошла въ кормилицы въ Москву)—и опять пришлось идти въ Петербургъ за кускомъ хлѣба. «Студенческіе годы» для Дрожжина опять начинаются въ буфетѣ, въ должности полового, и продолжаются въ подвалѣ табачной фабрики. Наконецъ-то онъ имѣетъ маленькую возможность покупать порядочныя книги — Пушкина, Кольцова, Никитина, Шевченку. Нѣжное сердце трепещетъ отъ радости, встрѣчая въ книгахъ ту поэзію, которой тщетно искало оно въ суровой дѣйствительности. Начинается «самообразованіе» — жадное поглощеніе хорошихъ книгъ безъ всякой системы, — какимъ всегда было и всегда будетъ самообразованіе вопреки всѣмъ программамъ педантовъ, желающихъ подсказать душѣ ея развитіе. Маленькая образованность приноситъ нашему поэту новое горе. У него на многое открываются глаза, онъ видитъ ужасы жизни, прежде незамѣтные, его сердце возмущено. Онъ получаетъ достаточное жалованье, но видитъ, что рабочіе фабрики хирѣютъ на 12-часовомъ, тяжеломъ трудѣ, живя впроголодь, вѣчно связанные штрафами и притѣсненьями хозяевъ. Благородное сердце поэта не выдерживаетъ, онъ начинаетъ протестовать, онъ отказывается отъ мѣста и... оказывается на улицѣ. Чтобы не умереть съ голоду, Дрожжину пришлось продать единственную свою радость — книги. «Иногда, говоритъ біографъ, онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ голодный и нерѣдко, крадучись отъ городовыхъ,

ночевалъ на гранитныхъ спускахъ Невы или въ Александровскомъ паркѣ». Но что онъ былъ истинный поэтъ, хоть и маленькій, показываетъ такая подробность: «Однажды, проснувшись въ паркѣ, пишетъ Дрожжинъ, я вдругъ, несмотря на свое горькое положеніе, такъ былъ восхищенъ картиною весенней природы, что тутъ-же досталъ изъ кармана свою памятную книжку и написалъ стихотвореніе»... Горькое положеніе не можетъ задавить рвущейся изъ души потребности художественной. Голодный, онъ отправляется въ публичную библіотеку и увлекается Шекспиромъ. Такъ онъ бродитъ по «центру цивилизаціи», тщетно ища, къ чему-бы пристроить свою поэзію Наконецъ онъ снова попадаетъ въ табачную лавочку, потомъ снова въ трактиръ, и наконецъ въ годы, когда его счастливые сверстники дѣлались магистрами и докторами наукъ, нашъ поэтъ попадаетъ *лакеемъ* къ одной помѣщицѣ. Онъ, увлекавшійся Шекспиромъ, съ чуткою, художественною душою! Дрожжинъ заболѣлъ, но выздоровѣвъ опять попалъ въ лакеи («нужда заставила», пишетъ онъ, и повѣрьте, господа, что существуетъ такая нужда на свѣтѣ, которая въ силахъ заставить хоть кого пойти въ лакеи. На каторгѣ кровные аристократы чистятъ сапоги смотрителю изъ солдатъ. А жизнь нормальная, съ полными гражданскимп правами, для многихъ та-же каторга). Поэтъ—лакей... Но какой-же изъ него могъ выйти лакей! Помѣщикъ сказалъ поэту «Ты, братецъ, отличный человѣкъ, но какъ лакей ни къ чорту не годишься». Пришлось поэту снова идти на табачную фабрику, уже въ Ташкентѣ. Но обращеніе хозяина съ рабочими и здѣсь было настолько возмутительно, что Дрожжинъ снова оставляетъ мѣсто. Подумайте, какой привередливый! Наконецъ онъ попадаетъ въ школу молочнаго хозяйства Верещагина, женится—на крестьянской дѣвушкѣ, которая первая дала ему немножко счастья, и наконецъ выступаетъ въ печати. До того времени онъ только писалъ и былъ слишкомъ скро-

менъ, чтобы мечтать попасть въ печать. О, еслибы это была наглая бездарность! Онъ, навѣрное, былъ-бы уже издателемъ дешоваго журнальца съ сотней тысячъ подписчиковъ и милліономъ «чистенькаго капитала». Но онъ—прирожденный честный талантъ и ничего болѣе.

Здѣсь можно-бы и остановиться на біографіи поэта: его молодость прошла, и счастливые сверстники его уже давно «дѣйствительные статскіе совѣтники». Но можетъ быть судьба, когда дарованіе поэта было замѣчено и дало ему имя, хоть поздно вознаградила мученика? Хоть поздно, но общество увидѣло его талантъ и окружило его участіемъ? Какъ-бы не такъ! Отъ Верещагина котораго дѣла пошли плохо, Дрожжинъ снова поступаетъ въ табачный подвалъ, затѣмъ завѣдываетъ дровяными складами на желѣзной дорогѣ, затѣмъ состоитъ прикащикомъ въ свѣчной лавкѣ и пр. и пр. Теперь, подъ пятьдесятъ лѣтъ жизни, когда томъ его стихотвореній вышелъ вторымъ изданіемъ, онъ все еще служитъ прикащикомъ въ Харьковѣ, въ одномъ книжномъ магазинѣ. * Дрожжинъ, повторяю, не бездарность, какихъ тьма тьмущая,—нѣтъ, это хоть и не яркій, но истинный талантъ, душа художественная и нѣжная. Ему сродни всѣ геніи человѣчества и всѣ тайны мысли, какія когда-либо были на свѣтѣ, онъ отъ малыхъ лѣтъ рвался неудержимо къ этимъ геніямъ и тайнамъ, ему такъ желанны были школа, гимназія, университетъ,—и жизнь его загнала «на черную половину» трактира, *рядомъ* съ гимназіей и министерствомъ просвѣщенія. На розовыя стѣны университета, что высятся за Невой среди зелени, онъ смотрѣлъ глазами пилигрима, завидѣвшаго Мекку—и жизнь посылала его ночевать на каменныхъ спускахъ Невы, какъ-разъ противъ университета. Онъ рвался въ библіотеки, даже голодный увлекаясь Шекспиромъ, а

* Статья эта впервые была напечатана въ 1895 году. Въ послѣднее время, какъ мнѣ писалъ Дрожжинъ, онъ крестьянствуетъ въ деревнѣ

нужда гнала его на табачную фабрику или въ лакеи. При одномъ дѣтскомъ журналѣ приложенъ портретъ поэта: хорошее, честное лицо. На немъ невольно ищешь слѣдовъ страданія—и находишь строгое примиренье съ ними. Обиженный и оскорбленный талантъ, но все-же «о счастьи родины мечтаетъ», «слагаетъ ей пѣсни» и одобряетъ въ стихахъ такихъ-же бѣдныхъ школьниковъ, какимъ самъ былъ...

V.

Вотъ въ эту-то горемычную судьбу крестьянскаго таланта я искренно совѣтовалъ-бы вдуматься молодежи «на порогѣ храма». Если этотъ храмъ такъ недоступенъ для молодежи народной. то вы, которые вошли въ него, помолитесь-же хоть за нее! Ужъ если это такое рѣдкое, безконечно-рѣдкое для большинства счастье — возможность высшаго образованія, такъ пользуйтесь-же имъ не для себя только! Нашъ нищій народъ, неимѣющій часто «рублишка», чтобы заплатить дьячку за обученіе азбукѣ, содержитъ всѣ эти храмы наукъ, университеты, академіи, институты, гимназіи—въ отдаленной надеждѣ, что хоть избранные сыны общества «дойдутъ до всего», просвѣтятся и передадутъ свѣтъ свой народу. На поколѣніяхъ счастливцевъ, достигшихъ храма, покоятся возвышеннѣйшія мечты народа. И «на порогѣ храма» молодежи нужно вспомнить это и передъ своей совѣстью дать завѣтъ—не обмануть народныхъ ожиданій. Что эти ожиданія бываютъ часто обмануты, даже слишкомъ часто—и говорить излишне. Тяжело говорить объ этомъ, но именно въ то время, когда молодежь «на порогѣ храма»—необходимо сказать ей объ этомъ. Вы, стремящіеся къ алтарямъ науки, готовьтесь, что можетъ быть встрѣтите «мерзость запустѣнія» въ святомъ мѣстѣ, и что еще ужаснѣе—можетъ быть сами внесете туда эту мерзость.

Поглядите, что дѣлается въ университетахъ, что дѣлалось тамъ еще такъ недавно, въ концѣ семидесятыхъ

годовъ—въ то самое время, когда поэтъ-крестьянинъ вмѣсто университета поступалъ въ лакеи. Одинъ изъ старыхъ студентовъ г. С—въ помѣстилъ въ «Русской Старинѣ» статью поразительно-печальную. Онъ говоритъ о тогдашнихъ «свѣтилахъ» казанскаго университета, «университетскихъ старцахъ». Описывается, напримѣръ, «знаменитый профессоръ физики І. А. Больцани, объ учености котораго еще въ стѣнахъ гимназіи разсказывались цѣлыя легенды. «Однажды кто-то спросилъ Больцани: кто теперь изъ ученыхъ лучшій знатокъ физики?» Больцани отвѣтилъ. «Богъ знаетъ на пять, я—на четыре, а всѣ остальные на двойку». Авторъ описываетъ, съ какимъ замираніемъ сердца собрались въ первый разъ первокурсники на лекцію этой знаменитости. «Наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ, раздался дребезжащій кашель и слѣдомъ изъ дверей вынырнула маленькая, горбатенькая, лысенькая съ орлинымъ носомъ фигурка, на которой сидѣлъ лоснящійся, длиннополый сюртукъ; фигурка остановилась у стола и, энергично дважды плюнувъ, тоненькимъ голоскомъ изрекла: «Милостивые государи!» Это и былъ Больцани. Студенты съ благоговѣніемъ записывали каждое слово и по окончаніи лекціи стали перечитывать записанное. «Моему изумленію не было границъ, пишетъ г. С—въ: вся моя запись представляла собою простой наборъ словъ и являлась сплошною, феноменальною галиматьею! Я старался воскресить въ памяти содержаніе лекціи, но увы!...» То-же самое получилось у всей аудиторіи. При всемъ напряженіи мозговъ, ни одинъ студентъ не могъ понять ни единой строчки. Просили Больцани указать пособіе къ его лекціямъ, заявили робко, что трудно понимаютъ. «Трудно? Что трудно? У кого голова на плечахъ, тому не трудно... Моихъ лекцій нигдѣ не найдете!» отвѣчалъ великій ученый. Пришлось студентамъ готовиться «по Петрушевскому». Кто изъ студентовъ не ходилъ на лекціи — тѣхъ Больцани «рѣзалъ» на экзаменахъ. Это было въ 1876 г,

въ разгаръ тогдашней гласности, увлеченія естественными науками. Другой ученый. «Древняя, еле передвигавшая ноги, съ безжизненнымъ взоромъ фигурка встрѣтила насъ въ корридорѣ»... Это былъ помощникъ проректора Зоммеръ. «Вмѣстѣ съ утратою памяти Зоммеръ потерялъ и многіе другіе дары Создателя» .. «Напрасно я сталъ-бы утомлять память, чтобы отыскать и отмѣтить что-либо серьезное, осмысленное изъ жизни и дѣятельности Зоммера—этой археологической рѣдкости... Десятки лѣтъ онъ лишь бродилъ по корридору университета, и кажется, никто изъ властей не интересовался ни имъ самимъ, ни его дѣятельностью». Третій старецъ—профессоръ Ковальскій, «бѣлый какъ лунь, съ гордою осанкой, безстрашнымъ взоромъ и рѣзкою, быстрою рѣчью»... Онъ повергалъ въ какое-то оцѣпенѣніе и студентовъ, и приватъ-доцентовъ, самовластно устанавливалъ университетскіе порядки. До какой степени царило въ университетѣ чиновничество и подобострастіе, показываетъ такой случай. Ковальскій презиралъ приватъ-доцентовъ; студенты, замѣтивъ это, игнорировали этихъ лекторовъ, «а на экзаменахъ требовали удовлетворительный балъ, хотя ни на минуту не раскрывали рта». Одинъ приватъ-доцентъ отказался ставить за «безотвѣтность» удовлетворительно, и первому-же студенту влѣпилъ «колъ». Всѣ разомъ покинули аудиторію; студенты отправились съ жалобой къ Ковальскому.—«Подите, скажите «этому, какъ его», что я велю ему поставить вамъ четыре»,—подчеркнувъ послѣднее слово гордо изрекъ Ковальскій... Эффектъ получился чрезвычайный. Когда студентъ отрапортовалъ приказъ Ковальскаго, приватъ какъ-то сократился, съежился и, пробормотавъ что-то такое себѣ подъ носъ, покорно преобразилъ колъ въ четверку... Не требуя отвѣтовъ, съ плеча, онъ написалъ всѣмъ «удовлетворительно».

Въ этомъ характерномъ эпизодѣ—скажите, кто безсовѣстнѣе: студенты-ли, приватъ-доцентъ или профессоръ-

деканъ? И учащаяся молодежь, и молодые представители науки, и самые отцы знанія, «свѣтила», безстыдно совершали подлогъ, поддѣлку вродѣ фальшивыхъ ассигнацій.

VI.

Полюбуйтесь, господа, еще такой картинкою· рѣчь идетъ опять объ экзаменѣ, но уже въ присутствіи Ковальскаго. «Это было чистѣйшее комедійное зрѣлище», говоритъ г. С—овъ. — «Совершенно отчетливо помнится мнѣ такой экзаменъ по неорганической химіи, которую тогда читалъ доцентъ Глинскій (нынѣ умершій), попавшій въ профессорскую корпорацію, какъ говорили, по недоразумѣнію... Ковальскій явился, сѣлъ за столъ и сосредоточенно началъ разсматривать программу. Глинскій стоялъ и ждалъ его распоряженій. Студенты переглядывались, недоумѣвающе перешептывались: «что-же это-де будетъ?»

— Не угодно-ли? послѣдовалъ приказъ Ковальскаго.

Глинскій вызвалъ кого-то по списку.

— Ну-съ, что вы знаете? спросилъ Глинскій тихимъ голосомъ, словно ему сдавило горло.

— Ничего не знаю... Ужь вы мнѣ такъ поставьте...

— Ну, да что-нибудь?

— Ей Богу, ничего не знаю...

— Неужели не знаете сѣрной кислоты?

— Это купоросное масло, что-ли? Слыхалъ, но право, больше ничего не знаю.

Слушая эти діалоги, Ковальскій началъ постепенно оживляться; обычная суровость сходила съ лица, уступая мѣсто едва уловимой улыбкѣ.

— Довольно съ него, вызовите другого, приказалъ Ковальскій. Съ этимъ другимъ повторилась та же исторія съ кое-какими варіаціями; то-же съ третьимъ, четвертымъ. Но вдругъ нашлись два такіе знатока, которые съ апломбомъ заявили, что они отмѣнно знаютъ первый би-

летъ. Глинскій едва не подпрыгнулъ отъ восхищенія. Высказавъ общими силами свои знанія, они ушли, унося въ видѣ трофеевъ четверки, поставленныя собственноручно улыбавшимся Ковальскимъ». Лицо этого ученаго «вѣчно было застывшее, суровое. Только на «юмористическихъ» экзаменахъ съ нимъ и совершалась эта необычайная метаморфоза, словно онъ и являлся на нихъ за тѣмъ, чтобы на минуту встряхнуться, развлечься»... На своихъ экзаменахъ Ковальскій былъ строгъ, бросалъ мѣлъ въ доску, поминалъ чертей и дьяволовъ, ставилъ единицы, но давалъ неоднократныя переэкзаменовки, «и въ итогѣ отъ частокола единицъ не оставалось и слѣда».

Хороши были профессора, хороши и студенты. г. С—овъ описываетъ, какъ одинъ пронырливый студентъ «съумѣлъ найти особенную «козу», на которой и подъѣхалъ мастерски къ неприступному и грозному старцу», онъ началъ посѣщать обсерваторію, что любилъ Ковальскій.

— Что-же ты тамъ дѣлаешь? спрашивали мы съ недоумѣніемъ Н—ева.

— На небо въ трубу гляжу, ухмыляясь отвѣтилъ онъ.

— Да какую-же фигу ты тамъ видишь?

— А звѣзды-то...

— Ну, звѣзды, а дальше-то что? Вѣдь ни рожна-же ты не знаешь...

— Дальше? Гляжу и «чихвири» пишу...

— Тьфу, чтобы тебѣ пусто было...

Все это описывается г. С—вымъ почему-то въ забавномъ тонѣ, но все это ужасно грустно. Это—университетъ, Universitas literarum, храмъ мудрости, на который столь молитвенно взираетъ молодежь издалека! Вы скажете—казанскій университетъ исключеніе. Нѣтъ, почти буквально тѣже картины я лично видѣлъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ былъ вольнослушателемъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Я видѣлъ, какъ къ почтенному, убѣ-

ленному сѣдинами старцу-профессору шли на экзаменъ смѣясь, что не открывали курса, и онъ ставилъ за абсолютное незнаніе «три», я видѣлъ какъ другой профессоръ два-три раза «прогонялъ» съ экзамена и добивался, что студентъ отвѣчалъ-таки на какой нибудь вопросъ удовлетворительно. Я слышалъ такую торговлю —N.N., поставьте мнѣ, пожалуйста, четыре.—Не могу, вы не отвѣтили ни на одинъ вопросъ. — Да вѣдь я перехожу въ медицинскую академію, поставьте, Бога ради.—Вѣрно, что перейдете?—Клянусь Богомъ.—Ну, тогда извольте.» Видѣлъ я, какъ на экзаменахъ студенты припрятывали наиболѣе трудныя модели (анатомическія, кристаллографическія и пр.), и профессоръ какъ-бы этого не замѣчалъ. Глубоко поразило меня тогда это безстыдство въ храмѣ науки, позорнѣйшее отношеніе и къ ней, и къ народу, который послалъ всѣхъ насъ — какъ евреи соглядатаевъ въ Ханаанъ—чтобы мы разсмотрѣли истинную цивилизацію, истинную мудрость и сообщили-бы ее ему. Вы скажете: есть-же и талантливые, и добросовѣстные профессора. Есть, но тѣмъ поразительнѣе противоположный типъ, едва-ли не господствующій. Тяжело видѣть лѣнивое невѣжество нѣкоторыхъ профессоровъ, давно отставшихъ отъ науки—настолько отставшихъ, что даже занимающіеся студенты къ концу курса обгоняютъ ихъ по иностраннымъ источникамъ. Тяжело видѣть чиновническое отношеніе иныхъ профессоровъ къ ихъ высокому призванію, ихъ равнодушіе къ наукѣ и холодный карьеризмъ. Еще тяжелѣе видѣть бездарность многихъ, иногда вопіющую, узость безграничную, доходящую до того, что простой сторожъ, отворяющій профессору двери, гораздо интеллигентнѣе «свѣтила науки». Видѣть такую бездарность на каѳедрѣ поучающею и судящею—зрѣлище печальное. Но еще тяжелѣе видѣть *безсовѣстность* среди профессоровъ, и для честнаго юноши, переступившаго «порогъ храма», это самое горькое разочарованіе изъ всѣхъ возможныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это

гадко все, что описываетъ г. С—овъ въ забавномъ тонѣ, всѣ эти экзамены, гдѣ совершается публичный, нескрываемый государственный обманъ. Хотѣлъ-бы я взглянуть въ лицо этого «приватика», который покорно, по приказанію декана, переправилъ единицу на четверку. По его искреннему убѣжденію, студентъ ничего не зналъ, но если угодно начальству, то доцентъ свидѣтельствуетъ, что студентъ зналъ хорошо. Гдѣ теперь этотъ «приватъ» и кто онъ теперь? Ужь, конечно, онъ ординарный профессоръ, деканъ, дѣйствительный статскій. И тотъ студентъ, что не зналъ изъ химіи даже сѣрной кислоты – онъ давно выпущенъ въ жизнь, какъ человѣкъ съ *высшимъ* химическимъ образованіемъ, что удостовѣрено торжественно всѣмъ соборомъ профессоровъ и огромною, бѣлою государственною печатью. Онъ получилъ отъ «almae matris» всѣ *права*. О, въ правахъ-то онъ не ошибся ни на іоту,—и мѣсто занялъ, и два чина, и ходъ по службѣ, и навсегда, на всю жизнь обезпеченную репутацію «человѣка съ высшимъ образованіемъ...» И нанявъ въ лакеи какого-нибудь крестьянина Дрожжина, душу благородную, но истомленную голоднымъ рабствомъ, этотъ баринъ навѣрно говорилъ:

— Ты, братецъ, отличный человѣкъ, но какъ лакей ни къ чорту не годишься!

И пойдетъ бѣдный поэтъ изъ народа на мостовую. Вѣдь у него нѣтъ диплома съ огромною, въ видѣ звѣзды, бѣлою печатью. У него только и есть, что «открытое сердце, изъ котораго рвется пламень».

Опять обращаюсь къ молодежи, стоящей «на порогѣ храма». Не будьте такими, господа! Есть страшная опасность для многихъ изъ васъ сдѣлаться такими-же подобострастными «приватами», зевсоподобными Ковальскими и плюющимися Больцани. Не будьте *книжниками* и фарисеями, лицемѣрами! Въ знаніи—свобода духа благороднаго, но въ знаніи-же и рабство для души низкой, и можетъ быть самое печальное изъ рабствъ.

VII.

Великая трагедія, разыгравшаяся девятнадцать столѣтій тому назадъ въ Іерусалимѣ, была возстаніемъ живого сердца не противъ свѣтскихъ властей, а противъ тогдашней *литературы и науки*, противъ гордаго сословія книжниковъ, сидѣвшихъ на сѣдалищѣ Моисея. Да, это было возстаніе противъ омертвѣвшаго тогдашняго разума! Искреннее, горячее сердце, пылающее огнемъ божественнымъ, увидѣло самый тяжкій гнетъ не въ завоеваніи отечества язычниками, не въ политической деспотіи, не въ экономическихъ и соціальныхъ неправдахъ: оно почувствовало самую невыносимую тиранію въ окаменѣвшей мысли общественной, въ оффиціальныхъ истолкователяхъ ея. *Законъ* древній, героическій, вынесенный пророками изъ пустыни и создавшій націю,—былъ преемниками пророковъ остановленъ въ живомъ развитіи: какъ остановленное сердце, изъ причины жизни онъ сдѣлался причиной смерти. Благородная, «богорождающая» раса, нація пророковъ, умирала въ психическомъ удушьѣ, порабощенная въ самомъ сокровенномъ первоисточникѣ жизни—въ *свободѣ* духа.

«Горе вамъ книжники и фарисеи,—лицемѣры!» Этотъ вопль вырвался изъ самой высокой души, какую видѣлъ міръ. *Книжничество* — самое крайнее и страшное изъ рабствъ, рабство не тѣла, а живого духа человѣческаго. И потомъ, на пространствѣ столѣтій, у всѣхъ народовъ, малыхъ и великихъ, не было историческаго несчастія болѣе непоправимаго, какъ нарожденіе книжниковъ и фарисеевъ, образованіе тупой, рутинной касты ученыхъ, выдающихъ себя блюстителями вѣчной истины. Благословенна истина, сейчасъ рождающаяся, свободная, молодая! Гдѣ-бы ни загорѣлся ея святой огонь—въ сердцѣ каменьщика Сократа или римскаго царедворца Сенеки, въ сердцѣ галилейскаго плотника или царскаго сына Сид-

дарты, благословенъ свѣтъ истины творческой, самобытной! Но это благословеніе истины тотчасъ обращается въ проклятіе, когда изъ устъ пророковъ она переходитъ въ уста жрецовъ, когда огонь истины захватывается въ капище, за рѣшетки и цвѣтныя стекла. Онъ свѣтитъ не для жизни, а для мертваго обряда, для утвержденія тираніи мысли, за которую держится всякая иная тирапія. На берегахъ Ганга расцвѣтала нѣкогда вдохновенная цивилизація: до сихъ поръ еще очаровательна ея древняя поэзія, ея глубокая философія, памятники ея искусства. Но водворились ученые, книжники-брамины и постепенно, холодомъ души своей заставили застыть народный геній, изъ живой, подвижной, безплотной стихіи обратили его въ неподвижныя формулы уставовъ и схоластическихъ системъ Книжники-брамины утвердили и освятили въ сознаніи даровитѣйшей расы въ свѣтѣ совершенно сумасшедшее суевѣріе о кастовомъ разнокачествѣ людей, и въ этомъ гипнозѣ расцвѣли всѣ соціальныя и политическія насилія, безропотно выносимыя до сихъ поръ сотнями милліоновъ Индостана. Книжники-жрецы въ Египтѣ точно также съумѣли заворожить прекрасный, трудолюбивый, меланхолическій народъ, своими пирамидами и обелисками до сихъ поръ вопіющій къ небу о своей незаслуженной гибели. На книжниковъ-же, ученыхъ халдеевъ, опирались деспотіи Ефратской долины, книжники-же погасили дивный пламень религіи Зороастра. Книжники-же софисты, съ которыми боролся Сократъ, погубили роскошную цивилизацію Эллады. Книжники-же собрали весь геній римскаго народа, чтобы утвердить, освятить, упрочить начала языческаго «права», отъ котораго до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться христіанскій міръ. А средніе вѣка? Тысяча лѣтъ умственной тьмы кромѣшной, долбленья старыхъ формулъ, страха предъ дуновеніемъ новой мысли — развѣ это не дѣло книжниковъ, тогдашнихъ людей знанія, философовъ и ученыхъ? Еврейскій талмудъ не болѣе замкнутъ, чѣмъ средневѣ-

ковый Аристотель, и раввины не болѣе враждебны къ новизнѣ, чѣмъ католическіе «отцы». Напрасно думаютъ, что инквизиція—религіозное учрежденіе; она—учрежденіе ученое. Правда, инквизиторы были монахи—но не простые, безграмотные монахи, умѣвшіе только молиться,—нѣтъ. Это были *ученѣйшіе* монахи и въ качествѣ ученѣйшихъ блюстителей тогдашней истины, тогдашняго знанія, жгли «еретиковъ»—людей иного знанія. Точно также не религіозное чувство, не нравственное, не эстетическое, не какое иное, а именно *знаніе* заставляло юристовъ тогдашнихъ (какъ и нашихъ крестьянъ иногда) жечь вѣдьмъ и колдуновъ, въ которыхъ видѣли орудіе дьявола. Увѣренность въ существованіи дьявола—развѣ это этическое или религіозное чувство? Нѣтъ, это—*знаніе*, опирающееся на книжные авторитеты. Это знаніе, хоть и ложное, какъ и огромное большинство знаній вообще, во всѣ времена. Точно также и ужасы крестовыхъ походовъ, ужасы войнъ реформаціи или у насъ преслѣдованія раскола—всѣ онѣ вытекли изъ слишкомъ слабой совѣсти и черезчуръ сильнаго, фанатическаго знанія, которое своей ложью всегда извращало религію и нравственность. Въ сущности, какъ религія, такъ и нравственность—влеченія непостижимыя, онѣ истинны только въ безсознательномъ первоисточникѣ, но какъ только вливаются въ опредѣленное русло разума, принимаютъ канонъ,—жизнь этихъ вдохновеній замираетъ, окаменѣвшая форма скрываетъ, какъ жесткая скорлупа, зародышъ жизни. Удовлетворенная пестротой и прочностью этой внѣшней скорлупы, каста жрецовъ въ религіи и ученыхъ въ наукѣ, каста книжниковъ во всѣ времена составляла *средостѣніе* между истиной и людьми, самую упорную, часто неодолимую преграду для свободнаго распространенія мысли. Невѣжество не такъ далеко отъ истины, какъ предразсудокъ, говоритъ Дидро, а сословіе книжниковъ всегда охраняло торжествующій предразсудокъ, всегда стояло за рутину мнѣній и чуждалось творчества,

какъ самой опасной ереси. «Тѣ, которые преподаютъ науку, не всегда тѣ, которые ее понимаютъ», говоритъ тотъ-же философъ, выражающійся очень мягко.

VIII.

Надо замѣтить, что появленіе тупой и чванной умственной «аристократіи» (какъ себя называютъ ученые) вещь совершенно неизбѣжная. она зависитъ отъ крайней рѣдкости истинныхъ талантовъ и отъ обилія наглой бездарности. Будь на свѣтѣ только истинные таланты, сколько-бы ихъ ни было, они никогда не составили-бы *касты*: искренніе, полные творчества, такіе таланты крайне общительны и передаютъ людямъ свое *собственное*, т.-е. всегда особенное, всегда своеобразное вдохновеніе. Поэтому они никогда не могутъ сплотиться въ шайку около *одного* для всѣхъ обязательнаго принципа, не могутъ составить заговоръ противъ общества, чтобы общимъ хоромъ обморочивать его. Геній безконечно-измѣнчивъ и не терпитъ неподвижныхъ формулъ. онъ всегда новъ, даже когда повторяетъ старое, всегда терпимъ, какъ истинный монархъ мысли. свирѣпымъ ожесточеніемъ отличаются лишь его прислужники и царедворцы, которые бываютъ plus royalistes que le roi même. Средневѣковые ученые, напримѣръ, держались Аристотеля съ тѣмъ жестокимъ упрямствомъ, котораго былъ, конечно, чуждъ самъ Стагиритъ. Отецъ науки, несомнѣнно, сто разъ отказался-бы отъ своихъ сужденій, если-бы пережилъ столѣтія, но тупая каста книжниковъ, присвоивъ себѣ въ собственность его ученіе, провозгласила его неприкосновеннымъ навѣки. Въ меньшемъ размѣрѣ то-же продѣлывалось съ каждымъ великимъ человѣкомъ: Декартомъ, Кантомъ, въ позднѣйшее время—Контомъ, Дарвиномъ и др. Каждый изъ нихъ возводился въ идолы и каждымъ изъ нихъ пробовали загораживать человѣчеству солнце истины. Нѣтъ сомнѣнія, что эта участь угрожаетъ

и современнымъ великимъ людямъ, и тѣмъ, что появятся въ будущемъ. Но всетаки съ каждымъ вѣкомъ просвѣщенія царству книжниковъ близится конецъ. Захватывать власть въ области мысли, можно только при полнѣйшей безпомощности народной, при его поголовномъ невѣжествѣ. Широкое просвѣщеніе въ народныхъ массахъ освобождаетъ геніевъ изъ крѣпостного плѣна у книжниковъ и дѣлаетъ ихъ общимъ достояніемъ. Помимо касты ученыхъ, нарождается обширный классъ образованныхъ людей, которымъ доступно высшее разумѣніе; этотъ классъ въ значительной степени обуздываетъ и отчасти уже обуздалъ ученую схоластику. Но побѣда еще далеко не полная; книжники—это психологическій типъ и потому явленіе вѣчное, борьба съ ними нужна будетъ всегда, пока существуетъ мысль на землѣ. Въ Европѣ, послѣ умственнаго освобожденія, борьба съ книжничествомъ идетъ успѣшно. Нето у насъ, при слабой нашей образованности. У насъ хотя и очень мало истинныхъ ученыхъ (или потому именно, что мало ихъ), схоластика особенно ощущительна; у насъ замѣчается исключительная приверженность къ буквѣ, склонность возводить въ талмудъ любое ученіе, пристрастіе къ остановившимся формамъ мысли. Власть традицій (часто потерявшихъ даже тѣнь живого значенія) у насъ сильнѣе, чѣмъ гдѣнибудь, и въ самомъ дорогомъ и важномъ отношеніи — въ духовномъ творчествѣ—Россія граничитъ со своими сосѣдями—Китаемъ и Турціей. Правда, у насъ нѣтъ опредѣленной касты, заправляющей установленнымъ міросозерцаніемъ, но духъ этой касты разсѣянъ во всѣхъ слояхъ общества, и всѣ наши общественныя суевѣрія опираются на авторитетъ невидимаго, но существующаго талмуда мнѣній. Талмудъ этотъ, унаслѣдованный издревле, находитъ, какъ извѣстно, немало ревностныхъ защитниковъ среди профессоровъ, и еще болѣе защитниковъ *равнодушныхъ*, которые, подобно улыбающимся авгурамъ, поклоняются богамъ, въ которыхъ давно не вѣрятъ. Авгуры

получаютъ жалованье, чины, ученыя степени, должности и всѣмъ вѣсомъ мнимой учености поддерживаютъ любое господствующее заблужденіе. Послушайте, какъ нѣкоторые профессора ратовали, напримѣръ, противъ суда присяжныхъ, пока онъ не былъ введенъ, и какъ они восхваляли этотъ судъ, когда реформа уже прошла! Послушайте, какъ они снова сомнѣваются въ этомъ судѣ, когда явились признаки сомнѣнія въ немъ въ правящихъ сферахъ. Лишь очень немногіе истинные ученые имѣютъ мужество держаться одного, ихъ собственнаго убѣжденія, несмотря ни на какія вѣянія. Большинство ученыхъ, если не прямо измѣняютъ истинѣ, то по крайней мѣрѣ, какъ Пилаты, «умываютъ руки»: отходятъ отъ жгучаго вопроса и оставляютъ его на волю судебъ. А потомъ, глядишь, по-немножку, «присоединяются къ авторитетному мнѣнію его высоко-ства». О, сколько невыразимой низости въ подобномъ предательствѣ истины и какъ богата имъ наша ученая жизнь! Молодежи, на порогѣ храма, нужно знать это и вооружиться противъ этой «мерзости въ святомъ мѣстѣ».

IX.

Превращеніе въ книжниковъ, измѣна правдѣ начинается для большинства студентовъ еще до «порога храма». Уже въ гимназіи большинство юношей мечтаютъ о *выгодахъ* знанія, объ ученой и служебной карьерѣ, сопряженной съ дипломомъ. Маленькіе Іуды уже пересчитываютъ тѣ сребреники, за которые продадутъ Христа. Всосавъ въ свой мозгъ съ молокомъ матери хищничество, невинные юноши, какъ тигрята въ клѣткѣ, бросаются на все, что обѣщаетъ жратву, они съ отчаяннымъ упорствомъ одолѣваютъ учебники, зазубриваютъ цѣлые томы—безъ искры стремленія когда-нибудь придти къ истинѣ. Гимназія ведетъ къ карьерѣ: на этомъ оканчивается весь смыслъ ученья. И въ предчувствіи карьеры

эти маленькіе книжники уже выдвигаютъ себя изъ человѣческаго общества. Гимназистъ презрительно смотритъ на ученика городской школы, которая не ведетъ къ карьерѣ. Самые честные и чистые — и тѣ впадаютъ въ гордый аристократизмъ, воображаютъ, что немножко фактовъ (или вымысловъ), усвоенныхъ въ гимназіи, сдѣлали ихъ умнѣе, выше и благороднѣе тѣхъ, кто не знаетъ этихъ фактовъ, а знаетъ, можетъ быть, другіе. Съ переходомъ изъ класса въ классъ эта гордость маленькихъ книжниковъ ростетъ и дѣлаетъ ихъ истыми фарисеями. Аттестатъ зрѣлости уже прямо-таки отдѣляетъ ихъ отъ человѣчества, не получившаго средняго образованія. «Мы, интеллигенція», говоритъ уже будущій студентъ, т. е. мы не народъ, а что-то чиномъ выше. Въ университетѣ же гордость ихъ выростаетъ часто въ невозможной степени, достигая психоза. Все существо добраго малаго приподнимается точно на ходуляхъ, онъ надѣваетъ на себя, вмѣстѣ съ ученымъ мундирчикомъ, и ученую мину; трудно изобразить высокомѣрные взгляды, которыми онъ награждаетъ человѣчество, не бывшее въ университетѣ. Odi profanum vulgus...

И такой добрый малый, если даже не пересчитываетъ сребрениковъ будущей карьеры, то всетаки уже вполнѣ готовый *книжникъ*. Онъ уже человѣкъ «профессіи», «корпораціи», «званія», онъ уже весь — самомнѣніе ученое, хотя еще и безъ учености. Три-четыре года буквоѣдства, и неоффиціальной книжникъ дѣлается оффиціальнымъ. Психозъ величія изъ тревожной неувѣренности на первомъ курсѣ переходитъ въ тихую, торжественную манію. Ученый нашъ превыше человѣчества и съ величайшею дерзостью готовъ предписать ему законы. У него нѣтъ физической власти, но со всякимъ насиліемъ онъ охотно вступаетъ въ союзъ: вѣдь духовно онъ—слѣпой деспотъ, недопускающій никакихъ правъ за неученою мыслью. «Мы—люди знанія», «мы — представители науки», т. е. въ нѣкоторомъ родѣ «съ нами Богъ, разумѣйте языцы и

покоряйтеся!» И вотъ, когда надъ бѣднымъ человѣчествомъ насѣдаетъ слой такихъ ученыхъ деспотовъ, наступаютъ дурныя времена Духъ, убитый буквой, отлетаетъ: на мѣстѣ свободнаго творчества поднимается мгла лицемѣрія, традиціи, рутины Исчезаетъ вольная мысль— и одно за другимъ надвигаются всѣ виды рабства политическаго, экономическаго, умственнаго и нравственнаго. Не чиновники, не жандармы, а именно ученые всегда, во всемъ свѣтѣ, были первыми насадителями застоя. Какъ, значитъ, нужно беречься честному юношѣ этой «закваски фарисейской», встрѣчающей его на порогѣ храма!

X.

Чему учиться? На вступительныхъ лекціяхъ профессора много говорятъ объ общемъ значеніи наукъ, о научныхъ методахъ и т. п. Единственное, о чемъ не говорится,—это то, что всего важнѣе: чтобы къ наукѣ приступали съ честными цѣлями. Это безконечно важнѣе всѣхъ научныхъ методовъ они придутъ сами собой, какъ средства знанія, — а вотъ нравственныя цѣли знанія могутъ и не придти. О, еслибы честный юноша захотѣлъ искать знанія честно! Онъ тотчасъ увидѣлъ-бы, что безусловно необходимо работать *самому*, какъ въ храмѣ — самому молиться, и предоставлять этихъ вещей жрецамъ храма нельзя. Эти жрецы—профессора—только помощники студента, его прислужники, все-же священнодѣйствіе должно совершаться въ сердцѣ юноши. *Самому* работать—это значитъ добиваться не той истины, какая показана въ учебникахъ, а той, которая въ нихъ не показана и покоится въ природѣ еще не открытая. Студентъ долженъ съ первыхъ-же дней высшей школы работать не какъ школьникъ, а какъ свободный *ученый*, т. е. какъ страстный любитель знанія, мечтающій пойти въ немъ дальше всѣхъ и яснѣе всѣхъ передать его людямъ. Только такая творческая работа,

отвѣчающая еще зачаточнымъ силамъ юноши, вполнѣ плодотворна, только такая работа — жизнь, и только такимъ путемъ полученное знаніе надежно. Поэтому студентъ, ищущій знаній, долженъ не связывать себя излишними программами, а предоставить душѣ выбирать изъ знаній то, то ей особенно интересно это и есть самое нужное для души. Только работая напринужденно, не за страхъ, а за совѣсть, человѣкъ добивается правды — въ противномъ случаѣ какое-бы онъ ни усвоилъ знаніе, оно будетъ ложью, какъ не отвѣчающее душевной его потребности. Къ сожалѣнію, при современномъ строѣ школы, когда она учрежденіе, прежде всего, государственное, неизбѣжны *обязательныя*, т. е. болѣе или менѣе насильственныя программы. Подобно тому какъ въ арміи одежда шьется не на каждаго человѣка отдѣльно, а на три роста, и затѣмъ солдаты, приблизительно, подгоняются къ одеждѣ, такъ въ школѣ даются программы на три умственныхъ роста, низшую, среднюю и высшую школу безъ всякаго приспособленія къ индивидуальнымъ особенностямъ учащагося. Государству нужны образованные чиновники въ огромномъ, количествѣ, и какъ солдата обучаютъ не тѣмъ свѣдѣніямъ, какія интересны ему лично, а какія нужны государству, такъ и студента. Пройдя всѣ курсы, человѣкъ можетъ остаться безъ истиннаго образованія, безъ развитія его *личныхъ* душевныхъ силъ, безъ разцвѣта души. Нагруженный самыми пестрыми знаніями, иногда крайне отдаленными отъ жизни, человѣкъ «высшаго образованія» лишенъ элементарнѣйшихъ и нужнѣйшихъ свѣдѣній; зная, напримѣръ, наизусть число какихъ-нибудь творительныхъ предлоговъ у Проперція или Катулла, или умѣя пересчитать всѣ виды эллиптическихъ функцій, или всѣ роды наказаній по византійскому праву, «нашъ молодой магистръ» не знаетъ, гдѣ у него лежитъ печень и какая функція селезенки, какіе налоги платитъ крестья-

нинъ и какими правами онъ пользуется. Самая печальная тьма окутываетъ душу такого ученаго со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной, очень узкой щели—его спеціальности. Общество, состоящее изъ такихъ спеціалистовъ, интеллектуально ниже даже прежней, совсѣмъ не просвѣщенной аристократіи. Та жила политическою жизнью и если не изъ школы, то изъ самой дѣйствительности почерпала разностороннія знанія. Какой-нибудь боярин или дьякъ московскихъ временъ зналъ народную и государственную жизнь, зналъ человѣческіе характеры и даже русскую природу лучше иныхъ теперешнихъ ученыхъ, разбирающихъ руническія надписи. Онъ былъ по своему развитъ, а главное былъ *уменъ*, т-е. обладалъ сильнымъ, неутомимымъ мозгомъ, свѣжимъ до глубокой старости — чего нельзя сказать о современныхъ «интеллигентахъ». Общество, не прошедшее чрезъ школу, на самомъ дѣлѣ было душевно образованнѣе и устойчивѣе теперешняго сброда узкихъ спеціалистовъ, разошедшихся до потери общихъ интересовъ, до забвенія общечеловѣческихъ задачъ. Вотъ почему новѣйшее общество, обильное дипломированной интеллигенціей, такъ сравнительно инертно, и нетолько у насъ всюду заграницей жалуются на упадокъ одушевленія въ образованномъ классѣ, на распространяющееся тупое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ и погруженіе въ интересы спорта и комфорта. Прежніе пылкіе, вдохновенные борцы за справедливость, несговорчивые, неодолимые, шедшіе въ тюрьмы и ссылки — встрѣчаются все рѣже. Они еще встрѣчаются — но не на верхахъ ученой интеллигенціи, а въ слоѣ просто образованнаго (и даже не образованнаго) общества. И это потому, что *просто* образованное общество въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ *образованнѣе* ученаго слоя, т. е. имѣетъ болѣе опредѣленный и ясный *образъ* духа. И вотъ честному юношѣ «на порогѣ храма» нужно подумать о своей судьбѣ: идти-ли ему въ чиновники науки, въ темные спеціалисты, или добиваться об-

щаго гармоническаго образованія души. Готовить-ли себя для касты или для общества, для блага личнаго или народнаго. Впрочемъ, какое-же это личное *благо* (для честнаго-то юноши!) выйти ограниченнымъ спеціалистомъ, хотя-бы и хорошо оплачиваемымъ, продать первородство духа за чечевичную похлебку! Отступить отъ своего долга предъ обществомъ и народомъ, отъ живого участія въ его невзгодахъ—какое-же это счастье!

XI.

Умственное развитіе—процессъ органическій и самый тонкій въ природѣ. Какъ во всякомъ органическомъ развитіи, здѣсь нужна полная свобода тѣмъ внутреннимъ, непостижимымъ силамъ, изъ которыхъ строится душа. Ужъ если дереву — существу столь грубому—всякое вмѣшательство въ его внутреннюю жизнь наноситъ увѣчье, тѣмъ болѣе организму нѣжному, какъ мысль. Истинная роль профессора, какъ и роль садовника, ограничивается только доставленіемъ питательнаго матеріала; самый-же процессъ питанія, его качество и мѣра должны быть предоставлены самому организму. Только тайная сила, заложенная въ немъ, въ состояніи безошибочно выбрать наиболѣе нужное для его роста и цвѣта, и ухищренія внѣшнія всегда лишь спутываютъ и разрываютъ нѣжную ткань духа. Какія-бы мудрыя программы ни сочинялись, душа юноши можетъ развиваться лишь по своей особенной программѣ, изъ всѣхъ курсовъ она будетъ стараться извлекать только ей пригодное и всѣми силами противиться ненужному. Лѣнь студентовъ, равнодушіе къ знанію и т. д.—въ сущности вовсе не пороки, а внѣшніе признаки глухого, отчаяннаго сопротивленія души тому, что ей ненужно. Если вамъ скучны греческіе глаголы, или дифференціалы, или соединенія органической химіи и т. п.—вѣрнѣйшій признакъ, что душѣ вашей все это ненужно: или ненужно

вовсе, или только въ той формѣ, въ какой преподается все это.

Слѣдуетъ замѣтить, что здоровой и свѣжей юности почти все здоровое интересно, вся природа, вся жизнь. Только та мертвечина, которою обволакивается живая мысль въ устахъ педанта, дѣлаетъ ее противной душѣ. Педантъ-профессоръ даже чужія-то (своихъ нѣтъ) великія мысли, дышащія страстной жизнью, предварительно удушаетъ своею пошлостью, бальзамируетъ комментаріями и выноситъ на каѳедру въ видѣ засохшихъ мумій, по которымъ трудно судить объ ихъ живомъ образѣ. Но случается, и талантливый профессоръ преподастъ что-нибудь неинтересное. Въ этомъ случаѣ, очевидно, или самъ предметъ нелѣпъ и изучается лишь изъ предразсудка, или онъ органически несроденъ съ данной душой. Ненужно душѣ непонятное, но иногда, оно-же, озаренное словомъ даровитаго профессора или собственнымъ вниманіемъ, оно дѣлается понятнымъ, интереснымъ и нужнымъ. Поэтому только и не слѣдуетъ отдаваться лѣни, а превозмогая ее, нужно пробовать найти во всякомъ предметѣ его интересную сторону. Если-же добросовѣстныя попытки оказываются неудачными,—признакъ, что душа не обманывается и данный предметъ для нея ненуженъ. О, если-бы съ уваженіемъ относились къ душѣ своей и не насиловали-бы ея живыхъ желаній!

Въ современномъ храмѣ знаній, гдѣ еще такъ много книжничества, а подчасъ и фарисейства, съ душою человѣческой обращаются жестоко, ее насилуютъ всевозможными способами, заставляя усваивать тысячи вещей, ей ненужныхъ. Она — какъ желудокъ фокусника, глотающаго камни, гвозди, перья, стекло и т. п.—старается выбросить изъ себя все это возможно скорѣе, но, какъ желудокъ фокусника, въ концѣ концовъ разстраивается и часто гибнетъ. Развѣ не гибель — страшное переутомленіе современной интеллигенціи, развитіе — въ степени

какой-то моды — нейрастеніи, нервнаго истощенія, психозовъ и неврозовъ? Огромная ошибка думать, что причина переутомленія — чрезмѣрное *количество* занятій. Не количество труда, а нездоровое *качество* его вызываетъ истощеніе. Устаютъ люди оттого, что работаютъ ненужное, несвойственное душѣ. На каторгѣ иногда казнятъ людей безсмысленнымъ занятіемъ: пересыпаніемъ песку изъ одной кучи въ другую и обратно. Говорятъ, что нѣтъ мучительнѣе и тяжелѣе такого труда, а тѣ-же каторжники легко и весело работаютъ въ полѣ отъ зари до зари.

Поэтому честному юношѣ на порогѣ школы нужно бояться, какъ яда, ненужныхъ знаній. Ему не такъ-то легко будетъ отстоять здоровье духа, его свободу; убережься отъ ненужнаго часто труднѣе, чѣмъ пріобрѣсти необходимое. — Однако, нельзя-же не проходить обязательныя программы, замѣтятъ мнѣ. Нельзя. Но пренебрегать ими и не слѣдуетъ. *Планъ* ихъ можетъ не соотвѣтствовать индивидуальной природѣ студента, но *матеріалъ* ихъ можетъ быть годнымъ для душевной постройки, хотя-бы по другому плану. Отъ добросовѣстной *свободной* работы студента не можетъ быть ущерба для общественныхъ цѣлей школы; обществу нуженъ извѣстный объемъ знаній, а какъ они размѣщены — это не важно. Всѣ обязательныя программы въ сущности лишь сухіе перечни требуемыхъ свѣдѣній, и начать-ли счетъ съ начала или съ конца—все равно, лишьбы итогъ былъ полонъ. Лѣсоводу все равно, въ какихъ направленіяхъ вѣтвятся корни дерева или его сучья—лишь-бы стволъ выросъ, — самому-же дереву это не все равно. Душа учащагося юноши то-же растеніе, но педантизмъ преподавателей пытается даже самые тонкіе вѣтви душевнаго развитія направлять «по обдуманной программѣ».

Отстоять полноту развитія очень трудно въ теперешней школѣ, слишкомъ разбившейся на факультеты и ка-

ѳедры, раздернутой на спеціальности Нынѣшняя школа—храмъ, гдѣ каждый вѣрующій ставитъ свѣчи своему любимому образу, гдѣ молятся всѣмъ святымъ, только не Богу. Въ одномъ лишь названіи—universitas—остался отзвукъ стариннаго, первоначальнаго типа школы, когда она дававала не отдѣльныя знанія, а весь *міръ* ихъ, тогда извѣстный человѣку. Теперь этотъ міръ расширился и не вмѣшается ни въ какихъ стѣнахъ Стремиться человѣку усвоить себѣ весь міръ знаній — безполезно, да и ненужно. Для гармоническаго развитія духа достаточно небольшого количества знаній, но знаній важныхъ. Потому изъ безконечнаго міра науки, въ общемъ для всѣхъ неодолимой, каждый человѣкъ долженъ создавать свой мірокъ нужныхъ ему свѣдѣній—и это будетъ истинная полнота его индивидуальнаго образованія. Какъ птица вьетъ гнѣздо нетолько изъ сучковъ пріютившаго ее дерева, но и изъ травокъ, добытыхъ на сторонѣ и даже изъ собственныхъ перышекъ, — такъ честный юноша въ высшей школѣ. онъ не довольствуется матеріаломъ, даваемымъ съ каѳедры, а энергически собираетъ знанія изъ самостоятельнаго чтенія и собственнаго размышленія и вьетъ ихъ по своему душевному росту. Эта ласточкина, кропотливая, страшно-радостная работа и есть лучшій видъ ученія: онъ называется *самообразованіемъ*. И это не низшій типъ образованія, а высшій. Пусть тупые педанты укоряютъ, что «самоучки» всегда—«недоучки», и что внѣ безконечнаго сидѣнья на школьныхъ скамьяхъ нѣтъ просвѣщенья На самомъ дѣлѣ, наоборотъ: кто не самоучка—сидитъ онъ или не сидитъ въ школѣ—всегда невѣжда. Какъ-бы ни были блестящи профессора, но они никогда не даютъ всего, что нужно, и самаго-то нужнаго и не даютъ. Можно еще поручить посторонним лицамъ построить для себя домъ или сшить одежду, но никто иной на свѣтѣ, а только самъ человѣкъ можетъ быть строителемъ своей души: профессора—поставщики сырого матеріала. Въ сущности, идти въ высшую школу

со всею роскошью ея пособій нужно не для образованія, какъ принято выражаться, а для *самообразованія*.

Говорить о лучшихъ способахъ усвоенія знаній здѣсь конечно, не мѣсто. Да вопросъ о средствахъ мнѣ всегда казался второстепеннымъ. Способы и средства безчисленны, сегодня на вашемъ пути телѣга, завтра дилижансъ, послѣ завтра—желѣзная дорога, электрическая, гидравлическая и т. п., наконецъ воздушный корабль: трудно предвидѣть безчисленныя сочетанія, благопріятныя для данной цѣли. Вотъ въ *цѣли*-то и весь вопросъ. Есть-ли какая-нибудь цѣль у юноши стоящаго «на порогѣ храма»? Достойная-ли человѣка это цѣль?

Я не говорю объ эгоистическихъ цѣляхъ образованія, о мечтахъ быть прикомандированнымъ къ государственной канцеляріи по окончаніи курса и т. д. Существуетъ-ли, я спрашиваю, *идеальная* цѣль у идущаго къ алтарю науки? Есть-ли въ немъ *вѣра* въ какого-нибудь Бога жизни?

У честнаго юноши все это есть, по крайней мѣрѣ въ лучшія минуты его сознанія. И мнѣ кажется, что окончательная задача высшей школы не умственная, не эстетическая, а *нравственная*. Не для того нужно стремиться знать, чтобы *знать*, а съ цѣлью *передать* это знаніе, какъ и стремиться вообще получить счастье допустимо лишь съ тѣмъ, чтобы кому-то *отдать* счастье. Какъ-бы ни были высоки откровенія науки, они безсмысленны, если скрыть ихъ въ себѣ, какъ безсмысленъ свѣтъ въ наглухо закрытомъ фонарѣ. Загораемся мы знаніемъ для единственной цѣли, чтобы *свѣтить* людямъ. И я кончаю тѣмъ, съ чего началъ —Вы, юноши, стоящіе на порогѣ свѣта! Не забудьте великой тьмы народной. тьмы кромѣшной, гдѣ подавленный нищетой, на днѣ жизни, на холодномъ полу грязной избы деревенской изнываетъ геній народный, неокрыленный знаніемъ. Вы—дѣти этой-же тьмы. Народъ родилъ васъ, народъ послалъ васъ къ источнику свѣта, чтобы вы дошли до него и

принесли его. Посмотрите, онъ поднялъ на васъ тревожныя, полныя ожиданія очи. Неужели и вы измѣните ему, какъ измѣнили дѣды ваши и отцы?

XII.

Просвѣщеніе—если оно благородство—налагаетъ великій нравственный долгъ, которому нѣтъ конца—распространять это благо. Этотъ всегдашній долгъ—священная, апостольская миссія интеллигенціи. Но для современнаго поколѣнія, какъ послѣдняго и потому наиболѣе вооруженнаго, этотъ долгъ особенно повелителенъ и неотложенъ. Вы, полные юности и энергіи, вступаете въ *двадцатый* вѣкъ христіанской цивилизаціи. Неужели и въ двадцатомъ вѣкѣ вы будете терпѣть, что родной народъ остается въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, какое есть въ мірѣ, позади всѣхъ народовъ, не только христіанскихъ, но и языческихъ? Я говорю: языческихъ, такъ-какъ и въ Японіи, и въ Китаѣ, и въ Персіи и даже въ Бухарѣ народъ несравненно образованнѣе нашего, школы тамъ обильны и всѣмъ доступны. По своей природѣ, по своей арійской крови, нашъ народъ одинъ изъ благороднѣйшихъ, но какими-то злыми чарами онъ держится во тьмѣ, лишенный даже простыхъ *письменъ*, уже сорокъ столѣтій тому назадъ изобрѣтенныхъ! Не грамотность еще не есть невѣжество, но печальная *мѣра* его, какъ безоружность—мѣра безсилія человѣка. Выросшій среди природы и ею наученный, народъ нашъ одаренъ тѣмъ, что можетъ дать природа—геніемъ, но онъ безоруженъ и безпомощенъ. Пора освободить его и вывести изъ мрака. И вотъ этотъ подвигъ возлагается на честную молодежь, идущую теперь къ алтарямъ. Пусть она будетъ поколѣніемъ спасающимъ, ведущимъ, мужественнымъ, поколѣніемъ Моисеевъ и Іисусовъ Навиновъ, потому-что воистину народъ нашъ еще въ плѣну египетскомъ. Какъ-бы хорошо было, еслибы все это поколѣніе дало за-

вѣтъ на порогѣ храма, по выходѣ изъ него идти во тьму и просвѣщать народъ, и теперь-же, не откладывая, втеченіе ближайшихъ десятилѣтій. Какое-бы чудесное было и радостное движеніе! Какъ-бы затрепетала унылая душа уже зрѣлой, старѣющей интеллигенціи, несчастной отъ сознанія неисполненнаго долга! Какъ бы потянулось къ великому союзу все то, что есть сильнаго и честнаго въ русскомъ обществѣ! Что этотъ союзъ для просвѣщенія народнаго возможенъ—доказываютъ огромныя просвѣтительныя общества на Западѣ, великія лиги образованія, насчитывающія милліоны членовъ. И у насъ пора подняться арміи просвѣтителей и взяться наконецъ серьезно и честно за эту необходимѣйшую изъ задачъ времени. Что пора уже настаетъ этому, доказываютъ множество разнозненныхъ образовательныхъ кружковъ, обществъ грамотности, комитетовъ и т. п. Пора имъ соединиться въ огромное всенародное дѣло, которое захватило-бы всѣ сословія съ тою страстью, съ какою старое поколѣніе боролось съ крѣпостнымъ рабствомъ. То одолѣть было безконечно труднѣе. Неужели поколѣніе XX вѣка малодушно отступитъ отъ своего очереднаго долга?

Но задача просвѣтить народъ—дѣло великое и страшное: честному юношеству необходимо самому овладѣть *истиннымъ* свѣтомъ. И этотъ свѣтъ не недоступенъ. Пусть честное юношество тѣснѣе и сердечнѣе сблизится съ честными учеными, пусть слушаетъ ихъ и читаетъ. Но чтобы всегда знать и не ошибаться—истинный свѣтъ или болотное мерцаніе горитъ на алтарѣ храма, честное юношество должно помнить о милліонахъ бѣдныхъ братьевъ деревенскихъ, голодныхъ и темныхъ, глядящихъ въ отчаяніи на Того, «изъ открытаго сердца Котораго рвется пламень»...

Дружескіе союзы.

I.

Въ Петербургѣ отъ времени до времени возникаетъ мысль—до сихъ поръ не осуществленная — объ основаніи этическаго кружка, или говоря полнѣе —общества этической культуры.

Общество этики, кружокъ любителей нравственной жизни—это нѣчто совершенно небывалое въ Россіи, если не говорить о масонахъ съ одной стороны и нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектахъ съ другой. Масоны, сослужившіе Россіи большую, до сихъ поръ неоцѣненную службу, къ сожалѣнію, давно исчезли (заграницей они всюду допущены, и въ ихъ ложахъ записаны даже нѣкоторые короли). Раскольничьи секты, именно тѣ, которыя отличаются высокою нравственностью, ютятся въ глубинахъ народныхъ, внѣ общественнаго сознанія. Собственно *общественная* жизнь, жизнь образованныхъ и богатыхъ классовъ, сплетена изъ безчисленнаго множества кружковъ, товариществъ, компаній, союзовъ, сословій съ всевозможными цѣлями, только не съ просто-нравственными. Я не смѣю касаться огромныхъ, всеохватывающихъ союзовъ — государственнаго, съ его правовыми цѣлями, внутренними и внѣшними, и союза церкви, съ задачею религіозною. Не буду говорить также объ общенародномъ экономическомъ союзѣ, ни даже объ ученыхъ и художественныхъ обществахъ, преслѣдующихъ часто пре-

красныя задачи, но не чисто-нравственныя. Ни литературные, ни научные, ни драматическіе, ни музыкальные и т. п. кружки не заботятся о нравственномъ развитіи своихъ членовъ, не говоря о безчисленныхъ компаніяхъ на почвѣ картъ, сомнительнаго спорта, вина и распутства. Какъ это ни странно, въ нашемъ христіанскомъ обществѣ практикуется объединеніе людей на всевозможныхъ, и возвышенныхъ, и низкихъ началахъ, только не было еще примѣра, чтобы люди изъ общества собирались во имя интересовъ чистой нравственности. Благотворительныя общества?—но ихъ цѣль не усовершенствованіе жизни самихъ членовъ, а лишь матеріальная помощь бѣднякамъ. Монастыри?—но это религіозныя учрежденія, и притомъ, не мірского характера. Недавнія, крайне рѣдкія и слабыя попытки устройства нравственныхъ кружковъ «на лонѣ природы» встрѣтили мало сочувствія и много совершенно незаслуженнаго глумленья.

Этическое общество, впрочемъ, было-бы новостью только въ Россіи, привыкшей отставать отъ культурной жизни Запада на цѣлыя десятилѣтія. Въ западныхъ (протестантскихъ) странахъ этическія общества считаются десятками, а въ Америкѣ, даже сотнями и тысячами. Живя «вдали отъ большого свѣта» цивилизаціи, внѣ кипучей жизни передовыхъ народовъ, мы и представить себѣ не можемъ, какъ одушевлевно живетъ лучшая часть тамошней интеллигенціи, какіе новые и жгучіе вопросы ее волнуютъ. При довѣрчивой свободѣ жизни тамъ не гибнутъ, какъ въ иныхъ странахъ, зародыши новыхъ общественныхъ формъ, а какъ молодые всходы подъ солнцемъ достигаютъ своего расцвѣта. По этой причинѣ всякая свѣтлая идея находитъ себѣ быстрый и сочувственный откликъ: тотчасъ-же по всей странѣ возникаетъ движеніе, принимающее иногда колоссальные размѣры,—стоитъ назвать «Армію спасенія», или движеніе трезвости, движеніе въ пользу всеобщаго мира, народныхъ университетовъ (Тойнбиголлъ) и т. д.

Собственно этическое движеніе, съ цѣлью пропаганды нравственной жизни, возникло впервые за океаномъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ пророкомъ его явился профессоръ Феликсъ Адлеръ. Надо вспомнить, что заокеанская республика была основана бѣглецами—квакерами, благочестіе которыхъ дало не только удивительную мощь культурную, но выразилось во множествѣ явленій нравственнаго характера. Собственно каждыя изъ мелкихъ церквей, на которыя раздробился протестантизмъ, преслѣдовала особую нравственную задачу. Втеченіе одного столѣтія является рядъ замѣчательныхъ мыслителей—моралистовъ (стоитъ назвать Франклина, Эмерсона, Торо, Чанинга),—живое доказательство уже сложившейся нравственной культуры. Аболиціонизмъ выдвинулъ немало организацій съ нравственными цѣлями и самъ былъ великимъ нравственнымъ движеніемъ. Немудрено, что на такой почвѣ возникаютъ общества, посвященныя спеціально этикѣ. Въ главныхъ городахъ Америки начали, еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, основываться союзы, клубы, кружки подъ различными названіями: «христіанскія общества молодыхъ людей» или «молодыхъ женщинъ», клубы «Реформы», «Дружбы», «Самоусовершенствованія» и проч. Изъ Америки это движеніе перекинулось въ Англію и Германію, куда занесъ его тотъ же Адлеръ. Въ Лондонѣ существуетъ уже нѣсколько этическихъ обществъ; въ Германіи «Нѣмецкое общество этической культуры», основанное два года тому назадъ, имѣетъ около 2000 членовъ и отдѣленія свои, кромѣ Берлина, въ Бреславлѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Фрейбургѣ, Килѣ, Магдебургѣ и Страсбургѣ; въ этомъ обществѣ участвуетъ рядъ представителей высшей интеллигенціи, профессора Гижицкій, Іодлъ, Ферстеръ, Тенніесъ и др. Общество имѣетъ и свой еженедѣльный органъ «Etische Kultur». Какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ наряду съ этическими обществами дѣйствуетъ рядъ другихъ религіозно-нравствен-

ныхъ пропагандъ: стоитъ назвать дѣятельность въ Германіи Макса фонъ-Эгиди и проф. Лемана (редактора «Единаго Христіанства»), недавно скончавшагося Дудлея Фильда въ Америкѣ, кардинала Лавижери, Ж. Массэ и др. во Франціи, Бутса, Джона Тревора, основателя «Церкви Труда» и Джона Кенворти въ Англіи, Бьернсона въ Норвегіи и пр. Въ русскую печать рѣдко проникаютъ—да и то лишь крайне отрывочныя — свѣдѣнія объ этихъ, въ высшей степени любопытныхъ движеніяхъ, которыя столь живо свидѣтельствуютъ о высокой интеллигентности западныхъ расъ.

II.

Могутъ-ли возникнуть этическія общества въ Россіи—хотя бы въ томъ скромномъ размѣрѣ, въ какомъ допущены близкія имъ по духу общества: трезвости, религіозно-нравственнаго просвѣщенія и др.—это вопросъ открытый. Основная цѣль этическихъ обществъ на Западѣ—свѣтская проповѣдь человѣчности. На Западѣ — да и у насъ отчасти — общество въ религіозномъ отношеніи настолько пестро, такъ много въ немъ отдѣльныхъ вѣроисповѣданій, толковъ, сектъ, расколовъ, что религія часто разъединяетъ людей, а не соединяетъ. На почвѣ религіи возникаютъ самые горячіе и самые безплодные, неразрѣшимые споры, вызывающіе ненависть людей-братьевъ. Поэтому учредители этическихъ обществъ стараются вести пропаганду гуманности внѣ религіозныхъ различій, на почвѣ общей, признаваемой всѣми религіями,—на почвѣ совѣсти. Несмотря на то, что западная жизнь вооружена безмѣрными силами цивилизаціи—многовѣковой наукой, всеобщимъ просвѣщеніемъ, — лучшіе люди Запада неудовлетворены настоящимъ и боятся за будущее. Стремительный прогрессъ богатства и бѣдности, столкновенія соціальныхъ интересовъ насытили атмосферу еще небывалою враждебностью, духъ конкурренціи, политической

и экономической борьбы развился до степени напряженія, близкаго къ соціальному взрыву. Быстрый, головокружительный ростъ соціализма и подземный гулъ анархіи предсказываютъ недалекую эпоху борьбы, борьбы жестокой, въ которой могутъ исчезнуть высокія завоеванія гуманности послѣднихъ вѣковъ. Вотъ въ предчувствіи этихъ бурь и поднимаютъ свой голосъ этическія общества, съ страстнымъ желаніемъ смягчить инстинкты, ослабить духъ вражды и борьбы за жизнь. «Мы пришли, говоритъ профессоръ Ферстеръ, къ убѣжденію, что всѣ политическія, соціальныя и религіозныя реформы будутъ безплодны, пока существуетъ борьба за существованіе, которая, несмотря на тысячелѣтнюю культурную работу, почти не измѣнила человѣчества... Мы должны сознаться, что вопреки христіанству и философіи, мы, въ сущности, остались дикарями... Наше общественное состояніе, наши сужденія и поступки, наши мысли и чувства носятъ печать старыхъ софизмовъ и страстной борьбы... Единственный исходъ изъ этого печальнаго состоянія—реформа народнаго воспитанія и общественной жизни, культивированіе во всѣхъ областяхъ дѣятельности разумныхъ и гуманныхъ формъ... Этическія общества должны стремиться къ облагороженію мысли и чувства человѣка, къ распространенію міросозерцанія, могущаго охватить все человѣчество безъ различія оттѣнковъ. Они должны создать *нравственную атмосферу*, которая одна только и сдѣлаетъ возможными коренныя преобразованія человѣческаго общества. Теперь чистѣйшія стремленія разбиваются объ общую разрозненность и равнодушіе... Мы надѣемся, съ лозунгомъ: «одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного» оживить вѣру въ побѣду добра...»

Какими средствами добиваются этическія общества своихъ цѣлей—объ этомъ я распространяться не стану *.

* Нѣкоторыя изъ этическихъ обществъ, напримѣръ, лондонское «The progressive Association», занимаются вопросами наукъ, искусствъ, исторіи, гигіены, общественной экономіи, улучшеніемъ жилищъ и са-

Эти средства состоятъ въ собраніяхъ, рѣчахъ, лекціяхъ, устройствѣ школъ и нравственныхъ развлеченій, въ изданіи нравственныхъ журналовъ, книгъ, брошюръ и т. п. Пропаганда нравственности словомъ и примѣромъ чистой жизни—вотъ «практическая дѣятельность» этихъ обществъ.

III.

Безъ сомнѣнія, обширная и оффиціальная организація нравственной пропаганды была-бы желательна и у насъ, но насколько она осуществима — для меня не ясно. Я боюсь, не превратилось-бы этическое общество въ Петербургѣ въ одно изъ тѣхъ многочисленныхъ столичныхъ обществъ, о которыхъ внѣ Петербурга никто не слыхивалъ, и вліяніе которыхъ на жизнь народа равно нулю. «Океанъ русской земли» слишкомъ обширенъ, и какъ небольшой островъ въ океанѣ, Петербургъ совершенно изчезаетъ изъ виду, разъ вы отъѣдете отъ него. Уже за Колпинымъ начинается совсѣмъ иной, загадочный, необъятный міръ, до сихъ поръ, несмотря на многовѣковыя усилія, плохо поддающійся бюрократическому воздѣйствію. Энергія этого воздѣйствія, сосредоточенная въ одномъ мѣстѣ, въ немъ большею частью и остается; чтобы привести сырую массу въ движеніе, необходимо, чтобы сила была приложена въ возможно большемъ числѣ точекъ: необходимы дѣятельные *мѣстные* центры, а ихъ что-то не видно. Это замѣчается во всѣхъ сферахъ русской жизни и несомнѣнно повторится въ нравственномъ движеніи. Для провинціи, мнѣ кажется, нужны были-бы не крупныя, широко-организованныя нравственныя общества, съ уставами, президентами, вице-президентами, секретарями, комиссіями, протоколами, от-

---

нитарной обстановки, устраиваютъ выставки свободныхъ искусствъ, читальни и библіотеки. «Западное лондонское этическое общество» между другими вопросами разрабатываетъ теорію или науку права и т. д.

четами и пр., а маленькіе, такъ-сказать, *домашніе* этическіе кружки, кружки друзей, не требующіе регламентаціи.

Поглядите на наши большія общества, ученыя, литературныя, благотворительныя. Устраиваются они съ прекрасными цѣлями, и въ самый первый, зачаточный періодъ, когда къ вамъ пріѣзжаютъ: «не хотите-ли записаться въ члены», когда въ маленькомъ кружкѣ учредителей, обыкновенно, близкихъ знакомыхъ и друзей, идутъ воодушевленные разговоры,—въ этотъ періодъ такія, еще *неосновавныя* общества очень симпатичны. Еще нѣтъ устава, нѣтъ предсѣдателя, протоколовъ, взносовъ и пр. и пр., нѣтъ даже опредѣленныхъ цѣлей, а какъ хорошо себя чувствуешь въ кругу этихъ горячихъ энтузіастовъ, разсуждающихъ о любимомъ дѣлѣ безъ устали, жарко спорящихъ, собирающихъ матеріалы, разрабатывающихъ ихъ — такъ просто, для себя. Съѣзжаются другъ къ другу по-очереди, и тотчасъ-же у нихъ шумъ и споръ,— если это теоретики, — или чтеніе, декламація, музыка, если это любители искусствъ. Со стороны глядя—очень мало толку въ такихъ кружкахъ; сами члены соглашаются, что это безпорядокъ, но безпорядокъ этотъ, если всмотрѣться въ него, — творческій, полный жизни. Но вотъ жизнь начинаетъ изсякать—и начинаютъ поговаривать: «пора, наконецъ, дать нашему дѣлу болѣе широкое распространеніе», «не худо-бы основать общество»... Эта несчастная мысль тотчасъ-же подхватывается всѣми съ восторгомъ, такъ-какъ искреннимъ, страстнымъ любителямъ какого-нибудь дѣла свойственъ духъ пропаганды его, жажда побѣды и торжества. «Помилуйте, теперь кружокъ нашъ — десять-пятнадцать человѣкъ, а образуется общество—наберемъ цѣлыя сотни и тысячи членовъ. Вѣдь это внушительная общественная сила! Вѣдь если обложить каждаго хоть по десяти рублей—выйдетъ солидная сумма: можемъ издавать журналъ, имѣть свою квартиру, собрать библіотеку, читать публичные доклады,—да мало-ли что! Теперь мы — нѣчто эфемерное,

сегодня собираемся, а завтра разъѣхались, и никакого оффиціальнаго значенія, никакого признанія за нашимъ дѣломъ нѣтъ. Будетъ «общество»—будетъ *уставъ*, т е. мы сами и наше дѣло получимъ законную санкцію, защиту и поддержку власти. Мы будемъ извѣстны, какъ такіе-то, будемъ дѣйствовать вполнѣ открыто, а главное—правильно. Теперь, только-что соберемся, Иванъ Иванычъ сцѣпится съ Петромъ Петровичемъ; сейчасъ-же споръ, другъ друга перебиваютъ, всѣ говорятъ безъ очереди, кто во что горазд. То-ли дѣло· предсѣдатель, колокольчикъ, молебенъ предъ открытіемъ засѣданія, «голосъ за вами», протоколъ, ревизія, отчетъ...»

IV.

Хотя русская жизнь во многомъ отстала отъ европейской, но нигдѣ столько не любятъ регламентаціи, какъ у насъ. Если нѣтъ устава, то намъ кажется, что нѣтъ и никакого порядка. Въ силу этой воспитанной въ насъ вѣками страсти къ бюрократизму, всѣ члены случайнаго кружка не считаютъ его даже кружкомъ, пока онъ не связанъ уставомъ, и всѣ очень охотно примыкаютъ къ мысли «ходатайствовать объ утвержденіи общества такого-то». Уже съ этого момента начинается какой-то надломъ въ кружкѣ. Прежде всего оказывается, что для того, чтобы основать *общество*, первоначальнаго кружка близкихъ друзей мало. «Нужно по крайней мѣрѣ, чтобы нашлось хоть тридцать человѣкъ, чтобы подавать прошеніе». Начинаютъ собирать ихъ, и вотъ въ тѣсный, сплоченный кружокъ вторгаются люди не всѣмъ близкіе, инымъ вовсе незнакомые, неизвѣстные или даже просто непріятные. Можетъ-быть, они и сочувствуютъ общей идеѣ, но съ какихъ сторонъ—это еще Господь вѣдаетъ, да и горячо-ли сочувствуютъ? Можетъ-быть, только такъ, по-дилетантски? Въ кружкѣ, гдѣ еще вчера звучалъ искренній, непринужденный разговоръ, гдѣ душа

каждаго была нараспашку, сразу воцаряется нѣкоторый холодъ, естественное стѣсненіе въ полузнакомомъ обществѣ. Начинаются переговоры. Всѣ оказываются какъ-бы говорящими на разныхъ языкахъ. Тогда-какъ прежде, въ домашнемъ кружкѣ, всѣ понимали другъ друга съ полуслова, всѣ давно спѣлись и ушли далеко впередъ,— новые члены ничего не знаютъ и ничего въ толкъ не берутъ; каждому приходится разъяснять все съ яицъ Леды, и какъ-бы вы ему ни разъясняли, все-же онъ воспринимаетъ какъ-то механически; онъ не пережилъ самъ всю исторію зачатія кружка, и онъ остается навсегда какъ-бы не оплодотвореннымъ, чуждымъ дѣлу. Начинается «выработка устава», и тутъ даже старые члены ощущаютъ какое-то затменіе. «Чего собственно мы хотимъ?» Это было ясно, пока не задавали себѣ вопроса, а какъ пришлось формулировать дѣло, оказалось, что самыя дорогія, затаенныя стороны его въ слова какъ-то не укладываются. Живое, трепещущее жизнью, войдя въ параграфъ, мертвѣетъ, окостенѣваетъ до неузнаваемости. Возникаютъ споры и пререканія—не о самомъ дѣлѣ, какъ прежде, а *по поводу* дѣла, споры о словахъ, о фразахъ. Я знакомъ съ нѣсколькими благотворительными, литературными и другими обществами, и еще не встрѣчалъ устава, дающаго хоть какое-нибудь понятіе о предметѣ обществъ: все околичности, не относящіяся къ *существу* ихъ, къ ихъ внутренней жизни. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по утвержденіи устава—какъ-бы тщательно онъ ни составлялся — обнаруживаются вопіющіе пробѣлы, излишества, упущенія, неясности, противорѣчія, въ которыхъ живое дѣло путается какъ въ тенетахъ. Но и въ лучшемъ, идеальномъ случаѣ уставъ, какъ неподвижное опредѣленіе извѣстнаго процесса, даетъ лишь скелетъ его—съ тою разницей, что скелетъ тѣла ростетъ вмѣстѣ съ нимъ и развивается, а уставъ остается надолго неизмѣннымъ. Да и какъ предсказать, во что выльется игра жизни, ея всегда причудливое творчество? Въ ка-

кіе параграфы уловить эту тонкую, загадочную стихію? А если не уловить, то къ чему тогда и параграфы? Но вотъ уставъ законченъ, подписанъ, утвержденъ. Насталъ вожделѣнный день открытія. Изъ тѣснаго кабинета Ивана Ивановича, гдѣ собирались столько лѣтъ основатели общества, кружокъ переходитъ въ обширный залъ. На открытіе является толпа совершенно новыхъ, незнакомыхъ членовъ, толпа публики—уже вовсе не посвященная, въ присутствіи которой какой-же разговоръ можетъ быть искреннимъ? Молебенъ, привѣтственное слово батюшки, чтеніе телеграммъ. Шумъ, говоръ, толкотня. Выбираютъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя, членовъ комитета, казначея, секретаря, ревизіонную комиссію—сразу является двадцать новыхъ вопросовъ: Кого выбрать въ вице-предсѣдатели? Кого въ казначеи? и т. д. И всѣ эти двадцать вопросовъ ни малѣйшаго отношенія къ *идеѣ* общества не имѣютъ, къ той идеѣ, ради которой всѣ собрались. Приходится выбирать на-авось, и нѣсколькимъ человѣкамъ вручать «дѣла» общества, власть направлять ихъ, какъ заблагоразсудится имъ. Поднимается предсѣдатель, благодаритъ за честь избранія, обѣщаетъ положить всѣ силы свои «для процвѣтанія дорогого дѣла» и пр. и пр. Оживленные апплодисменты; какой-нибудь ораторъ отвѣчаетъ предсѣдателю льстивой рѣчью, опять хлопанье, вставанье предсѣдателя и т. д. То-же иногда продѣлывается и съ остальными должностными лицами, на что уходитъ добрая половина засѣданія. Со второго собранія начинается чтеніе «протокола предыдущаго собранія», со внесеніемъ къ нему замѣчаній. Вамъ хочется доложить обществу интересную мысль по общему дѣлу,—предсѣдатель вѣжливо притрогивается къ колокольчику:—«Pardon, этотъ вопросъ не значится въ повѣсткѣ! Согласно §... вопросы, предлагаемые на обсужденіе собранія, должны вноситься въ комитетъ за столько-то дней до засѣданія..» Тщетно вы доказываете, что ваша мысль сейчасъ только пришла вамъ въ голову, а не нѣсколько дней тому назадъ, и не

откладывать-же ее до слѣдующаго собранія, черезъ два-три мѣсяца. Предсѣдатель вѣжливо приподнимаетъ уставъ и дѣлаетъ сокрушонный видъ Такъ ваша мысль и осталась въ вашей головѣ, и вы не услыхали того, что огли-бы возразить на нее всѣ эти живые люди именно теперь, когда вы настроены съ ними говорить объ этой именно мысли.—«Неугодно-ли выслушать, господа, докладъ нашего уважаемаго сочлена Прохора Прохорыча!» Уважаемый сочленъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ взбирается на каѳедру, краснѣетъ, блѣднѣетъ, оправляетъ свѣчи, волнуется и начинаетъ глухимъ, срывающимся голосомъ читать что-то длинное, безконечное, наполненное цитатами, цифрами, таблицами, вмѣстить которыя въ теченіе часа, не можетъ, конечно, никакое вниманіе. Вы можетъ быть и интересуетесь мыслью доклада, но гдѣ она, эта мысль? Найдите ее въ этомъ ворохѣ ненужныхъ фразъ и цифръ, которыми, въ качествѣ солидной обработки, загромоздилъ докладъ уважаемый сочленъ. Вы невольно вянете и дремлете, начинаете рисовать передъ собою веселыхъ и скучающихъ свинокъ, какъ генералъ на засѣданіи въ одной повѣсти Дѣдлова. Вамъ невольно приходитъ мысль: «Неужели это тотъ самый Прохоръ Прохорычъ, который былъ такъ краснорѣчивъ и интересенъ въ нашемъ домашнемъ кружкѣ? Тамъ онъ не читалъ, конечно, докладовъ, не могъ подтвердить каждаго слова арсеналомъ цифръ и цитатъ, но зато было то неоцѣненное удобство, что человѣкъ сразу приступалъ къ дѣлу и говорилъ свою главную мысль, и тотчасъ-же выкладывалъ всѣ главные аргументы. Коротко и ясно, и оттого было интересно. И языкомъ говорилъ живымъ, человѣческимъ, не этимъ жаргономъ плохихъ газетъ и канцелярій, тягучимъ и витійственнымъ, затемняющимъ самую простую мысль. И тамъ, въ кружкѣ, Прохоръ Прохорычъ говорилъ хоть иногда и неудачное, но нѣчто *свое*, тогда-какъ теперь все сыплетъ банальными выписками изъ учебниковъ и энциклопедій. Хочется, видители, блеснуть эрудиціей!»

Пока вы такъ разсуждаете, на каѳедру взбирается другой ораторъ съ подобнымъ-же точь-въ-точь докладомъ, гдѣ пара мыслей, очень недурныхъ для домашняго маленькаго разговора, закутана въ вороха компилятивнаго «ученаго аппарата». Нельзя-же въ большомъ, полузнакомомъ обществѣ, показаться невѣждой и не упомянуть á propos des bottes всего, что когда-либо говорилось «по данному предмету» со временъ Адама. Тоска, тоска! Вы скучаете, вы раздражены претензіей своихъ друзей блеснуть ученостью, ихъ рисовкой, вы невольно придумываете возраженіе непріятное оратору, такое, чтобы «сбить немного спѣсь», и совершенно невольно это возраженіе выходитъ несовсѣмъ честнымъ, т.-е. нестолько противъ вопроса, сколько противъ оратора. Что еще горше,—когда вы сами начинаете говорить, то опять-таки—совершенно невольно — повторяете пріемы и манеры противника, т. е. прибѣгаете къ ненужной учености, украшеніямъ слога и вьявь кривляетесь, къ собственному удивленію, и чувствуя, что раздражаете этимъ своихъ противниковъ. Что за притча? Она объясняется просто: вы говорите не такъ какъ дома потому, что вы не дома: на глазахъ толпы — другая психологія, и очень трудно сохранить ту искренность и неподдѣльность мысли, на какую вы способны въ маленькомъ кружкѣ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ скучнѣе подобныхъ собраній при затаенной раздраженности ихъ. Эта раздраженность ведетъ вмѣсто борьбы за общее дѣло къ борьбѣ междоусобной; энергіи отдѣльныхъ членовъ соединяются не для того, чтобы преодолѣвать внѣшнія препятствія, а для того, чтобы преодолѣвать внутреннія, устраиваемыя другъ другу. Иванъ Ивановичъ стремится искоренить Прохора Егорыча и наоборотъ, такъ что вся дѣятельность общества носитъ самоубійственный характеръ. Вмѣсто «великаго, святого дѣла» развивается родъ спорта, родъ умственныхъ скачекъ, что особенно ясно во время выборовъ, ревизій и т. п. Тутъ сразу обнаруживает-

ся, что никакого «общества» нѣтъ, а есть рядъ знакомыхъ кружковъ, изъ которыхъ каждый старается провести въ предсѣдатели и въ комитетъ своихъ воротилъ. Тутъ разгораются страсти, очень далекія отъ увлеченія идеей общества, начинаются споры о «вопіющихъ безпорядкахъ отчетности», о «недостаткѣ суммъ», о «нарушеніи устава» и т. д. и т. д. По русской нравственной невоспитанности, завязавшаяся борьба переходитъ въ рядъ подвоховъ, клеветъ, инсинуацій, а то и просто «оскорбленій»—на словахъ и даже «дѣйствіемъ». Тутъ только и проявляется хоть немножко жизни, но совсѣмъ по другому поводу, съ идеей общества неимѣющему ничего общаго. Всѣ сколько-нибудь серьезные члены понемногу перестаютъ посѣщать общество, въ него набирается шушера, добивающаяся украсить визитную карточку словами: «членъ такого-то общества», или, если это общество съ капиталами,—подбирающаяся къ его капиталамъ... И глядишь, черезъ нѣкоторое время горсточка старыхъ, искреннихъ любителей дѣла, затѣявшихъ общество, снова начинаетъ собираться другъ у друга, въ тѣсныхъ кабинетахъ, и тутъ снова, какъ встарь, отводитъ душу въ интимной, непринужденной бесѣдѣ.

— Отчего вы не пойдете на докладъ NN въ такомъ-то обществѣ?

На это резонный отвѣтъ: Если докладъ этотъ дѣльный,—его напечатаютъ, и я лучше-же прочту его не торопясь, съ прохладцей, съ должнымъ вниманіемъ. Если-же докладъ пустой,—я буду избавленъ отъ потери цѣлаго вечера.

Спрашивается, для чего тогда существуютъ общества? Большинство обществъ не имѣютъ никакого смысла, не имѣютъ даже задачи личнаго ознакомленія людей одинаковыхъ профессій. Вмѣсто общенія, такія общества часто вносятъ разобщеніе въ живое дѣло. Свободные, независимые дѣятели сошлись-бы и столковались между собою, но связанные параграфами устава и китайскими

церемоніями, они могутъ и не сойтись. Другой и хотѣлъ-бы подѣлиться съ друзьями своею мыслью, да нужно для этого докладъ писать—слуга покорный! А другой и радъ-бы выслушать мысль пріятеля, да для этого надо его докладъ читать—слуга покорный!

V.

Все это заставляетъ меня думать, что для этическихъ союзовъ, какъ и для многихъ другихъ, гораздо выгоднѣе маленькіе кружки, нежели большія общества Вообще для жизни поменьше-бы уставовъ, предсѣдателей, секретарей и протоколовъ, побольше-бы искренности и довѣрчивости во взаимной работѣ. Въ сущности, никому не нужны эти пухлые доклады, отчеты, «труды», «записки»—всѣ эти виды «трупнаго окоченѣнія» идеи, естественные только для мертвыхъ человѣческихъ отношеній, искусственно созданныхъ и нуждающихся въ мертвыхъ регламентахъ. Подальше отъ лицемѣрной комедіи, которая называется «порядкомъ» общественнаго дѣла. Все живое находитъ опредѣленіе въ самомъ себѣ; когда вы искренно увлечены какой-нибудь мыслью, то моментъ ея творчества и есть настоящая жизнь, настоящее дѣло ваше. Явился живой обмѣнъ такихъ только-что родившихся мыслей — вотъ вамъ и «засѣданіе». Безъ всякаго протокола, отчетовъ и ревизій вся мѣра жизни, какая явится въ этомъ обмѣнѣ мысли, войдетъ въ васъ сполна. Не надо жадничать, набирать сочленовъ и матеріальныя средства, воздвигать библіотеки, архивы—все это не усиливаетъ жизнь, а ослабляетъ. Все нужное доступно, все излишнее обременительно. Въ саду Эпикура, въ маленькомъ кружкѣ рыбаковъ на Тиверіадскомъ озерѣ, въ хижинѣ Сократа или Эпиктета не было ни библіотекъ, ни архивовъ, ни протоколовъ, а сколько было горячей и счастливой жизни въ нихъ! И эта жизнь, въ нихъ воспламененная, не померкла и до сихъ поръ.

Вѣдь въ чемъ самая задача нравственнаго единенія? Единственно—въ созиданіи истинной дружбы между людьми и взаимномъ совершенствованіи. По самому смыслу этихъ вещей, онѣ возможны лишь при близкомъ, сердечномъ знакомствѣ людей и ихъ постоянномъ сожительствѣ. Допустимо-ли это въ большомъ обществѣ? Достаточно-ли для дружбы и обмѣна нравственныхъ вліяній «немножко знать» г-на такого-то, или «встрѣчаться иногда» съ г-жей такой-то? Очевидно—самая природа нравственныхъ отношеній требуетъ тѣснаго, ограниченнаго кружка, и я не помню въ исторіи примѣровъ огромныхъ дружескихъ союзовъ. Со временъ Давида и Іонафана, Ореста и Пилада, кружки, связанные нравственными узами, были очень тѣсны. Возьмите дружины героевъ, кружки аоинскихъ философовъ, школы художниковъ эпохи Возрожденія, общины отшельниковъ—всѣ искренніе, братскіе союзы бывали въ небольшомъ составѣ. Христосъ избралъ не болѣе двѣнадцати ближайшихъ друзей, да и то не обошлось безъ измѣнника. Иногда, правда, эти маленькіе, тѣсно сросшіеся кружки видимо разростались, какъ напримѣръ община пиѳагорейцевъ (хотя строгій искусъ при принятіи въ члены этой общины — пятилѣтнее молчаніе — можетъ быть имѣлъ цѣлью именно ограничить число членовъ), но разростались такія общины органически, постепеннымъ присоединеніемъ къ кружку людей предварительно сжившихся съ нимъ. Число апостоловъ христіанства возросло лишь съ цѣлями пропаганды его, когда рѣшено было разсѣяніе по всѣмъ краямъ земли. Истинно-дружескіе кружки («церкви») съ цѣлями нравственнаго спасенія могли охватывать всѣхъ жителей деревни или городка, но уже въ первые дни христіанства чувствовалось неудобство обширныхъ общинъ (Дѣянія V—VI), возникали раздоры и распаденія, а затѣмъ и ереси. Такъ-что подобно тому какъ въ біологіи жизнь клѣтки держится лишь при ограниченномъ числѣ молекулъ, такъ и въ устройствѣ живыхъ клѣтокъ

человѣческаго общества — дружескихъ союзовъ — число членовъ должно быть не велико.

VI.

Каковы должны быть цѣли нравственныхъ кружковъ? Объ одной прекрасной цѣли—о созданіи дружбы—я уже упомянулъ. Я думаю, эта цѣль такъ серьезна, что одной ея было-бы достаточно для образованія кружковъ. Дружба! Я не знаю, есть-ли еще что-нибудь на свѣтѣ дающее радость и смыслъ жизни болѣе, чѣмъ дружба. Поэты стараго времени, а съ ихъ словъ иные и теперешніе воспѣваютъ «любовь», любовь къ женщинѣ, какъ высочайшее земное счастье, но эту дурную моду пора-бы уже оставить. Только дружба придаетъ любви къ женщинѣ благородный оттѣнокъ, и безъ дружбы эта «любовь» пріобрѣтаетъ нѣчто «свиное», по выраженію героя «Крейцеровой сонаты». Древніе греки—самые тонкіе цѣнители счастья, высочайшимъ благомъ жизни считали дружбу, и если мрачный Шопенгауеръ рекомендовалъ одиночество, то лишь для оправданія своего болѣзненнаго характера. Хорошо быть одинокимъ, если вы знаете, что недалеко отъ васъ есть милыя и родныя души, всегда жаждущія васъ видѣть и къ которымъ вы можете сейчасъ-же пойти. Но быть одинокимъ въ толпѣ чужихъ и холодныхъ душъ, зная, что никто о васъ не подумаетъ, точно васъ и на свѣтѣ нѣтъ, знать, что вы обречены этимъ четыремъ стѣнамъ на долгіе годы, на всю жизнь—это тяжело. Какой-бы ни были вы мудрецъ, сколько-бы ни отвлекала васъ работа мозга отъ «легкой радости земной», все-же вы замѣтите наконецъ свою затерянность среди людей. Еще Шопенгауеры могутъ замѣнить себѣ недостающихъ друзей воображаемыми, они могутъ расчитывать на дружбу въ отдаленномъ потомствѣ, въ человѣчествѣ; но каково чувствовать себя одинокимъ обыкновенному смертному, который живетъ

только въ настоящемъ и разъ исчезаетъ, то навсегда? Для такого всякій горькій часъ одиночества — потеря жизни. Кому не приходилось переживать этихъ мучительныхъ часовъ, когда «пойти некуда», когда сердечно хочется пожать кому-нибудь руку, услышать дружескій голосъ, васъ понимающій,—и приходится сидѣть дома, въ четырехъ постылыхъ стѣнахъ, потому-что некуда пойти, нѣтъ друга? Къ чему здоровье, молодость, богатство сердца, энергія мозга—къ чему все это, если не съ кѣмъ раздѣлить радости обладанія этими благами? Къ чему «обезпеченность» и карьера, ради которыхъ столь часто и безжалостно разрываются юношескія связи? Въ сущности, если поразмыслить, мы только и живемъ, что участіемъ къ намъ близкихъ, ихъ живымъ вниманіемъ къ намъ—иначе для чего-же жить?

Устройство дружбы—самый важный вопросъ счастья, какъ я уже писалъ (въ «Думахъ о счастьѣ» и въ «Началахъ Жизни»), но какъ уродливо этотъ вопросъ рѣшается! На прекрасной почвѣ возникаетъ какое иногда отвратительное сближеніе! Загляните въ рекреаціонные уголки гимназистовъ и кадетовъ; изъ какихъ-бы хорошихъ семей они ни выбирались, поразительно, сколько грязи, суеты, пустоты они накапливаютъ въ своей памяти для взаимнаго обмѣна. Такъ-какъ большинство даже порядочныхъ семей у насъ лишены религіозной культуры или проникнуты лицемѣріемъ, то ребенокъ не выноситъ изъ семьи искренняго уваженія ни къ чему высокому; какъ и родители его, онъ маленькій ханжа: онъ совершенно равнодушенъ къ Богу, природѣ, человѣческому генію, своей совѣсти, и неравнодушенъ только, какъ и родители, къ чувственнымъ утѣхамъ. На чемъ прежде всего строится дружба, самая горячая дружба «первыхъ классовъ»? Конечно, на тайномъ откровеніи душъ другъ другу, помимо сознанія, — но реальною почвою для сближенія являются часто окурки папиросъ, взаимное обученіе «затягиваться», трата денегъ на гостинцы,

продѣлки надъ учителями и совмѣстные обманы. Въ высшихъ классахъ, дружба укрѣпляется на тайныхъ попойкахъ и обученіи разврату, въ его теоріи и практикѣ. И такое товарищество даже считается особенно крѣпкимъ; вошло даже въ обрядъ дружбы—*пить* брудершафтъ, и нежеланіе пить вмѣстѣ считается измѣной дружбѣ. Однимъ изъ правилъ этого сквернаго рыцарства считается «посвящать» младшихъ въ утѣхи жизни, возить ихъ въ притоны и т. п. Бываютъ прекрасныя исключенія, когда чистые отъ природы, хорошо воспитанные мальчики сблизятся между собою на какомъ-нибудь любимомъ предметѣ, на увлекательной книжкѣ, на общей тоскѣ по роднымъ. Возникаетъ иногда страстная, чистая, какъ первая любовь, доходящая до обожанія дружба, и едва-ли возможно болѣе святое счастье, чѣмъ даетъ такое сближеніе. Юношеская привязанность, начавшись съ учебниковъ и игрушекъ, переходитъ въ возрастъ серьезныхъ увлеченій поэзіей, общественными идеалами, наукой, въ возрастъ сердечныхъ бурь, и все это дѣлится вмѣстѣ. Въ сущности, оба друга растутъ общей жизнью, органически проникаясь взаимно лучшими, самыми ясными настроеніями души. Такая дружба для каждаго есть какъ-бы жизнь, удвоенная въ энергіи и красотѣ; каждый въ своемъ другѣ, «вѣрномъ и честномъ», пріобрѣтаетъ «второе Провидѣніе» по прекрасному выраженію Жуковскаго. Но, къ сожалѣнію, такая дружба крайне рѣдка. Гораздо чаще въ юности, какъ и потомъ, сближаютъ худшія, а не лучшія стороны души, и происходитъ обмѣнъ не жизненныхъ соковъ сердца, а его гноя. *Истинная* дружба, мнѣ кажется, на зараженной почвѣ невозможна. Какъ въ шайкѣ разбойниковъ не можетъ быть дружбы, ибо нѣтъ полнаго довѣрія другъ къ другу и полнаго уваженія («продастъ, подлецъ!»), такъ и въ кружкахъ пьяницъ и развратниковъ: сколько-бы ни дѣлили между собою грязи, самые закоренѣлые изъ этихъ господъ знаютъ, что это грязь и въ глубинѣ души, даже лакомясь грязью, презираютъ ее.

Дружба невозможна безъ уваженія другъ къ другу, она и есть само уваженіе, а можетъ-ли уважать «сомнительный» человѣкъ «сомнительнаго?»

Я думаю, по этой именно причинѣ въ нашихъ среднихъ кругахъ истинная дружба такая рѣдкость; слишкомъ ужъ всѣ мы сомнительны и слишкомъ мало за каждымъ дѣйствительныхъ правъ на уваженіе. Изъ провинціи вѣчно слышатся жалобы на тоску, «невыносимую, до отчаянія доводящую скуку». Можетъ быть, главный источникъ ея—отсутствіе истинной дружбы, обмѣна благородныхъ стремленій. Обмѣнъ низкихъ стремленій плодитъ только презрѣніе и злость—эту душевную мглу, въ которой хирѣетъ опустившійся русскій человѣкъ.

Тѣмъ и благодѣтельны были-бы *нравственные* союзы, что они воскресили-бы возможность истинной дружбы, возможность безкорыстныхъ и чистыхъ отношеній между людьми. Это было-бы возвращеніемъ молодости и поэзіи въ жизнь, слишкомъ быстро старящуюся теперь въ заразѣ зла.

VII.

Должны-ли быть нравственные союзы «благотворительными»? Я думаю,—нѣтъ. Одно уже присутствіе нравственныхъ кружковъ въ обществѣ, конечно, будетъ великимъ благомъ и источникомъ блага, но именно для этого нравственные кружки не должны быть благотворительными. Цѣль всякихъ благотворительныхъ обществъ (а ихъ и безъ того множество) — оказывать *матеріальную* помощь бѣднымъ, т.-е. бороться съ матеріальною нищетой. Цѣль нравственныхъ союзовъ должна состоять въ *нравственной* помощи людямъ, въ борьбѣ съ *нравственной* бѣдностью. Матеріальный недостатокъ—не самое ужасное зло, и часто вовсе не зло. Бываетъ, конечно, нищета безвыходная, нищета-истязаніе, голодная и холодная пытка, но тутъ уже безъ всякихъ разговоровъ, уставовъ и протоколовъ нужно бросаться къ погибаю-

щему ближнему и спасать его: просто грѣшно дѣлать въ обществѣ «докладъ» по этому поводу, назначать комиссію и ревизію. И ужь конечно, нравственные кружки, цѣль которыхъ—пробужденіе совѣсти, не останутся глухи къ *дѣйствительному* страданію нищеты. Но именно совѣсть-то и указываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ матеріальная помощь недостаточна. Искренній человѣкъ, желающій подѣлиться съ бѣднякомъ, всегда приходитъ къ тѣмъ безвыходнымъ недоумѣніямъ, къ которымъ пришолъ Л. Н. Толстой во время извѣстной переписи въ Москвѣ. Такой человѣкъ съ совершенной ясностью видитъ, что сколько-бы онъ ни давалъ денегъ, платья и т. п., онъ нисколько не измѣняетъ *судьбы* бѣдняка, того *общаго* ужаснаго положенія, въ которое онъ попалъ. Это положеніе зависитъ отъ какихъ-то важныхъ и долговременныхъ причинъ, лежащихъ и внѣ нищаго, и внутри его, и милостыня никогда не добирается до этихъ причинъ, а тщетно борется лишь съ послѣдствіями. Источникъ матеріальной нищеты оказывается въ *душевной бѣдности*—или самого бѣдняка, или его окружающихъ. Часто люди страшно нуждаются только потому, что не знаютъ мѣры нужнаго, и какъ пьяницы въ запоѣ, не могутъ насытить своихъ желаній. Имѣя все необходимое и даже излишнее, они томятся завистью и тщеславіемъ, которыя не имѣютъ границъ. Помогая имъ, вы съ грустью видите, что удовлетворяете не хорошіе, а дурные ихъ инстинкты. Множество нищихъ терпятъ и дѣйствительныя, не мнимыя лишенія, но только потому, что отвыкли отъ трудовой и честной жизни, привыкли къ пьянству и распутству. Поможетъ-ли имъ матеріальная помощь? Около благотворительныхъ обществъ, какъ около средневѣковыхъ монастырей, ютятся цѣлыя полчища душевно-падшихъ людей, и поневолѣ согласишься со Спенсеромъ, что ходячая благотворительность только плодитъ этихъ паразитовъ и подготовляетъ «грядущее рабство»—трудъ дѣятельныхъ и честныхъ силъ общества на пита-

ніе праздныхъ и порочныхъ. Большинство такихъ людей слишкомъ привыкли къ своей порочности и (какъ проститутки и воры) предпочитаютъ свою профессію всякой другой. Матеріальная поддержка оставляетъ ихъ на днѣ того-же омута, гдѣ они и были, и извлечь изъ него можетъ только *нравственная* помощь несчастнымъ, только подъемъ ихъ жизнеспособности, отрезвленіе совѣсти.

Такъ именно и понимаютъ это члены англійскихъ нравственныхъ обществъ, напримѣръ «Арміи Спасенія», они не подаютъ милостыни, а идутъ къ нищимъ въ притоны и логовища, живутъ съ ними, увѣщеваютъ ихъ, работаютъ около нихъ, и живымъ примѣромъ и горячимъ словомъ оживляютъ падшую душу; они бьются до тѣхъ поръ, пока бѣднякъ самъ не захочетъ во что-бы ни стало подняться на ноги, взяться за плугъ, лопату или топоръ, пока онъ не увѣрится, что еще не все потеряно и жить еще можно свободно и достойно. Безъ *внутренняго возстановленія* невозможно внѣшнее, и истинная помощь должна быть направлена именно на это внутреннее спасеніе человѣка.

Хотя нищета вообще рѣдко постигаетъ людей сильныхъ духомъ, трезвыхъ, трудолюбивыхъ и бережливыхъ, однако есть значительный разрядъ нищихъ поневолѣ. Разореніе ихъ происходитъ отъ чьего-либо хищничества, какіе-то видимые или невидимые паразиты присваиваютъ себѣ продукты труда ихъ и держатъ ихъ на уровнѣ рабства. И тутъ источникъ зла—въ нравственной бѣдности и хищниковъ, недостаточно добрыхъ, и ихъ жертвъ, недостаточно стойкихъ. И тутъ матеріальная помощь не вліяетъ на судьбу бѣдняковъ; бороться съ причиной подобной бѣдности—можно и здѣсь лишь нравственнымъ вліяніемъ: *возстановленіемъ совѣсти.*

VIII.

Такимъ образомъ, цѣль этическаго движенія есть не матеріальная, а высшая, *духовная* благотворительность.

Нравственные кружки должны собирать разсѣянное *духовное* богатство людей, и тогда вслѣдъ за душевной состоятельностью неизбѣжно явится и матеріальная. Такая духовная благотворительность не легка; она безконечно труднѣе благотворительнаго взноса, съ полученіемъ квитанціи въ выдачѣ столькихъ-то рублей вдовѣ такой-то. Нравственная помощь —это проповѣдь не только словомъ, но и *дѣломъ*; она не исключаетъ и матеріальныхъ жертвъ, но ставитъ ихъ на второй планъ, какъ нѣчто разумѣющееся само собою. Не нужно придавать большого значенія матеріальнымъ жертвамъ. Онѣ неизбѣжны, но всегда второстепенны, а истинно важна только нравственная помощь, возрожденіе душевное. Человѣкъ отъ человѣка, какъ и Богъ, ищетъ «милости, а не жертвы».

Для того чтобы нравственный кружокъ нашолъ въ себѣ достаточныя нравственныя силы для духовной благотворительности, онь долженъ ихъ предварительно выработать въ себѣ. Апостольство истины есть величайшее изъ призваній, но для этого самъ апостолъ долженъ укрѣпиться въ началахъ истины. Какъ физическая сила и ловкость пріобрѣтается послѣ многолѣтнихъ безпрерывныхъ упражненій, такъ и нравственная сила: укрѣпленіе души требуетъ не менѣе суровой гимнастики и дисциплины, и окончательные, поразительные результаты достигаются и здѣсь съ такимъ-же трудомъ, какъ и во всякой другой способности. Нравственность, какъ знаніе и талантъ, нуждается въ долгой школѣ, въ тщательномъ изученіи теоріи и напряженныхъ «практическихъ занятіяхъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то не принято говорить о *нравственномъ невѣжествѣ* людей, хотя оно—самое распространенное изъ невѣжествъ. Въ то время какъ домашнее воспитаніе преслѣдуетъ болѣе всего образованіе манеръ, а школьное—образованіе ума, на нравственное развитіе почти не обращается вниманія. Въ лучшемъ случаѣ внушается ребенку нѣсколько отвлеченныхъ фор-

мулъ: не воруй, не говори дурныхъ словъ, не лги и т. п., которыя запоминаются менѣе сознательно, чѣмъ даже геометрическія или алгебраическія формулы: послѣднія доказываются и выводятся, тогда-какъ нравственныя заповѣди ни на чемъ не основаны. Еще въ религіозныхъ семьяхъ указывается безусловный и достаточный императивъ нравственныхъ истинъ,—въ семьяхъ же безразличныхъ къ религіи теорія нравственности столь-же шатка, какъ и практика, и тутъ встрѣчаются примѣры чудовищнаго невѣжества. Юноша выростаетъ, кончаетъ «среднее» и «высшее» образованіе, пріобрѣтаетъ широкое развитіе въ наукахъ и искусствахъ и въ то-же время остается грубо-безграмотнымъ въ сферѣ нравственныхъ отношеній. Подобно тому какъ крестьянинъ, не учась геометріи, знаетъ общія аксіомы,—что «цѣлое больше своей части», «сумма частей составляетъ цѣлое» и т. п., такъ и любой интеллигентъ знаетъ, конечно, нравственныя положенія: «не убій», «не укради» и т. п.; но какъ знаніе геометрическихъ аксіомъ не даетъ еще крестьянину ни малѣйшаго знанія геометріи, такъ и горсточка прописной морали не даетъ интеллигенту никакого нравственнаго знанія. Иной интеллигентъ, весь вѣкъ довольствующійся азами нравственности, и не подозрѣваетъ, что область совѣсти столь-же обширна, сложна и интересна, какъ и область любой науки, и въ сущности, обширнѣе всѣхъ, такъ-какъ охватываетъ собою всѣ сферы внутренней и внѣшней дѣятельности человѣка.

Есть ходячее суевѣріе, будто именно научное знаніе ведетъ къ нравственному развитію. Образованный человѣкъ, сдавшій сто-одинъ экзаменъ, считается менѣе способнымъ на какую-нибудь низость, чѣмъ не сдавшій ихъ. Жизнь, однако, рѣшительно опровергаетъ этотъ предразсудокъ. Можетъ быть *истинное* знаніе и возвышаетъ человѣка, но пока ничѣмъ не доказано это относительно *школьнаго* знанія. Процентъ преступности интеллигентныхъ классовъ не ниже, а выше, чѣмъ въ простомъ на-

родѣ, и это несмотря на обезпеченность, устраняющую многіе виды преступленій, несмотря на воспитаніе хорошихъ манеръ и на рискъ потерять свое положеніе въ обществѣ. Стоитъ заглянуть въ судебную хронику, чтобы убѣдиться, какъ мало предостерегаетъ просвѣщенность ума отъ ошибокъ совѣсти. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ * судили въ Петербургѣ ученаго генерала за то, что онъ бросилъ законную семью и разбросалъ дѣтей по какимъ-то грязнымъ трущобамъ, связавшись съ сомнительными женщинами. Судили графа, бывшаго камергера, юриста и писателя, уличеннаго въ поддѣлкѣ завѣщанія Судили князя, потомка владѣтельныхъ князей, аристократа pur sang, уличеннаго въ мошенничествѣ, и т. д. и т. д. Всѣ мы знаемъ профессоровъ, занимающихся биржевыми гешефтами или продающихъ свое знаніе первому фальсификатору, знаемъ ученыхъ, работающихъ по заказу любого кулака; знаемъ поэтовъ, продающихъ свое вдохновеніе бакалейщикамъ. Часты-ли примѣры, что отъявленный мерзавецъ не находитъ себѣ «знаменитаго адвоката»? Много-ли вы вспомните случаевъ «неподкупной честности» и отстаиванья своихъ убѣжденій тамъ, гдѣ это небезопасно? А загляните въ современную Францію съ ея чудовищно-позорнымъ шантажемъ печати, или въ Соединенные Штаты съ не менѣе позорной исторіей Таммани-Голла. Цвѣтъ интеллигенціи, публицисты, редакторы, люди съ высшимъ образованіемъ, депутаты парламента, даже министры оказываются грязнѣйшими мошенниками, продающими свои голоса и вліяніе по таксѣ и даже вымогающими деньги, какъ разбойники на большой дорогѣ, подъ страхомъ клеветы и опозоренія. Всѣхъ этихъ лицъ никакъ нельзя назвать необразованными — въ сферѣ умственной; но нравственная ихъ неразвитость напоминаетъ дикарей. Что школьное образованіе не всегда укрѣпляетъ нрав-

*) Въ 1895 г.

ственность—доказываетъ та-же Франція· въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ эта страна идетъ во главѣ народнаго просвѣщенія, затрачивая на него огромныя средства, а между тѣмъ нравственность въ населеніи падаетъ прогрессируетъ цифра самоубійствъ, помѣшательствъ, особенно пьянства, усилившагося чуть не вдвое въ послѣднія 40 лѣтъ, — а «преступность дѣтей, говоритъ одинъ изслѣдователь, увеличилась въ поражающихъ размѣрахъ: съ 5.933 въ возрастѣ отъ 16 до 21 года (50 лѣтъ тому назадъ) она поднялась до 20.480 для мальчиковъ, и съ 1066 до 2839 для дѣвочекъ. На 100.000 молодыхъ людей означеннаго возраста приходится 1,308 преступниковъ. Преступность между мальчиками ниже 16 лѣтъ увеличилась въ то-же время на 139%, а между дѣвочками— на 117%» и т. д. Конечно, умственное образованіе— если оно истинное — не ведетъ къ преступности (примѣръ—Англія, гдѣ преступность дѣтей падаетъ), но школа ума отнюдь не есть въ то-же время и школа совѣсти.

IX.

Нравственное развитіе, какъ и всякое, нуждается въ крайне-тщательномъ воспитаніи, въ долговременной *школѣ*. Конечно, лучшею школою нравственности является нравственно-просвѣщенная семья, проникнутая уваженіемъ къ человѣку, культомъ нравственнаго долга. Ребенокъ, имѣвшій счастье родиться въ такой семьѣ, инстинктивно впитываетъ въ свою душу примѣры чистой жизни и чистой мысли, онъ невольно самъ проникается стихіей благородства и симпатіей къ людямъ; вмѣстѣ съ нимъ ростетъ въ немъ и праведная, героическая душа. Но часто-ли встрѣчаются такія семьи? Не гораздо-ли чаще семья является школой жестокости и всякой низости?

Поглядите на малютокъ, свѣженькихъ, какъ только-что проглянувшая зелень: какъ они невинны и божественны въ своей ранней чистотѣ! Онѣ входятъ въ міръ

съ тѣми-же потребностями дружбы, какъ и взрослые, и первыхъ друзей встрѣчаютъ въ родителяхъ. Поглядите, какое благотворное, облагораживающее вліяніе производитъ ребенокъ на родителей, и какое часто пошлое вліяніе имѣютъ они на ребенка. Они, грубые и душевно мертвые, глядя на ребенка, вдругъ просыпаются къ жизни, какъ пустыня подъ дождемъ, они восхищаются и смѣются и готовы зацѣловать ребенка до смерти. любовь такъ и брыжжетъ у нихъ въ сіяніи глазъ, въ дикомъ отъ радости смѣхѣ. Ребенокъ воскрешаетъ падшую душу взрослыхъ, и рядъ дѣтей, поддерживая въ семьѣ этотъ безсмѣнный восторгъ любви воспитываетъ родителей, дѣлаетъ ихъ лучшими, чѣмъ они были до брака.

Таково вліяніе ребенка на первыхъ его друзей, наоборотъ, эти друзья вліяютъ на него чаще всего плачевно. Въ промежуткахъ восторга мать и отецъ передаютъ ребенку всѣ дурныя привычки, всю черствость души, и уже къ школьному возрасту зараза «взрослости» до того изгаживаетъ дѣтей, что ихъ послушать страшно.

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно...

Эти горькія слова Некрасова, увы! могутъ повторить про себя большинство русскихъ образованныхъ людей. Конечно, если-бы уже были налицо чистыя и нравственныя семьи—какихъ-бы еще нужно было лучшихъ «нравственныхъ кружковъ»? Но въ томъ то и дѣло, что нѣтъ ихъ, этихъ идеальныхъ семей, или онѣ слишкомъ рѣдки. Вспомните дѣтство Никанора Затрапезнаго — вотъ наиболѣе частый типъ нашего средняго общества. Можетъ-ли изъ подобнаго зараженнаго гнѣзда, прогнившаго корыстностью, злопыхательствомъ, ханжествомъ и ложью, выйти здоровая душа? И если изъ такихъ омутовъ выходятъ не одни «Іудушки», но и великіе ихъ авторы, то не *благодаря*, а *вопреки* отравляющему вліянію этихъ

омутовъ. Не встрѣть въ своей жизни иныхъ, лучшихъ семей—пансіона, лицея, литературы, Салтыковъ не выбился-бы изъ ужасныхъ вліяній родной семьи; тамъ, въ омутѣ, онъ былъ-бы типичнѣйшимъ представителемъ своей жестокой среды. Даже и вырвавшись изъ домашняго міросозерцанія, даже облагороженный огромнымъ талантомъ, Салтыковъ до конца дней носилъ слѣды уродливаго, безнравственнаго воспитанія, и его непримиримая, незаживающая злоба вызывалась острой болью измученной въ дѣтствѣ, израненной души Щедринъ вышелъ изъ средне-дворянскаго круга, но изъ какихъ семей—за рѣдкими исключеніями — выходятъ писатели - разночинцы,—вы можете видѣть изъ біографій Помяловскаго и Рѣшетникова. Отчего-же и гибнутъ наши таланты въ большинствѣ случаевъ, «не успѣвши расцвѣсть», какъ не отъ безнравственныхъ привычекъ, вынесенныхъ изъ первой школы жизни—родной семьи?

Вотъ мнѣ и кажется, что «нравственные кружки» могли-бы нѣсколько возмѣстить собою отсутствующую у насъ нравственную семью. *Вполнѣ* замѣнить семью невозможно, но важно создать хоть что-нибудь, что очищало-бы душу отъ вынесенной изъ дѣтства пошлости. Въ противовѣсъ средѣ, которая «заѣдаетъ», слѣдуетъ устраивать вокругъ себя среду, которая возстановляла-бы. И при достаточныхъ усиліяхъ—это достижимо.

X.

Вы, можетъ быть скажете: «Духовное совершенствованіе есть дѣло личное и настолько внутреннее, что чье-либо вмѣшательство можетъ только помѣшать ему; исправляйтесь про себя: нескромно выносить на судъ толпы святыню своей души» и пр. и пр. Съ этимъ возраженіемъ трудно согласиться. Личное совершенствованіе не можетъ быть внѣ общества, такъ-какъ сама нравственность внѣ общества не имѣетъ смысла. На необитаемомъ островѣ нельзя быть

нравственнымъ или безнравственнымъ, или, по крайней мѣрѣ, кругъ нравственнаго поведенія тамъ съуживается до размѣровъ правилъ гигіены. Нравственность предполагаетъ общество: она есть извѣстное *отношеніе* человѣка къ человѣку. Естественно, стало-быть, что человѣкъ, желающій поставить себя въ нравственныя отношенія къ людямъ, окружаетъ себя обществомъ, въ которомъ всего легче осуществить эти отношенія. Я хочу любить людей, я долженъ любить ихъ всѣхъ, но всего легче начинать это съ тѣхъ, которые уже нравятся. Я хочу обмѣна нравственныхъ, возвышающихъ вліяній между мною и людьми, и естественно сближаюсь съ тѣми, кто уже обнаружилъ возможность такихъ вліяній. Конечно, нравственное развитіе есть *внутренняя* работа надъ собою, но для нея нужны и внѣшнія условія: ободряющее вниманіе живыхъ людей, ихъ пониманіе и сочувствіе вашей внутренней работѣ, ихъ поддержка въ минуты нравственной усталости. Вѣдь все, чѣмъ искренно интересуешься, желаешь сообщить кому-нибудь; самое дорогое-то и требуетъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь подѣлиться. Замѣчательная мысль, прекрасное настроеніе,—не передать ихъ людямъ тяжело; утаить въ себѣ свое творчество или излить его четыремъ бездушнымъ стѣнамъ—это противоестественно. Истинная жизнь, можетъ быть, и состоитъ въ *обмѣнѣ* личнаго творчества, въ вѣчномъ дареніи другъ другу лучшихъ сокровищъ сердца. Какъ безъ встрѣчи атомовъ не было-бы ни огня, ни свѣта, не было-бы накопленія силы, не было-бы жизни, такъ и безъ встрѣчи нравственныхъ индивидуальностей не было-бы никакой радости въ совершенствѣ. Подобно тому какъ резонансъ дѣлаетъ музыку, отраженіе нашей жизни въ душѣ созвучныхъ намъ существъ придаетъ этой жизни поэзію и прелесть. *Теорія* нравственности еще можетъ быть до нѣкоторой степени усвоена отдѣльно отъ людей, но *практика* ея внѣ людей невозможна. Практика-же нравственности и есть установленіе къ людямъ тѣхъ чистыхъ и

святыхъ отношеній, которыхъ первый опытъ—въ нравственномъ кружкѣ.

Исторія всѣхъ людей, стремившихся къ добродѣтели, показываетъ, что безъ образованія маленькихъ дружескихъ кружковъ обойтись нельзя: стоитъ искреннему человѣку показаться въ обществѣ, какъ къ нему тянутся со всѣхъ сторонъ искреннія души, и еслибы онъ не хотѣлъ дружбы (а кто-же ея не хочетъ!), около него все-таки заводится кружокъ товарищей или учениковъ Вообразите Сократа безъ его друзей: онъ не былъ-бы Сократомъ. Онъ, какъ и всѣ великіе (а великіе—примѣръ для малыхъ), не только не чуждался людей, а искалъ ихъ: онъ жилъ затаенными глубинами духа—внѣ себя, *вслухъ*, такъ-что всѣ окружающіе дѣлались причастниками его несравненной мысли; какъ солнце, онъ не таилъ въ себѣ своихъ лучей. То-же дѣлали всѣ, кто истинно любилъ людей. Даже отшельники не оставались въ пустынѣ одинокими: они неизмѣнно притягивали къ себѣ изъ умиравшаго общества его живые элементы и около своихъ убѣжищъ устраивали новое, нравственно-здоровое общество.

Душевное сближеніе съ людьми при нравственномъ совершенствованіи дотого необходимо, что вылилось въ форму даже *исповѣди*, въ форму *послушанія*, т.-е, отреченія отъ своей воли. Психологія душевнаго возрожденія очень сложна, но кажется нѣтъ случая, когда не требовалось-бы нравственнаго единенія. Въ жизни не одна, а двѣ великихъ цѣли· самому сдѣлаться праведнымъ и помочь ближнимъ въ достиженіи праведности. Эти цѣли нераздѣлимы и должны преслѣдоваться одновременно. *Подвижничество* неотдѣлимо отъ *апостольства*, и нравственные кружки неизбѣжны при появленіи нравственности какъ желанной цѣли.

Каждый нравственный кружокъ, начавъ съ душевнаго развитія своихъ членовъ, кончаетъ, естественно, переустройствомъ ихъ жизни на началахъ братства. Яв-

ляется какъ-бы клѣточка новаго, грядущаго общества, старающаяся жить такъ, какъ будто это новое общество уже пришло Такіе кружки, одушевленные великими, забытыми идеалами, мнѣ кажется, явились-бы центрами желанной общественной эволюціи; сѣть этихъ живыхъ, насыщенныхъ духовной силой клѣтокъ, смыкалась-бы постепенно въ новую крѣпкую ткань. Какъ электричество накапливается на острыхъ выступахъ, — въ нравственныхъ союзахъ накапливалась-бы духовная энергія общества, нынѣ столь разсѣянная, создавались-бы мужественные характеры. Только *лично*-нравственные люди могутъ поднять *общественную* совѣсть, разбудить инстинкты соціальной справедливости, столь слабые у насъ. Появись хоть небольшая группа подобныхъ нравственно-свѣтлыхъ и сильныхъ людей на разныхъ ступеняхъ общества — тотчасъ-же почувствовалось-бы ихъ животворное вліяніе.

XI.

Могутъ спросить; возможны-ли нравственные кружки по самой природѣ нравственности? Вѣдь всякій кружокъ, общество, артель, братство—всякая отдѣльная группа есть отгораживаніе себя отъ остального человѣчества, замыканіе въ особенные, всегда эгоистическіе интересы. Нравственно-ли отдѣляться отъ людей ради какихъ-бы то ни было цѣлей? На это замѣчу, что отдѣляться нравственно— не отъ людей, а отъ ихъ дурной жизни, и въ устройствѣ *хорошей*, хотя-бы и особой жизни ничего нѣтъ предосудительнаго—при условіи, что эта хорошая жизнь не замкнута. Если нравственный кружокъ будетъ жить только для себя, то конечно онъ не будетъ нравственнымъ; самый смыслъ такихъ кружковъ въ служеніи остальнымъ людямъ. Каждый такой кружокъ безграниченъ по своей природѣ, т.-е. не столько *кружокъ* сколько *ядро*, центръ образующейся кругомъ новой неимѣющей опредѣленныхъ предѣловъ жизни. Приведу наглядный примѣръ.

Представьте себѣ, что гдѣ-нибудь въ глухомъ уѣздномъ городѣ нашлось пять-шесть человѣкъ, которые еще не совсѣмъ погрязли въ пьянствѣ и картахъ, которые тайно страдаютъ, что молодость проходитъ, жизнь клонитъ къ закату, и ничего, кромѣ мерзостей, вокругъ невидно. Эти люди всегда достаточно грамотны, чтобы заняться самообразованіемъ. Но за что взяться? Курсы физики, алгебры, исторіи? Довольно скоро алчущій духовно человѣкъ убѣждается, что курсы эти не отвѣчаютъ на то, что ему нужно. Эти курсы интересны, въ какихъ-то узкихъ направленіяхъ подвигаютъ впередъ, но не даютъ внутренняго, сердечнаго примиренья съ неясными, обступающими умъ запросами. Въ этихъ курсахъ цѣлые вороха маленькихъ истинъ, но нѣтъ одной какой-то, самой нужной, нѣтъ исходной точки для связнаго міросознанія. Напрасно хватается такой уѣздный интеллигентъ и за толстые журналы: чѣмъ больше читаетъ и думаетъ онъ, тѣмъ томленіе его больше; его невольно тянетъ къ такимъ-же, какъ онъ, томящимся людямъ, они читаютъ вмѣстѣ и разсуждаютъ, и чувствуютъ себя точно въ открытомъ морѣ — постоянно въ центрѣ заколдованнаго, недоступнаго горизонта. Вотъ подобный случайно сплотившійся кружокъ и удобенъ для превращенія его въ нравственный кружокъ, для созданія истинной дружбы и нравственной семьи. — «Намъ нужны не отрывочныя, мелкія знанія, а *міропониманіе,* нужна стройная система отвѣтовъ на самые важные жизненные вопросы. Ни изъ алгебры, ни изъ физики не вычитаешь этой системы: попробуемъ обратиться къ другимъ сферамъ мысли. Попытаемся общими силами добиться того, что намъ всего нужнѣе и что насъ всего лучше примирилобы съ жизнью». Въ подобныхъ разсужденьяхъ друзья очень скоро замѣчаютъ, что они необразованны нетолько умственно, но и нравственно, и принуждены бываютъ пополнить образованіе въ обоихъ отношеніяхъ.

За нравственнымъ образованіемъ они обращаются конечно, къ опыту человѣчества и съ удивленіемъ узнаютъ что точно такіе-же внутренніе запросы мучили благороднѣйшихъ людей вѣка и десятки вѣковъ назадъ, что въ литературѣ сохранились остатки удивительныхъ ученій, крайне интересныхъ, возвышенныхъ и совершенно неизвѣстныхъ въ уѣздномъ городѣ. Вчитываясь внимательно въ эти великія книги, въ творенія Платона, Эпиктета, Сенеки, Марка Аврелія, въ ученія Конфуція, Будды и др., уѣздные мечтатели приходятъ къ выводу, что подобно тому какъ ариѳметикой не ограничивается, а только начинается математика, — такъ и прописной моралью не исчерпывается, а лишь предсказывается высшій курсъ нравственности, курсъ, полный глубокихъ и важныхъ построеній, хотя и покоящихся на основныхъ аксіомахъ, всѣмъ извѣстныхъ, но охватывающихъ крайне-разнообразно весь міръ жизни. Я думаю, что лишь проникнувшись нравственной философіей можно найти необходимую опору для постройки общаго міросозерцанія. Только нравственное чувство можетъ быть высшимъ критеріемъ въ разборѣ того, что въ мірѣ значительно и что ничтожно По внушенію лишь нравственнаго чувства, умъ въ состояніи выбрать дѣйствительно нужное, а талантъ—создать это нужное. Только пріобрѣтя нѣкоторую нравственную крѣпость, «алчущіе правды» начинаютъ успокаиваться и только тогда бодро принимаются за практическую работу. Когда все лучшее войдетъ въ ихъ мысль, они захотятъ осуществить это лучшее в ь жизни За теоретическимъ усвоеніемъ нравственной правды неизбѣжно слѣдуетъ перестройка жизни, своей и окружающей. Стыдно все говорить да говорить о хорошемъ, и ничего не дѣлать. Стыдно, зная о высшемъ благородствѣ, быть самому низкимъ. Посѣянная въ мозгу и пустившая корни нравственная мысль ростетъ въ человѣкѣ, какъ древо, съ которымъ Христосъ сравнилъ царство Божіе: это древо правды понемногу вѣтвится и про-

никаетъ въ мельчайшіе изгибы духа, внося всюду жизнь и свѣжесть. Кружокъ друзей, отдавшихся нравственнымъ вопросамъ, съ радостью замѣчаетъ, какъ всѣ они становятся лучше добрѣе, умнѣе, сдержаннѣе, трезвѣе, дѣятельнѣе. Они замѣчаютъ, что начали естественно и постепенно, безъ большихъ усилій, отставать отъ пошлыхъ обычаевъ, отъ злословія, пьянства, разврата, денежной игры и сопровождающей все это «убійственной скуки». Каждый начинаетъ чувствовать себя независимѣе и достойнѣе, чѣмъ прежде, и такими-же видитъ друзей своихъ. Всѣ они повеселѣли, поздоровѣли и главное — привязались другъ къ другу. — Въ союзѣ друзей, сжившихся на нравственныхъ задачахъ, возрожденный человѣкъ находитъ милую себѣ семью, если допускаетъ возрастъ и полъ—тутъ-же завязываются и органическія отношенія, создаются новыя безпорочныя семьи для продолженія дѣла любви и правды.. Душа человѣка расцвѣтаетъ, и вмѣстѣ съ нею расцвѣтаетъ весь міръ: чѣмъ *она* дѣлается возвышеннѣе, тѣмъ *онъ*—прекраснѣе. Скука становится невозможной, окружающая до того пустота наполняется богатымъ содержаніемъ, всюду является бездна самаго живого и плодотворнаго дѣла, прежде казавшагося скучнымъ, теперь—увлекательнаго. Для человѣка наступаетъ второе, духовное рожденіе, вторая юность. Во всѣхъ областяхъ духа — въ наукахъ, искусствахъ, литературѣ, нравственное начало открываетъ до того скрытый истинный—не чувственный, а *духовный* интересъ: въ мірѣ восходитъ точно новое солнце, впервые освѣщающее природу внутреннимъ, немеркнущимъ свѣтомъ.

Охрана юности.

Нужно очень немного такихъ, чтобы спасти міръ—до того они сильны.
(Достоевскій, «Дн Пис.» 1877 г. III).

I.

Быстро бѣгутъ золотые годы жизни. Недавно дѣйствовавшее поколѣніе близится къ закату... Куда идемъ мы? Какія у насъ надежды, какія цѣли въ будущемъ?

Грустно бываетъ видѣть вдумчивыхъ, честныхъ людей, которыхъ мучаетъ тайный недугъ сомнѣнья, неразрѣшеннаго вопроса: что дѣлать? Тяжела задача эта для человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, но когда полъ-жизни прожито, остается слишкомъ мало надеждъ, чтобы дѣлать между ними выборъ. Разъ выведенъ нижній этажъ судьбы—трудно строить верхніе по иному плану. Для людей старыхъ—тѣмъ болѣе трудно, хотя сознаніе нехорошо прожитой жизни должно быть горько. И, какъ-бы въ предчувствіи будущаго, для всѣхъ неизбѣжнаго вопроса передъ гробомъ — «Что сдѣлалъ ты изъ данной тебѣ жизни?» — въ предчувствіи грознаго суда совѣсти особенно мучается именно честная молодежь. Тщетно она хочетъ дознаться: «Такъ что-же дѣлать? Въ чемъ-же настоящій долгъ, непререкаемый идеалъ, къ которому нужно стремиться?»

Тихія мученія этой ранней совѣсти переживалъ каждый, но не всякому удавалось найти истинный путь, хотя-бы трудный. Я зналъ многихъ милыхъ, задушевныхъ молодыхъ людей, въ періодѣ ихъ душевнаго расцвѣта искавшихъ цѣлей жизни, нашедшихъ ихъ, отдавшихъ всю свѣжесть и блескъ души на избранное ими дѣло, а затѣмъ, черезъ много лѣтъ, разочарованныхъ, обманувшихся. Точно птицы, которыхъ гнѣзда развѣяла буря, они сиротливо хирѣютъ въ мірѣ, который имъ казался, когда они вступали въ него, такимъ прекраснымъ. Тяжело смотрѣть на нихъ и невольно спрашиваешь себя: Отчего несчастны добрые? Отчего нѣтъ утѣшенья честнымъ?

Я пробовалъ разрѣшить себѣ этотъ вопросъ по совѣсти, я изслѣдовалъ собственныя разочарованія, и пришолъ къ выводу, который многимъ покажется жестокимъ. Добрые не были-бы несчастными, если-бы были *вполнѣ* добрыми Честные не тосковали-бы, если-бы были *до конца* честными. Припомните, читатель, всѣ извѣстные вамъ случаи, когда изъ пылкихъ юношей и одушевленныхъ высокими цѣлями дѣвушекъ выходили въ самой жизни охлажденные, несчастные люди Прослѣдите шагъ за шагомъ ихъ жизнь, вдумайтесь въ ихъ основныя задачи — и какъ математикъ, провѣряющій весь ходъ работы, чтобы разъяснить неожиданный нелѣпый результатъ,—вы въ концѣ концовъ увидите болѣе или менѣе грубую ошибку въ самомъ «заданіи» жизни вашихъ знакомыхъ, ошибку въ цѣляхъ ея. Впрочемъ, даже и не слишкомъ грубая въ началѣ ошибка на долгомъ пространствѣ жизни ведетъ къ потерѣ цѣли, какъ небольшая погрѣшность въ курсѣ корабля ведетъ иногда къ катастрофѣ. Вы, которые когда-то въ честномъ порывѣ клялись служить человѣчеству и теперь проклинаете этотъ порывъ, вглядитесь въ свое служеніе: было-ли оно дѣйствительно, *служеніемъ*? Если-бы оно было имъ, то вы были-бы счастливы, вамъ пришлось бы, можетъ быть, про-

клятія замѣнить благословеньями. Да, изъ горькаг опыта жизни каждый честный человѣкъ выноситъ убѣж-о деніе, что ошибка—не въ хорошей цѣли, а въ плохомъ достиженіи ея. Какія-бы ни были невзгоды, благословенъ тотъ часъ, когда молодое сердце трепещетъ жаждой подвига! Жажда эта никогда не бываетъ ложной: нечисты лишь источники ея удовлетворенія.

Всѣ вы имѣли друзей, съ которыми въ молодые годы мечтали о раскрывавшейся передъ вами дали жизни. Вы собирались жить честно и заранѣе какъ-бы предвкушали счастье этой честной жизни. Одинъ изъ васъ желалъ быть учителемъ,—потому-что есть-ли благороднѣе задача, чѣмъ вносить истинное сознаніе въ неиспорченныя еще души? Учитель — не творецъ-ли новаго, лучшаго человѣчества, не первый-ли миссіонеръ правды? и пр. пр. Другой другъ желалъ быть врачемъ: пойти въ народъ на помощь гибнущимъ бѣднякамъ, на спасеніе основного народнаго фонда—здоровья. Врачъ, представитель наукъ точныхъ и строгихъ, развѣ не первый проповѣдникъ здоровыхъ началъ жизни, физическихъ и психическихъ? Третій другъ мечталъ сдѣлаться писателемъ.. О, объ этомъ и мечтать-то было страшно! Писатели вѣдь помазанники мысли; ихъ сердце своими біеніями движетъ міръ. Вѣдь все благородное, великое въ человѣчествѣ идетъ черезъ нихъ, преемниковъ мудрецовъ и пророковъ. Быть писателемъ, имѣть возможность говорить съ своимъ народомъ, съ высоты сознанія, — развѣ это не высшее изъ возможныхъ служеній обществу, и добившись его развѣ можно не положить всего своего разума, всѣхъ до капли силъ, чтобы явиться достойнымъ этого великаго призванія? И т. д. и т. д.

Такъ разсуждали вы въ юности, въ тѣсныхъ комнаткахъ за чаемъ, въ гимназическихъ или студенческихъ курточкахъ, и молодыя груди подымались высоко, взоры ваши горѣли... И это, по-истинѣ, была не ошибка. Несмотря на едва-проснувшійся умъ и отсутствіе всякаго

опыта жизни, вы судили вѣрно. Правда жизни—*откровеніе*, доступное даже младенцамъ; какъ свѣтъ съ неба она льется въ прозрачную душу отъ невидимаго, но чувствуемаго солнца правды. Да, именно тогда вы были на вѣрномъ пути, и если мучились сомнѣніями, то напрасно мучились; это именно «опытъ жизни» заслонялъ вамъ свѣтъ. «растлѣвающій, пошлый опытъ—умъ глупцовъ». Быстро пролетѣли годы юности, вы возмужали: жизнь давно взяла васъ со всѣми мечтами и идеалами—и что-же вышло? Счастливъ тотъ, кто можетъ сказать: Вышло то, что я и хотѣлъ; изъ меня вышелъ вполнѣ честный учитель, изъ меня—честный врачъ, изъ меня—честный писатель. Счастливъ тотъ, кто умирая, въ состояніи сказать себѣ: «Ну, что-жь? Я работалъ». Но тотъ, кто не можетъ сказать, что осуществилъ свои юношескія мечты,—навѣрное несчастенъ.

«Я, правда, учитель,—но знаете, какой это трудъ каторжный и неблагодарный! Долбить изо-дня въ день одно и то-же десятки лѣтъ, поправлять вороха тетрадокъ съ каракулями, трепетать начальства, ожидать съ тоскою пенсіи и геморроя... Нѣтъ, ужь лучше-бы я въ купцы пошолъ—богачемъ-бы былъ»...

Или: «Я врачъ, но чортъ-бы побралъ эту собачью жизнь! Одинъ на полъ-уѣзда, всюду тащутъ, ни лѣкарствъ порядочныхъ, ни инструментовъ! Да и что тутъ лѣчить пилюлями, когда у больного животъ распухъ отъ березовой коры. Поневолѣ, чортъ ихъ возьми, лежишь на диванѣ да пьешь горькую!..»

Или отъ третьяго друга слышите: — «Писатель-то я писатель, но знаете, если у васъ есть сынъ, то готовьте его куда хотите: въ барабанщики, кочегары, землекопы—только ради всего святого остерегите его отъ писательства! Знаете-ли вы, что значитъ писать къ сроку, быть въ зависимости отъ жадныхъ издателей, приспособляться къ вкусамъ толпы невѣжественной и грубой? Знаете-ли вы эту позорную борьбу за физическое существованіе?» и т. д. и т. д.

Такія жалобы слышишь гораздо чаще, чѣмъ скромное и гордое признаніе себя счастливымъ. Правда, не всѣ несчастные—разочарованные *идеалисты*. Большинство идеалистами никогда не были, и даже юношами мечтали не о подвигахъ учительства или писательства, а о чинахъ и гонорарахъ. Большинство не удовлетворены чинами и гонорарами, а такъ-какъ внутренней цѣнности для нихъ ихъ работа не имѣетъ, онѣ вдвойнѣ несчастны.

II.

Законъ счастья добрыхъ и злыхъ одинъ и тотъ-же: быть добрыми или злыми до конца. Хорошій человѣкъ былъ-бы счастливъ, если-бы не отравляла его душу примѣсь порока Порочный человѣкъ, можетъ быть, былъ-бы не менѣе счастливъ, если-бы проблески совѣсти не освѣщали ему гноилища его души. Вполнѣ безсовѣстные люди, если такой парадоксъ природы возможенъ, могутъ быть несчастны лишь физически, приходя въ столкновеніе съ обороняющимся отъ нихъ обществомъ. Къ счастію для общества, систематическихъ злодѣевъ встрѣчается меньше, чѣмъ праведниковъ, и даже болѣзненно злыхъ людей, вродѣ Іоанна Грознаго, временами, какъ пламень адскій, жжетъ неотвязчивая совѣсть. Только по этой причинѣ добро и имѣетъ преимущество передъ зломъ въ вопросѣ счастья.

Но возвратимся къ добрымъ: если разобрать жизнь честнаго учителя, врача, писателя и пр., чувствующихъ себя несчастными, то, повторяю, вы сейчасъ же увидите тысячи уклоненій отъ первой, честной юношеской цѣли.

Учителю скоро надоѣло преподаваніе. Почему? Да потому, что онъ не съумѣлъ добиться вниманія учениковъ, любви ихъ къ нему и къ преподаваемому предмету. Учитель вначалѣ колебался: вложить весь запасъ души въ это маленькое дѣло — и тогда оно сдѣлалось-бы огромнымъ,—или не вложить, такъ-какъ и въ послѣднемъ случаѣ вѣдь пойдетъ то-же жалованье, чины,

ордена, пенсія. Если вложить, то будешь уставать, вызовешь зависть товарищей, подозрѣнія начальства, завязнешь въ сотняхъ маленькихъ жизней, которыя всѣ къ тебѣ потянутся, и некогда будетъ даже въ винтъ сыграть. Учитель уступилъ лѣни и страху; понемногу началъ отбывать въ школѣ свои часы, какъ повинность, сталъ «какъ всѣ», ходить въ классъ, точно въ канцелярію: пришолъ, прочелъ урокъ, спросилъ, выставилъ баллы, ушолъ. Это дѣйствительно, оказалось безопаснѣе и физически легче, но въ то-же время гораздо скучнѣе. О, казнь за ваше преступленіе, учитель, не замедлила: васъ захватила понемногу эта страшная скука педагоговъ, которые въ классѣ чувствуютъ всѣмъ существомъ, что ученики чужды и холодны къ нимъ, боятся ихъ, не любятъ ихъ, не слушаютъ и не понимаютъ: такъ-таки *ничего* не понимаютъ, точно каменные,—до такой ужасной степени учитель имъ не интересенъ.—«Ивановъ! Повторите, что я сказалъ!» Ивановъ вдругъ просыпается и роняетъ романъ, который читалъ подъ скамьей. Испуганное бормотанье, толчки товарищамъ и поспѣшное шмыганье какихъ-то бумажекъ. И это изо-дня въ день, изъ году въ годъ! Читать мертвымъ голосомъ мертвымъ стѣнамъ класса давно омертвѣвшія, оторванныя отъ жизни разсужденья — развѣ это не тоска? Да, тоска, — но зачѣмъ-же вы не остались юношей, сдѣлавшись учителемъ, не захотѣли присоединиться къ *жизни* своего класса? Эта жизнь, двумя десятками свѣжихъ маленькихъ сердецъ, встрѣчаетъ васъ ежедневно страхомъ и враждою, но могла-бы, захоти вы этого, встрѣчать радостью, какъ старшаго брата и коновода всѣхъ затѣй этой жизни, затѣй интересныхъ, важныхъ! Одинъ читаетъ сказку, другой мастеритъ ящичекъ, третій занятъ чижомъ. Это чуждо географіи, но вспомните-ка свое дѣтство: все это для васъ было интересно и важно. О, если-бы вы хоть немного вошли въ эти интересы, до чижа включительно,—вамъ ни чего не стоило-бы прибавить къ числу затѣй и географію,

можетъ-быть къ числу любимыхъ затѣй Вѣдь жажда умственная у дѣтей больше, чѣмъ у великихъ философовъ: она прямо ненасытна, и если не принимаетъ вашихъ мертвыхъ упражненій, то потому только, что они мертвы Оживили-бы вы ихъ для учениковъ — и сами подивились-бы ихъ интересности—даже для васъ самихъ. Школа превратилась-бы для васъ въ цвѣтникъ посѣянныхъ и разцвѣтающихъ, благодаря вамъ, сознаній, которыхъ утренняя свѣжесть и чистое благоуханіе молодили-бы и вашу душу. Нѣтъ, въ школѣ можно хорошо, отрадно жить, среди маленькаго, преданнаго мірка, въ этой вѣчно чистой волнѣ нарождающагося, наплывающаго изъ вѣчности человѣчества. Вспомните, какой одушевленной, прекрасной жизнью прожили наши выдающіеся педагоги— Стоюнинъ, Ушинскій, Водовозовъ, В. Я. Абрамовъ и др. Вспомните, какъ жилъ Л. Н. Толстой въ своей яснополянской школѣ или профессоръ Рачинскій у себя въ смоленскихъ школахъ: вѣдь послѣдніе примѣры просто въ поэму просятся, и если-бы наши молодые поэты имѣли хоть каплю живого чувства, они давно «воспѣли»-бы эти славные уголки и ихъ счастье.

III.

Тоже и врачъ, проклинающій «земство», нищету и невозможность работать. Именно среди врачей встрѣчаются чаще всего люди, опровергающіе эту невозможность. Вспомните харьковскаго доктора Франковскаго, ростовскаго д-ра Ткачева и др. (къ сожалѣнію, и къ ихъ біографіямъ не прикасалась рука художника, хотя есть-ли темы болѣе достойныя для изученія!). Очень скучно, конечно, лежать на диванѣ или отъ зари до зари проводить за картами; скучно изо-дня въ день приходить въ лазаретъ, обѣгать въ пять минутъ всѣ эти катарры и лихорадки, тифы и сифилисы, «подмахнуть» поданную фельдшеромъ табличку порцій, чтобы потомъ уже не знать, куда дѣ-

вать свое время. Скучно земскому врачу возиться съ толпою хворыхъ, грязныхъ бабъ, коростовыхъ ребятишекъ, съ тяжолыми, запущенными, застарѣлыми болѣзнями, требующими самаго тщательнаго лѣченія. Приходится лѣчить чуть не огуломъ, прописывать отъ всѣхъ болѣзней «касторку» да «спускъ», даже не глядя на больныхъ, а всего лучше — «пусть фельдшеръ посмотритъ».

— «Вѣдь стоило-бы изъ-за чего возиться: изъ-за стато рублей земскихъ, и ничего впереди, ни пенсіи, никакой карьеры! Да чортъ съ вами, я лучше въ столоначальники пойду въ губернское правленіе! Безъ хлопотъ!»

Конечно, не отъ добра идутъ въ столоначальники, на мертвое дѣло,—идутъ отъ тоски разочарованія въ живомъ дѣлѣ, отъ грызущей скуки большинства интеллигентовъ. Но вѣдь дѣло-то само было и есть *живое*, и если не нашли вы въ немъ жизни,—это отъ того, что ея не было въ васъ самихъ. Вѣдь всѣ эти сотни хворыхъ солдатъ или толпы мужиковъ и бабъ, довѣрчиво вамъ отдавшихся, всѣ они ждутъ васъ какъ спасителя, всѣ цѣпляются за васъ, чтобы отстоять свою, каждому дорогую жизнь. Тяжело страдать, страшно умереть, и надежда, послѣ Бога, только на васъ: поглядите же, хоть на минутку остановитесь. Въ васъ заключена наука, опытъ человѣчества, въ вашемъ лицѣ больной зоветъ на помощь человѣчество,—неужели это не стоитъ минуты вашего вниманія? Вѣритъ ученикъ учителю, но нѣтъ словъ передать самую страстную вѣру во врача, когда больной видитъ его искреннее къ себѣ участіе. Тутъ суть не въ «медикаментахъ»: важно *вниманіе*, сразу окрыляющее духъ больного, удесетеряющее его надежды. А именно бодростью духа и надеждами лѣчится большинство болѣзней: внушеніемъ, что «вотъ — спаситель, и я, стало быть, спасенъ». Вся почти сила знаменитыхъ врачей—въ искусствѣ внушать надежду. Одно появленіе такой знаменитости около больного уже излѣчиваетъ, но вѣдь вну-

шить довѣріе доступно и самому скромному врачу: стоитъ обнаружить въ себѣ *искреннее* вниманіе къ болѣзни. Больной напряженно слѣдитъ за врачомъ и тотчасъ замѣчаетъ неискренность, и сразу падаетъ духомъ, начинаетъ считать врача шарлатаномъ. И это правда: неискренній, не любящій врачъ всегда шарлатанъ, какими-бы знаніями ни обладалъ: безъ искренней заинтересованности къ больному нельзя разглядѣть индивидуальныхъ причинъ болѣзни, которыя кроются часто не въ тѣлѣ, а въ обстановкѣ больного, въ его психическихъ страданіяхъ. Только любовь къ человѣку даетъ внутреннее зрѣніе, чтобы открыть въ каждомъ случаѣ его особенныя, всегда свѣжія черты, его разгадку. Какъ глазное зеркало позволяетъ направить лучъ свѣта въ глубокую полость, любовь къ больному только и освѣщаетъ скрытыя причины хвори. Личная заслуга врача всегда въ діагнозѣ: самые методы лѣченія даются готовыми—его наукой. Поразительныя преклоненія предъ извѣстными врачами (которыхъ раболѣпство публики даже развращаетъ какъ восточныхъ хановъ и дѣлаетъ иногда деспотами), но невыразимо трогательна любовь къ самому скромному, захолустному врачу его кліентовъ-бѣдняковъ, если онъ обнаружилъ въ себѣ *человѣка*. Господа скучающіе врачи, помните-ли вы исторію доктора Гинденбурга? Она разсказана Достоевскимъ въ «Дневникѣ писателя» за 1877 годъ.

Это былъ нѣмецъ, скромный нѣмецъ въ одномъ изъ городовъ Западнаго края, и практиковалъ онъ 58 лѣтъ среди бѣдняковъ-евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, литовцевъ, русскихъ. Но вотъ онъ умеръ 84 лѣтъ отъ-роду, «умеръ въ такой бѣдности, что неначто было хоронить его». Повезли его, какъ протестанта, въ кирку.

«Не было, кажется, ни одного человѣка, который-бы не пошолъ поплакать надъ нимъ и цѣловать его ноги, пишетъ Достоевскому одна еврейка,—особенно бѣдныя еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакали и молились, чтобы онъ попалъ прямо въ рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бѣдная женщина, и

говоритъ, что при рожденіи послѣдняго ея ребенка онъ, видя, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 к., чтобы сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 к., а видя, что она поправляется, прислалъ пару куропатокъ Также будучи позванъ къ одной страшно бѣдной родильницѣ (такія къ нему и обращались), онъ, видя, что не во что принять ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубаху и платокъ свой (голова у него была повязана платкомъ), разорвалъ и отдалъ. Еще вылѣчилъ онъ одного бѣднаго еврея-дровосѣка; затѣмъ заболѣла его жена, затѣмъ дѣти. онъ каждый день пріѣзжалъ два раза; и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашиваетъ еврея· чѣмъ ты мнѣ заплатишь? Тотъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ, только послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ Онъ такъ и сдѣлалъ, продалъ за 4 р и принесъ ему деньги, тогда докторъ далъ лакею своему еще 12 р. къ этимъ четыремъ и отправилъ купить корову, а дровосѣку велѣлъ идти домой. Черезъ часъ тому приводятъ корову и говорятъ, что докторъ призналъ козье молоко для нихъ вреднымъ

Такъ онъ прожилъ свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ по 30 и 40 рублей у бѣдныхъ, оставлялъ у бѣдныхъ бабъ въ деревняхъ.

Зато хоронили его какъ святого. Всѣ бѣдняки заперли лавки и бѣжали за гробомъ. У евреевъ есть мальчики, которые при похоронахъ распѣваютъ псалмы, но запрещается проводить иновѣрца (т.-е не еврея) этими псалмами Тутъ, передъ гробомъ, во время процессіи изъ кирки, ходили мальчики и громко распѣвали эти псалмы Во всѣхъ синагогахъ молились за его душу, также колокола *всѣхъ* церквей звонили все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейскіе музыканты пошли къ сыну усопшаго просить, какъ чести, позволенія играть во все время процессіи. Всѣ бѣдные принесли, кто 10, кто 5 копѣекъ, а богатые евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ съ бѣлыми и черными лентами, гдѣ золотыми буквами были вычислены его главныя заслуги . Я не могла разобрать, что тамъ, да и развѣ возможно вычислить его заслуги?

Надъ его могилой держали рѣчь пасторъ и еврейскій раввинъ, и оба плакали, а онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертомъ вицъ-мундирѣ, старымъ платкомъ была обвязана его голова, эта милая голова, и казалось, онъ спалъ,—такъ свѣжъ былъ цвѣтъ его лица...

IV.

Я думаю, оттого былъ свѣжъ цвѣтъ лица этого 84-лѣтняго доктора въ гробу, что онъ, старикъ, все время

жилъ юношей и умеръ въ томъ-же идеальномъ настроеніи, въ какомъ вступилъ въ жизнь. Какъ составилъ себѣ, «неопытный, незнающій жизни», представленіе о жизни, такъ и остался при немъ. «Суровая дѣйствительность» опровергала на каждомъ шагу это представленіе, но онъ съ упорствомъ нѣмца, самъ опровергалъ дѣйствительность на каждомъ шагу. Ужь конечно онъ зналъ, что можно и почти ничего не дѣлая разбогатѣть: такова дѣйствительность,—а онъ, какъ-бы въ укоръ ей, работалъ.—«Надо хватать гонорары, не нужно возиться съ еврейской грязью», шептала дѣйствительность, а нѣмецъ, точно пылкій гимназистъ, отрицалъ это и именно съ грязью-то и возился 58 лѣтъ, да еще очевидно съ совершенно веселымъ духомъ, подшучивая надъ собой и милой ему грязью. «Манера, — говоритъ Достоевскій,— какъ онъ купилъ и отослалъ бѣдному еврею корову,— это чистый нѣмецкій вицъ. Сперва озадачилъ того: «чѣмъ уплатишь?» И ужь конечно бѣднякъ, продавая послѣднюю козу, чтобы уплатить благодѣтелю», не ропталъ нимало, а напротивъ, горько страдалъ въ душѣ, что всего-то коза стоитъ четыре цѣлковыхъ, а вѣдь и бѣдному, работающему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ старичку тоже вѣдь жить надо, а что такое 4 цѣлковыхъ за всѣ-то его благодѣянія семейству? Ну, а старичокъ себѣ на умѣ: посмѣивается, а сердце горитъ у него: «вотъ-же я ему, бѣдняку, нашъ нѣмецкій вицъ покажу!» И вѣдь какъ, должно быть, хорошо смѣялся про себя, когда повели къ еврею корову»...

Право, я думаю, это стоитъ карьеры, такая хорошая жизнь, и она такъ доступна каждому врачу, стоитъ лишь остаться при юношескихъ завѣтахъ, стоитъ не старѣть душой.

Нужно-ли говорить о «проклятой профессіи литератора»? Я согласенъ, что она чаще всего заслуживаетъ проклятья, что нѣтъ ремесла позорнѣе вымучиванья изъ себя идей и образовъ «на продажу». Проституирован-

ная душа—ниже этого паденья быть не можетъ, но кто-же заставляетъ васъ падать? Какъ ни печальны условія нашей литературы,—совершенный вздоръ, будто нельзя работать въ ней честно и независимо, работать *съ любовью*—а вѣдь этого уже и довольно для счастья. И въ литературѣ человѣкомъ овладѣваетъ тотчасъ-же гнетущая тоска, какъ только онъ лишится юношескаго взгляда на свое дѣло, какъ только онъ перестанетъ влагать въ него свое сердце.—«Ужь извините, рукопись не отдѣлана, я тороплюсь продать ее: деньги дозарѣзу нужны. Вѣдь мнѣ если восемь тысячъ не заработать—крахъ; у меня, знаете, три семьи, живу заграницей...»—Или: «Что подѣлаешь! приходится приспособляться, «приспособлять внутреннія отношенія къ внѣшнимъ», — помните, какъ говоритъ Спенсеръ. Это законъ жизни. Съ волками жить, по волчьи выть... Struggle for life... Все это тошно, противно,—но надо-же жрать, чортъ возьми! У меня семья. Вотъ и пишешь, пишешь, пишешь, сгорбившись весь вѣкъ, изрыгаешь хулу и клевету на все. Проклятое ремесло!»

V.

А между тѣмъ на нашихъ глазахъ есть-же праведники между писателями, которые совершенно счастливы своимъ «призваніемъ», хотя-бы, какъ водится, имъ приходилось иногда и очень круто въ житейскомъ отношеніи. Въ то время какъ другіе съ тоскою и равнодушіемъ строчатъ свои романы или пухлыя компиляціи, сдабривая ихъ—беллетристы—порнографіей и клеветой, публицисты—тенденціей и подтасовкой,—строчатъ безъ конца, лишь-бы ухватить побольше денегъ,—литературный праведникъ пріютился гдѣ-нибудь на чердачкѣ и пишетъ, дѣйствительно, лучшей кровью своего сердца. Если онъ талантливъ—онъ чувствуетъ себя героемъ; если нѣтъ большого дарованія—онъ скромно берется за механическую работу, составляетъ какія-нибудь народныя книж-

ки, переводитъ, пишетъ популярныя статьи, собираетъ, какъ пчела, капельки меда, мысли старыхъ, забытыхъ писателей. Иногда по нѣскольку лѣтъ работаетъ надъ маленькой «хорошей задачей», безъ надежды когда-нибудь прославиться—а ужь разбогатѣть... одной этой мысли ему стыдно. Не пообѣдавъ «случайно», онъ въ утѣшеніе припоминаетъ что нибудь вродѣ:

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою..

И онъ спокоенъ. Бѣдствуютъ нетолько скромные таланты, бѣдствуютъ иногда иногда и знаменитости. Вспомните, что писалъ Лажечниковъ объ одномъ извѣстномъ литераторѣ:

«Онъ квартировалъ въ «бель-этажѣ», въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ былъ этотъ его бель-этажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ: рядомъ съ его каморкой была прачешная, изъ которой постоянно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, со слабой грудью! Каково было слышать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой (хотя я и не засталъ хозяина дома), потому-что въ ней нечего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смрада испареній, охватившихъ меня, скорѣе на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, ужь заявившаго Россіи свое имя».

Этотъ литераторъ былъ Бѣлинскій. Прибавьте къ условіямъ описанной жизни невыразимыя огорченія и тревоги со стороны тогдашней цензуры. Но вы думаете,

онъ сколько-нибудь разочаровывался, раскисалъ, проклиналъ судьбу? Нимало. Его страданья были благородны. «Мы живемъ въ страшное время, писалъ онъ въ 1839 г.,— судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ легче было жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отечественныхъ Записокъ». Я—литераторъ; говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и горькимъ убѣжденіемъ. Литературѣ русской моя жизнь и моя кровь». И это была не фраза, Бѣлинскій подтвердилъ свой завѣтъ нетолько жизнью, но и ранней смертью *.

Но вѣдь это совсѣмъ по-юношески! Вѣдь вся эта жизнь—сплошная греза какого-нибудь тощаго студентика или курсистки! Тутъ «жизненнаго опыта» — ни на грошъ, все зелено, наивно до крайности. И между тѣмъ это-то и была *истина*, самая доподлинная правда жизни, а вотъ еслибы Бѣлинскій вкусилъ жизненнаго опыта и, по стопамъ тогдашнихъ разочарованныхъ литераторовъ, принялся-бы «служить», «приспособлять внутреннія отношенія къ внѣшнимъ», сколачивать гроши, то вы-

* Тургеневъ, хорошо знавшій Бѣлинскаго и благоговѣвшій передъ его памятью, какъ извѣстно, обрисовалъ его въ «Рудинѣ» въ лицѣ Покорскаго «Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начавъ говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покровскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало онъ даже чашкой чаю не могъ попотчивать гостя, а единственный его диванъ дотого провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, несмотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ!. Поэзія и правда — вотъ что влекло всѣхъ къ нему При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ милъ и забавенъ какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то-же время онъ—

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра...

шелъ-бы изъ него не Бѣлинскій, а... ну, хоть Полевой, что-ли.

Вотъ, кстати, хорошій образчикъ зрѣлаго и опытнаго, но «приспособившагося» писателя, стряхнувшаго съ себя «ребячій идеализмъ». Въ Москвѣ, въ періодъ молодости, Полевой работалъ съ честнымъ увлеченіемъ и заработалъ почтенное имя. Но подошли «зрѣлые годы», подошли тяжолыя испытанія. Полевой переселился въ Петербургъ. Бѣлинскій проводилъ его до заставы и обнялъ, прощаясь. —«Желаю вамъ успѣха и счастія», сказалъ онъ. Полевой уныло улыбнулся. — «Нѣтъ-съ, уже какіе успѣхи! Но если я буду дѣйствовать не такъ, какъ слѣдовало-бы честному человѣку, то не вините меня, а пожалѣйте-съ... Я человѣкъ обремененный семействомъ». И затѣмъ, когда и Бѣлинскій переселился въ Петербургъ, Полевой не пожелалъ съ нимъ видѣться.—«Бѣлинскій—прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, говорилъ онъ Панаеву,— горячая голова, энтузіастъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ Я здѣсь ужь совсѣмъ не тотъ-съ. Я вотъ долженъ хвалить романы какого-нибудь Штевена, а вѣдь эти романы—галиматья-съ!»

— Да кто-же васъ заставляетъ хвалить ихъ? спросилъ его Панаевъ съ удивленіемъ.

— Нельзя-съ, помилуйте: вѣдь онъ частный приставъ... Разбери я его какъ слѣдуетъ, онъ, пожалуй, подкинетъ ко мнѣ въ сарай какую-нибудь вещь, да и обвинитъ меня въ кражѣ. Меня и поведутъ по улицамъ на веревкѣ-съ, а вѣдь я отецъ семейства!

«У меня, говоритъ Панаевъ,—сжалось сердце при этомъ страшномъ признаніи. И это говорилъ тотъ человѣкъ, который нѣкогда энергически преслѣдовалъ всякую подлость, проповѣдовалъ о свободѣ духа, о человѣческомъ достоинствѣ!»

Таковъ «зрѣлый опытъ жизни»... Спрашивается: не лучше-ли, еслибы старикъ Полевой даже прошолся на веревкѣ, какъ какой-нибудь пылкій, несговорчивый юно-

ша-идеалистъ, чѣмъ сидѣть спокойно дома, среди семейства, и хвалить романы Штевена? Въ чемъ было-бы больше правды?

Гоголь недаромъ убѣждалъ всѣхъ выносить изъ юности ея увлеченія, высокіе ея порывы: не въ нихъ-ли настоящая жизнь души? Не есть-ли «зрѣлый опытъ» въ сущности лишь медленное ея умиранье?

VI.

Я коснулся только трехъ профессій, трехъ случайныхъ цѣлей жизни. Каждая изъ нихъ, какъ видите, бываетъ или святымъ призваніемъ, дающимъ самое живое счастье, или тяжкою и грязною обузой. Переберите другія профессіи. возьмите трудъ священника, ученаго, художника—и вы увидите то-же самое. Стóитъ въ любую профессію вложить юношескую вѣру, безстрашіе, любовь, стóитъ *до конца* осуществлять свои честныя мечты,—и цѣль всегда будетъ достигнута, и достигнута въ томъ плѣнительномъ блескѣ, въ какомъ она представлялась изъ туманной дали. На вопросъ: что дѣлать? возможенъ одинъ отвѣтъ: будьте молоды, будьте честны—*до конца*.

Но какъ сохранить молодость души? Прежде всего нужно, конечно, родиться молодымъ: большинство людей современной несчастной расы рождаются стариками, уже отягощенными всѣми немощами порочной старости. Глядишь на младенчика нервнаго, капризнаго, тощаго, и въ складкахъ губъ, въ движеніи бровей, въ зломъ блескѣ глазенокъ читаешь грѣхи чьей-то старости, переданной по наслѣдству. Но хоть тѣ то, кто родился достаточно юнымъ, не теряли-бы своей душевной свѣжести! При должномъ береженіи это возможно; молодость души доступна—путемъ, правда, не легкаго перерожденья — даже прирожденнымъ старикамъ.

Сохранить молодость души—это то-же, что сохранить жизнь ея. Обыкновенно въ старости погасаетъ творчество духа. Тѣло превращается какъ-бы въ движущійся трупъ. Физическая смерть уже не застаетъ въ немъ души Но иногда въ дряхломъ тѣлѣ встрѣчаешь поразительно-молодую душу, горячее, отзывчивое сердце. Юность души заключается въ *чистотѣ* ея. Разъ овѣсть спокойна, міръ для человѣка безоблаченъ, человѣкъ испытываетъ тихую радость непорочной, какъ бы непрерывной молодости. Если невинность есть свойство юности, то и наоборотъ: юность поддерживается невинностью. Вѣдь даже и физическая свѣжесть зависитъ отъ той-же причины. Бываютъ удивительно моложавые старики и старухи: лица ясныя, голоса звучные. Доктора объясняютъ это «крѣпкими нервами», «здоровыми соками»,—а вглядѣться поближе—это просто хорошія души. Mens sana in corpore sano—не менѣе вѣрно и наоборотъ.

Сохранить молодость души можно тщательнымъ береженьемъ ея, охраненіемъ отъ всякой порчи, и еслибы душу берегли хоть съ тою-же заботливостью, какъ хорошее платье,—ей, какъ и платью, «не было-бы износа». Какъ и платье, душу нужно постоянно «чистить». «выводить пятна», и если помята—выглаживать. Если для новой вещи все это необходимо, то для попорченной—вдвойнѣ. Энергическая починка души нитью раскаянія, заплатами новыхъ хорошихъ привычекъ, на подкладкѣ нравственнаго образованія, въ окраскѣ стоической или христіанской философіи, — все это можетъ превратить иное рубище души въ еще сносную одежду.

Такимъ образомъ, въ концѣ всѣхъ возможныхъ отчаяній неизбѣжно является одинъ истинный исходъ: возвращеніе къ своей совѣсти. Нѣтъ душевной силы, это все равно, какъ нѣтъ здоровья: нужно лѣчиться, собирать силу, возвращать ее во что-бы ни стало, хоть по каплѣ, хоть по атому; во что-бы ни стало нужно дѣлаться сознательнѣе, чище, человѣчнѣе, свободнѣе духомъ. Пусть

«нужно родиться добрымъ», пусть образованіе искренней души — дѣло нѣсколькихъ поколѣній, плодъ строгаго и добраго воспитанія, но нужно же и каждому позаботиться о себѣ: вѣдь жизнь дана одна. Если и не достигнете желаннаго совершенства—важно, что будете стараться достигать его, важно, что жизнь будетъ проникнута жизнетворнымъ стремленіемъ.

VII.

Я думаю, нравственное возрожденіе, освѣженіе своей души есть высшая цѣль, какую можетъ выбрать колеблющійся умъ. Обратимся искренно къ своей совѣсти, и мы узнаемъ, что дѣлать. Въ какой-бы дремучей чащѣ суевѣрій, невѣжественныхъ или ученыхъ, мы ни были, какимъ-бы трудомъ ни занимались — подъемъ совѣсти тотчасъ же возвыситъ наше духовное зрѣніе, и мы опознаемъ настоящій путь. Невозможно для каждаго указать его призваніе, его роль въ человѣчествѣ: для этого нужно ждать пока не проснется собственное сознаніе человѣка и не потянетъ его къ особой, для каждаго предопредѣленной цѣли. Нравственное здоровье одно обладаетъ полнотою удовлетворенія: это поистинѣ «источникъ жизни вѣчной», и пьющій изъ него не умираетъ духомъ—такъ, какъ ежеминутно умираетъ злой человѣкъ въ тайномъ сознаніи грѣха. Надо-же разъ навсегда убѣдиться въ той истинѣ, что мы уже не первобытные люди, не хищные звѣри, и искренно-злыми до конца быть не можемъ, и значитъ, счастье зла намъ недоступно. Нѣкоторые соціологи, въ доказательство шаткости совѣсти, ссылаются даже на гадовъ, насѣкомыхъ и инфузорій: всюду, видите-ли, господствуетъ законъ пожиранья другъ друга. Но мы, кажется, не гады, не насѣкомыя и не микробы, мы даже не люди-дикари. Мы люди—христіане, особый зоологическій видъ существъ, съ своимъ особымъ закономъ жизни. Первобытный чело-

вѣкъ-звѣрь съ его зачаточною совѣстью былъ можетъ быть счастливъ въ грѣхѣ: въ убійствѣ, воровствѣ, прелюбодѣяніи, лжи, алчности и т. д. Но изъ человѣко-звѣря постепенно развивается человѣко-богъ, который счастливъ въ противоположномъ: онъ искренно не хочетъ ни убійства, ни хищничества, ни лжи и т. д., хотябы представлялась полная къ тому возможность. Этотъ типъ высшаго существа не мечта — онъ встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи, отъ дикаря сѣверной Азіи до современнаго европейца. Среди такъ-называемыхъ дикарей есть удивительныя по чистотѣ жизни племена: они не подозрѣваютъ о существованіи нравственной философіи, откровеній Моисея и Христа, но ихъ нравы, понятія, мысль проникнуты естественнымъ, прирожденнымъ христіанствомъ. И на болѣе высокихъ ступеняхъ цивилизаціи иногда вырабатывается подобный типъ. Я гдѣто читалъ, что въ хорошихъ англійскихъ семьяхъ дѣвушки воспитываются такъ, что *не умѣютъ* лгать. Въ то время какъ женщина на континентѣ часто вся какъ-бы соткана изъ лжи и превращаетъ ее въ своего рода изящное искусство,—въ уединенныхъ благочестивыхъ семьяхъ Англіи выростаютъ люди «не понимающіе, что значитъ лгать». Все равно какъ для насъ кажется психическою невозможностью взять что-нибудь изъ чужого кармана, такъ имъ кажется чудовищнымъ — солгать, даже въ мелочахъ. Не знаю, существуютъ ли дѣйствительно такія чистыя существа, но вѣрю, что они возможны. И я думаю, какое это высокое счастье чувствовать, что вы на зло неспособны, что ссли-бы въ ваши руки попали не только жизнь ближнихъ, но и имущество, свобода, честь, доброе имя, вы все это оберегли-бы съ вѣрностью непоколебимой, — знать, что на васъ можетъ положиться каждый человѣкъ и все человѣчество, что вы не измѣните имъ, не обманете: рыцарь вѣрный и честный своей души, достойной сотворившаго ее Бога.

Къ сожалѣнію, идея нравственнаго возрожденія, от-

крытая тысячелѣтія назадъ, какъ законъ жизни до сихъ поръ не входитъ въ общее сознаніе. Она вошла еще только въ *знаніе:* всѣ отвлеченно признаютъ необходимость нравственной чистоты, но далеко не всѣ *чувствуютъ* это. Въ истинкты эта идея еще не проникла. Очень многіе считаютъ личную нравственность дѣломъ третьестепеннымъ, а иные чуть-ли не за «отступничество» отъ либеральныхъ принциповъ. «Можно-ли толковать о личномъ совершенствѣ, объ аристократизмѣ духа, когда кругомъ васъ милліоны несчастныхъ, коснѣющихъ въ грубомъ невѣжествѣ, болѣзняхъ. нищетѣ? Несчастье людей вовсе не въ личномъ, а въ *общественномъ* несовершенствѣ, и прежде всего о немъ нужно заботиться. Мы, европейское общество, исторически попали въ нездоровыя условія, въ которыхъ, какъ въ дурномъ климатѣ, чахнетъ даже совершенный лично человѣкъ. Какъ клѣтки тѣла, отдѣльные люди — въ полной зависимости отъ общей конституціи организма, и если она плоха, всѣ отдѣльныя хорошія энергіи гибнутъ, какъ въ умирающемъ тѣлѣ вмѣстѣ съ больными клѣтками—и здоровыя. Счастье и даже добродѣтель отдѣльныхъ лицъ невозможны, пока въ устройство общества не будутъ положены справедливыя начала».

VIII.

Въ стародавнемъ спорѣ о томъ, что важнѣе—хорошіе люди или хорошія учрежденія, я твердо стою на сторонѣ «хорошихъ людей». Я думаю, что человѣкъ существуетъ прежде учрежденій, прежде общества, и онъ ихъ создаетъ, а не они его. Совѣтуя добиваться личнаго *нравственнаго* счастья, я проповѣдую не эгоизмъ, а отреченіе отъ него. Главное, вѣдь, горе людей въ томъ, что они теряютъ способность давать другъ-другу счастье. Вмѣсто того чтобы оздоровлять другъ-друга, освѣжать, вдохновлять, радовать, мы заражаемъ одинъ другого, душимъ,

обезсиливаемъ. Почему? А потому, что сами больны, затхлы, безсильны. Similia similibus· здоровье сообщаетъ здоровье, болѣзнь—болѣзнь. Постараемтесь-же быть здоровыми и счастливыми, чтобы и кругомъ васъ распространялись эти блага. Нравственное совершенство необходимо именно для борьбы со зломъ, гдѣ-бы оно ни встрѣчалось. Не устраняйтесь отъ зла, самоотверженно вступайте съ нимъ въ битву, но напередъ обезпечьте-же себѣ вѣрные шансы побѣды, вооружитесь-же дѣйствительнымъ оружіемъ, а не мнимымъ. Такіе, какъ мы есть, при всемъ нашемъ иногда либерализмѣ, мы—калѣки, ни на какую борьбу не годные. Мы еще не боролись, но уже утомлены, мы покрыты ранами, полученными не въ благородномъ бою, а въ будничной пошлой свалкѣ. Гдѣ намъ отстоять великое общественное возрожденіе! Для этого нужна армія душъ могучихъ, безупречныхъ, себя побѣдившихъ, на себѣ самихъ доказавшихъ міру возможность лучшаго порядка жизни.

Мой идеалъ смиреніе, но не покорность всему — напротивъ! Я проповѣдую смиреніе мужественное — въ отстаиваніи правды,—кроткое, но непобѣдимое упорство въ защитѣ всего святого—хотя-бы противъ всего человѣчества. Но мы должны защищать это святое прежде всего отъ самихъ себя. Не чье-либо, а именно наше равнодушіе къ идеаламъ жизни заставляетъ насъ терпѣть безконечное множество мелкихъ золъ и поддерживать стихію безправія, въ которой, какъ въ азотѣ, хиреетъ живое общество Я настаиваю на необходимости *дѣйствующей*, проснувшейся совѣсти, на необходимости всей энергіи человѣка, разсѣянной нынѣ на безконечномъ разнообразіи изящнаго и ремесленнаго труда, сосредоточиться хоть на время на нравственныхъ вопросахъ. Какъ движеніе переходитъ въ теплоту, свѣтъ, электричество, такъ и геній человѣка — его сознаніе, воля, чувство, талантъ должны превратиться въ совѣсть, чтобы увидѣть страшную мерзость жизни, ужаснуться и

перейти въ работу, самую необходимую по потребностямъ времени,—въ работу совѣсти.

У большинства людей совѣсть находится въ скрытомъ состояніи, какъ тепло въ топливѣ пока оно не зажжено, какъ сила паровоза въ водѣ, еще не превращенной въ паръ. Необходимо высвободить совѣсть изъ ея потенціальнаго состоянія и перевести въ двигательное. И подобно тому, какъ для высвобожденія физической энергіи единственной способъ—нагрѣть физическое тѣло до извѣстной температуры, такъ и для освобожденія энергіи нравственной необходимо нагрѣть нравственное тѣло—душу человѣка, довести ее соединеніемъ съ кислородомъ ея—Богомъ—до состоянія живого, движущагося. Съ душою ближнихъ нельзя обращаться какими угодно способами, а лишь тѣмъ, который вытекаетъ изъ ея природы. Въ борьбѣ съ душою человѣческой единственный дѣйствительный способъ—нравственный. Самая плодотворная борьба со *всякимъ* зломъ есть борьба безъ физическаго насилія, борьба нравственнымъ убѣжденіемъ, любовью. Этотъ видъ борьбы разнообразенъ, неотразимъ и вѣренъ, и что въ немъ хорошо — это то, что каждый человѣкъ и каждую минуту можетъ вступить въ ряды борцовъ, принося врагамъ своимъ не смерть, а новую жизнь, не страданіе, а радость—претворяя ихъ постепенно въ друзей своихъ. Эта сила нравственной борьбы постоянно испытывается и всегда увѣнчивается успѣхомъ: она одна только и преодолѣваетъ силу зла. Но для этого нужно быть добрымъ *до конца*.

IX.

Любовь не покорность, но героизмъ и самая высокая форма героизма, и можетъ быть, единственная, которую люди кое-какъ еще терпятъ. Въ самомъ дѣлѣ, если люди видятъ, что вы безопасны для нихъ, совершенно безоружны, что вы душевно къ нимъ расположены и хотите со

всею серьезностью поговорить съ ними о самыхъ важныхъ, какіе только есть, вопросахъ,—повѣрьте, что даже врагъ вашъ заклятый васъ выслушаетъ. Просите слова. хотя-бы съ опасностью жизни. Неудача покажетъ, что вы плохо приступили къ человѣку, что вы недостаточно сильны, чтобы психически покорить его. Запаситесь-же этой силой въ глубинѣ совѣсти и ступайте снова. Покажите въ себѣ человѣка привлекательнаго, благороднаго, богоподобнаго — и нѣтъ души, которая не уступила-бы этому неотразимому вліянію. Вы, слабый, немощный съ энергіей въ одну четверть лошадиной силы, — что вы можете сдѣлать *матеріальными* средствами? Ничего, и никто ничего не можетъ ими сдѣлать. Всякая побѣда есть побѣда идейной силы, торжество одушевленія, самоотверженности, готовности умереть. И каждый немощный, пусть только *захочетъ*: въ нравственной сферѣ каждый можетъ быть богатыремъ.

Самая большая услуга, какую можетъ оказать обществу отдѣльная личность,—это если она выработаетъ изъ себя здоровую общественную клѣточку. Вы скажете: есть еще бóльшая услуга,—когда человѣкъ спасаетъ общество цѣною своей жизни, подобно тому, какъ въ организмѣ гибель отдѣльныхъ клѣтокъ иногда спасаетъ все тѣло. Это правда, но для гибели ради спасенія организма нужны именно *здоровыя* клѣтки, нужны герои: гибель больныхъ, ничтожныхъ людей, какъ и вялыхъ клѣтокъ, безполезна. Герои нужны, но ими не могутъ быть люди несовершенные. Личное совершенство необходимо и для исключительныхъ подвиговъ, какъ и для повседневной борьбы. Поэтому реформируйте себя, если хотите реформировать общество.

Очень трудно угадать идеальный планъ общества и еще труднѣе насильственно перестроить человѣчество по этому плану. Всякая организація связана съ природою ея составныхъ частей, которыхъ качество и количество постоянно колеблются. Но совсѣмъ не трудно выяснить

планъ личной хорошей жизни, съ увѣренностью что здоровый честный человѣкъ не можетъ ухудшить никакое общество. Несправедливо упрекаютъ соціальныхъ мечтателей въ неясности ихъ представленій о будущемъ обществѣ. Хотя неясность эта доходитъ до того, что типъ желаемаго устройства колеблется отъ анархіи до деспотіи, — но мечтатели невиноваты въ этомъ: чрезвычайно трудно говорить о явленіи длящемся, котораго ни начала, ни конца мы не знаемъ. Мы всѣ смутно ощущаемъ, что теперешнее общество неудовлетворительно, что оно мнетъ и уродуетъ человѣческія существованія— но какимъ должно быть общество, чтобы поддерживать совершенный типъ человѣка — рѣшить это, по-совѣсти, трудно. Я, напримѣръ, убѣжденъ, что возрожденіе человѣка возможно лишь въ освобожденной отъ вліянія городовъ культурной деревнѣ (какъ я писалъ въ «Думахъ о счастьѣ»), но если-бы мнѣ предложили *насильственно* ввести новую культуру по моему плану, я отказался-бы: я не взялъ-бы на себя отвѣтственности за судьбу всего человѣчества. Мнѣ совѣстно представить людей загоняемыми противъ ихъ воли въ идеалъ. Надо стараться, чтобы *они захотѣли* измѣнить жизнь по данному плану — чтобы клѣтки общественнаго тѣла измѣнили свою природу, переродились и, для *идеальнаго общества*, постарались-бы приготовить въ своемъ лицѣ *идеальные элементы* его. Начинать это перерожденіе каждому всего легче съ самого себя: съ одною своею личностью имѣешь все-же больше силъ справиться, нежели съ цѣлымъ міромъ.

X

Сдѣлайте *себя* гражданиномъ новаго, вами желаннаго общества, представителемъ свѣжей, чистой культуры, и поступайте такъ, какъ-будто эта новая культура уже наступила, и если такихъ, какъ вы, найдется много — новый міръ и наступитъ. Это, я думаю, самый правильный

путь для пересозданія общества. Вы въ себѣ, по крайней мѣрѣ, поживете новой жизнью и хоть издалека, какъ Моисей съ горы Хорива, увидите край земли обѣтованной.—Но это, скажете вы, крайне трудно и опасно. Если вы находитесь въ движущейся массѣ, то уже не можете остановиться: васъ затопчутъ. Можетъ-ли отдѣльная личность бороться съ массой?

Съ огромнымъ трудомъ, но можетъ. Единственный способъ остановить толпу, въ которую попалъ, — это самому остановиться и убѣждать другихъ сдѣлать то-же. Пусть на васъ напираютъ задніе ряды: самое слабое сопротивленіе ваше передается и заднимъ и можетъ иногда послужить сигналомъ къ общей остановкѣ. Иного пути нѣтъ. Вы скажете: пусть скомандуютъ вожди — и толпа остановится сразу, безъ давки и страданій отдѣльныхъ лицъ. Но вожди уже говорятъ, говорятъ вѣка и тысячелѣтія; горе въ томъ, что голосъ ихъ не достигаетъ слуха толпы—она недостаточно внимательна, непокорна. Вѣдь даже и по командѣ вождя толпа не остановится, пока каждое отдѣльное лицо не остановится. Поэтому тѣ, кто слышитъ голосъ вождей, должны исполнить его и передать сосѣдямъ. «Остановиться», конечно, нужно не для того, чтобы стоять на мѣстѣ, а чтобы избрать новый, болѣе добрый путь. Съ тягостными колебаніями, слѣпо, ощупью человѣчество всегда искало и ищетъ этотъ путь: въ каждый моментъ, когда человѣкъ истинно добръ, онъ подвинулся и подвинулъ хоть немного родъ людской на дорогу правды. Нужно, чтобы эти моменты повторялись возможно чаще—вотъ и все.

Подъемъ нравственности потому есть самое необходимое дѣло, что именно отъ него зависитъ и общественное устройство, и просвѣщеніе, и миръ, и даже матеріальный достатокъ. Чуть нравственное сознаніе народа развивается, тотчасъ-же гуманизируются и соціальныя, и политическія отношенія; эволюція съ ея проповѣдью, предупреждаетъ революцію съ ея бойнями и казнями, ведя

болѣе вѣрнымъ путемъ къ торжеству справедливости. Вѣдь законодатели—тѣ-же люди, которые по нравственному развитію всегда и всюду скорѣе выше нежели ниже средняго уровня народной нравственности. Смѣните однихъ законодателей, и если нравы останутся прежніе, законодатели изъ народа явятся точь въ точь похожіе на прежнихъ. Даже при идеальной (какъ иные думаютъ) системѣ—всенародномъ голосованіи—большинство голосовъ даетъ часто несправедливыя, безнравственныя рѣшенія. Поэтому для политическаго перерожденія общества необходимо прежде духовное его облагороженіе, подъемъ инстинктовъ любви и справедливости. Слишкомъ много злости накопилось въ европейской расѣ въ несчастную эпоху разселенія—и до сихъ поръ эта злость просачивается всюду, даже тамъ, гдѣ она не имѣетъ никакого смысла. Необходима неустанная проповѣдь любви, пропаганда кротости, милосердія и возвышенной серьезности; пропаганда «образа и подобія Божія» въ человѣкѣ, внесеніе въ міръ, до самыхъ центровъ его. вѣчныхъ истинъ благовѣстія. «Идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари», какъ завѣщалъ Христосъ. То, что было нужно и истинно тогда, нужно и истинно теперь, черезъ девятнадцать вѣковъ. Воля Божія не проповѣдана до конца; и каждый, какъ-бы ни былъ затерянъ въ обществѣ, долженъ служить этой великой проповѣди; вспомните скромныхъ рыбаковъ изъ Галилеи. Разъ вы добились сознанія правды до степени вѣры въ нее, можете-ли вы не сообщить ближнему этого сокровища? И можно-ли сдѣлать для ближняго болѣе великое благодѣяніе? И вотъ еслибы всѣ томящіеся въ бездѣльѣ или суетномъ трудѣ, въ сознаніи своего ничтожества, захотѣли-бы примкнуть къ проповѣди правды—они тотчасъ освободились-бы отъ томленій и поняли-бы, что великое дѣло подъ рукой, какъ и великія средства для дѣла.

XI.

Возвращусь къ старому доктору Гинденбургу или къ жизни Бѣлинскаго. Развѣ это были не апостолы любви? Достоевскій рисуетъ такую воображаемую сцену по поводу доктора. «На кривомъ столѣ догораетъ остывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное заиндевѣвшее и обледенѣлое оконце уже брежжетъ разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудныя родильницы часто родятъ на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а къ утру родятъ. Вотъ усталый старичокъ (докторъ), на мигъ оставивъ мать, берется за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тряпки нѣтъ (бываетъ этакая бѣдность, господа, клянусь вамъ, бываетъ: чистѣйшій реализмъ—реализмъ, такъ сказать, доходящій до фантастическаго),—и вотъ праведный старичокъ снялъ свой старенькій вицъ-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку, и разрываетъ ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный новорожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постели, христіанинъ принимаетъ еврейчика въ свои руки, обвиваетъ его рубашкой съ плечъ своихъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса, господа! Восьмидесятилѣтній, обнаженный и дрожащій отъ утренней сырости торсъ доктора... лицо старика... лицо молодой, измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на продѣлки съ нимъ доктора. Все это видитъ сверху Христосъ, и докторъ знаетъ это: «Этотъ бѣдный жидокъ выростетъ и, можетъ, сниметъ и самъ съ плечъ рубашку и отдастъ христіанину, вспоминая разсказъ о рожденіи своемъ»—съ наивной и благородной вѣрой думаетъ старикъ про себя».

Скажите, развѣ этотъ старичокъ не былъ апостоломъ любви? Ему и въ голову не приходило проповѣдывать христіанство,—онъ былъ акушеръ и врачъ,—но развѣ не былъ онъ проповѣдникомъ христіанства? Этотъ «общій чело-

вѣкъ», по выраженію Достоевскаго,—потому-что по смерти его всѣ народности города—евреи, русскіе, поляки, нѣмцы,—всѣ признавали его за «своего» и старались хоронить отъ себя,—этотъ человѣкъ соединилъ надъ своимъ гробомъ тысячи народа «въ общемъ восторгѣ и въ общихъ слезахъ». русскія бабы и бѣдныя еврейки цѣловали его ноги въ гробу, рыдали вмѣстѣ... Говорилъ рѣчь пасторъ—и плакалъ, его смѣнилъ раввинъ—и плакалъ... Все это на виду евреевъ и христіанъ разныхъ вѣръ, и всѣ соединились въ общей любви. Пойдутъ легенды про старичка. «А легенды, говоритъ Достоевскій, — ужь это первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ «побѣдителяхъ міра», которымъ принадлежитъ земля. А увѣровавъ въ то, что это дѣйствительно побѣдители, и что такіе дѣйствительно «наслѣдятъ землю», вы уже почти соединились во всемъ». Необходимо только «убѣдиться, что вотъ безъ этихъ-то одиночныхъ случаевъ, безъ этихъ единицъ никогда не соберете всего числа, сейчасъ все разсыплется, и вотъ эти-то все соединятъ»..

Жизнь такихъ праведниковъ есть истинное *подвижничество*, но въ то-же время она и *апостольство*, и еслибы не была подвигомъ, не была-бы и проповѣдью. Никакое краснорѣчивое слово не дѣйствуетъ на человѣка такъ, какъ краснорѣчивый фактъ, какъ примѣръ личной хорошей жизни или подвига. Апостолы христіанства завоевали міръ только потому, что были и подвижниками въ то-же время. «Платонъ и Аристотель гораздо больше извлекли изъ жизни Сократа, чѣмъ изъ его словъ», говоритъ Сенека. Апостолы новой жизни должны хоть въ крошечномъ объемѣ, въ своей личности, показать *реальную возможность* новаго типа жизни, а не должны опровергать свое слово дѣломъ, какъ это чаще случается.

XII.

Почему примѣръ сильнѣе слова? Я думаю, это отъ способности словъ мертвѣть въ сознаніи, тогда какъ примѣръ не умираетъ. Наше мышленіе переполнено нетолько ложными, но и истинными, но мертвыми идеями, идеями-трупами, заражающими даже свѣжія души психическимъ гноемъ — лицемѣріемъ. Суевѣрія, предразсудки — еще сравнительно живыя, хотя и омертвѣвающія идеи: въ нихъ есть еще немножко вѣры. Несравненно больше мертвыхъ мыслей именно въ области нравственности. Даже отъ захолустнаго крестьянина вы поминутно услышите—въ видѣ пословицъ — изреченія, достойныя семи мудрецовъ греческихъ, достойныя Евангелія, и въ то-же время въ самой жизни и міропониманіи того-же мужика *дѣйствуютъ* чаще всего иныя, противоположныя начала,—болѣе жизненныя, и вслѣдствіе того хуже формулированныя. Великія изреченія — наслѣдье какихъ-то великихъ предковъ, передаваемыя, какъ иконы, отъ поколѣнія къ поколѣнію и высоко-чтимыя, но какъ и иконы—потускнѣвшія до потери рисунка ихъ. Твердя пословицу, мужикъ часто не имѣетъ искренней вѣры въ нее; древняя мысль не въ состояніи направить волю: эту волю направляютъ обыкновенно мелкія и вздорныя мысли, болѣе сильныя, молодыя, сейчасъ родившіяся.

Для внѣдренія великихъ истинъ въ жизнь мало ихъ высказать: нужно оживить ихъ въ народномъ творчествѣ. Для возбужденія-же творчества нужна «натура», для подражанія нуженъ примѣръ, показъ. Народъ будетъ цѣлые вѣка повторять свои мудрыя мысли, но жить будетъ не по нимъ: необходимо, чтобы пришли новые люди и предъ глазами народными, во-очію, стали жить мудро, и только тогда омертвѣвшая истина оживетъ въ сознаніи, сдѣлается движущеюся, творческой. Народъ, при своей естественности и близости къ тайнамъ природы, всегда подготовленъ для принятія высочайшихъ

истинъ науки, искусства, морали, философіи и религіи; но чтобы онъ понялъ ихъ, ему нужно показать эти истины въ самой жизни.

Чтобы примѣръ былъ дѣйствительнымъ, необходимо, чтобы онъ былъ *подвижничествомъ*, т. е. доведенъ былъ до конца. Опять возвращаюсь къ доктору Гинденбургу. будь это черствый педантъ, относись онъ только исполнительно къ своему дѣлу, то при столь-же добросовѣстномъ трудѣ онъ не вызвалъ-бы никакой любви къ себѣ, и примѣръ его никого-бы не волновалъ до слезъ. Необходимо въ честную дѣятельность, чтобы она была благомъ, влагать любовь. Отчего народъ такъ плохо сознаетъ всю работу для него образованныхъ людей?— Не оттого-ли, что не чувствуетъ, чтобы въ эту работу было вложена искренняя любовь къ нему? Любой странствующій музыкантъ, странникъ съ Аѳона, офеня-балагуръ народу несравненно любезнѣе любого представителя мѣстной интеллигенціи. Трудъ послѣдней можетъ быть и полезнѣе, но идетъ отъ холоднаго, *чужого* сердца.

Даже благотворительная дѣятельность, т. е. казалось-бы, добро по преимуществу, не встрѣчаетъ искренней благодарности благотворимыхъ, они принимаютъ милостыню отъ «неизвѣстнаго благотворителя» равнодушно. Это оттого, что дѣлиться съ ближними, уступать имъ матеріально мы должны совсѣмъ не для матеріальнаго, а для нравственнаго блага. Когда вы снимите рубашку свою для человѣка, требующаго кафтана, — можетъ быть ему и ненужнаго, когда вы подставляете правую щеку, если васъ ударили въ лѣвую, — все это вы дѣлаете не для чувственнаго удовлетворенія ближняго, а для того, чтобы показать ему *примѣръ* иного, божественнаго отношенія человѣка къ человѣку. Подобный вашъ поступокъ только тѣмъ и хорошъ, что можетъ смутить злую волю, взволновать, преобразить вашего заблуждающагося ближняго, облагородить его. Точно такъ-же, если вы кормите алчущихъ и

одѣваете нагихъ, цѣнно нестолько устраненіе физическихъ страданій ихъ, сколько живое проявленіе любви. Голодные и нагіе страдаютъ обыкновенно въ меньшей мѣрѣ физически, чѣмъ нравственно. страдаютъ отъ мысли, что вотъ они покинуты всѣми и погибаютъ, погибаютъ «въ людномъ мірѣ какъ въ глухой пустынѣ», среди чужого счастья. Гибель для бѣдняковъ ужасна не сама по себѣ. они, можетъ быть, спокойно погибли-бы, еслибы видѣли къ себѣ чье-нибудь участіе, какъ гибнутъ герои, страшна гибель отверженная, презрѣнная. Это выдѣленіе человѣка изъ стихіи общей любви невыразимо обидно. оно хуже казни. Но вотъ такой отчаявшійся заброшенный ближній видитъ, что вы идете къ нему на помощь Онъ чувствуетъ страшную радость, но не въ виду насыщенія голода, а гораздо больше отъ мысли, что онъ оказывается не одинокъ, что есть же на свѣтѣ люди, обращающіе на него вниманіе, какъ на настоящаго, «какъ и всѣ», человѣка. Онъ видитъ возвращающуюся къ нему любовь, которая, подобно здоровью, всегда и всякому необходима и цѣна которой замѣчается, какъ и цѣна здоровья, когда она насъ покидаетъ. Ближній, которому мы помогаемъ матеріально, всегда при этомъ нравственно выздоравливаетъ, въ мѣру любви, вложенной въ помощь. Бѣднякъ чувствуетъ приливъ нравственной благодарности (т. е. способности дарить благо) любовь, отражаясь, возвращается дающему и завершаетъ кругъ жизни.

Не будемъ-же спрашивать: «Что дѣлать?», а сдѣлаемъ хоть что-нибудь *съ любовью* къ людямъ. Совѣсть укажетъ, что въ данное время нужнѣе всего людямъ. Высшая цѣль — *апостольство правды*. Высшее средство для этого—*подвижничество любви*. Это то, о чемъ мечтаетъ хорошая юность и что доступно самымъ заурядным, скромнымъ людямъ, лишь-бы они захотѣли быть истинно добрыми: *добрыми до конца*.

Совѣсть и знаніе. *.

I.

Есть множество людей, которые ничего не знаютъ о дѣятельности важнѣйшихъ органовъ своего тѣла. Гдѣ лежитъ селезенка, гдѣ панкреатическая желѣза и каковы ихъ функціи? Какая роль костнаго мозга? Девять десятыхъ образованныхъ людей отвѣтятъ очень сбивчиво на эти столь «близкіе» вопросы, а на нѣкоторые изъ нихъ не отвѣтятъ увѣренно даже ученые. Совершенно то же самое и въ области душевной. Всѣ мы болѣе или менѣе обладаемъ разумомъ, совѣстью, вкусомъ къ изящному. А спросите—что-же такое разумъ? Что такое совѣсть или эстетическое чувство? Отвѣты будутъ различные. Въ наше время множество людей особенно смутно представляютъ себѣ природу совѣсти. Что есть нѣкоторое состояніе души, именуемое совѣстью, — этого никто не отрицаетъ, но иные думаютъ, что у разныхъ людей совѣсть функціонируетъ различно, другіе — что совѣсть почти излишняя роскошь, третьи—что это вещь не только не нужная, но даже вредная. «Совѣсть злое животное, которое возстановляетъ человѣка противъ самого себя», какъ выразился одинъ жизнерадостный папа (Левъ X). Люди иногда очень совѣстливые подъ гнетомъ теоріи, отрицающей нравственную жизнь, считаютъ совѣсть, чуть-ли не безнравственной вещью. Да, какъ это ни странно, но можно договориться и до этого, — по

---

* Статья эта была напечатана въ журналѣ «Русская мысль» № 8 за 1895 г.

крайней мѣрѣ одинъ изъ моихъ литературныхъ противниковъ г. О. Т. В. (въ «Русской Мысли») склоненъ считать совѣсть чѣмъ-то вродѣ эгоизма. На мое—казавшееся мнѣ такимъ элементарнымъ — мнѣніе, что личная нравственность есть источникъ общественной морали, мой противникъ утверждаетъ, что не совѣсть, а знаніе ведетъ къ справедливымъ порядкамъ жизни. Въ разныхъ мѣстахъ статьи онъ иронизируетъ надъ развитіемъ совѣсти («погруженіемъ» въ совѣсть, какъ онъ выражается), считая это по меньшей мѣрѣ безполезнымъ дѣломъ. По представленію моего противника выходитъ, что совѣсть и начинается, и оканчивается въ границахъ отдѣльной личности, что она не переходитъ на общественныя цѣли человѣка и со зломъ общественнымъ мирится. «Само по себѣ стремленіе къ нравственному самосовершенствованію, къ спасенію души,—говоритъ онъ,—отнюдь не заключаетъ въ себѣ элемента борьбы съ общественнымъ зломъ, можно и *удалиться отъ міра* для того, чтобы всецѣло заняться собственною совѣстью».

Я рѣшительно не могу не только согласиться съ этимъ взглядомъ, но даже понять его. Что такое совѣсть какъ не *абсолютное* отрицаніе зла, т.-е. зла не только личнаго, но и общественнаго, государственнаго, расоваго, всечеловѣческаго, мірового, если бы послѣднее было открыто? Можно-ли допустить, чтобы совѣстливый человѣкъ, борющійся со своими нравственными несовершенствами, могъ равнодушно отнестись къ такимъ-же несовершенствамъ внѣ себя? Совѣсть, если она не притворна, какъ и всякое подлинное сознаніе, есть не пассивное, а дѣятельное состояніе души, стремящееся, какъ всякая сила распространиться на весь міръ. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ «удалиться отъ міра», разъ обладаешь живою совѣстью? Бросить страдающихъ братьевъ безъ попытки помочь имъ, удовольствоваться личнымъ отдѣльнымъ спасеніемъ... Но если по непосредственному чувству это низость, то не есть-ли это—отсутствіе совѣсти?

Не есть-ли это простая *безсовѣстность*, и въ такомъ случаѣ не странно-ли смѣшивать ее съ совѣстью?

Если въ вѣка аскетизма нравственные люди бѣжали въ пустыню и отрекались отъ міра, то или по нравственной слабости—сознанію своей неспособности къ дѣятельному добру, или изъ желанія послужить людямъ живымъ примѣромъ отрицанія грѣшной жизни и возможности иного, праведнаго существованія. Истинно-совѣстливые люди и въ пустынѣ не чуждались людей: къ нимъ шло изъ міра все, что отрицало тогдашній міръ, и тутъ около кельи подвижника, часто устраивался рядъ колоній, отслаивалось новое общество на иныхъ, болѣе справедливыхъ началахъ. Совѣстливые люди во всѣ времена удалялись не отъ міра, а отъ гадостей міра, отъ участія въ этихъ гадостяхъ. Они отрекались отъ богатства, власти, незаслуженнаго почета, карьеры и т. п.,—отъ всего, что, по ихъ мнѣнію, нарушало братство людей и ихъ свободу. Но они вовсе не отрекались отъ участія въ добрыхъ явленіяхъ міра, напримѣръ, въ исповѣданіи живой вѣры, въ общественной взаимопомощи, просвѣщеніи, честномъ трудѣ,—не только не отрекались, но принимали во всемъ этомъ плодотворнѣйшее участіе. Поэтому никакъ нельзя сказать, что они не боролись съ общественнымъ зломъ. По правилу: «оставь все и ты найдешь все» (Ѳома Кемпійскій), праведники отрекались отъ міра для того, чтобы побѣдить міръ, и свергая свое личное подчиненіе ему, доказывали нѣчто самое необходимое, самое безцѣнное, что нужно міру—возможность свободы. Всѣ мы погружены въ темное рабство нашихъ жизненныхъ привычекъ и отношеній, всѣ мы находимся подъ гипнозомъ другъ друга, подъ гнетомъ соблазна, въ тяжкихъ оковахъ собственныхъ страстей, которыя можетъ быть не что иное, какъ общественныя внушенія. Свергнуть съ себя эту власть «міра сего» не значитъ *пассивно* изъ него удалиться, далеко нѣтъ! Если существуетъ истинная активность, то именно здѣсь. Уходя изъ недобраго міра и создавая

добрый, праведники побѣждали не только теорію зла, но и практику его, послѣднюю по преимуществу. Собственно съ теоріей зла удобно бороться и оставаясь въ мірѣ, ни на волосъ не подвигая осуществленіе добра. Величайшее общественное зло всегда состояло въ *насиліи* человѣка надъ человѣкомъ; изъ этого допускаемаго, какъ *право*, принципа вѣтвятся всѣ безчисленныя насилія, — личныя, семейныя, сословныя, государственныя, международныя,—вся дремучая поросль зла, которая, подобно чащѣ ліанъ, издревле душитъ живое «древо» жизни». Отрекаясь сами отъ права насилія и отрицая это «право» *всюду*, гдѣ оно встрѣчается, совѣстливые люди взамѣнъ его несутъ въ жизнь другое начало: долгъ уваженія къ личности человѣка, несутъ любовь, которая, по словамъ апостола, есть «законъ свободы». Проповѣдуя неприкосновенность человѣка (homo—res sacra), показывая въ самихъ себѣ примѣръ благоговѣнія къ его достоинству, развѣ не борятся праведники съ общественнымъ зломъ? Насаждая новую природу идей и чувствъ возвышенныхъ и гуманныхъ, люди совѣсти развѣ не создаютъ коренного переворота въ зломъ обществѣ?

«Нравственное совершенствованіе», вовсе не есть простое *недѣланіе* зла: оно есть стремленіе къ дѣланію добра. Воздержаніе отъ дурныхъ поступковъ есть не высшая, а *низшая* граница совѣсти, тотъ уровень, гдѣ послѣдняя лишь начинается. Простое воздержаніе отъ зла, какъ всякая граница, есть моментъ безразличный ни добро, ни зло. Подняться до этой границы, конечно, необходимо, но подняться и не перейти ея, это все равно, что младенцу созрѣвшему—не родиться. Кто нравственно созрѣлъ, чтобы не дѣлать зла, тотъ не можетъ не дѣлать добра, и чѣмъ горячѣе въ васъ отрицаніе неправды, тѣмъ искреннѣе и глубже подчиненіе нравственной истинѣ, до степени страсти, требующей выхода. «Спасеніе души» никакъ нельзя понимать какъ погруженіе ея въ мертвое безразличіе; душа—это энергія;

«спасеніе» души есть превращеніе ея изъ вредной энергіи въ полезную *энергію*-же. Идеалъ совѣстливыхъ людей—Христосъ—именно отойдя отъ міра, пришелъ въ міръ, въ жестокій и холодный міръ, который и согрѣлъ Своею кровью. Если бываетъ нехорошее удаленіе отъ міра, то это эгоизмъ, отторгающій человѣка отъ человѣчества и замыкающій его въ узкомъ кругу корыстныхъ интересовъ. Настоящіе пустынники не отшельники, а живущіе въ міру эгоисты: только они изъ всѣхъ людей одиноки, и зато міръ для нихъ—пустыня.

II.

Посмотримъ, кто «удаляется отъ міра», отъ защиты несчастныхъ братьевъ. Это люди не совѣсти, а иныхъ преимуществъ: люди богатства, знанія, таланта, создающіе разнаго рода касты и аристократіи. Именно «они удаляются отъ міра», въ одиночество замкнутыхъ сословій, корпорацій, профессій, міросозерцаній. Именно они, отгородивъ себя отъ народа, занимаются своею особенною, эгоистическою совѣстью (корпоративною или сословною честью, «честью мундира») и не только не борятся съ общественнымъ несовершенствомъ, но входятъ и душой и тѣломъ въ живой составъ его, и именно они и поддерживаютъ живучесть зла. Общественная неправда тотчасъ рухнула-бы, лишись она поддержки богатства, знанія и таланта. Единственная изъ аристократій, не выдѣляющая себя изъ народа и стремящаяся слиться съ нимъ и не участвующая въ порокахъ общества, это — аристократія совѣсти, и на ней именно, какъ на библейскихъ десяти праведникахъ, держится истинная жизнь общества. Но нужно, чтобы хоть десять-то ихъ нашлось, иначе общество гибнетъ въ своихъ мерзостяхъ, какъ тѣ города, за которые напрасно молилъ Авраамъ разгнѣваннаго Бога.

Въ современномъ состояніи цивилизаціи идетъ очень нездоровый процессъ — *разслабленья* народныхъ массъ, процессъ общественнаго распада. Обратно эпохѣ «отшельниковъ», когда болѣе сильные духомъ люди бѣжали изъ городовъ въ глухія мѣста, которыя они и просвѣщали, нынче сильные люди бѣгутъ изъ «глухихъ мѣстъ» въ города, предоставляя роднымъ мѣстамъ превращаться въ пустыню. Я уже говорилъ выше (см. «Народные Заступники»), что дѣлается въ народѣ. Все, что хоть немного выдвигается умомъ, богатствомъ, знаніемъ, тянетъ вонъ изъ деревни, отгораживается, уходитъ въ «городъ»: мечта каждаго деревенскаго лавочника выйти въ купцы и перебраться сначала въ уѣздный городъ, затѣмъ въ губернскій и, наконецъ, въ столицу, почему въ столицахъ и накапливаются такія чудовищныя богатства и образуются разнаго рода аристократіи. Съ давнихъ временъ, какъ только рождается въ деревнѣ какой-нибудь талантъ, онъ стремится въ городъ, на рынокъ промышленный, научный, литературный, художественный, административный, гдѣ продаетъ себя возможно дороже и всею силою своей укрѣпляетъ то или другое господствующее надъ массами вліяніе. Всѣ такъ называемые культурные центры поддерживаются оторвавшимися отъ народа талантами и энергіями· вотъ почему такъ истощена деревня. Чудовищныя помпы, именуемыя городами, цѣлые вѣка выкачиваютъ изъ деревень не только продукты труда, но и лучшихъ производителей труда; изъ народа безпрерывно отбираются даровитые и сильные элементы, которые уже никогда болѣе въ деревню не возвращаются. Останься они въ деревнѣ, весь ихъ природный геній и вся энергія были бы потрачены на мѣстныя нужды, и деревня несомнѣнно давно бы обогнала городъ въ истинной цивилизаціи: въ развитіи справедливаго общежитія, нравственнаго знанія и естественнаго достатка. Но такъ сложилась исторія, что всѣ духовныя энергіи, *кромѣ совѣсти*, «удаляются отъ міра», отъ

бѣднаго деревенскаго міра, оставшагося только съ своею совѣстью. Конечно, деревенская совѣсть, покинутая измѣнившими ей орудіями духа, является безоружною и малосильною, едва достаточною, чтобы поддерживать жизнь Ubi bene, ibi patria—вотъ девизъ всѣхъ аристократій, кромѣ аристократіи совѣсти. Какъ древніе феодалы или наши дружинники переходили отъ сюзерена къ сюзерену, куда было выгоднѣе, такъ и современная денежная и всякая иная знать: она охотно мѣняетъ не только родную деревню на любой, самый отдаленный городъ, но часто покидаетъ даже родную страну, помѣщая свои капиталы и знанія (добытыя въ отечествѣ) за границей. Предпріимчивые капиталисты, какъ и ученые, расходятся по всему свѣту, осѣдая—капиталисты—тамъ, гдѣ эксплоатація массъ всего легче, ученые—гдѣ легче добыть себѣ славу и деньги. Аристократія крови проживаетъ безвыѣздно ubi bene—въ блестящихъ столицахъ Запада, на берегу теплыхъ морей и на веселыхъ курортахъ, хотя все питаніе этой аристократіи идетъ изъ заброшенной сѣрой деревни. Самые талантливые профессора у насъ мечтаютъ получить каѳедру за границей, лучшіе живописцы, скульпторы, литераторы начинаютъ устраиваться въ Парижѣ — на томъ основаніи, что тамъ роскошный рынокъ для всякаго большого таланта, тогда какъ у насъ, напримѣръ, въ Россіи если и есть спросъ, то на дешевыя, лубочныя издѣлія. Бѣгство за границу нашей интеллигенціи еще только начинается: огромное большинство ограничивается бѣгствомъ изъ деревни въ городъ, гдѣ устраивается такая-же чуждая народу «заграница», какъ и настоящая. Большинство образованныхъ людей, не обладая крупными дарованіями, не выдержало бы заграничной конкурренціи и поневолѣ остаются дома, но *только* поневолѣ.

Никто не пробовалъ — да это было бы и очень трудно—подсчитать, какое множество русскихъ людей

выѣхало заграницу искать себѣ лучшей жизни; еще въ крѣпостное время сотни и тысячи дворянъ эмигрировали добровольно, и кто, бывая за границей, не встрѣчалъ хоть нѣсколькихъ подобныхъ соотечественниковъ? Только самая малая ихъ часть—«политическіе» эмигранты, чаще-же всего это неудачные дѣлатели карьеры, побродившіе и въ старомъ, и въ Новомъ свѣтѣ и гдѣнибудь осѣвшіе, чтобы раствориться въ мѣстной жизни. И до сихъ поръ эта эмиграція продолжается. Изъ небольшого круга моихъ знакомыхъ я знаю нѣсколькихъ человѣкъ, ѣздившихъ въ Америку наживать богатство. Чаще всего выѣзжаютъ люди безполезные, возвращающіеся довольно скоро доѣдать родные остатки. Но среди этихъ «удаляющихся отъ міра» встрѣчаются и люди съ большою энергіей, и съ знаніями и талантами. Я знаю одного доктора медицины, поѣхавшаго на Сандвичевы острова заниматься кофейными плантаціями. Онъ самъ сознается, что былъ полезенъ въ Россіи Живя на одномъ дикомъ побережьѣ, онъ устроилъ цвѣтущее маленькое хозяйство; «впродолженіе 11 лѣтъ,—пишетъ онъ мнѣ,—я лечилъ все окружное полудикое населеніе, способствовалъ удаленію хищной, разбойничьей администраціи, спасъ 200 семействъ отъ разоренія, добился того, что на нашемъ побережьѣ стали возникать цѣнныя культуры». Казалось бы, безцѣнный человѣкъ, но потерпѣлъ нѣсколько тысячъ убытка и соблазнился статьями одной русской женщины-врача съ Сандвичевыхъ острововъ (вотъ, между прочимъ, куда заноситъ судьба нашихъ женщинъ-врачей, едва только они появились въ обществѣ)! Соблазнился и поѣхалъ. «Хочу — пишетъ онъ мнѣ—успокоиться, — въ Россіи я успокоиться не могу— и снова приняться за работу, подобную той, которою и здѣсь занимался». За докторомъ, кромѣ его многочисленной, замѣчательно дружной семьи, ѣдетъ еще три интеллигентныхъ семьи, а человѣкъ, купившій хозяйство доктора, уже собирается, въ случаѣ неудачи, «махнуть

на Цейлонъ» и поселиться въ горахъ. И всѣ эти образованные, даровитые люди оправдываютъ свое бѣгство тѣмъ, что въ Россіи жить нельзя

Позвольте привести здѣсь любопытный примѣръ «удаленія отъ міра» одного русскаго человѣка,—одного изъ тѣхъ, у кого хватило таланта и энергіи сдѣлать себѣ на Западѣ хорошую карьеру. Это—П. А. Тверской, авторъ извѣстныхъ очерковъ изъ сѣверо-американской жизни, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» и «Книжкахъ Недѣли». Въ этихъ очеркахъ онъ самъ описываетъ, какъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ горячей, но безуспѣшной дѣятельности въ одномъ изъ русскихъ земствъ, онъ уѣхалъ въ Америку, какъ онъ началъ тамъ съ нисшихъ рабочихъ должностей, сдѣлался инженеромъ, строилъ желѣзныя дороги и участвовалъ въ разныхъ предпріятіяхъ, пока не остановился на паровыхъ прачешныхъ въ Калифорніи. Въ результатѣ кипучей дѣятельности—изрядное состояніе, а, главное, душевный покой, покой человѣка, постигшаго истинный смыслъ жизни. Смыслъ этотъ—американизмъ, т.-е. возможно-энергическая работа съ цѣлью матеріальнаго обогащенія, къ которому будто-бы все остальное само приложится.

Очерки г. Тверского взбудоражили многихъ русскихъ людей; въ редакціяхъ журналовъ, гдѣ его статьи печатались, получалась масса писемъ съ просьбой сообщить адресъ автора, и очень многіе собирались ѣхать въ Америку дѣлать себѣ карьеру. У г. Тверского выработалось даже философское обоснованіе его бѣгства изъ бѣдной и невѣжественной Россіи. Когда въ «*Думахъ о счастіи*» я высказался за необходимость сближенія нашей интеллигенціи съ народомъ съ цѣлью созданія новой, народной и нравственной культуры, г. Тверской сдѣлалъ мнѣ слѣдующее возраженіе:

«... Энгельгардъ и его послѣдователи разныхъ типовъ... по моему глубокому убѣжденію, принесли Россіи несравненно болѣе вреда, чѣмъ пользы. Русская интел-

тигенція и русскій народъ—двѣ несовмѣстимыя вещи, и всякія попытки совмѣстить ихъ, какъ бы честны и искренни онѣ ни были, только мѣшаютъ народу идти по своему собственному пути, единственно возможному и способному вывести его изъ тѣхъ дебрей, въ которыя завели его тысячи лѣтъ рабства и нищеты. Какъ варяго-руссы не съумѣли «устроить Русскую землю», такъ и теперешняя интеллигенція не съумѣетъ этого сдѣлать и только задерживаетъ народъ своими неумѣлыми, неудачными поползновеніями. «Хожденіе въ народъ», «служеніе народу», «братство» и все имъ подобное только вредитъ дѣйствительному прогрессу. Пусть самъ народъ добивается этого прогресса, и если мы, интеллигенція, не будемъ у него на пути съ нашими непонятными, ненавистными ему пріемами, онъ скорѣе выбьется изъ тьмы на свѣтъ. Я пришелъ къ этому заключенію послѣ десятилѣтней жизни въ деревнѣ, послѣ десятилѣтней искренней, горячей, молодой борьбы со «всемірнымъ зломъ». Умеря были и силы, и средства,—я не былъ интеллигентъ-пролетарій безъ связи съ окружающимъ меня мужикомъ, а мѣстный житель, предки котораго 600 лѣтъ сидѣли въ одномъ гнѣздѣ. Я былъ богатъ и молодъ, молодъ и задоренъ,—безъ малѣйшихъ личныхъ эгоистическихъ мотивовъ,—былъ самымъ молодымъ изъ предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ во всей Россіи, пользовался неограниченнымъ вліяніемъ во всемъ уѣздѣ и даже губерніи, работалъ горячо и съ самоотверженіемъ—и только исковеркалъ и собственную жизнь, и жизнь моей семьи, и свой уѣздъ. Если вамъ не лѣнь, найдите въ 1880 и 1881 годахъ мои очерки въ «Вѣстникѣ Европы»... Знайте, что они написаны моею кровью, что въ нихъ я исповѣдывался передъ моими друзьями, а ихъ въ то время у меня было много по всей интеллигентной, слѣдившей за земскою жизнью Россіи публикѣ, и что и до настоящей минуты я глубоко убѣжденъ, что я былъ правъ въ моихъ вы-

водахъ... Я мыкался до 188... когда сдѣлалось дотого душно, что я ушелъ съ родины. Думаю, что это былъ единственный шагъ, которымъ я дѣйствительно принесъ пользу русскому народу... Мы съ вами—варяго-руссы и чѣмъ скорѣе мы уберемся во-свояси, тѣмъ скорѣе славянскій народъ добьется того, что ему нужно. Мы не только не можемъ ему помочь, но и несомнѣнно ему вредимъ всякимъ нашимъ движеніемъ, всякимъ нашимъ словомъ, какъ бы искренно, честно и горячо оно ни было»...

Вотъ какое намѣчается новое, «послѣднее слово» для русской интеллигенціи «конца вѣка». Это та-же идея «народничества», какъ понималъ его Юзовъ — только идея эгоистически понятая. Народники говорили *почти* тоже самое тогдашней интеллигенціи: — Бросьте вашу навязчивую опеку надъ народомъ, окажите ему уваженіе, отнимите руки. Ваши услуги слишкомъ дорого обходятся, онѣ—нравственно ниже народной совѣсти, онѣ не устраиваютъ жизнь, а разстраиваютъ ее. Поэтому позвольте народу самому жить, какъ онъ хочетъ, онъ знаетъ лучше васъ, что ему надо. Посторонитесь-же!—Но народникамъ, сколько помнится, и въ голову не приходило совѣтовать отказать народу даже въ тѣхъ услугахъ, которые онъ самъ попроситъ. Г-нъ Тверской довелъ народничество до этой крайности *Бѣжать изъ Россіи*— вотъ новый лозунгъ, поданный выдающимся человѣкомъ, предки котораго «600 лѣтъ сидѣли въ одномъ гнѣздѣ» среди народа. Если-бы г. Тверской предлагалъ бѣжать изъ Россіи всѣмъ хищнымъ и низкимъ элементамъ, я понялъ-бы его мысль, хотя и счелъ-бы ее наивной. Но онъ призываетъ къ бѣгству вмѣстѣ съ дурною—и самую благородную, самую, талантливую часть общества, людей наиболѣе чистыхъ и самоотверженныхъ, которые все-же хоть немного сдерживаютъ торжество зла, и вотъ это для меня непостижимо. Я ни на минуту не сомнѣваюсь ни въ искренности, ни въ личной честности г. Твер-

ского, но думаю, что не эти качества подсказали ему рѣшеніе оставить родину, и когда оставить! Когда она *особенно* нуждалась въ людяхъ, ему подобныхъ. У насъ такъ мало людей честныхъ, даровитыхъ и энергичныхъ, а г. Тверской бѣжалъ и увѣщеваетъ бѣжать и тѣхъ, кто остался. Мнѣ это кажется измѣной родинѣ, и я думаю, что она была вызвана не совѣстью, а талантомъ и энергіею г. Тверского. Конечно, не преступленіе эта измѣна, но грустная ошибка. Неблагородно бѣжать, «не заплативъ долговъ», не возвративъ издержекъ 600-лѣтняго воспитанія своего рода. Красивыми софизмами можно заговорить на время свою совѣсть, но кто-же повѣритъ въ концѣ-концовъ, что честные и талантливые люди вредны для Россіи? Что они болѣе нужны Америкѣ, гдѣ ихъ и такъ много? Что въ Россіи нельзя было устраивать паровыхъ прачешенъ, и что заводить эти прачешни въ Калифорніи — настоящее призваніе русской интеллигенціи?

Нѣтъ, совѣсть не подсказала-бы такого рѣшенія.

III.

Что подсказываетъ совѣсть, объ этомъ говорятъ живые примѣры дѣятелей, честно служившихъ народу. Тѣ изъ этихъ подвижниковъ, у которыхъ совѣсть была вооружена большимъ талантомъ, посвящали себя всенародной (литературной, научной, художественной) проповѣди добра, и это во всѣ времена важнѣйшій и благороднѣйшій видъ служенія. Тѣ же, которые при великой совѣсти не обладали соотвѣтствующими иными дарованіями, шли на живое практическое дѣло, — не какъ вожди, а какъ рядовые, неся часто безвѣстную, но истинно геройскую службу народу. Припомните жизнь извѣстныхъ вамъ хорошихъ людей. какіе прекрасные дѣятели попадаются среди земцевъ, народныхъ учителей, докторовъ, помѣщиковъ, священниковъ и какъ благотворно ихъ присутствіе въ обез-

доленной массѣ! Одинъ истинно-хорошій человѣкъ въ какомъ-нибудь захолустьи уже замѣтно поднимаетъ жизнь цѣлой округи; одинъ такой человѣкъ иногда въ состояніи оставить неизгладимый слѣдъ на исторіи даже всего народа. Припомните хотя-бы жизнь Н. И. Новикова, знаменитаго книгоиздателя и масона: кстати, только что праздновался 150-ти лѣтній юбилей его рожденія. Почтимте-же его память и вспомнимъ его дѣло.

Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ существовали въ Россіи такіе «варяго-руссы», какъ Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Походяшинъ и др. Цѣлая дружина идеалистовъ въ то темное время. Припомните, съ какою энергіей, «упорствуя, волнуясь и спѣша», небольшая горсть этихъ хорошихъ людей берется за огромное историческое дѣло и ведетъ его съ удивительнымъ успѣхомъ—дѣло общественнаго просвѣщенія, насажденія у насъ журнальной и книжной печати, изданія историческихъ матеріаловъ и т. п. Въ тотъ «жестокій вѣкъ», въ разгаръ крѣпостного рабства и государственнаго грабежа. Новиковъ возсталъ противъ этихъ золъ, полемизировалъ съ журналомъ самой Екатерины II, въ то время какъ аристократія таланта въ лицѣ Державина торговала лестью. Первый журналъ былъ закрытъ — Новиковъ создаетъ второй, съ еще болѣе смѣлымъ обличеніемъ крѣпостного права. Закрытъ былъ второй журналъ—Новиковъ открываетъ третій. Пусть и этотъ журналъ погибъ, пусть Новиковъ «подвергся личнымъ непріятностямъ» и былъ высланъ изъ Петербурга — онъ не опускаетъ рукъ: онъ предпринимаетъ огромное издательское дѣло въ Москвѣ и создаетъ читающую публику, которой до него не было. И тутъ его преслѣдуютъ кары, даже за научныя его изданія, но онъ, какъ миѳическая гидра, теряя одно щупальце, выпускалъ два: онъ основываетъ цѣлый рядъ новыхъ журналовъ, заводитъ народныя школы (*первыя* въ Россіи), вступаетъ въ связь съ масонами, организуетъ рядъ типографій, устраи-

ваетъ учительскую семинарію, дѣлается душой знаменитаго дружескаго ученаго общества, оказавшаго столь благотворное вліяніе на тогдашнюю молодежь, разбрасываетъ книжную торговлю по всей Россіи, кормитъ народъ въ голодный 1787 годъ, а, главное, наводняетъ читающую публику полезными, просвѣтительными книгами. Пусть вся эта безупречная, честная служба родинѣ увѣнчивается гибелью всѣхъ начинаній, преслѣдованіями и страданіями въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости (Новиковъ просидѣлъ тамъ около 5 лѣтъ). все-же Новиковъ и его друзья сдѣлали для просвѣщенія Россіи больше, чѣмъ было сдѣлано до нихъ, и отъ нихъ именно пошла порода искреннихъ народолюбцевъ въ нашей интеллигенціи. Кирѣевскій говоритъ о Новиковѣ, что онъ не распространилъ, а *создалъ* у насъ любовь къ наукамъ и чтенію, и что дѣло, имъ совершенное, еще живетъ и приноситъ плоды. Неужели было-бы лучше, если-бы этотъ «варяго-руссъ» въ свое время бѣжалъ изъ Россіи, подобно нѣкоторымъ офранцузившимся русскимъ дворянамъ, и пустился-бы, вродѣ г. Тверского, въ промышленность на безопасныхъ условіяхъ? Даже и совсѣмъ выбитый изъ колеи, ушедшій въ родную деревню, Новиковъ съумѣлъ остатки жизни отдать крестьянамъ: о его заботахъ до сихъ поръ живетъ благодарная память у крестьянъ. Такъ работаютъ люди совѣсти.

Представьте себѣ, что всѣ честные и просвѣщенные люди, вродѣ Новикова, уходятъ изъ Россіи, забирая свои богатства, уходятъ навсегда, какъ евреи изъ Египта. Не будетъ-ли это своего рода вскрытіемъ артерій у народнаго организма? Вѣдь, за первою волной уходящей честной интеллигенціи должна-бы послѣдовать вторая, третья и т. д., — до полной потери лучшей народной крови. Представьте, наоборотъ, что всѣ честные и просвѣщенные люди идутъ навсегда въ народъ, неся съ собою знанія, талантъ, энергію и матеріальныя богатства.

растворяя все это въ массѣ народной. Не будетъ-ли это работой творческихъ элементовъ крови, фагоцитовъ, которые стремятся именно къ самымъ бѣднымъ, больнымъ, захудалымъ частямъ тѣла и вступаютъ въ мужественную борьбу съ враждебными жизни микробами? Хирѣющая толща народная, мнѣ кажется, можетъ быть спасена именно притокомъ къ ней элементовъ просвѣщенныхъ и героическихъ, которые подняли-бы хоть немного народную жизнестойкость. И двинуть въ народъ талантливыхъ и просвѣщенныхъ людей, повернуть потокъ ихъ, стремящійся теперь *изъ* народа, можетъ только проснувшаяся совѣсть. Если-бы для этого было достаточно знанія, то образованные люди уже шли-бы въ деревню и въ служеніи ей находили-бы себѣ счастье. На дѣлѣ наоборотъ: чуть человѣкъ прикасается къ знанію, какъ онъ уже оторванъ отъ народа, требуетъ оклада, чина, пенсіи и т. п.

VI.

Мысль моего противника—обойтись безъ участія совѣсти въ дѣлѣ общественнаго развитія—для меня представляетъ сплошное недоразумѣніе. Съ общественнымъ зломъ,—говоритъ онъ — нужно бороться «общественными средствами», а «не погруженіемъ въ свою совѣсть». Нужно дѣйствовать путемъ печати, суда, законодательства и устраивать справедливые порядки жизни. Такъ, все это прекрасно, но какимъ образомъ *помимо совѣсти,* привести въ движеніе «общественныя средства?» Вѣдь, въ печати, судѣ, законодательствѣ и проч. засѣдаютъ *люди,* которые могутъ быть (какъ часто и бываютъ) совершенно равнодушными къ общественному злу. Вѣдь, прежде всего, нужна чья-то тревога, что данное явленіе есть зло, а не добро, т. е. нужна именно совѣсть. «Я, какъ публицистъ, — говоритъ мой противникъ, — буду доказывать, что опасность не въ (обвиняемомъ), а въ несправедливомъ законѣ». — Будете *доказывать?* Но,

значитъ, еще прежде этого вамъ *самимъ* нужно убѣдиться въ несправедливости закона, а какъ-же это сдѣлать помимо совѣсти? И мало просто «убѣдиться», — убѣждены въ несправедливости нѣкоторыхъ порядковъ очень многіе, но и пальцемъ не шевелятъ, такъ какъ зло ихъ не касается или выгодно имъ. Огромное большинство образованныхъ помѣщиковъ до реформы признавали крѣпостное право зломъ, но лишь очень немногіе были настолько совѣстливы, чтобы отпустить крестьянъ на волю, возвратить имъ землю и посвятить жизнь на борьбу съ рабствомъ. Мало только *узнать* объ общественной несправедливости, нужно *восчувствовать* ее, оскорбиться, вознегодовать Не раньше чѣмъ зло покажется невыносимымъ, вы сдвинетесь, наконецъ, съ мѣста и начнете дѣйствовать такъ, какъ нужно: самоотверженно и страстно. Необходимо возбужденіе совѣсти не какъ идеи только, а какъ *воли*, т. е. въ формѣ не скрытой, а освобожденной энергіи, и слѣдуетъ всѣми мѣрами — воспитаніемъ дѣтей и нравственнымъ просвѣщеніемъ взрослыхъ—освобождать въ обществѣ эту нравственную энергію. Перерожденіе общества — задача долговременная: нужна безконечная работа совѣстливыхъ душъ, работа полиповъ на днѣ океана, прежде чѣмъ поднимется общій нравственный уровень.

Мой противникъ говоритъ: «Образованное меньшинство приходитъ къ сознанію, что такое-то учрежденіе, положимъ, нашъ старый приказный судъ, не удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія, стало быть, въ общемъ вредитъ нравственному развитію людей и понижаетъ нравственный уровень всего общества. Что-же надо дѣлать этому меньшинству? Конечно, не погружаться въ свою совѣсть, а добиваться введенія гласнаго, независимаго, устнаго, праваго суда».—Прекрасно, но какимъ-же путемъ «образованное меньшинство *приходитъ къ сознанію*» безнравственности прежняго суда? Вѣдь, *сознаніе безнравственности* и есть совѣсть! И какъ «добиваться» нравственныхъ цѣлей, не

«погружаясь» въ совѣсть — свою и ближнихъ? Это все равно, что добиваться музыкальнаго наслажденія, закрывъ плотно уши. «Зло надо опредѣлить, отличить отъ добра,—говоритъ мой противникъ—вѣдь, для этого надо имѣть ясное сознаніе того, какіе общественные порядки хороши, какіе плохи и вредны». Святая истина! Но что-же, кромѣ совѣсти, *опредѣляетъ* зло? И въ чемъ коренное свойство совѣсти, какъ не въ опредѣленіи зла? Иначе, вѣдь, придется вовсе отрицать самое существованіе совѣсти, какъ особаго сознанія. Для людей личнаго «самоусовершенствованія»,—говоритъ мой противникъ,—не нужны нравственные порядки. — Но, спрошу я, для кого-же нужны нравственные порядки? Неужели для людей безсовѣстныхъ? Кому дорого и желанно осуществленіе правды—тѣмъ-ли, кто отрицаетъ ее, или тѣмъ, кто отстаиваетъ ее цѣною хотя бы жизни? Мой противникъ иронически относится къ подвигамъ совѣсти: «Пострадать за правду,—говоритъ онъ,—лѣтъ десять героически просидѣть совсѣмъ безвинно въ отвратительной тюрьмѣ и умереть въ тюремной больницѣ, сохранивъ при этомъ чистоту души...»—это будто-бы ничего не стоитъ. Но, я думаю, иронія тутъ совсѣмъ не у мѣста. «Пострадать за правду», можетъ быть, самыя святыя слова, какія есть на человѣческомъ языкѣ. Вѣдь, если страдаютъ дѣйствительно за *правду*, то страдаютъ за нѣчто всѣмъ нужное и важное, и ужъ если у кого хватило нравственной страсти поставить идею выше жизни, у того (только у того) хватитъ энергіи, чтобы «добиваться», какъ совѣтуетъ мой противникъ, осуществленія этой идеи внѣ стѣнъ тюрьмы или больницы. Хорошо, конечно, если-бы «поменьше было *возможности* для подобныхъ подвиговъ», соглашусь я но необходимо, чтобы было побольше *готовности* на такіе подвиги.

«Нужна отчетливая общественная цѣль». — Да, но что же, кромѣ совѣсти, въ состояніи указать отчетливую *нравственную* цѣль? Безнравственная цѣль, какъ

бы она ни была отчетлива, не должна же быть цѣлью общества. Задача истиннаго общества есть нравственное сожительство, и если общество не осуществляетъ справедливости, то оно и не есть общество.

«Для нравственной работы, — говоритъ мой противникъ, нужна безопасность, нѣкоторое обезпеченіе, того, что вашъ трудъ не пропадетъ даромъ». Но чѣмъ-же достигается эта безопасность, какъ не подъемомъ *совѣсти*, запрещающей стѣснять свободу человѣческой мысли?

Я ставлю развитіе совѣсти прежде всѣхъ другихъ задачъ не потому, что другія задачи не нужны, а потому, что совѣсть находится у насъ въ особенно жалкомъ упадкѣ и тормазитъ развитіе просвѣщенія и благосостоянія. Въ основахъ русской личной, семейной и общественной жизни гнѣздятся многія безнравственныя начала почти полное отсутствіе достоинства, отсутствіе въ силу этого самодѣятельности и влеченія къ жизненной правдѣ. Грубѣйшій, чисто-азіатскій матеріализмъ душитъ нашу невѣжественную буржуазію и тѣмъ же своекорыстнымъ матеріализмомъ заражена въ огромномъ большинствѣ и интеллигенція. Корысть и нажива — внѣ этого нѣтъ желаній, — поймите: *желаній* нѣтъ. Какъ-же ждать, что явятся откуда-то свѣтлые законы жизни, когда жизнь темна, — явятся возвышенныя *явленія*, когда отдѣльные *факты* низки? При низкихъ чувствахъ откуда возьмутся благородныя категоріи ихъ,—справедливые порядки? Вѣдь, не съ неба падаютъ явленія жизни. они слагаются роковымъ образомъ изъ тѣхъ элементовъ, какіе есть въ дѣйствительности, и слагаются въ тѣ именно сочетанія, на какія способны по ихъ природѣ. Какъ химическая смѣсь кристаллизуется сообразно входящимъ элементамъ, такъ и живая человѣческая смѣсь—общество—отслаивается сообразно нравственнымъ задаткамъ отдѣльныхъ членовъ. Если у большинства преобладаютъ не нравственные интересы, жизнь общая роковымъ образомъ принимаетъ звѣриный харак-

теръ; изъ милліоновъ отдѣльныхъ неуваженій личности слагается стихія общаго безправія. Гибнетъ отдѣльный хорошій человѣкъ—общество молчитъ, гибнетъ хорошая идея—общество опять молчитъ или даже злорадствуетъ. возвращеніе къ несправедливому закону радуетъ, какъ возвращеніе къ болѣе естественному для такого общества порядку.

V.

Основнымъ двигателемъ общества мой уважаемый противникъ считаетъ не нравственность, а знаніе. «Просвѣщеніе,—говоритъ онъ,—подымаетъ нравственность, знаніе увеличиваетъ матеріальный достатокъ и оно же ведетъ къ созданію такихъ учрежденій, которыя наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ цѣлямъ общежитія». Рѣчь идетъ, очевидно, объ *истинномъ* знаніи, такъ какъ ложное ведетъ конечно, къ обратнымъ результатамъ. Вспомните-же, сколько въ такъ называемомъ «знаніи» людей ошибокъ. Изъ вѣка въ вѣкъ знаніе одной эпохи замѣняется другимъ,—горсть неизмѣнныхъ истинъ такъ не велика (и какъ доказалъ еще Бокль, — эти неизмѣнныя истины относятся къ совѣсти, а не къ иному знанію) Если провѣрить ходячее знаніе любого времени, вы ви дите, что въ общемъ оно гораздо богаче ошибками, нежели истинами. Но даже и та небольшая доза знаній, которыя признаны истинными, *сами по себѣ* не создаютъ еще нравственности. Они питаютъ ее, доводя дѣйствительность до сознанія, но *пища*, хотя она и необходима для тѣла, не есть еще само тѣло. Прежде питанія совѣсти необходимо еще, чтобы она существовала хоть въ зародышѣ. Знаніе еще не есть *сознаніе;* знаніе — свѣтъ, но не слѣдуетъ смѣшивать *свѣтъ* съ *зрѣніемъ*. Чтобъ увидѣть вещь, конечно, необходимо, чтобъ она была освѣщена, но сверхъ того нуженъ зрительный центръ въ мозгу, чтобы почувствовать и обсудить свѣтовое ощущеніе. Для нравственнаго созна-

нія, какъ и для всякаго другого (религіознаго, эстетическаго) необходима точная картина дѣйствительности но, кромѣ нея, необходима еще способность обсуждать дѣйствительность, относить ее къ особой координатѣ души, къ извѣстному *идеалу*. Знаніе есть не болѣе, какъ простой матеріалъ сознанія, — груда кирпичей, песку, извести, остающаяся грудою, пока ею не воспользуется архитекторъ: разумъ или безуміе, совѣсть или безсовѣстность, смотря по стилю души. Какъ орудіе, знаніе вооружаетъ совѣсть и увеличиваетъ ея средства въ чрезвычайной степени, но нужно помнить, что въ той же степени знаніе вооружаетъ и безсовѣстность. Математика, химія, физика, ботаника и проч ни на іоту не измѣняютъ безнравственнаго склада жизни, а скорѣе укрѣпляютъ его. Химики, механики, электротехники и проч. охотно приглашаются полудикими деспотами, вооружаютъ ихъ войска скорострѣльными и бездымными винтовками (какъ въ Афганистанѣ и Персіи), выкуриваютъ спиртъ и опіумъ, которыми отравляются милліонныя населенія, проводятъ желѣзные и иные пути въ тѣ страны, куда еще не добрался капитализмъ. Ученые юристы и соціологи, по приглашенію тѣхъ же деспотовъ, разрабатываютъ мѣстное право и создаютъ кодексы, укрѣпляющіе насиліе, какъ законъ. Хищникамъ такія знанія помогаютъ только укрѣпить свое господство надъ массами. Физическое знаніе (а таковыми стремятся сдѣлаться всѣ науки) по природѣ своей нравственно безразлично. оно безусловно равнодушно къ добру и злу, считая то и другое за одинаково законный, естественный фактъ. Никогда и нигдѣ такія знанія не вносили смягчающаго вліянія въ общество, а укрѣпляли всякую силу, добрую и злую. Если развитіе знаній необходимо, то только въ качествѣ могущественнаго оружія, отъ котораго добро не можетъ отказываться, разъ тѣмъ-же оружіемъ вооружилось и зло. Матеріальныя знанія «освобождаютъ» умъ человѣ-

ческій отъ суевѣрій, но освобождаютъ одинаково для добра и зла, не внушая никакихъ пристрастій къ тому или другому Только чувство —злое или доброе—направляетъ освобожденный умъ въ ту или другую сторону.

Вы скажете, что кромѣ *физическихъ* знаній есть еще и *гуманитарныя*,—но гуманизирующее ихъ вліяніе принадлежитъ цѣликомъ не научному, а *нравственному* элементу, который въ нихъ заключается. Гуманитарное знаніе есть та-же совѣсть, только *прикладная*, т. е. приложенная къ явленіямъ жизни. Всѣ гуманитарныя науки теряютъ тотчасъ-же всякій смыслъ, отнимите лишь отъ нихъ проникающее ихъ чувство совѣсти. Что одно умственное просвѣщеніе не поднимаетъ нравственности, достаточно взглянуть на нашихъ просвѣщенныхъ ретроградовъ, на прусскихъ юнкеровъ, на англійскихъ лордовъ, на французскихъ буржуа. Во всѣхъ странахъ самыя просвѣщенныя сословія стоятъ или въ сторонѣ, или прямо-таки поперекъ нравственнаго движенія общества; это движеніе ведется менѣе просвѣщенными, но болѣе совѣстливыми междусословными элементами. Даже классъ ученыхъ и профессоровъ нигдѣ не стоитъ во главѣ общественнаго развитія, за извѣстными, конечно, блестящими исключеніями (исключенія, не менѣе блестящія, встрѣчаются и среди лордовъ и буржуа). Въ классической странѣ учености—Германіи—многіе-ли профессора занимаются чѣмъ-нибудь, кромѣ своего ученаго ремесла и карьеры? «Гелертеръ»—родной братъ «филистеру» и оба стоятъ далеко отъ кипучей общественной струи. Между гелертерами часто являются усерднѣйшіе слуги реакціи: всѣмъ извѣстны ѣдкія характеристики нѣмецкихъ ученыхъ, сдѣланныя Шопенгауэромъ, Дюрингомъ, Геккелемъ и т. п. Вспомните французскую коллегію «безсмертныхъ» съ ея тупымъ консерватизмомъ или нашу академію временъ Ломоносова. Типъ саламанкскихъ профессоровъ эпохи Колумба не умираетъ; то, что говорилъ Герценъ въ своемъ превосходномъ очеркѣ (*Цехъ*

ученыхъ и пр.) 52 года тому назадъ, написано точно сегодня: въ наиболѣе просвѣщенномъ классѣ до сихъ поръ господствуетъ отсталость въ области самыхъ жгучихъ и важныхъ вопросовъ жизни, мертвая узкость взглядовъ и грубый спеціализмъ. Русское просвѣщеніе очень молодо, но однако уже выдвигало въ критическіе моменты общественной жизни людей, вліявшихъ всею тяжестью своего таланта и образованія для удушенія новыхъ, болѣе нравственныхъ формъ жизни: достаточно вспомнить роль Державина, отчасти Карамзина или нѣкоторыхъ московскихъ публицистовъ въ позднѣйшее время. Для жизни Новикова, разъ мы ее коснулись, характерно, что этотъ великій дѣятель, какъ и многіе ему подобные, былъ «недоучкой»: былъ исключенъ изъ гимназіи, не зналъ ни одного иностраннаго языка. Не избытокъ знанія, очевидно, направлялъ его благородную работу, а чувство совѣсти. Характерно и то, что первое гоненіе на Новикова воздвигла «коммисія объ училищахъ» изъ отборныхъ представителей тогдашней учености.

Что умственная просвѣщенность сама по себѣ не дѣлаетъ людей болѣе нравственными и духовно-свободными, доказываетъ и то, что нравственность среди крестьянъ (и именно самыхъ невѣжественныхъ, не прикоснувшихся еще къ фабрично-казарменной культурѣ) значительно выше, чѣмъ среди средней интеллигенціи. Возьмите нашихъ раскольниковъ и сравните съ образованными людьми fin de siécle. Въ центрахъ просвѣщенія,—въ Парижѣ, напримѣръ,—просвѣщенный классъ уже повторяетъ римлянъ временъ упадка, и даже представители общественной совѣсти, — дѣятели печати и члены парламента,—часто поражаютъ своею безнравственностью. Наша интеллигенція уже второе столѣтіе мечтаетъ о нѣкоторыхъ основахъ справедливости, которыя въ глубинѣ народныхъ массъ осуществлены давно. Нельзя также отрицать, что самые невѣжественные наши вѣка, — до XV столѣтія, — давали типы общественной жизни, въ

нравственномъ ихъ планѣ недосягаемые для послѣдующихъ столѣтій.

Знанія научныя потому ставятъ высоко, что они являются послѣдними пріобрѣтеніями человѣческой души. Нравственные законы установлены четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, физическіе—всего нѣсколько столѣтій. На открытіе послѣднихъ законовъ требовался, будто-бы, болѣе высокій геній. Но это едва-ли вѣрно. Судя по остаткамъ древней поэзіи, философіи, религіи, искусства, тысячи лѣтъ тому назадъ существовали благородныя расы, интеллектъ которыхъ ничуть не уступалъ теперешнему. Если люди того времени трудились надъ нравственными вопросами, то это не потому, что они ниже физическихъ, а скорѣе по обратной причинѣ. Открыть дѣйствіе пара, электричества и проч.—на это требуется меньше генія, чѣмъ на созданіе Упанишадъ или книги Іова. Если древніе были равнодушны къ наукѣ и углублены въ нравственный законъ, то это просто потому, что послѣдній важнѣе первыхъ.

Утверждая, что знанія подымаютъ нравственность, обыкновенно имѣютъ въ виду великія общественныя реформы на Западѣ, совпавшія съ чудеснымъ расцвѣтомъ знаній. Но, въ сущности, совпаденіе это не точное и не въ пользу знаній: великія реформы осуществлены еще при очень низкомъ уровнѣ просвѣщенія, населеніями почти сплошь безграмотными и въ эпоху, когда всѣ точныя науки (кромѣ математическихъ) только что начинались, и даже гуманитарныя были въ зародышѣ. Великій подъемъ духа въ XVII—XVIII вв., повлекшій за собою облагороженіе общественныхъ формъ, имѣлъ не научное, а *нравственное* происхожденіе; онъ вытекъ изъ реформаціи и изъ англійской философіи (породившей французскую), а, главное, изъ постепенно сложившихся болѣе гуманныхъ нравовъ, пришедшихъ въ противорѣчіе съ устарѣвшими учрежденіями. Расцвѣтъ знаній, конечно, очень сильно вліялъ на жизнь, кореннымъ

образомъ перестраивая экономическія и соціальныя отношенія, но вліяніе этого расцвѣта знаній нельзя еще назвать нравственнымъ, скорѣе — наоборотъ. Слѣдуетъ съ грустью признать, что какъ только появлялось какое-нибудь новое открытіе или изобрѣтеніе, первые имъ овладѣвали хищные элементы для вящаго порабощенія массъ. До угнетенныхъ массъ знанія не дошли, или дошли поздно, или вовсе оказались непригодными въ борьбѣ ихъ за существованіе. Что пользы современному англійскому рабочему отъ усовершенствованія машинъ? Каждое усовершенствованіе уменьшаетъ спросъ на рабочихъ и выгоняетъ часть ихъ на улицу. Сто лѣтъ тому назадъ, до разцвѣта знаній, народъ на Западѣ былъ независимѣе экономически, чѣмъ теперь, въ эпоху колоссальныхъ промышленныхъ стачекъ и войны капитала съ трудомъ Теоретики передовыхъ общественныхъ ученій утверждаютъ, что побѣда *непремѣнно* останется за рабочею массой, но будетъ ли это такъ — судить еще рано. Весьма возможенъ и обратный исходъ. возможно новое и безповоротное закрѣпощеніе народныхъ массъ промышленной аристократіи, когда послѣдняя овладѣетъ всѣми государственными рычагами. Въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ, этотъ процессъ уже начался, если принять въ расчетъ удивительное и страшное развитіе «трестовъ» — этихъ гигантскихъ ловушекъ, въ которыя попадаетъ народное достояніе. Если восторжествуютъ когда-нибудь болѣе справедливые соціальные порядки, то это будетъ благодаря не знаніямъ, а опять же *нравственнымъ* усиліямъ, вложеннымъ въ борьбу.

Знаніе относится къ совѣсти такъ, какъ хорошее средство—къ хорошей цѣли. Внѣ цѣли неможетъ быть и средствъ. Искренняя совѣсть есть стремленіе къ истинѣ во всѣхъ областяхъ сознанія, и все, что есть истиннаго въ наукѣ, поэзіи и религіи, получаетъ свой окончательный смыслъ въ совѣсти.

Ѳ. П. Гаазъ.

Человѣкъ вполнѣ можетъ
стать божественнымъ, оста-
ваясь никому неизвѣстнымъ
(*Маркъ Аврелій*, 67).

I.

Есть-ли на землѣ святое счастье? Люди языческаго, сладострастнаго культа искренно убѣждены, что нѣтъ счастья внѣ побѣды и плотской любви, и потому вся жизнь ихъ устремлена къ торжеству гордости и къ разгару похотей, самая пылкая изъ которыхъ — половая. Нѣтъ преобладанія, нѣтъ влюбленности — нѣтъ поэзіи и красоты въ мірѣ. Современный язычникъ, едва чувствующій на себѣ слѣды тысячелѣтняго крещенія, не въ состояніи, какъ и древній язычникъ временъ упадка, носить свое тѣло спокойно и серьезно: онъ ощущаетъ это тѣло какъ что-то буйное, рвущееся къ жизни, къ сладострастью, готовое разлиться, сгорѣть въ жаркихъ ощущеніяхъ. «Жизни, жизни!» кричитъ эта ослабленная страстью, раздраженная плоть, съ разошедшимися, какъ въ баснѣ Менепія Агриппы, органами. Помните эту басню: членамъ человѣческаго тѣла наскучило ихъ естественное сотрудничество, похожее на рабство каждаго всѣмъ остальнымъ. Каждому органу захотѣлось жить лишь для себя — и вы знаете конецъ этой исторіи. У язычника, нетолько въ душѣ, но и въ тѣлѣ происходитъ

буквально тотъ-же процессъ. Душа, развязавшаяся на отдѣльные элементы, на влеченія, выростающія въ страсти, отвѣчаетъ тѣлу, у котораго желудокъ живетъ для желудка (какъ у сластолюбцевъ), половая функція—для нея самой и т. д. Плоть, какъ цѣлое, какъ сѣдалище одной души, какъ-бы исчезаетъ, общая жизненность понижается, она разбивается на слабо связанные между собою удѣлы, гдѣ правятъ, ведя борьбу другъ съ другомъ, самостоятельныя души—страсти. Каждая стремится къ «великому княженію» и по очереди захватываетъ престолъ жизни. Язычникъ не въ состояніи понять иного счастья, какъ злого, чувственнаго, страстнаго. Фаустъ отворачивается отъ безплотныхъ откровеній разума, и бросается въ омутъ плотскихъ, самыхъ бурныхъ, самыхъ жгучихъ впечатлѣній. Въ идеалѣ язычника Гретхенъ только первая верстовая вѣха, — съ дѣвственной любви только начинаютъ,—подавляющее большинство неизбѣжно проходитъ черезъ Вальпургіеву ночь. Какъ-бы ни лицемѣрили поклонники половой любви—вакханалія ихъ послѣдній идеалъ, который всѣ они и осуществляютъ, *когда для этого нѣтъ препятствій.* Вспомните Мессалину: чего ей не доставало, ей — женѣ Цезаря? «Сама, съ распущенными волосами, потрясаетъ тирсомъ, а подлѣ Силій, опоясанный плющемъ, въ котурнахъ, кривляется головою, а вокругъ раздается своевольный хоръ». (*Тацитъ.* XI, 31). Чего недоставало самимъ цезарямъ? Но почти всѣ древніе тираны, даже столь мудрые, какъ Соломонъ и Семирамида, кончали необузданнымъ развратомъ; ту-же картину повторили могущественные папы, султаны и даже столь недавно—французскіе короли. Въ наши дни та-же вакханалія захватываетъ богатую буржуазію и аристократію тѣхъ странъ, гдѣ эти классы удалились отъ христіанскаго быта. Въ лучшемъ, болѣе благородномъ случаѣ укореняется эпикуреизмъ, культъ изящной страсти, сдержанной лишь въ ея-же выгодахъ, тотъ культъ, выразителемъ котораго былъ Петроній.

II.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ разгулъ плоти—затаенная мечта большинства современныхъ людей. Несмотря на то, что языческое «счастье» по самой природѣ своей всегда отравлено, всегда куплено слишкомъ дорогою цѣною, для современныхъ людей еще не ясенъ иной смыслъ, иная радость существованья. Глубины разумѣнія не хватаетъ еще, чтобы разсмотрѣть въ туманѣ жизни очертаніе болѣе истиннаго закона — счастья духа, блага нетлѣннаго, о которомъ училъ Христосъ. Огромное большинство людей погружены въ безуміе еще животныхъ, не ослабленное, а усиленное частичкой даннаго имъ разума. Какъ у бѣдняковъ случайно найденный рубль еще сильнѣе заставляетъ чувствовать остроту нужды, такъ у людей грубыхъ немножко разума идетъ всецѣло на служеніе страстямъ. «Ѣшь, душа, пей и веселись!» говоритъ себѣ современный человѣкъ. Писатели и художники, часто безсознательно, выражаютъ всею своею дѣятельностью тотъ-же лозунгъ: именно, этимъ лозунгомъ подсказывается будто-бы «чистое», а въ сущности сладострастное служеніе красотѣ, проповѣдь борьбы за существованіе и блаженство побѣды. Величайшіе поэты—отъ Анакреона до Байрона — не стыдились и воспѣвать, и осуществлять въ своей жизни культъ побѣды и любви. Вспомните признаніе Пушкина о томъ, какъ боролись въ его душѣ два идеала — христіанскій и языческій. «Величавая жена надъ школою надзоръ хранила строго», говоритъ поэтъ.

«Но я вникалъ въ ея бесѣды мало,
Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.
Дичась ея совѣтовъ и укоровъ
Я про себя *превратно толковалъ*
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ..

. . . . . .

Другія два прекрасныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То было двухъ бѣсовъ изображенья
Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной
Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный..

Эти два «бѣса», Аполлонъ и Вакхъ, упоенье гордости и упоенье сладострастія увлекли, какъ извѣстно, нашего великаго поэта къ гибели: не спасли его «полныя святыни словеса», которыя онъ слышалъ и зналъ, не спасло сознанье, что языческій идеалъ — «сомнительный и лживый».—Лживый, но прекрасный! въ изнеможеніи, отдаваясь ему, восклицалъ поэтъ То-же въ изгибахъ сердца сознаетъ и каждый современный язычникъ, не вполнѣ безсовѣстный. Ницше имѣлъ только мужество назвать громко то, что, скрывая отъ Бога, чувствуетъ почти каждый изъ насъ; онъ съ дерзостью звѣря, съ искренностью бога провозгласилъ, что человѣкъ животное и идеалъ его — «смѣющійся левъ», могучій и сладострастный. Ученіе Ницше увлекло уже не мало людей; оно увлекло-бы ихъ гораздо больше, если-бы явилось въ періодъ болѣе ранняго нигилизма и если-бы было выражено съ большимъ талантомъ. Несмотря на болѣзненный и часто темный сумбуръ этого ученія, многіе талантливые люди видятъ въ немъ какое-то откровеніе, новый завѣтъ...

Я знаю одного выдающагося молодого ученаго изъ даровитой семьи, который написалъ утопію, изображеніе будущаго золотого вѣка, какъ онъ его понимаетъ. Авторъ мнѣ прислалъ эту объемистую рукопись, чтобы я далъ о ней ему свой отзывъ. Позвольте разсказать вамъ тему этой удивительной мечты, какъ я ее запомнилъ. Авторъ засыпаетъ — и просыпается въ новомъ мірѣ, населенномъ нагими, прекрасными, юными людь-

ми, похожими на боговъ. Онъ видитъ себя гдѣ-то на берегу лазурнаго моря, среди тропической зелени. Его, выходца иного вѣка, встрѣчаютъ привѣтливо и знакомятъ съ новой жизнью. Человѣчество, какимъ мы его знаемъ, исчезло; къ чему эта несмѣтная масса жалкихъ и грубыхъ существъ, обреченныхъ безумію и страданію? Человѣкъ долженъ быть богомъ, блаженнымъ и прекраснымъ, или ему не нужно жить. Въ новомъ мірѣ человѣчество сведено до трехъ милліоновъ, дѣлится на три касты: нѣсколькихъ сотъ старшинъ, рабовъ и избранныхъ: избранные и составляютъ новое, богоподобное человѣчество. Міръ пересоздался такъ. Кто-то когда-то открылъ секретъ дѣлать людей безплодными, посредствомъ особаго напитка. Составилось (кажется въ XX вѣкѣ) тайное общество для усовершенствованія человѣческаго рода. Члены этого общества стали давать чудесный напитокъ всѣмъ людямъ слабымъ, некрасивымъ, глупымъ, злымъ, больнымъ, и всѣ они навсегда теряли способность давать потомство. Преобразователи допускали рождать дѣтей только красивымъ и сильнымъ. Но тайна этой реформы была открыта, возникли страшныя преслѣдованія, причемъ въ концѣ-концовъ великая идея взяла верхъ. Приверженцы ея очень быстро истребили всѣхъ, по ихъ мнѣнію, несовершенныхъ людей. Среди оставшихся избранныхъ они выбрали одного красавца несравненной прелести и силы и нѣсколько такихъ-же ангелоподобныхъ красавицъ въ разныхъ частяхъ земного шара. Путемъ *искусственнаго* оплодотворенія послѣднихъ отъ красавицъ получилась, наконецъ, желанная *новая порода людей*, совмѣщавшая въ себѣ красоту, силу, прекрасный характеръ и всѣ другія совершенства, а главное—способность жить недолго и не старѣть до самой смерти. Изъ дикихъ, звѣроподобныхъ папуасовъ была тѣми-же «друзьями человѣчества» подобрана другая порода—рабовъ, полулюдей, полуживотныхъ, которые должны были нести весь трудъ въ новомъ мірѣ, для

добыванія пищи. Чѣмъ-же заняты въ золотомъ вѣкѣ избранные, совершенные? А исключительно танцами, гимнастическими упражненіями, играми, и главное — половою любовью. Послѣдняя увѣнчиваетъ блаженство этого рая, и любви здѣсь предаются всѣ безпрерывно,—юные, свѣтлые, нагіе, на берегу голубого моря, въ тѣни пальмъ и банановъ. Старшины («друзья») зорко слѣдятъ, чтобы не было никакихъ послѣдствій отъ этой любви: какъ у пчелъ, дѣторожденіе здѣсь есть повинность особой породы женщинъ.

Я опускаю нестерпимыя для глаза откровенности этой утопіи· поклонники Ницше пришли-бы отъ нихъ въ восторгъ. Вся утопическая поэма основана на приложеніи дарвиновскаго полового подбора къ человѣчеству. Она написана не безъ таланта и вполнѣ серьезно; авторъ ея очень дѣльный натуралистъ *.

Мало въ жизни читалъ я что-нибудь болѣе логическаго и откровеннаго, болѣе честнаго по прямотѣ вывода,—но какова исходная точка! Какой идеалъ счастья! И этотъ идеалъ, я увѣренъ, раздѣляется втайнѣ большинствомъ человѣческаго рода, какъ этотъ идеалъ ни невозможенъ, какъ ни скученъ онъ въ концѣ-концовъ. Я говорю — скученъ: даже тѣ, кто грезитъ о вакхическомъ счастьѣ, на самомъ дѣлѣ, переросли его, и осуществись эта половая вакханалія — она пріѣлась-бы быстро, показалась-бы бѣдною. Вакхическіе культы всегда были недолговѣчны; человѣчество уже не разъ осуществляло утопію, подобную той, которую рисуетъ намъ авторъ, и не безъ основанія бросало ее, промѣнявъ на ожидаемое царство духа. Это новое царство наступаетъ, но еще не наступило, язычество еще держится и даже господствуетъ въ инстинктахъ нашихъ, мы еще способны, какъ я говорилъ, повторить въ своей жизни распутство древнихъ, но остановиться на немъ навсегда — это невоз-

* Къ сожалѣнію, потомъ его постигло психическое разстройство.

можно; это противно, не только духу, но и плоти. Вѣдь живой организмъ есть созданіе того-же духа, и слишкомъ продолжительное духоотступничество ведетъ къ крушенію плоти, какъ храма, утратившаго свои связи.

III.

Суевѣріе, будто нѣтъ счастья внѣ удовлетворенія гордости и сладострастья, поддерживается нашею изящною литературою. Даже великіе писатели—особенно въ молодые годы ихъ—грѣшатъ преувеличеннымъ вниманіемъ къ упоенью борьбы и половой страсти, писатели-же средніе и особенно—ничтожные, вліяющіе на самую обширную—ничтожную публику,—тѣ почти не выходятъ изъ этой темы. Съ тѣхъ-же поръ, какъ въ литературу хлынули дамы, сдѣлавшія беллетристику почти женскимъ ремесломъ, любовь вакхическая раздувается еще съ большею чувственностью. Классъ писателей еще въ древности названъ «раздраженнымъ»,—за малыми исключеніями это люди нервные, истеричные, съ воображеніемъ развращеннымъ, и отношеніе ихъ какъ къ борьбѣ, такъ и къ половой функціи чаще всего нечистое. Раздраженные сами, они сочиняютъ—какъ вѣрно замѣтилъ Максъ Нордау—небывалыя явленія, придавая имъ фантастическую оцѣнку. Плохіе наблюдатели и еще болѣе плохіе мыслители, большинство романистовъ становятся, наконецъ, неспособными видѣть въ жизни иныя формы счастья, кромѣ болѣзненныхъ и раздраженныхъ.

Между тѣмъ въ жизни существуютъ и иныя формы, и иногда въ поразительной законченности. «Герой долженъ быть любовникомъ, романъ невозможенъ безъ половой любви», говоритъ литературная рутина. А дѣйствительность выдвигаетъ иногда удивительныхъ героевъ, жизнь которыхъ полна поэзіи—безъ признака излюбленной писателями страсти. Старая, забытая литература церкви полна такими героями и героическими жизнями.

Бывали-же времена, бывали живые люди, счастливые совсѣмъ на иной образецъ, чѣмъ принято теперь. Эти времена не такъ далеки отъ насъ, они повторяются и въ наши дни Глядите пристально вокругъ себя — и вы непремѣнно встрѣтите людей, счастливыхъ не побѣдами на аренѣ жизни, не половой любовью. Беллетристы ихъ тоже, конечно, встрѣчаютъ, но считаютъ неинтересными, не такими, какихъ имъ видѣть хочется Они проходятъ мимо этихъ слишкомъ чуждыхъ имъ людей, зарисовывая что-нибудь вычурное, уродливое, страстное, курьезное. Поэтому истинно великіе люди, великая ихъ дѣятельность, полная героизма, остается иногда незамѣченной, пропадаетъ безслѣдно. На поверхности волнъ вы видите пѣну, въ глубинѣ ихъ прячутся перлы.

Недавній примѣръ этому — столь извѣстный теперь докторъ Ф. П. Гаазъ. Человѣкъ этотъ, подобный пирамидѣ въ пустынѣ по своему одинокому величію, совершенно не былъ замѣченъ нашими беллетристами, хоть и жилъ въ золотой вѣкъ литературы, въ эпоху Пушкина, Гоголя, начинающаго тогда Тургенева, и жилъ не въ захолустьѣ, а въ Москвѣ и всей Москвѣ былъ извѣстенъ втеченіе полувѣка. Жилъ и дѣйствовалъ не какъ «кавалеръ», не какъ любовникъ, но какъ герой иной, высокой любви, захватывая въ волшебный кругъ ея не нѣсколько слабыхъ женщинъ съ ихъ половыми интересами, а тысячи и десятки тысячъ людей, поставленныхъ надъ бездною, тысячи трагедій человѣческихъ, гдѣ вопросъ шолъ о жизни или смерти. Какой грандіозный романъ—эта скромная жизнь! Она была рѣшительно никому неизвѣстна, пока А. Ѳ. Кони въ океанѣ архивной пыли не открылъ этотъ «материкъ». Вѣдь, дѣйствительно, это открытіе, открытіе болѣе цѣнное для человѣчества, чѣмъ какой-нибудь арктическій материкъ. На полярномъ материкѣ, когда его откроютъ, встрѣтятъ лишь безкрылыхъ пингвиновъ, столь напоминающихъ безкрылое—физически и душевно—человѣчество... А въ

героической фигурѣ Гааза на вѣчныя времена, точно въ статуѣ великаго мастера, мы имѣемъ образъ *истиннаго человѣка*, самое дорогое, что есть въ природѣ. Пламенный, какъ-бы крылатый духъ въ потертомъ фракѣ съ Владиміромъ въ петлицѣ и въ чулкахъ. Вѣдь это наша родная реальность, но какая-то фантастическая, точно изъ сказки. И, что всего удивительнѣе, — въ тѣ-же самые годы, въ той-же самой Москвѣ, бокъ-о-бокъ съ Гаазомъ жилъ огромный талантъ, и даже болѣе чѣмъ талантъ: жила глубокая совѣсть Гоголя, который замѣтилъ Чичикова, Ноздрева, Собакевича и съ полъ-десятка другихъ уродовъ, а «святого доктора» не замѣтилъ! Никто не замѣтилъ, — ни литераторы, ни ученые, ни журналисты, которые, однако, почти всѣ знали Гааза или слышали о немъ. Ужасно это печально, и суровый урокъ нашимъ писателямъ.

Г. Кони, въ предисловіи къ своему очерку жизни Гааза, предупреждаетъ съ большою скромностью, что этотъ очеркъ «всетаки далеко не полонъ», но что появленіе его въ печати, быть можетъ, «вызоветъ къ жизни новыя воспоминанія о человѣкѣ, имя и дѣятельность котораго не должны быть оставлены въ жертву забвенію». Между тѣмъ, этотъ очеркъ въ $10^1/_2$ печатныхъ листовъ производитъ впечатлѣніе замѣчательно-добросовѣстной работы. Авторъ очерка не пожалѣлъ ни времени, ни труда, чтобы разобрать обширный архивный матеріалъ по дѣламъ и журналамъ попечительнаго тюремнаго комитета, разсмотрѣлъ рукописи, письма и сочиненія Гааза, списался съ лицами, еще помнившими Гааза или слышавшими о немъ, и пр. Трудъ очень серьезный и безкорыстный, но предпринималъ его не присяжный литераторъ, не романистъ во всякомъ случаѣ И какая жалость, что не нашлось талантливаго романиста, чтобы разобрать хотъ тѣ-же источники, что были въ рукахъ г. Кони. Мнѣ кажется, это драгоцѣнный матеріалъ, мнѣ кажется, тутъ столько яркихъ кра-

сокъ, столько поэзіи и совсѣмъ свѣжей, особенной жизни, что крупный художникъ въ состояніи былъ-бы еще и теперь нарисовать намъ живого Гааза. Впрочемъ, ученый (по стилю) очеркъ г. Кони, можетъ быть, пока лучшее, что можно сказать о Гаазѣ. Талантливый современный романистъ, можетъ быть, просто былъ-бы не въ состояніи вмѣстить въ себя эту огромную величину, этого исключительнаго героя. Талантливый романистъ началъ-бы пріукрашать Гааза, манерничать или ставить его въ трогательныя позы... Вотъ и сѣрая, казалось-бы, жизнь, а все-же даетъ явленія выше человѣческихъ силъ, чтобы изобразить ихъ вѣрно..

IV.

Позвольте остановиться на жизненной исторіи доктора Гааза, хоть бѣгло напомнить главныя черты этого героя, чтобы потомъ спросить читателя. чѣмъ это не увлекательный романъ? Чѣмъ счастье его героя — не счастье? Чѣмъ жизнь его не поэзія?

Онъ былъ не русской крови, увы! Честь быть его родиной принадлежитъ одному изъ далекихъ уголковъ Германіи, старой, благочестивой Германіи конца XVIII вѣка. Патріархальная, но образованная семья: дѣдъ— докторъ, отецъ — аптекарь, братья — богословы, судьи. Въ такой семьѣ, среди живописной прирейнской природы, маленькій Фридрихъ получилъ свои первыя впечатлѣнія. Первая школа, гдѣ онъ воспитывался, была церковная, католическая. Замѣтьте это: въ наше время о клерикализмѣ не принято говорить иначе, какъ съ отвращеніемъ, но церковность и католичество не помѣшали-же молодой душѣ сдѣлаться благородной. Мало того: какъ увидитъ читатель дальше, душа Гааза всю жизнь была переполнена Богомъ, и именно это, какъ я думаю, давало ему удивительную силу. Родившись въ вѣкъ революціи (1780 г.), Гаазъ, честный нѣмецкій

юноша, удивительно сумѣлъ вобрать въ себя только высокіе элементы тогдашняго новаго движенія, не бросивъ и лучшихъ старыхъ началъ, сохранивъ даже эти начала какъ святыню въ сердцѣ. Нѣмецкій юноша, если онъ чистъ, такъ это совсѣмъ ангелъ—и такимъ я представляю себѣ студента Гааза въ Іенѣ, слушающаго философію и математику, а въ Вѣнѣ—медицину. Въ тѣ времена, кажется, учились больше и лучше, чѣмъ теперь: наука была свободнѣе отъ накопленныхъ и душащихъ ее, ненужныхъ ей сокровищъ, зато нужное усваивалось прочно. Конечно, Гаазъ принадлежалъ къ числу натуръ, образованіе которыхъ никогда не кончается; до самой смерти своей онъ умственно росъ, но основы своего философскаго развитія Гаазъ получилъ, увы, не въ Россіи, а въ Германіи. Здѣсь, на родинѣ великихъ идеалистовъ, грезившихъ о міровой гармоніи, о торжествѣ разума въ природѣ, Гаазъ насытилъ молодую душу тѣмъ высокимъ восторгомъ, который ее уже не покидалъ. Вѣроятно изъ устъ самого Шеллинга (который всего на пять лѣтъ былъ старше Гааза), онъ слышалъ рѣчи о томъ, что исторія есть «эпопея Бога», что въ человѣкѣ, если онъ человѣкъ, раскрывается всемірная святыня. Мечтательная, мистическая философія, язвительно потомъ осмѣянная—но какъ приподнимала она духъ тогдашней молодежи! Честный, идеальный нѣмецкій юноша an den schonen blauen Donau—и вдругъ неожиданный случай—болѣзнь русскаго весьможи, приглашеніе въ Россію. Съ 1802 г. Гаазъ появляется въ Москвѣ.

V.

Совершенно романическое, какъ видите, двѣсто и романическій переворотъ жизни: изъ глубины Германіи 22-лѣтній нѣмецъ переселяется въ сердце Россіи. И теперь Россія для европейцевъ еще terra barbarorum, —

что-же было почти сто лѣтъ тому назадъ? Но честный нѣмецкій юноша не растерялся. Онъ — глазной врачъ, не болѣе того, но полонъ жизнью и гуманностью, полонъ трогательною своею философіей. Онъ быстро привыкъ къ Москвѣ и пріобрѣлъ большую практику. «Его приглашали на консультаціи, ему были открыты московскія больницы и богоугодныя заведенія». Москва встрѣтила европейца всею «мерзостью запустѣнія» полуазіатскаго города—вѣдь и теперь Москва самая *больная* столица въ Европѣ, съ ея 30‰ смертности. Можно представить себѣ, чѣмъ была Москва тогда, до Наполеонова нашествія. Въ одномъ богадѣленномъ домѣ Гаазъ находитъ «множество совершенно безпомощныхъ больныхъ, страждущихъ глазами». Никто ихъ не лѣчилъ, какъ водится. Честный нѣмецъ нашелъ, что это непорядокъ, и началъ ихъ лѣчить, испросивъ разрѣшеніе губернатора. Успѣхъ лѣченія настолько поразилъ москвичей, что Гааза начали тянуть на казенную службу. Изъ Петербурга, «по отличному одобренію знанія и искусства доктора медицины Гааза» были приказано «*заставить его вступить немедленно* въ должность» главнаго доктора Павловской больницы. Гаазъ еще не зналъ тогда по-русски. и народъ, и нравы, и языкъ—все было чужое ему, но и все свое, такъ-какъ было человѣческое. Обезпеченный и доходной практикой, и казеннымъ мѣстомъ, нѣмецъ не успокаивается, какъ большинство россіянъ. Онъ проводитъ досуги своей молодости въ смрадныхъ больницахъ и богадѣльняхъ, гдѣ лѣчитъ убогихъ и калѣкъ, и находитъ въ этомъ удовольствіе. Добродушный какъ ребенокъ — онъ очень радъ, когда ему даютъ Владиміра въ петличку. Его тѣшитъ то, что онъ заработалъ его на службѣ бѣднымъ. Одинокій молодой докторъ, добрый, цвѣтущій, горячій — и никакого «романа» до 30 лѣтъ! Послѣ 30 лѣтъ тоже никакого романа. Біографъ не отмѣтилъ, по крайней мѣрѣ, ни одного увлеченія, ни одной попытки броситься въ объятія какой-нибудь москов-

ской дамы. Біографъ называетъ жизнь этого страннаго героя «цѣломудренною», одинокою, но постоянно дѣятельною и одушевленною. Когда ухаживаешь за сотнями полуслѣпыхъ старушекъ, лѣчишь ихъ потухшіе глаза, можетъ быть, некогда или даже стыдно думать о какихъ-нибудь «schonsten Augen», хотя-бы ихъ воспѣвалъ Гейне и тысячи поэтовъ. Честному нѣмцу, философу, переписывавшемуся съ Шеллингомъ, совсѣмъ некогда было завести какую-нибудь интрижку, сколько-бы разъ судьба ни бросала его въ романтическую обстановку. Онъ ѣздилъ, напримѣръ, два лѣта на Кавказъ. Но и на Кавказѣ, какъ и въ Москвѣ, онъ встрѣтилъ нестерпимый для нѣмецкаго глаза непорядокъ и потому — непочатый уголъ работы. На Кавказѣ ему пришлось изслѣдовать и описать заброшенныя цѣлебныя воды, — причемъ онъ открылъ рядъ новыхъ и написалъ по-французски большую книгу объ этихъ водахъ. И въ книгѣ онъ явился не чиновникомъ, а живымъ гуманистомъ. Онъ откликается на все въ ней. на доброе — восторгомъ, на дурное—негодованіемъ. Человѣка онъ считаетъ «чуднымъ твореніемъ»; на свою роль доктора онъ смотрѣлъ не какъ на хлѣбное ремесло (по обычаю столь многихъ россіянъ), а какъ на *священное призваніе:* «Was den Mensch unter der Producten den Nature ist, das ist der Arzt unter den Gelehrten». На мрачномъ московскомъ фонѣ того времени — какая это яркая краска для романиста. Въ 1814 году у Гааза новое, полное приключеній, путешествіе, и опять ни одного романа. Онъ дѣлаетъ, вмѣстѣ съ дѣйствующей арміей, походъ во Францію и на пути, въ Мюнстерейфелѣ, прощается съ умирающимъ отцомъ и хоронитъ его.

Родина, конечно, влечетъ къ себѣ чувствительнаго нѣмца, но въ далекой, варварской Москвѣ у него остались «насиженныя», такъ-сказать, гнѣзда безпомощныхъ больныхъ: богадѣльни, пріюты и т. п. Гаазъ ѣдетъ опять въ Россію,—начинается вторая часть романа. Въ Москвѣ

опять у него огромная практика, извѣстность и при полномъ безкорыстіи—почти богатство. Гаазъ—уже авторитетъ среди врачей Но казна опять тянетъ талантливаго человѣка на службу. Гааза приглашаютъ, какъ достойнѣйшаго, разобраться въ вѣдомствѣ, гдѣ открыты вопіющія злоупотребленія. Гаазъ скроменъ, онъ долго отказывается, но разъ взявшись, «повелъ горячую войну съ мертвящей апатіей, которую встрѣтилъ въ своихъ сослуживцахъ». Пошли пререканія, жалобы, доносы; Гаазъ выставлялся неспокойнымъ, неуживчивымъ человѣкомъ, вздорнымъ прожектеромъ. Его начали потихоньку травить, какъ нѣмца Какія великолѣпныя страницы могли-бы выйти у хорошаго романиста изъ этой эпической борьбы свѣжаго человѣка съ гнѣздомъ архивныхъ крысъ, сильныхъ, почти непобѣдимыхъ въ своихъ щеляхъ. Пылкій гуманистъ, полный духа живой свободы, предлагаетъ одну прекрасную мѣру за другой,—ему отвѣчаютъ на сакраментальномъ канцелярскомъ языкѣ: «На сей предметъ уже существуютъ надлежащія и достаточныя законоположенія», «принято къ свѣдѣнію», «оставлено безъ послѣдствій» и пр. Дѣло шло о спасеніи жизни тысячъ людей (внезапно заболѣвшихъ, брошенныхъ на улицѣ, оспенныхъ и пр.), а ему едва отвѣчаютъ съ лѣнивымъ пренебреженіемъ, что онъ напрасно хлопочетъ, что все обстоитъ благополучно. «Канцелярская трясина, говоритъ г. Кони, засасывала почти каждое мнѣніе или начинаніе «безпокойнаго» штадтъ-физика, отвѣчая на его самоотверженный пылъ инсинуаціями по поводу его нѣмецкаго происхожденія». Бѣдный, благородный нѣмецъ, заброшенный въ яму канцеляристовъ! Ему приходится оправдываться, напоминать, что уже десятки лѣтъ онъ «посвятилъ свои силы на служеніе страждущему человѣчеству въ Россіи, и если чрезъ сіе не пріобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ права на усыновленіе, то (онъ будетъ) весьма несчастливъ». Онъ, видите-ли, обиженъ, ему хочется, чтобы его считали роднымъ, какъ онъ счи-

таетъ всѣхъ родными, но нѣкій г. Добронравовъ всетаки тычетъ ему въ глаза. нѣмецъ, нѣмецъ...

VI.

Конечно, благороднаго нѣмца выжили, несмотря на его отчаянное, число тевтонское сопротивленіе. 45-лѣтній Гаазъ подаетъ въ отставку. Но надо было его доканать, упечь какъ-нибудь подъ слѣдствіе, подъ судъ. И вотъ возбуждается невѣроятное дѣло о растратѣ Гаазомъ казенной суммы. Онъ видите-ли, предпринялъ ремонтъ аптечнаго зданія, совершенно необходимый, всего на сумму 1562 р., и устроилъ приэтомъ сверхъ смѣты блокъ для поднятія ревеня въ верхніе этажи и чуланчики.— Какъ, сверхъ смѣты?! Гаазъ сейчасъ-же обязался уплатить изъ своихъ средствъ сверхсмѣтную издержку, если она не будетъ утверждена начальствомъ, но чиноши всетаки возбудили переписку, которая тянулась *девятнадцать лѣтъ*! Кончилась она признаніемъ дѣйствій Гааза вполнѣ правильными, но сколько перестрадала благородная душа отъ одного негодованія, что канцеляристы смѣютъ заподозрить *его* въ *воровствѣ* и оффиціально держать въ такомъ подозрѣніи десятки лѣтъ! Какая богатая краска для романиста!

Гаазъ въ отставкѣ, т. е. опять на волѣ, опять практикуетъ и опять самыми простыми средствами дѣлаетъ чудеса лѣченія.

«Въ это время, говоритъ г. Кони, ему было 47 лѣтъ; онъ постоянно носилъ костюмъ своихъ молодыхъ лѣтъ, напоминавшій прошлое столѣтіе—фракъ, бѣлое жабо и манжеты,—короткіе, до колѣнъ, панталоны, черные шелковые чулки, башмаки съ пряжками; пудрилъ волосы и собиралъ ихъ, сначала сзади въ широкую косу съ чернымъ бантомъ, а затѣмъ, начавъ сильно терять волосы, сталъ носить небольшой рыжеватый парикъ; — ѣздилъ, по тогдашней модѣ, цугомъ, въ каретѣ, на четырехъ бѣ-

лыхъ лошадяхъ. Обладая въ Москвѣ домомъ и подмосковнымъ имѣніемъ въ селѣ Тишкахъ, гдѣ онъ устроилъ суконную фабрику, Гаазъ велъ жизнь серьезнаго, обезпеченнаго и пользующагося общественнымъ уваженіемъ человѣка. Онъ много читалъ, любилъ дружескую бесѣду и состоялъ въ оживленной перепискѣ съ знаменитымъ Шеллингомъ».

Всего 47 лѣтъ, богатство, извѣстность, почетъ — совсѣмъ герой для моднаго романа. Можно было ждать, что сдѣлавши себѣ «карьеру», нѣмецъ наконецъ-то заведетъ себѣ «любовь», или по крайней мѣрѣ подцѣпитъ какую-нибудь княжну или купчиху съ милліономъ—pium desiderium русскихъ холостыхъ чиновниковъ. Но доктору Гаазу неожиданно подвернулось иное увлеченіе,— во вкусѣ, правда его прежнихъ, но зато такое, что онъ втянулся въ него какъ розовый юноша, со всѣмъ пыломъ влюбленнаго. Ему предложили быть членомъ тюремнаго попечительства. Боже, какое счастье! «Simplement et pleinement je me rends à la vocation de membre du comité des prisons», отвѣчаетъ онъ. И по прекрасному выраженію г. Кони, тотчасъ началъ «биться какъ сердце новаго учрежденія, давая чувствовать свои толчки во всѣхъ артеріяхъ его сложнаго организма».

Надо знать, что такое тогда были тюрьмы. Даже въ столицахъ это были «мрачныя, сырыя комнаты со сводами, почти совершенно лишенныя чистаго воздуха, очень часто съ земляннымъ или гнилымъ деревяннымъ поломъ, ниже уровня земли. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ сквозь узкія, наравнѣ съ поверхностью почвы, покрытыя грязью и плѣсенью и никогда не отворяющіяся окна,— если-же стекло въ оконной рамѣ случайно выбито, оно по годамъ не вставляется и чрезъ него вторгаются непогода и морозъ, а иногда стекаетъ и уличная грязь. Нѣтъ ни отхожихъ мѣстъ, ни устройствъ для умыванія лица и рукъ, ни кроватей, ни даже наръ. Всѣ спятъ въ повалку на полу, подстилая свои кишащія насѣкомыми

лохмотья, и вездѣ ставится на ночь традиціонная «параша». Эти помѣщенія биткомъ набиты народомъ. Въ двухъ обыкновеннаго размѣра комнатахъ тюрьмы при управѣ благочинія содержится сто человѣкъ, такъ-что только небольшая ихъ часть, послѣ понятныхъ ссоръ и пререканій, можетъ ночью прилечь въ невообразимой тѣснотѣ; въ одной изъ комнатъ рабочаго дома, находящейся почти въ землѣ, длиною въ 6 саженъ, а шириною въ 3, Венингъ, извѣстный англичанинъ, нашелъ 107 человѣкъ всякаго возраста, безъ какой-либо работы. Число это постоянно пополнялось, такъ-какъ вслѣдствіе отравленнаго воздуха еженедѣльно приходилось уносить въ больницу болѣе десяти человѣкъ, освобождая мѣста для новыхъ сидѣльцевъ». Въ кордегардіи были устроены мѣста для 50 человѣкъ, и то было тѣсно, а содержалось до 200 человѣкъ. Дѣти, взрослые и старики сидѣли вмѣстѣ, заподозрѣнные не отдѣлялись отъ виновныхъ въ полицейскихъ нарушеніяхъ и отъ закоренѣлыхъ злодѣевъ. При посѣщеніи Венинга въ рабочемъ домѣ оказались сидящими вмѣстѣ дѣти 11 и 12 лѣтъ, разбойники, скованные цѣпями, и 72-хъ-лѣтній Тимофей Егоровъ, содержавшійся уже 22 года... Женщины публичныя, нерѣдко заражонныя, сидѣли вмѣстѣ съ невинными дѣвушками, посаженными за долги. Въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ найдено Венингомъ 36 человѣкъ, помѣщенныхъ вмѣстѣ съ больными; въ московской пересыльной тюрьмѣ въ 1828 г. князь Голицынъ видѣлъ заразныхъ больныхъ и привезенныхъ послѣ «торговой казни», въ одной комнатѣ, а въ губернскомъ замкѣ больные горячками и сыпью были положены по-трое на одной постели. Кормили впроголодь; одинъ начальникъ тюрьмы доносилъ оффиціально, что за малыми подаяніями колодники отощали, «а одинъ съ приключившейся отъ голода пухлости умре, да и остальнымъ тридцати то-же слѣдовать можетъ». Казеннаго платья арестантамъ не полагалось, и сенаторъ Озеровъ нашелъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ де-

вяносто двухъ человѣкъ безъ всякой одежды и обуви, хотя холодъ былъ такой въ тюрьмахъ, что «матери, упросивъ надзирателей, посылали по ночамъ своихъ дѣтей, безъ различія пола и возраста, на мужскую половину, гдѣ отъ чрезмѣрной скученности было теплѣе». Все совершалось на виду, даже женщины рожали при всѣхъ арестантахъ. Въ одной больницѣ «бѣлье не мыто съ прошлаго столѣтія; трудно-больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ» и пр. Даже само ревизующее начальство признавало состояніе московскихъ тюремъ «наводящимъ ужасъ». Обращеніе было въ стилѣ обстановки «Въ тѣсныя, темныя и загаженныя «секретныя» сажаютъ въ Москвѣ по три арестанта сразу и держатъ ихъ тамъ въ невозможной тѣснотѣ, по недѣлямъ, въ наказаніе, «какъ будто, — замѣчаетъ князь Голицынъ, — такимъ сближеніемъ съ убійцами и разбойниками можно исправить человѣка». Венингъ видѣлъ въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ на шеѣ рогаткахъ, на которыхъ было по три острыхъ спицы, длиною до 8 дюймовъ, сдѣланныхъ такъ, что носительницы рогатокъ не могли ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя-бы содержаніе ихъ продолжалось нѣсколько недѣль. «Я основательныя причины имѣю думать,—замѣчаетъ Венингъ,—что *нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто*»... Въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ Петербурга онъ нашелъ пять очень тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ арестанты приковывались за шею цѣпью, принужденные таскать ихъ постоянно за собою». Случалось, арестанты умирали, забитые въ колодку. Венингъ докладывалъ императору Александру I, что «невозможно безъ отвращенія и помыслить о скверныхъ послѣдствіяхъ такихъ непристойныхъ учрежденій» и пр.

Скажите, развѣ эта «дѣйствительность» слишкомъ блѣдна для какой хотите, хотя-бы Дантовой поэмы? Что

надо было сдѣлать людямъ, чтобы заслужить такія мученія? — А часто ничего, надо было быть только крѣпостнымъ. И сколько сотенъ тысячъ безвѣстныхъ томилось и страдало нескончаемыя недѣли и мѣсяцы въ такихъ трущобахъ въ то самое время, какъ избранные наши поэты воспѣвали Бахуса и Эрота, разрабатывая до тончайшаго психическаго разврата культъ любви къ женщинѣ, писали сонеты и мадригалы, романсы и романы. Въ той-же самой Москвѣ!

VII.

Еще невыносимѣе, *если это возможно*, была доля ссылаемыхъ въ Сибирь. «Владимірка» — путь «горькой печали». Истощенные, ободранные, больные, днемъ арестанты двигались гремя цѣпями отъ этапа къ этапу, а на ночь запирались въ низкія, сырыя помѣщенія, пропитанныя грязью и испареніями десятковъ тысячъ людей. Во главѣ ссыльной администраціи стояли люди съ большими чинами и титулами, образованные. — и отъ нихъ иногда выходили мѣры поразительно безжалостныя для арестантовъ, напримѣръ, бритье головы и ручные прутья. Брили всѣхъ, и преступниковъ, и просто пересылаемыхъ по этапу, и даже больныхъ колтуномъ, несмотря на страшныя страданія. Дибичъ придумалъ, а графъ Комаровскій утвердилъ желѣзный прутъ—настоящее орудіе пытки. «На толстый аршинный прутъ съ ушкомъ надѣвалось отъ восьми до десяти запястьевъ и затѣмъ въ ушко вдѣвался замокъ, а въ каждое запястье заключалась рука арестанта... И такъ шли сотни, тысячи верстъ. Нанизанные на прутъ ссыльные сбивались съ ноги, не поспѣвали другъ за другомъ, слабые тяготили сильныхъ, крѣпкіе негодовали на немощныхъ. Топчась около прута, наступая другъ на друга, натирая затекавшія руки наручнями, желѣзо которыхъ невыносимо накалялось подъ лучами степного солнца и леденило зи-

мою, причиняя раны и отмороженія, ссыльные не были спускаемы съ прута и на этапномъ пунктѣ, безъ крайней въ томъ нужды. Эта нужда наступала лишь если товарищи по пруту приволокли съ собою умирающаго или тяжело больного, на котораго брань, проклятія и даже побои спутниковъ уже не дѣйствуютъ ободряющимъ образомъ. Иначе всѣ остаются на прутѣ, спятъ прикованные къ нему и при отправленіи естественной нужды каждаго присутствуютъ всѣ остальные... Можно себѣ представить, сколько поводовъ для ссоръ, для дракъ даже, подавало такое насильственное сообщество. И такъ двигались на прутѣ по Россіи и по безконечному сибирскому тракту много лѣтъ тысячи людей, разъединенныхъ своею нравственною и физическою природою, но сливавшихся въ одномъ общемъ чувствѣ безсильнаго озлобленія и отчаянія»...

И въ огромной, христіанской странѣ, гремѣвшей въ свѣтѣ побѣдами, въ царствованіе гуманнаго императора, къ трону котораго тѣснилось издалека столько геніевъ, не нашлось ни одной пары простыхъ человѣческихъ глазъ, чтобы увидѣть это горе человѣческое и ужаснуться и подсказать сердцу вопль, который разрушилъ-бы каменное очарованіе всѣхъ. Ни Пушкинъ, ни молодой Лермонтовъ, ни старый Жуковскій, ни уморившій себя въ покаяніи жгучей совѣсти Гоголь, ни десятки иныхъ, посланныхъ въ міръ на пророческое служеніе талантовъ (иначе зачѣмъ-же они посылаются), никто даже не приблизился къ смердящему Лазарю, не взглянулъ на его язвы. Но нѣмецъ изъ Мюнстерейфеля увидѣлъ ихъ и не отвернулся, а прильнулъ къ нимъ и загорѣлся любовью пылкой и до самаго гроба...

Поразительна исторія борьбы съ желѣзнымъ прутомъ, тянувшаяся долгіе годы, поразительна живучесть человѣческихъ ошибокъ, опирающихся на дурные нравы. Гааза поддерживалъ всесильный московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. М. Голицынъ, человѣкъ просвѣ-

щенный, любимецъ императора Николая I. По его отзыву, «сей образъ пересылки крайне изнурителенъ для сихъ несчастныхъ, такъ-что превосходитъ самую мѣру ихъ терпѣнія». Но всѣ прикосновенныя вѣдомства глухой стѣной стали *противъ* гаазовскихъ новшествъ. Нельзя сильному вельможѣ отказать прямо — но можно направить вопросъ канцелярскимъ путемъ, и онъ будетъ убитъ. «Бюрократическій изморъ», говоритъ г. Кони. Я назвалъ-бы его бюрократическимъ обструкціонизмомъ, несравненно болѣе тонкимъ и могущественнымъ, нежели, напримѣръ, парламентская обструкція. Министру Закревскому не понравилась просьба кн. Голицына, и онъ всего только и сдѣлалъ, что приказалъ «запросить этапныхъ начальниковъ мнѣній относительно желѣзнаго прута». А генералъ Капцевичъ, врагъ Гааза, ввернулъ коварный вопросъ: «если желѣзные пруты столь тяжки для здоровья, то почему объ этомъ не доносили начальству?» Этапные начальники испуганно отвѣчали, что все обстоитъ благополучно... Гаазъ и Голицынъ продолжали хлопотать цѣлые годы, и все безуспѣшно. Весьма интеллигентные и важные люди, на указаніе, что прутъ невыносимъ, предлагали новыя, «согласныя съ наукой» усовершенствованія къ нему. *ошейники* съ цѣпочками для арестантовъ, цѣпи вмѣсто прута и т. д. Чувствуя, что зло неодолимо, Гаазъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы хоть сколько-нибудь ослабить его. Ему, гуманисту, другу Шеллинга, пришлось помириться съ мыслью видѣть на человѣкѣ кандалы, но онъ старался отнять у этого орудія его мучительность. Гаазъ устроилъ кандалы облегченнаго почти вдвое вѣса и размѣра и съ величайшими хлопотами настоялъ на введеніи этихъ кандаловъ вмѣсто прута, по крайней мѣрѣ для пересылаемыхъ изъ Москвы арестантовъ.

VIII.

Исторія эта очень долгая и описать ее надо было-бы именно романисту. Гаазъ не теоретизировалъ съ кандалами, это было дѣло его сердца. Повліять на отмѣну кандаловъ онъ не могъ: тотъ вѣкъ былъ очень суровый,—тогда еще свирѣпствовали плети, и кнутъ, и гоняньe сквозь строй, «квалифицированные виды смертной казни», какъ ихъ признаютъ теперь. Гаазъ старался облегчить мученія, если нельзя ихъ было уничтожить. Для этого онъ и придумалъ облегченные кандалы, которые удовлетворяли-бы и тогдашній законъ, и ослабляли-бы страданія арестантовъ. Строгій моралистъ ужаснется: «чудовищный компромиссъ», скажетъ онъ, «измѣна идеаламъ». Можетъ быть, спорить не буду. Пророкъ болѣе могучаго духа можетъ быть поступилъ-бы иначе, хотябы ему грозила участь Исаіи. Но Гаазъ былъ не пророкъ, а добрая и нѣжная душа, не выносившая страданій ближнихъ. Если-бы его самого заковали въ тяжелые кандалы, онъ старался-бы облегчить ихъ—вовсе не мирясь съ ними. Совершенно съ тѣмъ-же чувствомъ онъ хлопоталъ объ облегченіи и бѣдныхъ каторжниковъ. Компромиссъ дурная вещь, но когда человѣкъ тонетъ и вы не въ силахъ его совсѣмъ вытащить, все-же вы уцѣпитесь за него и будете держать, не давая погрузиться въ воду, пока силъ хватитъ. Когда человѣкъ умираетъ съ голоду и у васъ всего ломтикъ хлѣба, — все-же вы дадите ему хотъ этотъ ломтикъ, хотя это и компромиссъ. Пылкій гуманистъ, «совершенствующій оковы», — картина невѣроятная, но вотъ что разсказываютъ очевидцы. Однажды, въ 1830 году, губернаторъ Сенявинъ, пріѣхавъ къ Гаазу по дѣлу. засталъ его непрерывно ходящимъ, подъ акомпаниментъ какого-то лязга и звона, взадъ и впередъ по комнатѣ, что-то про себя сосредоточенно считая, съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказа-

лось, что Гаазъ велѣлъ заковать себя въ свои «облегченные» кандалы и прошелъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково *имъ* идти въ такихъ кандалахъ». Человѣколюбецъ, испытывающій на себѣ кандалы—это, можетъ быть, самая трагическая фигура нашего вѣка. Но хватитъ-ли у васъ духа осудить его?

Въ борьбѣ противъ прута встрѣчались удивительные курьезы въ стилѣ нашей стародавней канцелярской казуистики и волокиты. Умоляетъ, напримѣръ, Гаазъ заковывать въ кандалы, а не нанизывать на прутъ: кандалы неизмѣримо легче переносились. Ему отвѣчаютъ, что въ кандалы заковываютъ только каторжниковъ, легкихъ-же преступниковъ нельзя подвергать такой «тяжелой» мѣрѣ. Увидавъ, что куютъ въ кандалы нетолько здоровыхъ, но и увѣчныхъ, честный нѣмецъ позволилъ себѣ разъяснить въ ходатайствѣ, что «съ настоящею волею правительства не можетъ быть сообразно, чтобы люди, лишенные ноги, все-таки получали кандалы, и не имѣя возможности ихъ надѣвать, носили ихъ съ собою въ мѣшкѣ». Совсѣмъ юмористическій казусъ, но начальство держалось иного взгляда.

«Эта записка, говоритъ г. Кони, переполнила чашу терпѣнія генерала Капцевича. Называя Гааза «утрированнымъ филантропомъ», заводящимъ прекеканія и «затѣйливости», затрудняющимъ начальство перепискою и соблазняющимъ арестантовъ, онъ писалъ: «мое мнѣніе удалить сего доктора отъ его обязанности». Казалось-бы, что дни «безразсудной филантропіи доктора Гааза» были сочтены, тѣмъ болѣе, что въ 1844 году скончался, искренно оплаканный москвичами, князь Д. В. Голицынъ. Но чуждая личныхъ разсчетовъ доброта, движущая общественною дѣятельностью человѣка, есть сила, сломить которую не такъ-то легко. Упорно настаивая на перековкѣ, Гаазъ рѣшился, помимо оффиціальной іерархической дороги, обратить вниманіе императора Ни-

колая Павловича на «прутъ». Онъ написалъ горячее письмо прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, въ которомъ, рисуя картину препровожденія на прутѣ, «умолялъ короля сообщить объ этомъ своей сестрѣ, русской государынѣ, которая могла-бы объ этомъ разсказать своему царственному супругу».

Видите, какой, въ самомъ дѣлѣ, этотъ безпокойный, сантиментальный нѣмецъ! Онъ сто разъ рисковалъ быть изгнаннымъ—и нетолько изъ тюремнаго комитета, и рисковалъ въ сто-первый разъ, въ сто-второй и т. д., надоѣлъ рѣшительно всѣмъ своими просьбами и добился наконецъ того, что его «начали терпѣть, какъ неизбѣжное зло». Сегодня ему откажутъ грубѣйшимъ образомъ, — завтра онъ опять съ тою-же просьбой, все о тѣхъ-же, всѣми покинутыхъ и забытыхъ арестантахъ. Дѣло въ томъ, что Гаазъ каждый день утромъ ѣздилъ въ пересыльную тюрьму и тамъ видѣлъ многое, чего другіе не хотѣли видѣть. «Онъ видѣлъ арестантовъ съ отмороженными руками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ нимъ прикасались желѣзныя кольца наручниковъ; онъ ясно представлялъ себѣ страданія людей, не могущихъ положить прикованную къ пруту или короткой цѣпи руку за пазуху, для согрѣванія въ то время, когда жестокій морозъ при вѣтрѣ остужаетъ желѣзо, обжигающее и мертвящее своимъ прикосновеніемъ руку» Онъ предлагалъ обшивать кожею наручни, онъ говорилъ объ этомъ неоднократно въ кабинетѣ, подавалъ о томъ-же записки князю Голицыну въ 1832 и 1833 годахъ. Но и тутъ Каппевичъ возражалъ, въ упорномъ ослѣпленіи служебнаго самолюбія. Генералъ указывалъ, что «обшивка наручниковъ кожею или сукномъ ослабитъ ихъ и создастъ пустоту, удобную для снятія ихъ, и сомнѣвался, чтобы наручникъ могъ производить холодъ, ибо желѣзо, согрѣваясь отъ голой руки и отъ рукава кафтана, не должно мерзнуть». Видите, сколько ума и даже научныхъ свѣдѣній тратилось, чтобы бороться съ Гаазомъ.

Просвѣщенный генералъ не хотѣлъ низачто уступить оборванному арестанту въ намерзшихъ кандалахъ ни атома тепла, хоть арестанты жаловались, что «мозгъ въ костяхъ замерзаетъ, таково маятно и больно, и не въ людскую силу, и не въ лошадиную». Гаазъ не унимался, составлялъ вѣдомости людей съ отмороженными руками и, наконецъ, добился обшитія гаекъ у цѣпей кожею. Одновременно Гаазъ хлопоталъ объ отмѣнѣ бритья головы, хотя-бы для нелишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, и послѣ немалыхъ мытарствъ и тутъ добился успѣха.

IX.

Справедливость требуетъ замѣтить, что Гаазъ не сразу сдѣлался такимъ, какимъ сталъ къ сороковымъ годамъ жизни. Онъ отъ природы былъ огромный драгоцѣнный камень, но *шлифовку* ему положила именно та бѣднота, среди которой онъ, какъ въ мутномъ потокѣ, вращался. Онъ «постепенно перестаетъ жить для себя», — говоритъ біографъ; только потершись, такъ сказать, о грубое горе человѣческое этотъ камень засверкалъ своимъ удивительнымъ огнемъ, обнаружилъ свою природу. Мысль, напримѣръ, о больницѣ на Воробьевыхъ горахъ явилась слѣдствіемъ такой трагической встрѣчи. Однажды въ 1829 году, на глазахъ Гааза былъ отправленъ въ Сибирь «старикъ американецъ, имѣющій видъ весьма добраго человѣка», привезенный нѣкогда въ Одессу дюкомъ де-Ришелье и задержанный въ Радзивилловѣ «за безписьменность», такъ какъ онъ не могъ доказать своего званія. Старикъ былъ отправленъ съ отмороженною ногою, отъ которой отвалились пальцы. Напрасно Гаазъ молилъ начальство задержать американца на нѣкоторое время для излѣченія ноги и наведенія о немъ справокъ; ему отвѣчали «полнымъ невниманіемъ». Горящій жалостью нѣмецъ, заброшенный въ далекую Москву, что онъ могъ сдѣлать такому-же

заброшенному Богъ вѣсть откуда американцу, неизвѣстно за что засылаемому въ тундры Сибири? Только и могли они, что поплакать вмѣстѣ, поговорить на своемъ языкѣ, и старый нѣмецъ все-же хоть на мгновеніе спасъ старика-американца отъ ужаса его затерянности. Съ этого времени Гаазъ настаиваетъ передъ Голицынымъ, чтобы ему дали право свидѣтельствовать пересылаемыхъ арестантовъ и задерживать больныхъ, и просвѣщенный Голицынъ, наконецъ, согласился.

«Въ 1832 году, говоритъ біографъ, по ходатайству Гааза, комитетъ выхлопоталъ средства для устройства отдѣленія тюремной больницы на Воробьевыхъ горахъ на 120 кроватей—и оно поступило въ непосредственное завѣдываніе Гааза. Здѣсь онъ могъ, оставляя ссылаемыхъ на нѣкоторое время въ Москвѣ «по болѣзни», снимать съ нихъ оковы и обращаться съ ними какъ съ людьми, прежде всего, несчастными... Ссыльные приходили въ Москву по субботамъ. Отправленіе ихъ дальше совершалось, до 1829 года, немедленно по составленіи статейныхъ списковъ и полученіи отъ губернскаго правленія оказавшейся необходимою обуви и одежды Это требовало отъ двухъ до трехъ дней времени. Гаазъ сталъ настаивать, чтобы пребываніе пересыльныхъ въ Москвѣ продолжалось не менѣе недѣли, не считая дня ихъ прихода. Это было необходимо, чтобы ознакомиться съ ихъ нуждами и недугами, чтобы дать имъ возможность собраться съ силами для предстоящаго пути. Ему казалось недостаточнымъ заботиться о пересылаемыхъ только въ Москвѣ. Ему хотѣлось продлить попеченіе о нихъ за предѣлы пересыльнаго замка, и по его просьбѣ князь Голицынъ предписалъ городничему города Богородска доносить, съ представленіемъ свидѣтельства мѣстнаго лекаря, комитету—т. е. Гаазу — здоровы-ли дошедшіе въ Богородскъ изъ Москвы пересыльные, и не обнаружено-ли у кого-либо изъ нихъ болѣзни, требующей возвращенія въ Москву для пользованія. Втеченіе недѣли пребыванія

ссыльныхъ въ Москвѣ Гаазъ посѣщалъ каждую партію не менѣе четырехъ разъ». Что такое были посѣщенія арестантовъ Гаазомъ, объ этомъ можно лишь догадываться. Не русскій, а опять-таки иноземный глазъ пожелалъ тогда взглянуть на картину прощанія Гааза съ арестантами и записать ее. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ лэди Блумфильдъ, жена англійскаго посланника, бывшая при этихъ сценахъ. «Всѣхъ арестантовъ было 80 человѣкъ — мужчинъ и женщинъ; 28 изъ нихъ шли въ пожизненную каторгу. Послѣдніе, съ обритою на половину головою, имѣли видъ призраковъ; видъ большей части былъ скорѣе апатичный, чѣмъ злой. Когда я вошла въ тюрьму, одинъ арестантъ стоялъ на колѣняхъ передъ Гаазомъ и, не желая встать, рыдалъ надрывающимъ душу образомъ. Его исторія очень любопытна. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь за убійство, и жена отказалась слѣдовать за нимъ. Бѣжавъ изъ Сибири, онъ нашелъ на родинѣ, въ Бѣлоруссіи, жену замужемъ за другимъ. Его поймали, жестоко наказали и опять услали. Съ отчаяніемъ умолялъ онъ отдать ему жену. Несчастье было написано на лицѣ его. Сколько ни уговаривалъ его Гаазъ, сколько ни образумлялъ съ ласкою и участіемъ—онъ оставался неутѣшенъ и плакалъ горько. Предъ отходомъ партіи была перекличка. Арестанты начали строиться, креститься на церковь; нѣкоторые поклонились ей до земли, потомъ стали подходить къ Гаазу, благословляли его, цѣловали ему руки и благодарили за все доброе, имъ сдѣланное Онъ прощался съ каждымъ, нѣкоторыхъ цѣлуя, давая каждому совѣтъ и горячія увѣщанія не падать духомъ. Каждый понедѣльникъ, говоритъ біографъ, «извѣстная всей Москвѣ пролетка Федора Петровича выгружала его самаго и корзины съ припасами, собранными имъ за недѣлю для пересыльныхъ. Онъ обходилъ ихъ, освѣдомлялся, получили ли они по второй рубашкѣ, выхлопотанной имъ у комитета въ 1839 году, ободрялъ ихъ снова,—къ нѣ-

которымъ обращался съ словами: «поцѣлуй меня, голубчикъ» (чего особенно не могъ переварить негодующій жандармскій генералъ Капцевичъ). Гаазъ долго провожалъ глазами тронувшуюся партію, медленно двигавшуюся, звеня цѣпями, по Владимірской дорогѣ... Иногда встрѣчные съ партіею москвичи, торопливо вынимая подаяніе, замѣчали, что вмѣстѣ съ партіею шелъ,—нерѣдко много верстъ,—старикъ во фракѣ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ чулкахъ, а если это было зимою, то въ порыжѣлыхъ высокихъ сапогахъ и въ старой волчьей шубѣ. Москвичей не удивляла такая встрѣча. Они знали, что это «Ѳедоръ Петровичъ», что это «святой докторъ» и «Божій человѣкъ», какъ привыкъ его звать народъ. Они догадывались, что ему вѣрно нужно еще продлить свою бесѣду съ ссыльными и, быть можетъ, какое нибудь свое прекаканіе съ ихъ начальствомъ».

X.

Во второй части своего жизненнаго романа Гаазъ жилъ крайне скромно, даже бѣдно. Онъ вставалъ въ шесть часовъ утра, какъ рабочій человѣкъ, сейчасъ-же одѣвался въ свой потертый старомодный фракъ и старые заштопанные не разъ чулки. Чай онъ считалъ роскошью и замѣнилъ настоемъ смородинныхъ листьевъ. Затѣмъ, если не нужно было ѣхать къ арестантамъ, онъ до восьми часовъ читалъ или готовилъ лѣкарства для бѣдныхъ. Въ восемь часовъ начинался «пріемъ бѣдныхъ»—мутная волна бѣдности и горя приливала къ нему, и онъ подставлялъ ей свою старческую грудь. Въ двѣнадцатомъ часу Гаазъ уходилъ въ полицейскую больницу, второй кругъ Дантовскаго ада, оттуда — въ тюремный замокъ—третій кругъ; далѣе—въ пересыльную тюрьму. Всюду куда онъ ни спускался, казалось, все глубже и глубже его охватывало человѣче-

ское страданіе... Неутомимый старый нѣмецъ въ чулкахъ ходилъ и ѣздилъ безъ отдыха, цѣлый день. Все богатство Гааза, домъ, имѣніе, фабрика, четверка лошадей и пр. постепенно ушли на бѣдныхъ; у него изъ «роскоши» остались только старинныя дрожки, облѣзлыя и дребезжащія, да двѣ разбитыя на ноги разношерстныя клячи. Дряхлый кучеръ Егоръ, обиравшій хозяина кругомъ, служилъ возницей. Москвичи утверждали, что доктору, кучеру и лошадямъ вмѣстѣ четыреста лѣтъ—такими они казались всѣ дряхлыми. Когда какая-нибудь изъ клячъ, на которыхъ ѣздилъ Ѳедоръ Петровичъ, оказывалась вполнѣ негодною для своей службы и оставлялась спокойно доживать свой вѣкъ, онъ отправлялся на конную площадь, гдѣ непремѣнно покупалъ одну изъ лошадей, выведенныхъ на убой татарамъ, — и спасенное отъ ножа животное продолжало жить, неторопливо перебирая разбитыми ногами у истертаго дышла популярной пролетки... Концы по Москвѣ приходилось дѣлать большіе, и проголодавшійся Гаазъ иногда останавливался у какой-нибудь пекарни и покупалъ четыре калача—одинъ для себя, одинъ для кучера и два для лошадей. Въ 1850 году почитатели Ѳедора Петровича, желая облегчить ему разъѣзды по Москвѣ, послали ему въ подарокъ, при письмѣ безъ подписи, карету и пару лошадей, но Гаазъ немедленно отправилъ присланное къ извѣстному въ то время каретнику Мякишеву, прося купить все это, оцѣнивъ по совѣсти, и полученныя затѣмъ деньги немедленно роздалъ бѣднымъ. Обѣдалъ Гаазъ въ пять часовъ, очень рѣдко внѣ дома, причемъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и ничего не пилъ, но если въ гостяхъ подавали фрукты, то бралъ двойную порцію и клалъ въ карманъ, говоря съ доброю улыбкою: «для больныхъ!» Тотчасъ послѣ обѣда онъ отправлялся по знакомымъ и вліятельнымъ людямъ хлопотать и просить за бѣдныхъ и беззащитныхъ.

Наружность Гааза... Я и забылъ, что для «героя ро-

мана» это важно. Для героя моднаго романа Гаазъ былъ, можетъ быть, не красивъ, но у людей, у которыхъ достаточно души, тѣла не замѣчаешь, а душа у него поражала привлекательностью. Гаазъ былъ всегда ровенъ, рѣдко смѣялся, «углубленный въ себя избѣгалъ большого общества и бывалъ, случайно попавши въ него, молчаливъ». Но въ дружескомъ кружкѣ его рѣчь лилась рѣкою, «но никогда *о себѣ*, а всегда о нихъ, о тѣхъ, по комъ болѣло его сердце». «Онъ сердился, когда упоминали о его дѣятельности, а въ сужденіи о людяхъ былъ чистъ какъ дитя». Онъ не выпрашивалъ помощи даже для бѣдняковъ своихъ, а только говорилъ, какъ они несчастны. Онъ низачто не позволялъ снять съ себя портретъ, и существующій портретъ (приложенный къ книгѣ г. Кони) снятъ тайно отъ него художникомъ, котораго князь Щербатовъ спряталъ за ширмы. Бѣдный старый нѣмецъ въ заштопаныхъ черныхъ чулкахъ могъ показаться иногда неопрятнымъ, у г-жи Еропкиной онъ однажды, вмѣсто платка, вынулъ изъ кармана какую-то тряпку. Хозяйка дома тотчасъ достала ему дюжину батистовыхъ платковъ и положила въ задній карманъ фрака. «Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ это, обернулся, досталъ всѣ платки—и вдругъ глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ Европкину за руки и сказалъ: «Oh, merci, merci! ils sont si malheureux!» Онъ и этотъ подарокъ отнесъ къ тѣмъ пожертвованіямъ, которыя клались ему иногда въ карманъ для арестантовъ.

До глубокой ночи онъ все ѣздилъ, хлопоталъ, ходатайствовалъ, посѣщалъ заключенныхъ, собиралъ справки, писалъ о нихъ. До глубокой ночи онъ работалъ не покладая рукъ на своей «службѣ», и... иная дама все-таки спроситъ: чѣмъ-же была наполнена *личная* жизнь этого мужчины?—да все тѣмъ-же отвѣчу я... *Увлеченій* у него иныхъ не было, кромѣ возни съ больными да несчастными. Была единственная, отмѣченная біографомъ, личная, если хотите, прихоть. Ученый нѣмецъ въ тѣ ночи,

когда была видна небесная глубина и иные міры въ ней, любилъ глядѣть въ телескопъ, пріобрѣтенный по случаю. Небо притягивало его къ себѣ—это была единственная «слабость» стараго романтика. Затѣмъ слѣдовалъ сонъ (если не было больныхъ въ квартирѣ), потомъ утро—начинался новый день тяжелаго, самоотверженнаго труда. И такіе дни шли одинъ за другимъ, постепенно слагаясь въ мѣсяцы, годы, десятки лѣтъ.

XI.

Чувствительный нѣмецъ съ береговъ Рейна явился въ Россію не «для эксплоатаціи природныхъ богатствъ», не для наживы, какъ большинство иноземцевъ, не для карьеры. Онъ остался въ глубинѣ Россіи какъ защитникъ самыхъ несчастныхъ, самыхъ забытыхъ русскихъ людей. Незамѣтно для себя онъ сдѣлался какъ-бы дипломатическимъ представителемъ, «чрезвычайнымъ посломъ» этой голи и ратовалъ за ея интересы съ величайшею горячностью. Тѣ русскіе люди, которыхъ можно подвинуть на какое-нибудь дѣло только жалованьемъ или взысканіемъ по службѣ и которые все-таки еле-движутся, могли-бы подумать, глядя на этого страннаго нѣмца, что онъ ждетъ или величайшей награды отъ кого-то, или самаго страшнаго наказанія, или что по крайней мѣрѣ надъ нимъ неотступно стоитъ какой-нибудь грозный контроль. Иначе нельзя было объяснить этого неутомимаго рвенія Гааза на его «службѣ», той поспѣшности, съ которою онъ бросался на помощь несчастнымъ, буквально бросался, забывая все на свѣтѣ. И что-жь, можетъ быть добрый нѣмецъ и вправду чувствовалъ надъ собой чей-то тайный контроль, Чье-то всевидящее око, которое не давало ему впасть въ лѣнивое забытье. Можетъ быть онъ сознавалъ и «взысканіе» и «награду»—тамъ, «на небесахъ», какъ вѣрили въ наивный вѣкъ. Глубокому сердцу были по-

нятны и ужасъ сознанія жизни, безплодно прожитой, и восторгъ исполненнаго предъ Творцомъ долга. Когда мыслитель, достойный этой задачи, изслѣдуетъ этотъ великій характеръ,—я думаю, онъ поразится одною чертою Гааза: его горячею религіозностью. Неизвѣстно, ходилъ-ли онъ въ костелъ и какіе выполнялъ обряды, но въ біографіи его то-и-дѣло участвуетъ Богъ. На эту Высшую волю честный нѣмецъ опирается въ своихъ оффиціальныхъ ходатайствахъ, въ пререканіяхъ съ жандармами и чиновниками, въ тягостной волокитѣ съ канцеляристами, въ спорѣ съ митрополитомъ и безконечныхъ бесѣдахъ съ арестантами и больными. Одного арестанта съ венерической болѣзнью, несмотря на мольбы Гааза, услали въ Сибирь. «Итакъ, пишетъ Гаазъ, — сей несчастный отправился распространять свой ужасный недугъ въ отдаленные края, а я и полицейскій врачъ вернулись домой, имѣя видъ внутренняго спокойствія, какъ-будто мы исполнили нашъ долгъ, и не болѣе боимся Бога, какъ сихъ несчастныхъ невольниковъ; но всѣ бѣды, которыя будетъ распространять сей жалкій больной, будутъ вписаны— на счетъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета—въ книгу, по коей будетъ судиться міръ!» Это въ оффиціальной бумагѣ. Ученый нѣмецъ, видите-ли, вѣрилъ въ идею суда всемірнаго, и Богъ для него былъ не четыре буквы, а такая-же реальность, какъ и начальство, предъ которымъ онъ ходатайствовалъ, и еще высшая реальность. На обвиненіе со стороны жандармскаго генерала, что «утрированный филантропъ» развращаетъ арестантовъ своимъ заступничествомъ, и что писарямъ и конвойнымъ приходится,—о ужасъ,—переписывать изъ-за этого статейные списки,—Гаазъ отвѣчаетъ оффиціально: «Когда партія отправляется и неполучившіе справедливости арестанты смотрятъ на меня съ нѣкоторымъ какъбы видомъ презрѣнія, то я думаю, что Ангелъ Господень ведетъ *свой статейный списокъ* и въ немъ записаны

начальство сихъ несчастныхъ и я». Гаазъ говорилъ (лэди Блумфильдъ), что «всегда молится, чтобы когда всѣ соберутся предъ Богомъ, начальство не было осуждено этими самыми преступниками и не понесло, въ свою очередь, тяжелаго наказанія».

Съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, у Гааза было оригинальное столкновеніе изъ-за арестантовъ. «Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о представительствѣ комитета за «невинно-осужденныхъ» арестантовъ. «Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ, о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ, есть за нимъ вина»... Вспыльчивый, сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста.—«Да вы о Христѣ позабыли, владыко!»—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ· такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Филаретъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ. «Нѣтъ Ѳедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!..»—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

XII.

Рожденный католикомъ, Гаазъ ревностно заботился о религіозныхъ потребностяхъ своихъ несчастныхъ православныхъ. Онъ видитъ ихъ и въ этомъ отношеніи заброшенными, онъ ходатайствуетъ, чтобы по воскресеньямъ въ тюремной церкви читались проповѣди, и митрополитъ Филаретъ уважилъ это ходатайство. Гаазъ

аккуратно являлся въ церковь каждое воскресенье и выслушивалъ эти проповѣди вмѣстѣ съ арестантами. Ничего, что католикъ. Когда нехватало комитетскихъ денегъ, онъ тратилъ свои на покупку духовныхъ и нравственныхъ книгъ. За оскудѣніемъ средствъ, Гаазъ намѣтилъ вдалекѣ, въ Петербургѣ, одного англійскаго купца, Арчибальда Мерилиза, и сталъ донимать его письмами. И вотъ втеченіе болѣе двадцати лѣтъ Мерилизъ на свои средства высылаетъ арестантамъ десятки тысячъ Евангелій и другихъ священныхъ и учебныхъ книгъ, на сумму около 2 тысячъ рублей въ годъ. Московскій нѣмецъ-католикъ и петербургскій англичанинъ, распространяющіе православныя церковныя книги въ подонкахъ народныхъ—какая невѣроятная, но счастливая для романа черточка Удивительно-страшно показалось нѣмцу одно, что въ Россіи книгъ Новаго Завѣта тогда совсѣмъ нельзя было достать, «даже по 4 р. за экземпляръ славянскаго Евангелія Мерилизъ ни за какія деньги въ Петербургѣ достать не можетъ». И вотъ Гаазъ настойчиво и горячо хлопочетъ о напечатаніи Новаго Завѣта въ синодальной типографіи, хотя-бы за счетъ тюремнаго комитета. Тутъ Гаазъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе въ самомъ тюремномъ комитетѣ: тамъ полагали (и митрополитъ Филаретъ раздѣлялъ это мнѣніе), что давать Евангеліе всѣмъ безъ контроля опасно, что объяснять слово Божіе могутъ только священники, что самъ Христосъ говорилъ: не мечите бисера предъ свиньями, и пр. и пр.

Гаазъ вступаетъ въ горячій споръ, волнуется, проситъ, убѣждаетъ—и беретъ верхъ. Онъ хлопочетъ и объ иновѣрцахъ, раскольникахъ и полякахъ, онъ умолялъ оставлять ихъ хоть на одну недѣлю въ Москвѣ для исповѣди и причащенія, «дабы они укрѣпились сердечно предъ вступленіемъ въ новую для нихъ жизнь». Рожденный самъ въ благочестивой старой Германіи, онъ въ православной Москвѣ натыкался на явленія, переворачивавшія ему душу. Въ одной тюрьмѣ онъ встрѣчаетъ, на-

примѣръ, *крестъ* — «особую машину — такъ-называемый крестъ, на который привязывается человѣкъ для наказанія на тѣлѣ»... Представьте себѣ его чувства. Такъ тонко ужалить благороднаго гуманиста могла только тогдашняя русская дѣйствительность. Гаазъ видитъ всюду глубокое паденіе человѣка, душевное паденіе, и онъ волнуется и стремится всѣми силами своими повернуть одичавшихъ людей къ святынѣ, къ милосердному Богу, Котораго самъ такъ ясно видѣлъ. Съ величайшими хлопотами и непріятностями, рискуя мѣстомъ, онъ расширяетъ арестантскую церковь, изъ темныхъ прилегающихъ комнатокъ дѣлаетъ одну свѣтлую. «Мысль... собирать заключенныхъ для общей молитвы возлѣ церкви плѣнила Гааза, и онъ немедленно, на свой счетъ, привелъ ее въ исполненіе». Но это было сочтено страшнымъ самоволіемъ (Гаазъ позабылъ «испросить разрѣшеніе на непредусмотрѣнную перестройку»). И вотъ, старый нѣмецъ и католикъ вынужденъ просить «при всѣхъ чиновникахъ и служителяхъ у г-на директора прощенія»—за желаніе дать помолиться православнымъ. И все-же православный директоръ не смилостивился, донесъ по начальству и добился оффиціальнаго выговора отъ лица комитета и запрещенія «отступать отъ установленнаго порядка». Тщетно Гаазъ доказывалъ, что если-бы не отступать отъ этого «порядка», указаннаго «комиссіей строенія», то получилась-бы, напримѣръ, квасная, гдѣ нельзя дѣлать квасу, такъ-какъ въ ней вовсе не было положено русской печи, комнаты остались-бы безъ вентиляторовъ, наружныя двери безъ ступенекъ для всхода, чердаки безъ лѣстницъ, и комната противъ «малолѣтнихъ» вовсе безъ двери, ибо печникъ, склавши уже болѣе половины печи, положенной на томъ мѣстѣ, гдѣ была дотолѣ дверь, перелѣзъ черезъ оную и спрашивалъ, гдѣ-же ему выйти, когда онъ доведетъ печь доверху»? Этимъ доводамъ не вняли, и старика все-таки унизили...—Пусть ихъ, думаетъ Гаазъ, унизили,—но арестанты зато могутъ мо-

литься въ церкви. Этотъ католикъ съ береговъ Рейна выучился не только по-русски, но и по церковно-славянски, чтобы душой участвовать въ молитвѣ своихъ милыхъ каторжниковъ. «Къ изумленію мѣстнаго священника, онъ совершенно правильно поправлялъ ошибки (дѣтей) въ славянскомъ текстѣ».

XIII.

Обо всемъ заботясь, на все успѣвая, Гаазъ замѣтилъ конечно абсолютное отсутствіе даже попытокъ повліять на арестантовъ иными мѣрами, кромѣ кандаловъ и плетей. Гаазъ-же вышелъ изъ благочестивой страны, гдѣ на жизнь дѣйствуютъ святыя книги—Библія и другія. Гаазъ чувствуетъ потребность въ нравственныхъ книгахъ — но такихъ не было. Изъ скудныхъ средствъ Гаазъ самъ издаетъ имъ-же составленную книжечку для арестантовъ «А Б В христіанскаго благонравія... о начаткахъ любви къ ближнему», съ избранными текстами изъ Евангелія и посланій,—все что онъ могъ выбрать подходящаго для больного сердца несчастныхъ. Эту книжечку, свое родительское, такъ сказать, благословеніе, онъ раздавалъ всѣмъ уходившимъ изъ Москвы по этапу. Чтобы книжечка не затерялась на пути и не стѣсняла арестанта, онъ построилъ для храненія ея особыя сумочки, которыя вѣшались имъ на грудь. Въ книжечкѣ была чистая страница, гдѣ потрясенный словомъ Божіимъ ссыльный могъ записать для себя обѣтъ передъ Богомъ больше уже «не браниться, не осуждать никого, не лгать» (три главные грѣха по Гаазу). Вы видите, до какихъ отдаленныхъ психическихъ послѣдствій шелъ въ своемъ воображеніи добрый нѣмецъ. онъ не могъ на меньшемъ помириться, какъ на праведности человѣка, на возвращеніи человѣка къ Богу. Ходя самъ передъ лицомъ Господа и не теряя Его присутствія ни на мгновеніе, добрый нѣмецъ страдалъ отъ окружающаго безбожія и бо-

ролся съ нимъ, какъ могъ. Но что могъ онъ сдѣлать? Онъ видѣлъ, напримѣръ, упадокъ духа арестантовъ предъ «торговой казнью» (наказаніе плетьми), ихъ отчаяніе и озлобленіе. «Казнь» была страшно мучительна, и не всѣ ее переносили. Что могъ сдѣлать добрый Гаазъ? Остановить казнь — это все равно, что единичными усиліями остановить приливъ океана. По силамъ-ли это было-бы даже пророку, еслибы онъ явился? А Гаазъ былъ не пророкъ, а скромный и простой нѣмецъ, врачъ глазныхъ болѣзней. Онъ съ радостью вылѣчилъ-бы духовныя очи людей, ихъ жестокую слѣпоту, но не могъ, не умѣлъ, если хотите. Вѣдь людей кругомъ него былъ цѣлый океанъ, стихія мрачная... Что было дѣлать одинокому старому гуманисту? Оставалось одно —утѣшать страдальцевъ, внушать имъ хоть немного душевной силы и вѣры въ Бога, вѣры въ то, что человѣкъ не одинъ. Гаазъ выписываетъ для арестантовъ молитву изъ Ѳомы Кемпійскаго, и нѣкоторыхъ чтеніе этой молитвы успокаиваетъ.

Вѣроятно, лишь крайне немногія подобныя черточки остались изъ жизни этого человѣка, но какія все трогательныя. То онъ беретъ на свое поручительство слабосильныхъ ссылаемыхъ и отправляетъ ихъ на свой счетъ въ Сибирь, то пересылаетъ имъ письма, вещи и книги, то выполняетъ разныя домашнія порученія арестантовъ по письмамъ изъ Сибири. Въ далекій Якутскъ одному ссыльному онъ посылаетъ «Потерянный Рай» — даже такая потребность арестанта не была пренебрежена имъ. «Но, замѣтитъ иной скептикъ, — вѣроятно, господа арестанты недурно отблагодаривали почтеннаго филантропа. Объегоривали его, вѣроятно, такъ, что»... Возможно, что и это было, хотя въ біографіи объ этомъ не говорится. Тамъ говорится о горячей, страстной преданности преступниковъ къ «святому доктору», а насчетъ «эксплоатаціи» его ими—не упомянуто. Можетъ быть потому, что забавно говорить объ эксплоатаціи человѣка, который самъ шелъ на то, чтобы отъ него все

взяли не исключая сердца его. Записанъ, если хотите, одинъ случай «эксплоатаціи». Одинъ изъ пришедшихъ къ Гаазу, въ числѣ бѣдныхъ больныхъ, укралъ у него со стола часы, но былъ захваченъ съ поличнымъ, не успѣвъ выйти за ворота. «Ѳедоръ Петровичъ, запретивъ посылать за полиціею, позвалъ похитителя къ себѣ, долго съ нимъ бесѣдовалъ о его поступкѣ, совѣтовалъ лучше обращаться къ добрымъ людямъ за помощью и въ заключеніе, взявъ съ него честное слово не воровать болѣе, отдалъ ему, къ великому негодованію своей домовитой и аккуратной сестры, свои наличныя деньги и съ теплыми пожеланіями отпустилъ его». Скажите, развѣ этотъ эпизодъ не годился-бы для хорошаго романа? Напримѣръ, для «Misérables» Гюго, какъ указываетъ г. Кони? Скажите, въ жизни многихъ-ли героевъ, съ которыми носятся столько и публика и беллетристы, случались такіе интересные, картинные моменты?

Героизмъ Гааза былъ, конечно, довольно однообразенъ. Какъ врачъ, онъ практиковалъ то-же средство, что и въ отношеніи арестантовъ: доброту обхожденія. Онъ вносилъ въ больницы (которыя тогда были немногимъ лучше тюремъ) родственную атмосферу, вниманіе и ласку. «Обходя палаты, онъ требовалъ, чтобы его сопровождали ординаторы, фельдшеры и впервые имъ введенныя сидѣлки мужскихъ больничныхъ палатъ. Онъ просилъ о томъ-же и священниковъ при церквахъ тюремнаго и пересыльнаго замковъ. Часто, садясь на край кровати больного, онъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду о его семьѣ, объ оставленныхъ дома, нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства. Въ первый день Пасхи онъ обходилъ всѣхъ больныхъ и христосовался со всѣми; то-же дѣлалъ онъ въ губернскомъ замкѣ и на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ обыкновенно бывалъ у заутрени. Въ большіе праздники и въ день своихъ имянинъ Ѳедоръ Петровичъ получалъ, вмѣстѣ съ поздравленіями, много сладкихъ пироговъ и тортовъ отъ

знакомыхъ. Собравъ ихъ всѣ вмѣстѣ съ видимымъ удовольствіемъ, онъ рѣзалъ ихъ на куски и отправлялся къ больнымъ арестантамъ раздавать ихъ. Онъ распрашивалъ арестантовъ о здоровьѣ, называя ихъ ласковыми именами: «голубчикомъ», «милымъ» и т. д., справляясь, хорошо-ли они спали и видѣли-ли пріятные сны. Иногда, останавливаясь у постели какого-нибудь больного, онъ задумчиво глядѣлъ на него и говорилъ своему крестнику: «поцѣлуй его!» — прибавляя со вздохомъ: «Er hat es nicht bos'gement!» или — «Der wollte nichts Boses machen!»

XIV.

Возможенъ-ли герой безъ борьбы? Я соглашусь, что невозможенъ, невозможна жизнь безъ борьбы, если подъ нею разумѣть преодолѣніе зла. Высшее благо — миръ — есть идеалъ, *достигаемый*, но недостижимый, пока люди—люди. Борьба, какъ усиліе движенія, необходима. Но усиліе это мѣняетъ свою природу; нѣкогда оно было исключительно физическимъ, но когда-нибудь будетъ только духовнымъ. Жизнь безъ сопротивленія, безъ усилія, есть жизнь остановившаяся, скучная; поглядите, какъ скучна жизнь «героевъ» того времени, когда жилъ Гаазъ. Этотъ честный нѣмецъ — современникъ Евгенію Онѣгину и Печорину. Сравните-же его святую жизнь съ глупымъ существованіемъ этихъ господъ, ихъ возмутительнымъ эгоизмомъ и распущенностью. Вспомните, какъ *онъ* неутомимо работалъ и какъ *они* до такой степени ничего не дѣлали, что едва не вѣшались съ тоски. Отказавшись отъ естественныхъ усилій труда — трудиться тогда считалось дурнымъ тономъ — модный герой того времени жилъ на тѣлѣ своихъ крѣпостныхъ, и, кромѣ удовлетвореннаго тщеславія да половой страсти ему ни до чего не было дѣла на свѣтѣ. Вспомните программу дня, напримѣръ, Онѣгина, какъ

Бывало онъ еще въ постелѣ,
Къ нему записочки несутъ,
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ
Три дома на вечеръ зовутъ

Вспомните, какъ

. . въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.
. . . . . .
Къ Talon помчался онъ увѣренъ.
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ.
Вошелъ—и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ ростбифъ окровавленный..
. . . . . .

Дальше, вы знаете герой ѣдетъ въ балетъ и пр. и пр. Мнѣ, признаюсь, противно напоминать читателю содержаніе жизни этого современника Гааза. «Пересказать мнѣ недосугъ», скажу словами поэта:

Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь—
Была наука страсти нѣжной...

Эта «наука», въ которой тогдашній герой тратилъ весь свой геній, не спасала его отъ «тоскующей лѣни», и Онѣгину, какъ всей тогдашней золотой богемѣ,—самому противна была столь скудная жизнь:

..Рано чувства въ немъ остыли,
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ.—

Измѣны—утомить успѣли,
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда-же могъ
Beefsteaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова—
Когда болѣла голова .

Печальное, плачевное существованіе! Читая теперь знаменитые романы того времени, поражаешься, что герои ихъ нѣкогда волновали общество, какъ образцы подражанія. Вѣдь болѣе жалкой недостойности и придумать трудно, какъ эта паразитная жизнь. Совершенно понимаешь, откуда являлась ложь этихъ господъ, ихъ безпрерывное кривлянье передъ людьми и своею совѣстью. Какое жалкое отсутствіе героизма въ этихъ герояхъ! Что за выморочное, никому не принадлежащее, безсмысленное существованіе! И какъ въ концѣ концовъ «скучно и грустно» и одиноко жили эти свѣтскіе эгоисты, современники честнаго Гааза, въ сравненіи съ его кипучею, сверкающею дѣятельностью среди десятковъ тысячъ народа, которые подчасъ рыдали у его ногъ и цѣловали ему руки...

Печоринъ—«герой борьбы». Но, ради Создателя, — съ кѣмъ онъ «боролся» и какъ? Съ Грушницкимъ!? Геній поэта недаромъ свелъ такого героя съ такимъ противникомъ: оба стоятъ другъ друга. Съ кѣмъ боролся Евгеній Онѣгинъ? Съ Ленскимъ? Припомните, перечитайте жалкія исторіи обѣихъ дуэлей, гдѣ модные «герои» выходятъ побѣдителями, какъ они нестерпимо рисуются и ломаются своимъ будто-бы недосягаемымъ превосходствомъ предъ толпою смертныхъ. Съ кѣмъ боролись «герои» Гоголя? Даже единственный въ тогдашней литературѣ похожій на «борца» герой — Чацкій — была-ли его озлобленная брань съ толпою тогдашняго, столь темнаго свѣта похожа на борьбу? Кого онъ одолѣлъ, кого защитилъ, какіе девизы отстоялъ? Въ огромной толпѣ родныхъ москвичей этотъ злобный умъ такъ-

таки рѣшительно никого не увлекъ къ добру и только доказалъ безсиліе благородства, прибѣгающаго къ услугамъ злобы. Неужели это называется борьбой — позлословить, перебранить всѣхъ въ гостиной и ретироваться подъ общій свистъ публики?

Старый Гаазъ не чуждался борьбы, не чуждался женщинъ. Но говорилъ-ли кто-нибудь изъ тогдашнихъ героевъ образованнымъ дамамъ такія простыя и нужныя слова, какъ этотъ нѣмецъ: «Вы призваны содѣйствовать перерожденію общества, и этого вы достигнете, дѣйствуя и мысля въ духѣ кротости, терпимости, справедливости, терпѣнія и любви». Женщина «должна подчинить росту своей чистоты все, что есть въ природѣ ея мужа нечистаго и животнаго; она должна, такъ сказать, пересоздать эту природу, потопивъ плотскаго человѣка со всѣми его дурными наклонностями и вождѣленіями въ безграничной своей христіанской любви...» Женщина должна плѣнять «сердечною добротой... нравственною прелестью, чтобы выполнить по отношенію къ невѣрующему мужу свою миссію возрожденія божественнаго слова, конечная цѣль котораго есть дематеріализація человѣка съ цѣлью вознести его до высоты и величія Христа». Скажите по совѣсти, читатель — чья рѣчь изъ модныхъ героевъ носитъ болѣе, чѣмъ эта, героическій характеръ? Вспомните-ка, что говорятъ обыкновенно барынямъ влюбленные кавалеры...

Ни у одного изъ великихъ писателей, современныхъ Гаазу, нѣтъ настоящаго *героя*, но въ жизни, какъ видите, были и настоящіе герои, и въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ вращались Лермонтовы и Грибоѣдовы, не все были Печорины и Скалозубы: въ біографіи Гааза слегка выдвинуты замѣчательныя, даже рядомъ съ нимъ замѣтныя личности — кн. Голицынъ, Львовъ, Щербатовъ и пр. И между ними, какъ готическій соборъ среди прирейнскихъ хижинъ, высится колоссальная фигура самого «Ѳедора Петровича»...

Вотъ рыцарь, поистинѣ, безъ страха и безъ упрека. Вы думаете, при всей своей кротости, онъ не боролся? Да вся его жизнь, до послѣдняго вздоха, была неутомимой борьбой, и борьбой, несмотря на страшныя препятствія — побѣдоносной. Этотъ дальній чужеземецъ, студентъ Іены, другъ Шеллинга выдержалъ въ Москвѣ не одинъ вечеръ, а болѣе полувѣка; онъ не заводилъ интрижекъ съ дочками Фамусовыхъ и ему не приходилось злиться на счастливыхъ соперниковъ своей страсти — Молчалиныхъ. Кромѣ Тугоуховскихъ и Скалозубовъ, внѣ узкаго круга которыхъ для Чацкаго уже кончался свѣтъ, молчаливый нѣмецъ открылъ неожиданно цѣлый міръ крайне интересныхъ существъ, и вмѣсто того, чтобы, какъ Чацкій, закричать въ первый-же вечеръ. «Вонъ изъ Москвы!» — скромный нѣмецъ усѣлся въ этой самой Москвѣ на десятки лѣтъ, почти безвыѣздно, какъ-бы забывъ цвѣтущіе берега Рейна, своей далекой родины. Онѣгины и Печорины, предоставивъ старостамъ пороть крестьянъ и требуя себѣ оброкъ съ «своихъ душъ», блуждали по Россіи изъ конца въ конецъ, ѣздили на погибельный Кавказъ или къ цыганамъ въ Бессарабію, шатались заграницей, рѣшительно не зная чѣмъ заняться, гдѣ найти, видите-ли, «оскорбленному чувству уголокъ». А честный нѣмецъ куда его бросила судьба, тамъ и началъ работать, и работы нашелъ бездну самой необходимой, и впечатлѣній самыхъ трагическихъ, и отрады для души — сверхъ мѣры. «Оскорбленныя чувства» и онъ зналъ,—но зналъ нѣчто выше оскорбленности—нравственный долгъ, который позволялъ ему идти своей дорогой, пренебрегая всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ Бога, который въ немъ жилъ.

XV.

Увидѣвъ своими голубыми нѣмецкими глазами человѣческое горе, содрогнувшись всею совѣстью своей, Гаазъ не убѣжалъ въ Европу, а остался въ далекой Москвѣ и всѣмъ существомъ своимъ поплылъ противъ

теченія, противъ общаго равнодушія и безжалостности. Работая за десятерыхъ, «упорствуя, волнуясь и спѣша», онъ замѣтно преодолѣвалъ стихію. Та давала ему отпоръ, но онъ преодолѣвалъ и этотъ отпоръ. Запрещаютъ ему, напримѣръ, свидѣтельствовать арестантовъ и вмѣшиваться въ ихъ отправку. Онъ уязвленъ въ самой глубинѣ сердца, но не слагаетъ оружія. «Онъ считался директоромъ тюремнаго комитета и крѣпко держался за это званіе. Оно давало ему возможность ѣздить въ пересыльную тюрьму и на этапъ, видѣть «своихъ» арестантовъ; просить за нихъ и заступаться, несмотря на то, что директоръ Розенштраухъ, командированный комитетомъ, погрозилъ ему однажды даже тѣмъ, что если онъ будетъ продолжать нарушать порядокъ, то будетъ «удаленъ силою». «Несмотря, пишетъ Гаазъ, на униженія, коимъ я подверженъ, несмотря на обхожденіе со мною, лишающее меня уваженія даже моихъ подчиненныхъ, и, чувствуя, что я остался одинъ безъ всякой пріятельской связи или подкрѣпленія,—я тѣмъ не менѣе считаю, что покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею Государя посѣщать всѣ тюрьмы Москвы,—мнѣ никто не можетъ воспретить отправляться въ пересыльный замокъ въ моментъ отсылки арестантовъ, и я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ, какъ и прежде»... Можно было подумать, что Гаазъ отстаивалъ свои «права состоянія» или какую-нибудь очень цѣнную синекуру—съ такимъ упорствомъ онъ борется за придуманную имъ себѣ должность — служить оборванцамъ. Начальство гнѣвается, Гаазъ оправдывается, начальство предписываетъ, Гаазъ отписывается, начальство подтверждаетъ, Гаазъ отмалчивается—и всетаки ѣздитъ къ арестантамъ на своихъ клячахъ изо дня въ день. Начальство изнемогаетъ, наконецъ, и «махаетъ рукой». Снова въ журналахъ комитета начинаютъ встрѣчаться заявленія самого Гааза о содѣйствіи тѣмъ или другимъ нуждамъ арестантовъ...

Гаазъ до такой степени былъ неодолимъ въ своей настойчивости, и цѣль ея до того была безспорно-доброю, что всѣ, наконецъ, устали бороться съ нимъ и «стали терпѣть его какъ неизбѣжное зло», какъ погоду. Гаазъ остался на полѣ этой эпической борьбы побѣдителемъ, насколько это было возможно.

Какъ всякая нравственная борьба, жизнь Гааза полна драматическими столкновеніями. Однажды двѣ сестры-дѣвушки, отправляемыя въ Сибирь, со слезами просили не разлучать ихъ. «Одну, пишетъ Гаазъ, по осмотру штабъ-лекаря Гофмана, назначено было остановить, но другой, младшей, отказано въ ея просьбѣ по той причинѣ, что она уже два раза была останавливаема изъ-за болѣзни своей сестры, причемъ объявлено имъ, что если желаютъ быть неразлучны, то пусть больная переможетъ себя и идетъ; сестры согласились, предпочитая, надо полагать, лучше умереть вмѣстѣ, нежели быть разлученными. Обходя людей, стоявшихъ уже на дворѣ, я нашелъ означенную дѣвушку дотого больною, что вынужденнымъ нашелъ объявить полиціймейстеру, полковнику Миллеру, что ее нельзя отправить, хотя-бы она того и желала, на что г. Миллеръ отвѣтствовалъ согласіемъ, но съ тѣмъ, чтобы сестра ея все-таки была отправлена. Тогда я убѣдительнѣйше его просилъ ради любви сестеръ другъ къ другу оставить обѣихъ и напомнилъ ему, что ходатайства тюремнаго комитета, буде окажутся приличными, должны быть уважаемы и что рѣдкіе случаи могутъ быть столь достойны уваженія, какъ просьба сихъ дѣвушекъ, кои, будучи довольно молоды, могутъ лучше другъ друга, нежели одна по себѣ, беречь отъ зла и подкрѣплять къ добру». Но Миллеръ остался непреклоннымъ, давъ понять бѣдному Гаазу, что онъ, Гаазъ, уже «какъ при объясненіи о состояніи здоровья сихъ людей, такъ и при объясненіи свойствъ тюремнаго комитета—нынѣ считается ничѣмъ»... Это заявленіе окончательно взволновало старика. «Говоря съ г. Миллеромъ,—пи-

шетъ онъ,—на языкѣ, который окружающіе не разумѣли (т.-е. на иностранномъ), я сказалъ ему, что считаю себя обязаннымъ о таковомъ происшествіи довести до свѣдѣнія Государя, но симъ не успѣлъ преклонить волю г. Миллера къ снисхожденію, дошелъ до того, что напомнилъ ему о высшемъ еще Судѣ, передъ которымъ мы оба не минуемъ предстать вмѣстѣ съ сими людьми, кои тогда изъ тихихъ подчиненныхъ будутъ страшными обвинителями Г. Миллеръ, сказавъ мнѣ, что тутъ не мѣсто дѣлать катехизмъ, кончилъ, однако-же, тѣмъ, что велѣлъ остановить обѣихъ сестеръ».

XVI.

Не правда-ли, драматическая картинка. Двѣ крестьянскія дѣвицы, несчастныя изъ несчастныхъ, и за нихъ ведутъ споръ два героя, два нѣмца. Я убѣжденъ, что они спорили по-нѣмецки, и болѣе старый взывалъ къ нѣмецкой совѣсти болѣе молодого. Молодой—полицмейстеръ Миллеръ — исполнительный до жестокости, какъ всѣ ограниченные нѣмцы, тоже вѣроятно считалъ «долгомъ» своимъ, «долгомъ службы», разлучить сестеръ, и сдѣлалъ-бы это, да неожиданно вмѣшалась старая Германія и заговорилъ «катехизмъ». Я увѣренъ, что Гаазъ былъ краснорѣчивъ и пылокъ не менѣе пастора, и у честнаго Миллера вдругъ задрожали струны нѣмца, который Бога все-таки боится. Онъ хоть сознаетъ, что тутъ «не мѣсто дѣлать катехизмъ», однако поддался катехизму и тѣмъ доказалъ, что какъ-разъ тутъ мѣсто этому катехизму, и болѣе, чѣмъ даже въ киркѣ. Оцѣните настойчивость стараго Гааза, его дерзость въ «борьбѣ», его мягкость въ ней, обращеніе всегда къ высокимъ, всегда къ завѣтнымъ чувствамъ противника. Въ то время, какъ противники прибѣгали къ нечестнымъ средствамъ борьбы — къ инсинуаціямъ, доносамъ, клеветѣ—у него всегда неизмѣнно одно средство напомнить Бога милосерднаго и Его вѣчный судъ, воззвать къ со-

вѣсти и состраданію противника. И не съ однимъ полицмейстеромъ Гаазъ вступалъ въ «дерзкія» пререканія. Одинъ очевидецъ разсказываетъ, напримѣръ, такую сцену. Однажды, при отправленіи арестантовъ въ Сибирь, оказалась «одна женщина, присужденная къ каторжнымъ работамъ; она уже поставлена была въ общій строй для шествія пѣшкомъ, когда пріѣхалъ гражданскій губернаторъ; на просьбу этой арестантки дозволить ей сѣсть на одну изъ телѣгъ, всегда сопровождающихъ конвой и назначенныхъ для дѣтей и слабосильныхъ, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказалъ; тогда приблизился къ ней докторъ Гаазъ и, удостовѣрившись въ крайнемъ истощеніи ея, обратился къ губернатору съ заявленіемъ, что онъ не можетъ дозволить отправленія ея пѣшкомъ; губернаторъ возражалъ и упрекалъ его въ излишнемъ добродушіи къ преступницѣ, но Гаазъ настаивалъ и, отозвавшись, что за больныхъ отвѣчаетъ онъ, приказалъ принять эту женщину на телѣгу, губернаторъ хотѣлъ отмѣнить это распоряженіе, но Гаазъ горячо сказалъ, что онъ не имѣетъ на это права, и что онъ тотчасъ донесетъ объ этомъ генералъ-губернатору Закревскому, тогда только губернаторъ уступилъ, и женщина отправлена въ телѣгѣ». «Возвратившись въ Москву, продолжаетъ разсказчикъ, я поѣхалъ къ Рогожской заставѣ, чрезъ которую проходилъ конвой арестантовъ, и здѣсь опять встрѣтилъ доктора Гааза, желавшаго удостовѣриться, не отмѣнены-ли его приказанія относительно слабосильныхъ арестантовъ, и вновь подошедшаго съ ободреніемъ и теплыми словами къ женщинѣ, сидѣвшей на телѣгѣ».

Видите, дочего къ сердцу герой этого романа принималъ интересъ тѣхъ дамъ, за которыми «ухаживалъ». Губернаторъ уступилъ, не дожидаясь «катехизма», а то бы и тутъ загремѣла библейская рѣчь, и въ концѣ концовъ Гаазъ—какъ всѣ знали—могъ «дойти до неприличной сцены» предъ арестантами. Однажды оскорблен-

ный старецъ, видя, что его объясненій не слушаютъ и смѣются надъ нимъ, «всталъ, какъ онъ пишетъ, — поднялъ руку къ небу и голосомъ, которымъ кричатъ *караулъ*, кричалъ: «объявлю предъ небомъ и землею, что мною въ семъ дѣлѣ ничего противузаконнаго не сдѣлано!» По темпераменту пылкій сангвиникъ, Гаазъ, при всей нѣжности своей души, наводитъ нѣкоторый страхъ на противниковъ. Однажды сенаторъ Анненковъ осматривалъ тюремный замокъ. Молодой и блестящій чиновникъ особыхъ порученій, желая заинтересовать посѣтителей, указалъ на арестанта, убившаго молодую жену изъ ревности. Чиновникъ вызвалъ арестанта впередъ и велѣлъ разсказать, *какъ* и *за что* онъ убилъ жену. Арестантъ «потупился, понурилъ голову, краска залила ему лицо, и, тяжело вздохнувъ, онъ началъ сдавленнымъ голосомъ свою исторію. Но не успѣлъ онъ сказать и десяти словъ, какъ отъ дверей камеры отдѣлился стоявшій въ нихъ старикъ съ энергическимъ лицомъ, одѣтый скромно и бѣдно, въ костюмъ начала столѣтія. Шагнувъ впередъ, онъ гнѣвно взглянулъ на чиновника, любезно старавшагося «занять» петербургскихъ гостей, и рѣзко сказалъ ему: «Какъ вамъ не совѣстно мучить несчастнаго такими вопросами? И зачѣмъ этимъ господамъ знать о его семейной бѣдѣ?»—а затѣмъ, повидимому, даже не допуская возраженій, повелительно крикнулъ разсказчику: «Не надо! не надо! не смѣй объ этомъ говорить!..» Чиновникъ особыхъ порученій сконфуженно улыбнулся и, презрительно пожавъ плечами, молча повелъ посѣтителей дальше. «Кто это?» спросилъ Арцимовичъ (бывшій тутъ) смотрителя.—«Это? Да развѣ вы не изволите знать?— Это Ѳедоръ Петровичъ; Ѳедоръ Петровичъ, докторъ Гаазъ!..»

XVII.

Даже лица, глубоко цѣнившія Гааза, какъ князь Голицынъ, иногда просто не знали, что дѣлать съ нимъ.

«Однажды, въ 1840 году, послѣ шумныхъ протестовъ Гааза противъ какого-то изъ постановленій комитета, князь сказалъ ему съ раздраженіемъ: «M-r Haas! si vous continuez, je vous ferais sortir d'ici par les gendarmes!»— на что послѣдній отвѣтилъ, улыбаясь: «Et vous n'y gagnerez rien, mon prince, car je rentrerai par la fenêtre ». Извольте «бороться» съ такимъ человѣкомъ, когда въ особенности сознаешь, что онъ не за себя хлопочетъ, что самъ онъ воплощенное самоотверженіе. Какъ-то, разсказываетъ біографъ, «священники Орловъ и Бѣлянивовъ были вынуждены сказать «безпокойному» старику, что «онъ дождется того, что его не станутъ приглашать въ комитетъ».—«Я самъ пріѣду», спокойно замѣтилъ Гаазъ.—«Предъ вами запрутъ двери!»—«Ну что-жь—я влѣзу въ окно...» И онъ влѣзъ-бы. Однажды на Гааза поднялась настоящая гроза—за то, что онъ принимаетъ въ больницу бродягъ и оборванцевъ сверхъ всякихъ штатовъ и комплектовъ. Ему слались выговоры и предписанія. Гаазъ *отмалчивался* или давалъ объясненія, признаваемыя «явно неудовлетворительными», но числа больныхъ все-таки не сокращалъ. Князь Щербатовъ, генералъ-губернаторъ, призвалъ его къ себѣ и, горячо упрекая, требовалъ сокращенія числа больныхъ до нормы. «Старикъ молчалъ, поникнувъ головою. Но когда послѣдовало категорическое приказаніе не смѣть принимать новыхъ больныхъ, пока число ихъ не окажется менѣе 150-ти,—онъ вдругъ тяжело опустился на колѣни и, ничего не говоря, заплакалъ горькими слезами. Князь Щербатовъ увидѣлъ, что его требованіе превышаетъ силы старика,—самъ растрогался и бросился подымать Ѳедора Петровича. Больше о больницѣ не было и рѣчи до самой смерти Гааза. По молчаливому соглашенію, всѣ, начиная съ генералъ-губернатора, стали смотрѣть на ея «безпорядки» сквозь пальцы. Гаазъ *выплакалъ* себѣ право неограниченнаго пріема больныхъ... Къ числу этихъ больныхъ, по его настойчивымъ ходатайствамъ,

были впослѣдствіи отнесены не только не нашедшіе себѣ пріюта въ другихъ больницахъ, но и подлежавшіе, по требованію господъ, тѣлесному наказанію при полиціи и заболѣвшіе до экзекуціи или послѣ нея.. Съ открытія больницы до смерти Гааза въ ней перебывало до 30.000 больныхъ». Не было власти, передъ которою мужественный нѣмецъ отступилъ-бы, когда надо было спасти несчастнаго.

Однажды въ московскій тюремный замокъ пріѣхалъ императоръ Николай I, неумолимая строгость котораго въ отношеніи безпорядковъ извѣстна. «Доброжелатели» Гааза указали государю старика 70-ти лѣтъ, приговореннаго къ ссылкѣ въ Сибирь и задерживаемаго докторомъ втеченіе долгаго срока въ Москвѣ по дряхлости. «Что это значитъ?»—спросилъ государь Гааза, котораго зналъ лично. Вмѣсто отвѣта, Ѳедоръ Петровичъ сталъ на колѣни. Думая, что онъ проситъ такимъ своеобразнымъ способомъ прощенія за допущенное имъ послабленіе арестанту, государь сказалъ ему: «Полно!—я не сержусь, Ѳедоръ Петровичъ, что это ты, — встань!» — «Не встану!»—рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ. «Да я не сержусь, говорю тебѣ... чего-же тебѣ надо?»—«Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, онъ дряхлъ и безсиленъ, ему очень тяжко будетъ идти въ Сибирь. Помилуйте его! Я не встану, пока вы его не помилуете»... Государь задумался... «На твоей совѣсти, Ѳедоръ Петровичъ», — сказалъ онъ наконецъ, и изрекъ прощеніе. Тогда, счастливый и взволнованный, Гаазъ всталъ съ колѣнъ».

Подумайте, многіе-ли изъ «героевъ» рѣшились-бы на такую дерзость. Ни Евгеній Онѣгинъ, ни Печоринъ на это не рѣшились-бы, я думаю. Они, конечно, не удостоили-бы и вниманія какого-то темнаго преступника, 70-лѣтняго старика, за котораго ратовалъ Гаазъ, и ужь если-бы стали падать на колѣни, то не иначе, какъ передъ тетушкой ради тепленькаго мѣстечка, хотя-бы и

въ томъ-же въ тюремномъ вѣдомствѣ, или передъ женой пріятеля, чтобы увлечь ее къ паденью...

XVIII.

Самый сильный, едва одолимый врагъ Гааза было чиновничье бездушіе, канцелярскій формализмъ, о который у насъ, какъ о каменную стѣну, разбивается часто все живое. Надо замѣтить, что кромѣ лѣченія больныхъ, осмотра и утѣшенія арестантовъ, собиранія имъ помощи и ходатайства за нихъ, кромѣ заботъ о крѣпостныхъ, бродягахъ и пр. и пр., Гаазъ навязалъ себѣ еще страшно тяжелую обязанность быть чѣмъ-то вродѣ юрисконсульта и повѣреннаго арестантовъ во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ. Ему казались необходимымъ «prêter aux exilés et détenus une oreille amicale dans tout ce qu'ils auront á communiquer..» причемъ приходилось писать прошенія, подавать ихъ, платить, безпрерывно ѣздить, брать справки и т. п. Всюду заставляли ждать, откладывали, затягивали дѣло Требовалось невѣроятное терпѣніе Гааза, чтобы одолѣвать это мертвое сопротивленіе. Одинъ товарищъ предсѣдателя разсказывалъ, по словамъ г. Кони, какъ «будучи еще молодымъ человѣкомъ и служа въ управленіи московскаго оберъ-полицмейстера, онъ былъ однажды, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, оторванъ отъ занятій старикомъ, назвавшимся членомъ тюремнаго комитета и просившимъ справки о положеніи дѣла о какомъ-то арестантѣ. Недовольный помѣхою и желая поскорѣе вернуться къ прерванному дѣлу, онъ рѣзко указалъ на какія-то формальныя неточности въ данныхъ, по которымъ просилась справка, и отказалъ въ ея выдачѣ. Старикъ торопливо поклонился и вышелъ. Между тѣмъ небо заволокло тучами и вскорѣ разразилась гроза, одна изъ тѣхъ, которыя обращаютъ на время московскія площади въ озера, въ которыя стремятся по крутымъ улицамъ и переул-

камъ цѣлыя рѣки... Чрезъ два часа старикъ снова потревожилъ молодого чиновника. На немъ не было сухой нитки... Съ доброю улыбкою подалъ онъ самыя подробныя свѣдѣнія по предмету своей просьбы. Оказалось, что онъ ѣздилъ за ними на край города, въ Хамовническую часть, *несмотря на ливень и грозу*... Это былъ, уже семидесятилѣтній Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ—и трогательный урокъ, данный имъ, вызывалъ чрезъ много лѣтъ у разсказчика слезы умиленія...»

Да, старый нѣмецъ умѣлъ-таки «служить», нужды нѣтъ, что служба его была имъ самимъ себѣ навязанная, безплатная, безъ всякой, конечно, награды. Съ открытія тюремнаго комитета до кончины Гааза, втеченіе почти 25 лѣтъ, было всего 293 засѣданія, и въ нихъ онъ отсутствовалъ всего *одинъ разъ*, но и то потому лишь, что захворалъ послѣ выговора за расширеніе притвора церкви, гдѣ арестанты могли бы молиться. Всего одинъ разъ старикъ проманкировалъ, да и этотъ на совѣсти его враговъ. Журналы тюремнаго комитета переполнены заявленіями и ходатайствами Гааза, написанными не по канцелярски, а горячимъ какъ-бы библейскимъ языкомъ, съ ссылками на Библію и Евангеліе. Ходатайства его считаются сотнями—и не только за арестантовъ. Двѣсти семнадцать разъ, напримѣръ, онъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы комитетъ вступился о разрѣшеніи дѣтямъ идти за крѣпостными родителями, ссылаемыми въ Сибирь. Тогда существовало жестокое «право», по которому помѣщикъ могъ родителей сослать, а дѣтей старше пяти лѣтъ оставить у себя. И помѣщики, конечно, пользовались этимъ правомъ, а особенно помѣщицы: по меньшей мѣрѣ въ трехъ-четвертяхъ всѣхъ случаевъ подобныхъ ходатайствъ комитета, ему приходилось имѣть дѣло съ помѣщицами. «Многія барыни, — говоритъ г. Кони,— возросшія на крѣпостной почвѣ, почувствовавъ въ рукахъ власть, какъ видно, быстро забывали и чувствительные романсы, и нравоучительные романы», и безсер-

дечіемъ своимъ превосходили мужчинъ-крѣпостниковъ Дочего скупо эти сантиментальныя дамы (то былъ вѣкъ сантиментальный) отпускали дѣтей съ родителями, показываетъ такой фактъ. Идутъ въ Сибирь восемь женатыхъ крестьянъ одной помѣщицы, и при нихъ жены, а дѣтей отпущено лишь двое на всѣхъ—мальчикъ 4 мѣсяцевъ и дѣвочка 6 лѣтъ. Чувствительныя барыни не замѣчали отчаянія матерей, разстающихся навѣки съ своими малютками, оставляя ихъ на произволъ столь милостивыхъ госпожъ. Но за всѣхъ русскихъ барынь замѣтилъ это горе русскихъ бабъ старый нѣмецъ въ Москвѣ. Онъ заволновался, загорѣлся и началъ кричать о помощи, какъ-будто у него отнимали собственныхъ дѣтей. Со всѣмъ нѣмецкимъ краснорѣчіемъ, опираясь на небесные законы, онъ ратуетъ въ комитетѣ и приводитъ, наконецъ, въ движеніе эту тяжелую канцелярскую машину. Машина сносится съ губернаторами и разными подлежащими властями, и Гаазу удается, хоть и съ величайшими усиліями, возвращать нѣкоторыхъ дѣтей родителямъ. Въ крайнемъ случаѣ Гаазу приходилось просто *выкупать* ребятишекъ, какъ маленькихъ невольниковъ. Въ 1843 году одна, должно быть, чувствительная помѣщица К. ссылала своего мужика съ женой и низачто не хотѣла отпустить съ ними ихъ трехлѣтнюю дочь. Комитетъ, по настоянію Гааза, ходатайствуетъ, указываетъ, что это даже противозаконно,—дама не сдается. Что дѣлать Гаазу? Законъ на его сторонѣ, но вѣдь дѣло пойдетъ по канцелярскимъ мытарствамъ, которыя достаточно извѣстны нѣмцу. «Пока судъ да дѣло», родителей зашлютъ Богъ знаетъ куда и потомъ все равно нельзя будетъ отправить за ними 3-хъ-лѣтняго ребенка. Гаазъ, «изобразивъ отчаяніе матери при объявленіи ей такового отказа», предлагаетъ помѣщицѣ «нѣкоторое денежное пожертвованіе, предлагаемое *черезъ него* однимъ *благотворительнымъ лицомъ*». Сколько онъ осушилъ

бабьихъ горькихъ слезъ—сказать трудно. Всего выкуплено, благодаря Гаазу, семьдесятъ четыре ребенка.

Сумма денегъ, «предлагаемая однимъ благотворительнымъ лицомъ», часто пускается въ ходъ, когда Гаазу ничего болѣе не остается дѣлать. Тутъ добрый нѣмецъ, конечно, немножко хитрилъ, дѣлалъ видъ, что кромѣ явныхъ благотворителей, у него есть и тайные. Возможно, что они и были, но исчезновеніе Богъ вѣсть куда собственнаго значительнаго состоянія Гааза, его дома, имѣнія, фабрики и пр. даютъ право думать, что подъ «неизвѣстною благотворительною особой» всего чаще скрывался все онъ-же, почтенный Ѳедоръ Петровичъ, ходившій въ заштопанныхъ чулкахъ и пившій смородинный листъ вмѣсто чаю. Благодаря строгой нѣмецкой экономіи, эта хитрая «неизвѣстная особа» могла въ 1847—48 гг., во время голода, когда арестантамъ уменьшился и безъ того голодный паекъ на $^1/_5$,—внести на улучшеніе ихъ пищи до 11 000 рублей. Такъ-какъ старикъ рѣшительно не зналъ никогда, гдѣ остановиться въ помощи бѣднякамъ, то онъ, когда распоряжался отъ имени комитета, всегда дѣлалъ перерасходъ, получалъ за это выговоръ и вынималъ переплаченное изъ своего кошелька. И онъ дѣлалъ это охотно, такъ-какъ изъ-за какихъ-нибудь 40 рублей канцелярія возбуждала «дѣло» на 143 листахъ и тянула цѣлые годы. Однажды вспыхнула среди арестантовъ тифозная эпидемія, необходимо было сейчасъ-же расширить помѣщеніе больницы. Гаазъ дѣлаетъ это и проситъ уплатить рабочимъ 290 рублей. Возникаетъ переписка, тянется два года, Гаазу дѣлаютъ упреки и выговоры и предоставляютъ самому заплатить—что онъ и дѣлаетъ. Замѣчаетъ Гаазъ, что среди арестантовъ есть больные грыжею, заказываетъ бандажи и проситъ казну заплатить,—опять отказъ, опять онъ самъ платитъ. Выходятъ арестанты изъ тюрьмы, кажется, Гаазъ могъ-бы съ ними попрощаться, какъ съ свободными гражданами, но онъ знаетъ, что этихъ гражданъ

встрѣчаетъ голодъ,—и опять является «благотворительная особа». Показалось ему, что одинъ арестантъ осужденъ въ Сибирь неправильно—Гаазъ проситъ отправить его не по этапу,—комитетъ отказываетъ. Гаазъ покупаетъ на собственный счетъ лошадь и отправляетъ бѣдняка, а когда невиновность того была доказана, высылаетъ ему 200 рублей «отъ благотворительной особы» для возвращенія изъ Сибири. При такомъ поведеніи немудрено, что хитраго нѣмца, когда онъ умеръ, пришлось хоронить полиціи. Заставилъ-таки и ее раскошелиться...

XIX.

Надо признаться, что раздраженіе всѣхъ начальствъ и канцелярій противъ безпокойнаго доктора было имъ хорошо заслужено. Онъ поистинѣ являлся иногда тираномъ ихъ. Въ міръ покоя и тишины, гдѣ все было благополучно, онъ вносилъ явный «безпорядокъ». Онъ поражалъ чиновниковъ возбужденіемъ вопросовъ совершенно «не относящихся къ дѣлу», «постороннихъ». Напримѣръ, онъ проситъ о помилованіи 64-лѣтняго старика Михайлова потому только, что тому надо кормить малолѣтняго Егорова, лѣчить его и т. д. Или проситъ объ освобожденіи трехъ «аманатчиковъ», черкесскихъ юношей, которыхъ пересылали съ Кавказа въ Финляндію. Имъ, въ виду разницы климата, грозила можетъ быть и вѣрная смерть, но развѣ это «относилось къ дѣлу»? Или вдругъ Гаазъ проситъ о старикахъ-раскольникахъ, увѣряя, что они вовсе не преступники, а просто «находятся въ глубочайшемъ невѣдѣніи о томъ, о чемъ спорятъ». То онъ настаиваетъ на ходатайствѣ о разрѣшеніи *сестрамъ* ссылаемыхъ слѣдовать за одинокими *братьями*, то хлопочетъ о разрѣшеніи арестантамъ видѣться съ родными въ день Новаго года, то проситъ комитетъ войти въ положеніе такого-то дворового мальчика, у котораго отъ отмороженныхъ ногъ отняли стопы,—сло-

вомъ, теребитъ комитетъ безпрестанно, безъ устали. Когда въ 1839 году ему запретили, наконецъ, свидѣтельствовать пересыльныхъ арестантовъ, чтобы имѣть покой отъ него, онъ сейчасъ-же обращается съ наивнымъ ходатайствомъ «обязать членовъ комитета бывать по очереди на Воробьевыхъ горахъ четыре раза въ недѣлю», иначе, видите-ли, какъ онъ заявилъ, арестанты вовсе останутся безъ призора. Комитетъ съ негодованіемъ кладетъ резолюцію, что «не усматриваетъ для его домогательства (!) законныхъ основаній». Онъ не унимается и проситъ комитетъ ходатайствовать о томъ, чтобы оставлять, не ссылая въ Сибирь, тѣхъ, «кои окажутся съ поврежденіемъ ума». На эту просьбу комитетъ «не полагаетъ никакого рѣшенія». Тогда просьбы начинаютъ пестрить цитатами изъ Екклезіаста, дѣло доходитъ до «катехизма». Ссылаютъ одного старика 63 лѣтъ—и незаконно, Гаазъ хлопочетъ. Комитетъ отказываетъ на томъ основаніи, что ссылаемый «самъ можетъ подать просьбу (о незаконности ссылки) по приходѣ въ Тобольскъ». Что оставалось дѣлать старому нѣмцу? «Если мы и впредь будемъ такъ дѣйствовать,—пишетъ онъ оффиціально,—то мы должны ожидать, что намъ будутъ сказаны слова Евангелія, взывавшимъ къ Спасителю «Не во имя-ли Твое мы проповѣдовали?» и коимъ было изрѣчено: «Поистинѣ не знаю васъ! Отыдите отъ Меня вси, творящіе неправду!» Согласитесь, что подобный тонъ и стиль не могли быть терпимы на службѣ. И затѣмъ эти теоріи Гааза, поражавшія своею странностью. Ему вынуждены поставить на видъ, что онъ доходитъ до того, что «милость» возводитъ въ «обязанность».—«Oui!—восклицаетъ неугомонный старикъ:—le mot de *grace* ne doit pas être prononcé parmi nous. D'autres visitent les prisoniers par grâce... nous autres, membres du Comité... nous faisons tout cela par devoir». Его упрекаютъ въ нарушеніи устава о ссыльныхъ, а онъ ссылается на Іисуса Христа, говорившаго, что не человѣкъ созданъ для суб-

боты, а суббота для человѣка. «Такъ и уставъ изданъ въ пользу пересыльныхъ, а не пересыльные созданы для устава» и пр. Согласитесь, что это на нервы дѣйствовало. По уставу Гаазъ могъ задерживать въ Москвѣ только больныхъ ссыльныхъ, но вдругъ узнаютъ, что имъ задержанъ здоровый.—Почему?—Потому-что у него жена рожаетъ въ 10 верстахъ отъ Москвы, надо-же ему ее дождаться.—А эти почему?—Потому-что къ нимъ идутъ проститься жены, дочери, сестры («Встрѣчи сихъ людей нельзя было видѣть безъ соболѣзнованія», пишетъ добрый нѣмецъ). Заболѣлъ ребенокъ у ссыльнаго, заболѣла старуха-мать и пр. и пр.—подобные «пустяки», не имѣвшіе ни малѣйшаго вѣса въ глазахъ тюремнаго начальства, спѣшившаго переправлять грузъ людей «при бумагахъ» по возможности правильнѣе и скорѣе,—такіе пустяки заставляли Гааза волноваться, «творить беззаконіе»—съ рискомъ за это каръ.

XX.

Болѣзнь, какъ и преступленіе, въ людяхъ языческаго, страстнаго типа вызываютъ дурныя чувства: къ преступникамъ — злобу, къ больнымъ — брезгливость. Животныя не терпятъ больныхъ животныхъ. Не такова любовь святая: она тянется къ страданію, какъ къ своей пищѣ, съ тѣмъ, чтобы вобрать въ себя зло и претворить въ благо. Г. Кони, припоминая извѣстную легенду объ Юліанѣ Милостивомъ, разсказываетъ не легендарный, а дѣйствительный случай изъ жизни Гааза. Ему показали «чрезвычайно интересную больную—крестьянскую дѣвочку. Одиннадцати-лѣтняя мученица эта поражена была на лицѣ рѣдкимъ и жестокимъ болѣзненнымъ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *водяного рака* (Noma), который втеченіе 4—5 дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица вмѣстѣ со скелетомъ носа и однимъ глазомъ. Разрушенныя омертвѣніемъ ткани рас-

пространяли такое зловоніе, подобнаго которому, говоритъ разсказчикъ, я не обонялъ затѣмъ втеченіе моей почти 40-лѣтней врачебной дѣятельности. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ *нѣжно любившая ее мать* не могли долго оставаться нетолько у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Одинъ Ѳедоръ Петровичъ, приведенный мною къ больной дѣвочкѣ, пробылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сидя на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дня, а въ третій—дѣвочка скончалась...»

Холера и теперь страшная болѣзнь, тогда-же она наводила панику. И чтобы разсѣять этотъ страхъ, Гаазъ перваго-же холернаго больного въ его больницѣ цѣловалъ при всѣхъ. «Чтобы доказать незаразительность холерныхъ своимъ товарищамъ, старикъ садился нѣсколько разъ въ ванну, изъ которой только-что вынутъ былъ холерный, и просиживалъ въ ней нѣкоторое время. Слухи объ этомъ, при его популярности въ простомъ народѣ, распространялись по Москвѣ и производили успокоительное дѣйствіе. Зная это, графъ Закревскій, вообще не долюбливавшій Гааза, обратился къ нему въ разгаръ холеры съ просьбою—при постоянныхъ разъѣздахъ по Москвѣ—останавливаться въ мѣстахъ стеченія народа и успокаивать его», что Гаазъ и дѣлалъ съ обычною охотой. Извѣстно, какъ многіе доктора страшатся заразиться отъ своихъ паціентовъ, а Гаазъ доходилъ до того, что жилъ съ больными. «Въ Мало-Казенномъ переулкѣ, при лечебницѣ была маленькая квартира изъ двухъ комнатъ, въ которой онъ поселился самъ,— и когда въ лечебницѣ не было мѣста, а поступали новые больные, Гаазъ клалъ ихъ въ своей квартирѣ и ухаживалъ за ними неустанно»...

Гаазъ совсѣмъ не былъ *благотворителемъ*, хотя и всю жизнь отдалъ на благо несчастнымъ. «Благотвори-

тели» обыкновенно эгоисты. «Ты, милочка, откуда»?—спрашиваетъ изящная дама, оглядывая въ лорнетъ бѣдную старуху.—Я съ Песковъ, матушка...—«Съ Песковъ? Ну, извини, — мы помогаемъ только въ Галерной гавани!»—И есть благотворители, напримѣръ, отъ пятой линіи Васильевскаго о-ва до угла одиннадцатой и ни на шагъ дальше. Или онъ жертвуетъ милліонъ на «вдовъ», но на «сиротъ» ему и гроша жаль.—это обратитесь къ Ивану Васильевичу, онъ на сиротъ жертвуетъ! Не таковъ былъ старый Гаазъ его душа откликалась рѣшительно на всякое страданіе, не разбирая ни пола, ни возраста, ни состоянія, ни націи, ни вѣры По профессіи глазной врачъ, онъ увлеченъ страданіями больныхъ, но вмѣстѣ его волнуютъ и страданія арестантовъ, и страданія крѣпостныхъ, и страданія должниковъ, сидящихъ «въ ямѣ», и ихъ семей, и страданія алкоголиковъ, страданія дѣтей и старцевъ, раскольниковъ и поляковъ, беременныхъ бабъ и сумасшедшихъ—трудно найти горе человѣческое, на которое онъ не откликнулся-бы. «У Газа нѣтъ отказа», сложилась въ Москвѣ пословица. И каждое горе отъ пытался одолѣть съ нѣмецкою основательностью—не сорвать верхушку, но вырвать самый корень.

Г. Кони писалъ свою книгу черезъ сорокъ почти лѣтъ послѣ смерти Гааза и лишь немногое успѣлъ возстановить изъ его забытой жизни, но и это немногое поражаетъ просто необъятно-кипучей дѣятельностью этого добраго человѣка. Въ своемъ «Призывѣ къ женщинамъ» онъ умоляетъ ихъ: «Спѣшите дѣлать добро!» Онъ и самъ спѣшитъ невѣроятно—и оттого такъ много и сдѣлалъ. «Умѣйте прощать, желайте примириться, побѣждайте зло добромъ. Не стѣсняйтесь малымъ размѣромъ помощи... Пусть она выразится дружескимъ привѣтомъ, словомъ утѣшенія... Старайтесь поднять упавшаго, смягчить озлобленнаго, исправить нравственно разрушеннаго». Этотъ странный герой, цѣломудренный и одинокій, хотѣлъ видѣть въ женщинѣ ангела, къ челу котораго не

должно касаться смрадное дыханіе страсти Изъ-за гроба, на французскомъ языкѣ, этотъ старый нѣмецъ пробуетъ еще разъ тронуть сердце тогдашнихъ дамъ свѣта, возбудить въ нихъ жалость къ гибнущему кругомъ человѣчеству.. «Женщина-христіанка, пишетъ онъ, должна подчинить росту своей чистоты все, что въ природѣ ея мужа нечистаго и животнаго, она должна, такъ сказать, переродить эту природу, потопивъ плотскаго человѣка со всѣми его дурными наклонностями и вожделѣніями въ безграничной христіанской любви...» Призваніе женщины—содѣйствовать перерожденію общественнаго порядка..

Казалось-бы, ничего новаго нѣтъ въ этихъ сентенціяхъ, но сколько старой, хорошей правды! Читая ихъ, понимаешь, что̀ давало необоримую силу этому старику. Онъ *вѣровалъ* въ добро, а не только говорилъ о немъ. Окруженный зломъ и борясь съ нимъ изо всѣхъ силъ, онъ не вѣрилъ, что оно зло: онъ считалъ его только ошибкой. «Любовь и состраданіе, говоритъ онъ, живутъ въ сердцѣ каждаго!.. Зло есть лишь результатъ ослѣпленія. Я не хочу и не могу вѣрить, чтобы можно было сознательно и хладнокровно причинять людямъ терзанія, заставляющія иногда пережить тысячу смертей до наступленія настоящей... «Не вѣдаютъ, что творятъ»... Прощеніе порождаетъ любовь. И «нужно много прощать, чтобы было много любви». Для тѣхъ, кто блуждаетъ въ погонѣ за счастьемъ, Гаазъ открываетъ свой секретъ счастья. «Самый вѣрный путь къ счастію не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми». Для этого нужно «любить людей, причемъ чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствіи». Простая, но великая истина—и самъ Гаазъ именно и былъ такимъ «магнитомъ въ дѣйствіи», и этимъ обязанъ своею колоссальною нравственною силою.

XXI.

Простой народъ благодарнѣе образованнаго общества. Онъ создалъ своему заступнику трогательные памятники. Въ Москвѣ до сихъ поръ называютъ бывшую полицейскую больницу — «газовскою». Въ отдаленномъ нерчинскомъ острогѣ до сихъ поръ вѣроятно теплится лампада предъ иконою св. Ѳеодора Тирона, сооруженная арестантами на свои скудные заработки, когда дошла до нихъ вѣсть о смерти «святого доктора»... Пересылаемые чрезъ Москву преступники можетъ быть впервые въ жизни видѣли въ лицѣ Гасса истиннаго *человѣка*, какимъ долженъ быть человѣкъ, и это видѣніе поражало ихъ на всю остальную жизнь, казалось чудеснымъ, было источникомъ умиленія и благодарныхъ слезъ. В. А. Арцимовичъ, по словамъ г. Кони, былъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. «При объѣздѣ губерніи онъ остановился однажды въ одномъ изъ селеній въ избѣ у бывшаго ссыльно-поселенца, давно уже перешедшаго въ разрядъ водворенныхъ и жившаго съ многочисленною семьею широко и зажиточно. Когда Арцимовичъ, уѣзжая, сѣлъ уже въ экипажъ, вышедшій его провожать хозяинъ, степенный старикъ съ сѣдою, окладистою бородою, одѣтый въ синій кафтанъ тонкаго сукна, вдругъ упалъ на колѣни. Думая, что онъ хочетъ просить какихъ-либо льготъ или полнаго помилованія, губернаторъ потребовалъ, чтобы онъ всталъ и онъ всталъ и объяснилъ, въ чемъ его просьба. «Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нѣтъ, и я всѣмъ доволенъ,—отвѣчалъ, не поднимаясь, старикъ,—а только... и онъ заплакалъ отъ волненія,—только скажите мнѣ хоть вы,—ни отъ кого я узнать толкомъ не могу,—скажите: *живъ-ли* еще въ Москвѣ *Ѳедоръ Петровичъ?*...»

Если это не награда любви, то что-же тогда любовь и что—награда?

Добрые люди долговѣчны. Несмотря на страшную трату сердца, несмотря на ежедневный непрерывный трудъ, физическій и душевный, Гаазъ бодро донесъ свою чистую жизнь до предѣловъ старости. Какъ праведника, дряхлость его почти не коснулась, и только несчастная случайность — карбункулъ, можетъ быть вынесенный изъ какой-нибудь трущобы,—остановила Божьяго путника. Въ семьдесятъ-три года,—если кое-что сдѣлано въ жизни, какъ у Гааза, — имѣешь право отдохнуть. Умиралъ этотъ одинокій нѣмецъ съ тѣмъ-же величіемъ, съ какимъ жилъ. Вѣроятно, къ собственному удивленію, онъ сидѣлъ наконецъ дома, въ своей комнатѣ, а не среди родной ему голи, сидѣлъ за ширмами, въ старыхъ креслахъ. «Его лицо, пишетъ очевидецъ,—какъ и всегда, сіяло какимъ-то святымъ спокойствіемъ и добротою... Онъ не только не жаловался на страданія, но вообще ни слова не говорилъ ни о себѣ, ни о своей болѣзни». Предчувствуя разлуку, старый Гаазъ особенно занимался своими несчастными. «Онъ дѣлалъ распоряженія, какъ человѣкъ, который готовится въ дальній путь... Онъ зналъ, что скоро умретъ, и былъ невозмутимо спокоенъ .. Только разъ сказалъ онъ своему другу, доктору Полю: «Я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столько страданій»... Когда Гаазъ почувствовалъ, что смерть совсѣмъ близка, онъ велѣлъ перенести себя въ большую комнату, открыть входныя двери и допустилъ къ себѣ всѣхъ, кто желалъ проститься съ нимъ. 16-го августа 1853 года чистая душа его отошла къ Богу.

Очевидцы говорятъ, что «тлѣніе пощадило его до самыхъ похоронъ, — привычная добрая улыбка застыла на губахъ». На похороны стеклась лишь малая часть несмѣтной семьи Гааза,—но все-же до двадцати тысячъ человѣкъ, и гробъ несли на рукахъ до кладбища Полицмейстеръ и казаки, присланные въ ожиданіи «безпорядковъ», съ изумленіемъ увидѣли только горячія

безмолвныя слезы этой осиротѣлой бѣдной толпы — и ничего больше.

Когда закончился жизненный романъ этого человѣка, въ бѣдной квартирѣ его нашли, кромѣ ветхой мебели и заношеннаго платья, всего нѣсколько рублей и мѣдныхъ денегъ, да старые телескопы, въ которые покойникъ разглядывалъ небо. Осталась еще упомянутая выше краснорѣчивая рукопись «Appel aux femmes»—воззваніе его къ доброму сердцу русскихъ женщинъ, его какъ-бы духовное завѣщаніе имъ.

Умеръ Гаазъ, давно истлѣло его старое, потрудившееся тѣло, но молодою, полною жизни перешла въ вѣчность его душа. Въ то время, какъ жизнь грубыхъ эгоистовъ исчезаетъ въ забвеніи людей со всѣми ихъ грѣхами и ошибками или живетъ какъ примѣръ безстыдства,—жизнь праведника изъ-за гроба продолжаетъ свѣтить людямъ, какъ нѣчто дивное, къ себѣ влекущее, творящее въ насъ какую-то новую хорошую жизнь.

Таковъ былъ старый нѣмецъ изъ Мюнстерейфеля, бѣдный Фридрихъ-Іосифъ Гаазъ, 73 лѣтъ похороненный гдѣ-то на пятомъ разрядѣ католическаго кладбища на Введенскихъ горахъ, забытый почти на цѣлые сорокъ лѣтъ всѣми, кромѣ жалкихъ преступниковъ въ сибирскихъ рудникахъ...

Серпуховскій циникъ *.

I.

Память о великихъ человѣколюбцахъ — вродѣ Ѳ. П. Гааза—есть самое дорогое народное достояніе. «Все мгновенно, все пройдетъ» въ неустанномъ бѣгѣ времени, и всякому народу, какъ и отдѣльному человѣку, можетъ быть не худо стараться забыть многое изъ своей тревожной жизни. Но что нельзя забыть, что забыть постыдно—это тѣхъ святыхъ людей, которые сходили какъ-бы свыше въ міръ нашъ, чтобы согрѣть его и освѣтить. Съ величайшимъ вниманіемъ всматриваться въ этихъ людей, укрѣплять ихъ душу въ своей собственной—и долгъ, и необходимость для потомства. Къ сожалѣнію, истинные подвижники—вродѣ Гааза—остаются часто въ тѣни забвенія, а легковѣрная память людей иногда приковывается къ людямъ сомнительнаго и даже ложнаго величія. Исторія всѣхъ временъ проникнута миѳологіей, которая вовсе не есть принадлежность одной древности.

* Матеріаломъ для этого очерка послужили статьи мои: «Дознаніе» въ VIII «Кн Недѣли» за 1895 г и «Литературное слѣдствіе» въ №№ 37, 38 и 41 и вызванныя ими возраженія и письма Въ интересахъ истины здѣсь прибавлено все то, что я могъ найти заслуживающаго довѣрія *въ пользу* князя В. В. Вяземскаго, и исправлена одна моя удостовѣренная ошибка (о службѣ Вяземскаго въ Серпуховской больницѣ) Во всемъ остальномъ я считаю факты моего разслѣдованія не опровергнутыми. Выбрасываю лишь нѣкоторыя, слишкомъ грубыя подробности въ разсказахъ крестьянъ.

Миѳологія сопутствуетъ исторіи даже нашихъ дней, измѣнившись лишь въ содержаніи. Волшебное, казавшееся въ древности возможнымъ, замѣнилось тѣмъ, что считается возможнымъ теперь и что, можетъ быть, будетъ сочтено невѣроятнымъ потомъ. Нетолько въ общенародной исторіи, но въ жизни какого хотите замкнутаго кружка, на глазахъ внимательныхъ наблюдателей, возникаютъ и вѣтвятся легенды, которыя, не будучи въ свое время опровергнуты, остаются какъ историческій матеріалъ. Иногда эти легенды носятъ мрачный характеръ, иногда—напротивъ, торжественный, иногда сентиментальный, комическій и т. п. Похвала и хула одинаково нечужды искаженія, панегиристы прибѣгаютъ ко лжи не рѣже, чѣмъ клеветники. Въ обоихъ случаяхъ, мнѣ кажется, страдаетъ то, что всего дороже въ жизни—*правда*. Поэтому долгъ всѣхъ людей бороться съ миѳами своей эпохи и разрушать легенды при ихъ возникновеніи. Исторію одной, мною разоблаченной легенды, я и разсказываю ниже.

Въ теченіе трехъ лѣтъ—1892—1895 гг.—въ русской печати держалось сказаніе о нѣкоемъ великомъ подвижникѣ, который будто-бы жилъ въ самомъ сердцѣ Россіи—въ Москвѣ—и сошелъ въ могилу 82 лѣтъ отъ-роду, никѣмъ незамѣченный и не оцѣненный. Первое извѣстіе о необыкновенномъ человѣкѣ появилось въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 242 за 1892 г.). За подписью А. М—фель сообщалось, что въ Серпуховѣ, на простой койкѣ земской больницы, скончался князь В. В. Вяземскій Жизнь его была необыкновенна. «Еще въ 1856 году, по словамъ некролога, князь поселился на живописныхъ берегахъ Нары, одинъ одинешенекъ, въ дремучемъ сосновомъ бору, въ уютномъ деревянномъ домикѣ, на высокомъ крутомъ холмѣ прелестной рѣки», и прожилъ здѣсь тридцать лѣтъ, «занимаясь чтеніемъ и работами, внося всюду свѣтъ, добро и живое человѣче-

ское сердце» Князь, по словамъ некролога, былъ «глубоко-гуманный человѣкъ съ самой нѣжной и отзывчивой душой, которая неотразимо вліяла на всѣхъ окружающихъ и привлекала къ себѣ каждаго... Уважая выше всего человѣческую личность, ненавидя произволъ, хотя-бы и легальный, князь въ 1850—1852 гг. отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крестьянъ Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ, взявъ съ нихъ небольшой, посильный выкупъ, который немедленно роздалъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ, входя во всѣ ихъ нужды. Зато и крестьяне боготворили своего батюшку-князя, они за счастье почитали поработать на него, дать ему пріютъ, накормить его въ хатѣ». Когда у князя не было «хлѣба и пищи», онъ спускался къ берегамъ Нары и громко кричалъ: «Хлѣба нѣтъ!» И на этотъ крикъ всѣ его бывшіе крѣпостные и сосѣдніе крестьяне—«бѣдный и богатый, наперерывъ спѣшили къ нему съ припасами»—хлѣбомъ, молокомъ, медомъ и пр., такъ-что растроганный князь сравнивалъ себя съ Ильею пророкомъ, котораго кормили вороны, и считалъ это высшей своей гордостью. «Природа, говорилось въ некрологѣ, наградила князя необыкновенными способностями: онъ былъ отличный кузнецъ, столяръ, слесарь, архитекторъ, рѣзчикъ», онъ «всю жизнь трудился и работалъ въ потѣ лица», «дѣлалъ плуги, молотилки, вѣялки, мебель, рояли, иконостасы... При феноменальной памяти, онъ владѣлъ чрезвычайно обширными познаніями въ естественныхъ наукахъ», «ревностно слѣдилъ за новѣйшими открытіями въ области химіи (его любимой науки), физики, анатоміи, физіологіи, ботаники и механики. Своими познаніями онъ удивлялъ спеціалистовъ науки, и профессоровъ Либиха, Менделѣева, Функе зналъ наизустъ». Сверхъ всего этого, онъ увлекался и искусствами: музыкой, скульптурой, архитектурой. «До конца жизни, говорилось въ некрологѣ онъ (князь) жилъ съ простымъ народомъ душа въ душу... *Чистый и дѣвственный*

во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ, князь Василій Васильевичъ не понималъ прелести богатства и собственности: онъ немедленно раздавалъ ихъ друзьямъ и нуждающимся». Авторъ некролога съ грустью припоминаетъ слова Пушкина о томъ, что «замѣчательные люди проходятъ у насъ безслѣдно», что мы лѣнивы и нелюбопытны, но, по его-же словамъ, въ городѣ Серпуховѣ и уѣздѣ князь пользовался громкой славой, такъ что на похороны его явилось «духовенство, пѣвчіе, земцы и огромная толпа народа», на пути служились «безчисленныя панихиды» по желанію... «даже маленькихъ дѣтей, и много было пролито искреннихъ, горячихъ слезъ...»

II.

Эта статейка о князѣ Вяземскомъ обратила на себя вниманіе, я помню, съ какимъ живымъ интересомъ я прочелъ ее: выдающіеся люди, особенно нравственно выдающіеся, такъ рѣдки. Я сталъ ждать новыхъ сообщеній. Черезъ немного времени въ той-же газетѣ (№ 257) появилась новая статья о князѣ Вяземскомъ, подписанная небезъизвѣстнымъ публицистомъ и бывшимъ прокуроромъ г. Обнинскимъ. Его статья рекомендовала некрологъ какъ вещь, «полную глубочайшаго интереса». Г. Обнинскій начинаетъ прямо съ заявленія, что «нравственный обликъ, духовная природа и вся жизнь (князя) являли собою рѣдкое по *недосягаемой высотѣ* своей исключеніе среди нормальныхъ, но недюжинныхъ, однако, человѣческихъ современныхъ ей существованій». Если въ некрологѣ проскользнуло сравненіе князя съ пророкомъ Иліей, то г. Обнинскій не обинуясь сравниваетъ его съ Іоанномъ Крестителемъ—по наружности, въ душевномъ-же отношеніи ставитъ князя даже выше великаго пророка: «Замѣчательное сходство (съ Іоанномъ Крестителемъ, какъ онъ изображенъ на картинѣ Иванова) нѣсколько нарушалось необыкновеннымъ добродушіемъ, кротостью,

простотой и ясностью души, которыя свѣтились въ глазахъ, сказывались въ улыбкѣ (князя) и сообщали нѣчто младенчески чистое всей его широкоплечей фигурѣ и классическимъ очертаніямъ прекраснаго лица съ высокимъ, «обвѣяннымъ думами челомъ».

Какъ видите, въ князѣ было чрезвычайно рѣдкое сочетаніе всѣхъ совершенствъ, физическихъ и духовныхъ: «всесторонне образованный, пытливый умъ, необычайная сила самообладанія, презрѣніе къ внѣшнимъ благамъ и усладамъ жизни, *нѣжное, любвеобильное сердце* и прямодушная простота, не сознающая собственнаго величія». Все свое состояніе князь, по увѣренію г. Обнинскаго, «роздалъ крѣпостнымъ и нищимъ и жилъ лишь для блага другихъ и *собственнаго самоусовершенствованія* въ высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи этого слова.»

Утомительно читать, до какой необыкновенной степени былъ идеаленъ князь во всѣхъ мельчайшихъ чертахъ нравственной, умственной, эстетической, физической и всякой другой стороны души, какъ онъ любилъ свободу «въ высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи», какъ онъ «освободилъ свой умъ отъ традиціонныхъ предразсудковъ, а сердце—отъ равнодушія къ судьбѣ ближняго», какъ онъ смолоду совлекъ съ себя «ветхаго Адама» и ушолъ на свою живописную гору и слился съ окружающею бѣднотою», и какъ «эта бѣднота возлюбила и *поняла* (князя), съ горькими и искренними слезами *несмѣтною толпою* проводила она гробъ на кладбище для бѣдныхъ «за оградою», гдѣ самъ онъ завѣщалъ похоронить себя...»

Г. Обнинскій пишетъ очень краснорѣчиво, съ пріемами старинной элоквенціи — все въ превосходной степени, не страшась гиперболъ. «Среди нашей общественности, говоритъ онъ, — еще слишкомъ мало мѣста для *такихъ* дѣятелей (какъ князь), еще слишкомъ невеликъ спросъ на нихъ, и сами они, скромные, непокладливые и независимые, предпочитаютъ оди-

чество и не выходятъ на общую дорогу. Но развѣ жизнь, исполненная самоотреченія и любви, отданная на благо неимущихъ и обездоленныхъ, причемъ «благотвореніе» въ самосознаніи дѣятеля возвышалось лишь на степень честнаго раздѣла, развѣ такая жизнь не есть общественный подвигъ, вѣчно и наглядно напоминающій обществу тѣ «заклятыя (?) слова», которыми держится міръ и на которыя уповаетъ будущность человѣчества? Живымъ идеаломъ стоитъ передъ нами величавый образъ 80-ти-лѣтняго старца, могучій, юный и непорочный, «безъ страха и упрека». Живымъ бодрящимъ протестомъ свѣтится его долгая жизнь въ томъ широко раскинутомъ холодномъ сумракѣ, который плодитъ и множитъ молодые, но уже дряблые умы и сердца современныхъ ему пигмеевъ, извѣрившихся въ науку, еще не зная ея, въ народъ, не полюбивъ его, и въ правду, не постоявъ за нее, но ревностныхъ и свѣдущихъ всюду, гдѣ дѣло идетъ объ ихъ личномъ благополучіи и тѣхъ «прелестяхъ богатства», которыхъ не понималъ покойный князь. Сколько смѣнится поколѣній, пока личности, подобныя князю, перестанутъ быть замѣчательными и исключительными! А до тѣхъ поръ долгомъ каждаго, кому далось познать ихъ, будетъ такъ или иначе озаботиться о томъ, чтобы они не исчезали у насъ безслѣдно и яркимъ, для всѣхъ видимымъ свѣтечемъ горѣли на томъ пути, который одинъ только ведетъ къ возможному счастью на землѣ».

III.

Неправда-ли, сказано очень прочувствованно и красиво? Статья г. Обнинскаго усилила впечатлѣніе о серпуховскомъ подвижникѣ, вынесенное изъ некролога г. А. М—феля. Князя замѣтили въ печати, статьи о немъ стали перепечатывать, о князѣ заговорили. Всѣ удивлялись: какъ это такой необыкновенный человѣкъ

до самой смерти, до 82 лѣтъ, жившій въ 70-ти верстахъ отъ Москвы, а послѣдніе годы жившій въ городѣ—какъ онъ не былъ никѣмъ замѣченъ? Какимъ образомъ рѣшительно никто не подозрѣвалъ о его существованіи—въ наше-то время, когда за каждымъ, чуть-чуть замѣчательнымъ праведникомъ тянутся сотни и тысячи (а за иными и сотни тысячъ) поклонниковъ, когда провинція кишитъ корреспондентами? Какъ проглядѣлъ Серпуховъ, Москва, вся Россія великаго пророка, который полъ столѣтія жилъ въ самомъ центрѣ страны?

Все это было поразительно, но припоминались извѣстныя слова Пушкина о замѣчательныхъ людяхъ, исчезающихъ у насъ безслѣдно... Дѣйствительно, Россія—океанъ людей, и какъ киты въ океанѣ, даже крупныя личности легко въ ней тонутъ, поглощенныя темной, отовсюду наплывающей средой. Особенно, если великій серпуховскій праведникъ былъ скроменъ и жилъ на днѣ народной массы: вѣдь кто зналъ-бы о Сютаевѣ и Бондаревѣ, еслибы Л. Н. Толстой не вынесъ ихъ именъ на свѣтъ Божій, кто зналъ-бы о докторѣ Гинденбургѣ, еслибы не Достоевскій, о докторѣ Гаазѣ, еслибы не г. Кони и пр. Пророки всегда приходили и столь часто были непризнанными. Весьма возможно, что и теперь появился истинный народозаступникъ, мудрецъ, отдавшій себя—какъ Гаазъ—тихо и скромно на служеніе темному, окружавшему его человѣчеству. Съ большимъ нетерпѣніемъ *я* и, очевидно, и многіе другіе читатели—стали ждать подробностей о великомъ человѣкѣ. Разъ онъ открытъ — память о немъ должна сдѣлаться общественнымъ достояніемъ. Но прошолъ годъ, другой—и о князѣ Вяземскомъ не появилось ни строчки новой. Изъ Серпухова ни подтвержденій, ни опроверженій, точно это не городъ, а глухое болото. Наконецъ, осенью 1894 года появилась долгожданная біографія князя Вяземскаго въ двухъ книжкахъ покойнаго «Сѣвернаго Вѣстника». Журналъ это былъ мало читаемый, даже погибшій отъ недо-

статка подписчиковъ, но въ то время онъ пользовался поддержкою гр. Л. Н. Толстого. Можно было думать, что по этой причинѣ біографія серпуховскаго подвижника была помѣщена именно въ этомъ журналѣ: уже изъ краткаго некролога Вяземскаго чувствовалось что-то «толстовское» въ старомъ князѣ. Съ понятнымъ интересомъ я развернулъ біографію.

Торжественный эпиграфъ изъ Георга Крабба подготовлялъ читателя къ повѣсти о великомъ мужѣ; историческая справка о родѣ князей Вяземскихъ, начиная отъ Рюрика и Мстислава Великаго, связывала это величіе съ незапамятной древностью. Наконецъ, описывалась жизнь подвижника съ его младенчества. Новый біографъ, г. В. Корсаковъ передавалъ кое-какія фактическія данныя, крайне скудныя, но зато подробно останавливался на душевныхъ настроеніяхъ своего героя въ молости, 60—70 лѣтъ назадъ. Попавъ на Кавказъ двадцатилѣтнимъ юношей, будущій подвижникъ остается тамъ цѣлыя 15 лѣтъ, причемъ, несмотря на «беззавѣтную храбрость», едва дослуживается до чина подпоручика. «Онъ воюетъ, пишетъ біографъ,—и въ то-же время ненавидитъ войну. Война съ ея злодѣйствомъ и ужасами поражаетъ своимъ безсмысліемъ его душу. Въ передышкахъ между боями, онъ тяготится обычнымъ препровожденіемъ времени своей среды. Для него непонятны попойки, азартныя игры; онъ не можетъ увлечься дикими оргіями людей, закопченныхъ въ пороховомъ дыму, только-что обрызганныхъ человѣческою кровью. Его пылкую молодую голову осаждаетъ какъ кошмаръ цѣлый рой вопросовъ. Онъ силится разобраться въ нихъ, силится уяснить себѣ цѣль и задачи жизни...» Читатель припоминаетъ, что нѣчто подобное, судя по кавказскимъ разсказамъ, переживалъ и гр. Л. Н. Толстой. Глухо упомянувъ о бракѣ князя съ В. А. Поливановой, г. Корсаковъ сейчасъ-же начинаетъ разсуждать: «Тихія радости семейнаго очага не могутъ, однако, наполнить жизни князя. Онъ попрежнему ищетъ

разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній. Ему не даютъ покоя «вѣчные вопросы», онъ безпрестанно задумывается надъ тѣмъ, «какъ надо жить?» Далѣе въ томъ-же благоговѣйномъ тонѣ описывается, какъ князь тяготился свѣтскою жизнью, предоставивъ ее женѣ, какъ онъ погрузился въ науку, какъ онъ заперся на шесть лѣтъ въ кабинетѣ и занимался «неусыпно и упорно» математикой, механикой, естествознаніемъ, главнѣйшими философскими системами и прилежнымъ изученіемъ Библіи... Но книжная мудрость его, какъ и графа Толстого, не удовлетворила, навственные вопросы не давали ему покоя. «Его мучило сознаніе, что онъ, какъ помѣщикъ, владѣющій нѣсколькими тысячами душъ крестьянъ, самъ поддерживаетъ вопіющее зло рабства...» Но онъ будтобы встрѣтилъ немало затрудненій и препятствій, «и только въ 1850 году князю удалось отпустить на волю всѣхъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ». Далѣе описывается, какъ «сознаніе о необходимости для каждаго человѣка физическаго труда» побудило князя взяться за ремесла, какъ онъ принялся столярничать, точить, переплетать книги, вперемежку съ чтеніемъ Лейбница, Канта и Гегеля и изученіемъ дифференціальныхъ уравненій, въ то самое время, какъ «въ салонахъ его жены толпились представители сытаго, обезпеченнаго и ничего не дѣлающаго барства его времени», описывается, какъ «изрѣдка въ салонахъ показывался князь въ своемъ рабочемъ костюмѣ съ ремешкомъ на головѣ и обходилъ освѣщенныя залы..»

IV.

Родовитый князь, кровный «рюриковичъ» съ ремешкомъ на головѣ и въ рабочей блузѣ! Читателю біографіи тотчасъ-же невольно представлялся другой русскій аристократъ, графъ Л. Н. Толстой съ ремешкомъ на головѣ. Но разница та, что князь будто-бы на четверть вѣка предупредилъ графа въ обращеніи къ физическо-

му труду. Невольно напрашивалась и другая параллель: сколько извѣстно изъ отрывочныхъ свѣдѣній о жизни Л. Н. Толстого, и онъ, подобно Вяземскому, служилъ на Кавказѣ, воевалъ и пришолъ къ отрицанію войны, и онъ занимался разными науками и музыкой, и у него нравственные вопросы были на первомъ планѣ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ біографіи Вяземскаго параллель эта становится поразительной, и не въ пользу Толстого. Не говоря уже о томъ, что князь на десятки лѣтъ раньше пришолъ къ идеямъ Толстого, онъ чрезвычайно строго и послѣдовательно провелъ ихъ въ своей жизни: убѣдившись въ обязанности отказаться отъ имущества князь и отказывается отъ него, убѣдившись въ благотворности физическаго труда, онъ и трудится, убѣдившись въ необходимости бѣжать изъ города въ деревню—онъ и бѣжитъ, устраиваясь въ дремучемъ лѣсу. Наконецъ, убѣдившись въ важности цѣломудренной жизни, онъ отказывается отъ жены, еще не будучи старикомъ. Онъ весь отдается мудрости и служенію бѣднякамъ, утѣшая ихъ и работая на нихъ.

Мы не будемъ слѣдить по біографіи, какъ увлекался князь искусствами: музыкой, скульптурой, архитектурой «всѣхъ странъ и народовъ», остановимся только на «задачахъ высшаго порядка», которыя въ жизни князя были выдвинуты «на первый планъ». Подобно Толстому, онъ разочаровался въ наукѣ: «Въ силахъ-ли эта наука, даже самыя сокровенныя ея глубины, повлiять на нравственность человѣчества? Этотъ мчащійся на всѣхъ парахъ прогрессъ, прогрессъ чисто матеріальный, не вызываетъ-ли онъ безконечную конкурренцію между людьми? И конкурренція, въ свою очередь, не разъединяетъ-ли людей, не вовлекаетъ-ли она ихъ въ безконечную вражду?.. И что, наконецъ, общаго между основами такъ-называемой цивилизаціи и вѣчными, святыми истинами евангелія, одно стремленіе къ которымъ способно безпрерывно улучшать отношенія людей и вести ихъ къ еди-

ненію и равноправности?—Вотъ вопросы!» Вы видите, что даже сомнѣнія относительно науки и цивилизаціи князь Вяземскій предвосхитилъ съ буквальною точностью у графа Л. Н. Толстого. Это поразительное совпаденіе — безъ упоминовенія имени графа—тянется красной нитью чрезъ всю біографію. Подобно Л. Н. Толстому, князь Вяземскій переживалъ время колебаній и пришолъ къ выводу, что нужно жить «за собственный страхъ, не сидя ни у кого на плечахъ, нетолько непосредственно, но и косвенно», причемъ описывается, какъ это было для него трудно сдѣлать, пока онъ жилъ «обезпеченнымъ человѣкомъ въ Москвѣ, въ особенномъ домѣ съ женой, которая слышать не хочетъ ни о какихъ идеяхъ, а тѣмъ болѣе объ измѣненіи своей свѣтской разсѣянной жизни». Какъ и Толстого, князя Вяземскаго вѣчно преслѣдуетъ вопросъ: «Какъ надо жить?» и онъ рѣшаетъ: «бросить навсегда городъ и поселиться въ деревнѣ». Мотивы этого рѣшенія—чисто толстовскіе.

Какъ и Толстой, князь не вѣритъ въ филантропію и «приходитъ къ заключенію, что помогать можно и должно только совѣтомъ и своимъ личнымъ трудомъ для людей», и уже за двадцать лѣтъ до графа князь клалъ печи себѣ и крестьянамъ. Какъ и Толстой, князь нигдѣ не служилъ по принципу, довольствуясь «ежесекуднымъ, прямымъ общеніемъ съ безпомощнымъ крестьянствомъ» окружныхъ деревень. «Желаніе смѣшаться съ толпой, быть незамѣтнымъ, скромнымъ труженикомъ, работать надъ личнымъ самоусовершенствованіемъ, подавлять въ себѣ эгоизмъ, быть безпощадно строгимъ къ себѣ и снисходительнымъ къ людямъ, жить для людей—вотъ что съ каждымъ годомъ все шире и шире захватывало эту большую душу, не знавшую предѣловъ для подвиговъ милосердія, самоотреченія и дѣятельной любви». Во внѣшнемъ опрощеніи князь превзошолъ Толстого: онъ ходилъ въ полушубкѣ, лѣтомъ—босой, безъ шапки. Какъ и Толстой, князь отрицалъ деньги, отрицалъ суды,

отказывался отъ присяжнаго засѣдательства, говоря, что онъ не призванъ судить людей, и его штрафовали за неявку. Подобно Толстому—и даже строже его князь отрицалъ вино и табакъ, не любилъ мяса и питался простой крестьянской пищей, чувствовалъ антипатію къ докторамъ и тепершнему духовенству и т. д. Сходство съ Толстымъ фотографическое. Одиннадцатая глава біографіи г. Корсаковымъ прямо озаглавлена: «Учитель жизни», и здѣсь совпаденіе князя съ Толстымъ еще разительнѣе: «Основою жизни князь признаетъ любовь», изъ которой должны вытекать всѣ отношенія между людьми... Истинная религія заключается въ непрерывномъ стремленіи и движеніи къ Богу, къ свѣту, къ добру, къ истинѣ въ духѣ самоотверженной любви къ ближнему». Подобно Толстому, князь сочувствовалъ конфуціанской философіи и былъ полонъ «горячей преданности ученію Христа» и пр. и пр. Былъ у князя и свой Сютаевъ — мудрецъ изъ народа, столяръ Кузьмичевъ, сектантъ. Сходство внутреннее съ Толстымъ при нѣкоторомъ внѣшнемъ различіи до того точно, что становится подозрительнымъ... Въ біографіи г. Корсаковъ описываетъ нѣсколько трогательныхъ случаевъ изъ жизни князя и рисуетъ, какъ и г. Обнинскій, въ общемъ величавый, легендарный образъ: «Князь напоминаетъ собою какого-нибудь мудреца древности, передающаго толпящимся около него ученикамъ все, что онъ знаетъ. Всѣ приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе невольно чувствовали въ немъ присутствіе высшаго духа, чуждаго низменныхъ, будничныхъ интересовъ и пошлыхъ мірскихъ вожделѣній... Каждый при князѣ хотѣлъ быть человѣкомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ этого слова. Не одинъ человѣкъ, бесѣдуя съ княземъ, невольно заглядывалъ въ свою собственную душу, ужасался своему паденію, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ еще необорванными тѣ вѣщія струны души, до которыхъ съ такою деликатностью умѣлъ дотрогиваться князь, будя человѣка,

подкрѣпляя его истерзанное сердце и властно вызывая на широкій подвигъ самосовершенствованія для жизни въ духѣ и истинѣ».

Исчерпавъ всѣ похвалы князю, г. Корсаковъ оканчиваетъ біографію торжественною картиною похоронъ, гдѣ и «толпа рыдала», и «небо было покрыто тучами», и маленькія дѣти служатъ литію, и припоминаются слова Гете у гроба Шиллера и пр. Наконецъ, въ видѣ прощальнаго гимна, повторяется «глубоко - правдивый взглядъ» г. Обнинскаго приведенный выше: «Живымъ идеаломъ стоитъ передъ нами величавый образъ 80-лѣтняго старца, могучій, юный и непорочный, безъ страха и упрека» и пр и пр.

V.

О князѣ Вяземскомъ заговорили. Газеты перепечатывали выдержки изъ біографіи. Начали появляться статьи съ указаніемъ на князя, какъ на примѣръ великаго подвижника и народолюбца. Въ обществѣ, въ кружкахъ, сочувствующихъ нравственному движенію послѣднихъ лѣтъ, біографія Вяземскаго читалась нарасхватъ. Извѣстный романистъ г. Боборыкинъ ухватился за князя, какъ за great attraction на литературной сценѣ, и тотчасъ-же вывелъ его въ романѣ «Перевалъ» въ образѣ стараго князя Жеребьева - Зарайскаго, раздавшаго все крестьянамъ и живущаго въ лѣсной избушкѣ. Какъ говорятъ (самъ я не видѣлъ), въ одномъ духовномъ журналѣ появилась нравоучительная статья съ указаніями на высокую жизнь князя. Одна издательская фирма задумала издать біографію праведника для народнаго чтенія, а другая фирма, по слухамъ, уже выпустила такую біографію. Въ обществѣ заговорили.— «Что графъ Толстой! Что онъ сказалъ новаго? Онъ только подражалъ, да и то плохо, Вяземскому. Вотъ настоящій учитель жизни, вотъ пророкъ!» Наконецъ, по-

рицанія Толстому перешли и въ печать. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» извѣстный публицистъ Р. И. Сементковскій посвятилъ большую статью князю Вяземскому, гдѣ категорически утверждаетъ, что «*графъ Толстой списалъ точка въ точку все свое ученіе*» съ Вяземскаго. «Не знаемъ, говоритъ г. Сементковскій, — почему до сихъ поръ въ нашей литературѣ не обращено вниманія на полное совпаденіе дѣятельности и жизни князя Василія Вяземскаго съ нравственно-философскимъ ученіемъ графа Льва Толстого... Князь Вяземскій давно практически осуществилъ то, что теперь теоретически проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой». Дальше отмѣчается «поразительное совпаденіе», «полное совпаденіе» князя и графа, и Толстой прямо называется «ученикомъ» его, даже въ мелочахъ «копирующимъ князя». Предпочтеніе отдается, конечно, оригиналу, а не копіи. «Всякій изъ насъ, говоритъ г. Сементковскій, съ глубокимъ уваженіемъ отнесется къ великой нравственной силѣ, которая таилась въ его (князя) возвышенной душѣ. Онъ не былъ героемъ слова, онъ былъ героемъ дѣла. Всякую мысль свою онъ воплощалъ въ дѣйствіи, какъ-бы это ни было для него тяжело. Князь Вяземскій не дѣйствовалъ «на людяхъ»: онъ велъ себя такъ скромно и тихо, что объ его великомъ подвижничествѣ никто почти въ Россіи не слыхалъ, только послѣ его смерти о немъ заговорили и то ненадолго, «*въ то время, какъ провозвѣстники его идей* (намекъ на Л. Н. Толстого) шумѣли нетолько на всю Россію, но и на всю Европу. Князь былъ истинный подвижникъ, и великъ былъ его подвигъ, рѣдко кому доступный, потому-что требуется исключительная нравственная сила, чтобы совершить такой подвигъ» и т. д.

Такимъ образомъ, совершенно неожиданно въ русскомъ обществѣ и литературѣ сталъ устанавливаться совсѣмъ новый взглядъ на гр. Л. Н. Толстого. Оказывалось, что его нравственно-философское, нашумѣвшее во всемъ свѣтѣ ученіе не принадлежитъ ему, что оно имъ

заимствовано безъ упоминанія источника, «точка въ точку списано» съ ученія и жизни таинственнаго серпуховскаго подвижника, котораго имя чуть было вовсе не погибло для потомства. Какъ хотите, а фактъ этотъ очень любопытенъ — просто даже для исторіи литературы. Толстой — имя міровое, какъ Гете, Байронъ и т. п. Исторія его духа очень поучительна. И если печать долго волновалась съ вопросомъ, кто сочинилъ «Петербургскія трущобы», когда возникъ слухъ, что авторъ ихъ—покойный Крестовскій—пріобрѣлъ рукопись романа у Помяловскаго и пустилъ подъ своимъ именемъ,—если цѣлый рядъ литераторовъ вступились за Крестовскаго и отстояли за нимъ право на «Трущобы»,—если даже о такихъ, незначительныхъ вещахъ столько заботятся, то что-же сказать объ источникѣ не только ученія, но даже нѣкотораго общественнаго движенія, вызваннаго рядомъ философскихъ трудовъ великаго писателя?

Мнѣ лично укоризны по адресу Толстого казались странными. Какъ ни поразительно, по біографіи князя, его совпаденіе съ графомъ Толстымъ, но достаточно капли литературнаго пониманія, чтобы быть убѣжденнымъ въ коренной подлинности всѣхъ писаній Толстого. Насколько недоступно творчество для зауряднаго человѣка, настолько несвойственно подражаніе для великаго. Въ совпаденіи князя Вяземскаго и графа Толстого я чувствовалъ что-то темное, требующее разъясненія. Я рѣшилъ поѣхать въ Серпуховскій уѣздъ, на мѣсто, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ князь Вяземскій и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ. Біографія г. Корсакова хотя и объемиста, но очень бѣдна фактами: описывается, неизвѣстно по какимъ источникамъ, то, что князь думалъ и чувствовалъ еще въ молодости, на Кавказѣ и т. п., что происходило въ глубинѣ души его лѣтъ 50—70 тому назадъ, а какъ онъ жилъ и что дѣлалъ, объ этомъ говорится вскользь. Я собрался поразспросить знавшихъ князя его сосѣдей—пока не перемерли—чтобы возстановить его бо-

лѣе ясный образъ. Случай мнѣ благопріятствовалъ; какъразъ въ это время я получилъ рядъ крайне любезныхъ писемъ отъ незнакомаго мнѣ до того серпуховскаго помѣщика А. П. Мантейфеля, того самаго, какъ оказалось, который былъ ближайшимъ сосѣдомъ и другомъ князя Вяземскаго и который написалъ о немъ первый некрологъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и снабдилъ г. Корсакова матеріаломъ для біографіи князя. Г. Мантейфель приглашалъ меня къ себѣ въ усадьбу, и узнавъ, что я интересуюсь княземъ, обѣщалъ разсказать о немъ многое. Я воспользовался любезнымъ приглашеніемъ и отправился подъ Серпуховъ. Въ первый-же день по пріѣздѣ я услышалъ необыкновенныя, поразительныя вещи.

VI

— Вы знали князя Вяземскаго? спрашиваю г-жу М, ближайшую родственницу А. П. Мантейфеля.—Разскажите пожалуйста про этого праведника.

— Знала, какже. Тридцать лѣтъ знала этого бродягу.

— Бродягу?!—Я раскрылъ широко глаза.—Вы изволили читать біографію князя, написанную вашимъ сосѣдомъ, г. Корсаковымъ?

— Читала. Но вѣдь написать все можно, бумага терпитъ... По моему, въ біографіи этой ни слова правды нѣтъ...

Я вспомнилъ, что нахожусь въ провинціи, гдѣ духъ Собакевича не умираетъ,—и не повѣрилъ почтенной собесѣдницѣ. Она и не стала распространяться: предложила мнѣ послушать, что говорятъ о князѣ мѣстные помѣщики, священники, сосѣди-крестьяне и его бывшіе крѣпостные. Втеченіе мѣсяца, пользуясь гостепріимствомъ семьи А. П. Мантейфеля (у котораго я нанялъ флигель, отдававшійся въ качествѣ дачи), я обошолъ мѣста скитальчества князя на берегахъ Нары и разспросилъ нѣ-

сколько десятковъ «свѣдущихъ людей»—дворянъ, духовныхъ лицъ, крестьянъ, видѣвшихъ во-очію «великаго подвижника», ѣздилъ въ Серпуховъ и розыскалъ тамъ нѣсколькихъ лицъ, указанныхъ въ біографіи, писанной г. Корсаковымъ. Большую помощь мнѣ оказала названная выше г-жа М. и нѣкоторые другіе члены ея семьи.

Къ моему горькому разочарованію, общій хоръ мнѣній о князѣ оказался крайне для него неблагопріятенъ; всѣ, кто читали его біографію называютъ ее вопіющимъ извращеніемъ истины. Такъ-какъ князь умеръ уже три года до моего разслѣдованія и умеръ въ глубокой старости (82 лѣтъ, судя по датамъ на намогильномъ памятникѣ), то очень немного осталось лицъ, которые помнили-бы всю жизнь князя: «да и не припомнишь всего, что знаешь», справедливо говорятъ серпуховцы. Попробую по отрывочнымъ отзывамъ возстановить правду о «великомъ князѣ-подвижникѣ» и «пророкѣ».

VII.

На берегахъ рѣки Нары, въ 20 верстахъ отъ Серпухова, стоитъ старинный погостъ Спасъ-Темный, а по сосѣдству съ нимъ—деревня Кудаево, родовое имѣніе той вѣтви князей Вяземскихъ, изъ которой происходилъ нашъ герой. Я два раза посѣтилъ эту совершенно заброшенную, заглохшую усадьбу. Барскій деревянный домъ съ заколоченными окнами еле держится отъ дряхлости; внутри, по лѣстницамъ страшно ходить. Въ темныхъ комнатахъ, полныхъ пыли и мусора, еще валяются остатки старинной мебели, тлѣющіе, срытые въ кучу фамильные портреты князей Вяземскихъ, старинный, крѣпостныхъ временъ бумажный хламъ, разбитые экземпляры старыхъ книгъ, когда-то принадлежавшихъ, очевидно, богатой библіотекѣ, сломанныя конторки, кровати, шкафчики. Домъ-могила полонъ праха и заброшенъ; таковаже крошечная, дряхлая, деревянная церковка невдалекѣ,

гдѣ похоронены князья Вяземскіе, въ ней, впрочемъ, изрѣдка еще бываетъ служба. Былъ когда-то еще барскій домъ на мѣстѣ, гдѣ теперь разбита «новенькая, съ иголочки» усадьба мѣстнаго волостного старшины и дѣльца И. А. Ульянова. Здѣсь провелъ свое дѣтство «великій подвижникъ».

Мать его — не венгерка, какъ сказано у г. Корсакова, а молдаванка, была женщина злого нрава. По словамъ бывшей крѣпостной старухи, бабки Анны (какъ ее зовутъ въ Кудаевѣ), князь былъ у матери незаконный сынъ и она хотѣла отдать его въ воспитательный домъ, да крѣпостная баба выпросила:—отдай, говоритъ, я выкормлю. Ей отдали, она выкормила вмѣстѣ съ своимъ сынишкой, а потомъ князя узаконили, а когда онъ выросъ — своего молочнаго брата въ ратники сдалъ... Горевала баба, что выкормила его на свою голову. Еще въ дѣтскіе годы князь былъ буенъ и жестокъ. «Схватитъ подушку и выпуститъ весь пухъ по вѣтру. мать на что была бѣдовая, а плакала отъ него». По словамъ помѣщицы г-жи М—фель, самъ князь разсказывалъ ей о такой забавѣ, когда ему было 12 лѣтъ: «Осенью, какъ только станетъ Нара и ледъ сдѣлается гладкій какъ стекло, возьму бывало, кошку да отъ грецкихъ орѣховъ скорлупы. Налью туда смолы горячей и надѣну кошкѣ на ноги. Когда застынетъ, пущу ее на ледъ, да собакъ за ней... Ты не можешь себѣ представить, что за восторгъ видѣть, какъ собаки рвутъ ее, а она и бѣжать не можетъ».

Воспитаніе князь получилъ, повидимому, очень плохое. Въ біографіи сказано, будто онъ былъ въ университетѣ на двухъ факультетахъ и отличался феноменальною, всестороннею образованностью. Но письма князя (нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ подарены г-жею М—фель) отличаются особенной малограмотностью. Встрѣчаются такія слова какъ «обытчевъ» (вмѣсто обидчивъ), «полетитъ» (вмѣсто полетятъ), «совсемъ», «вѣщъ», «детки», «небо-

тесъ» (не бойтесь), «на клеить» и т. д., не говоря о произвольныхъ знакахъ препинанія. Впослѣдствіи, впрочемъ, живя за Нарой, онъ, какъ всѣ говорятъ, любилъ читать и особенно блеснуть своей начитанностью. Та-же г-жа М—фель разсказываетъ, что ей пришло въ голову провѣрить, такой-ли знатокъ князь въ ботаникѣ, какимъ онъ выставляетъ себя. Она показала ему нѣсколько растеній, справившись предварительно въ каталогѣ, какія они. И князь далъ имъ весьма увѣренно совсѣмъ другія названія. Былъ-ли Вяземскій въ университетѣ, точно не знаетъ даже г. Мантейфель, первый біографъ князя; по его словамъ, «профессоровъ князь зналъ въ Москвѣ многихъ». Я просилъ г. Мантейфеля припомнить хоть одинъ трудъ, который свидѣтельствовалъ-бы объ учености князя, и онъ назвалъ какую-то брошюру объ изогнутыхъ ружейныхъ стволахъ, которые князь предлагалъ вмѣсто нарѣзныхъ ружей. Существуетъ-ли эта брошюра — сказать трудно. Достовѣрно однако, что князь служилъ на Кавказѣ. По словамъ волостного старшины, И. А. Ульянова, который съ княземъ болѣе 25 лѣтъ (въ качествѣ арендатора Кудаева) былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ, князь въ минуту откровенности, за графиномъ водки, разсказывалъ немало о своихъ безобразіяхъ на Кавказѣ. И попалъ-то онъ туда, будто-бы, за дуэль. Въ біографіи г. Корсаковъ говоритъ, что «несмотря на беззавѣтную храбрость», князь «ненавидѣлъ войну», которая «съ ея злодѣйствомъ и ужасами поражала безсмысліемъ его душу» (какъ согласить съ этимъ «беззавѣтную храбрость» — секретъ біографа). Г. Корсаковъ говоритъ: «Онъ (князь) тяготился на Кавказѣ обычнымъ препровожденіемъ времени своей среды; для него непонятны попойки, азартныя игры; онъ не можетъ увлечься дикими оргіями» и пр. и пр. А г. Ульяновъ, со словъ князя, передаетъ, что именно въ дебошахъ прошла почти вся служба князя, что «изъ каземата онъ почти не выходилъ», что «по этапу пересылали его изъ крѣпости

въ крѣпость», и вездѣ съ нимъ были скандалы. Князь разсказывалъ г. Ульянову, какъ онъ съ однимъ офицеромъ поссорился: «Я его, мерзавца, кнутомъ, а онъ въ меня, подлецъ, изъ ружья». Такъ-что, несмотря на заслуги отца (героя 12-го года), на княжескій титулъ, на всѣ связи, князь втеченіе 15 лѣтъ дослужился только до подпоручика, въ какомъ чинѣ и былъ уволенъ въ отставку. Возвратившись на родину въ 1846 году, 36-тилѣтній князь ведетъ нѣсколько лѣтъ холостой жизни, у себя въ деревнѣ и въ Москвѣ. Въ статьѣ г. Обнинскаго говорится, что онъ отпустилъ нѣсколько *тысячъ* крѣпостныхъ на волю въ Серпуховскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ. Картина — грандіозная; на самомъ-же дѣлѣ онъ никого на волю *даромъ* не отпустилъ, да и состояніе его было небольшое. не тысячи душъ, а всего пять дворовъ въ Кудаевѣ, да 110 въ Бронницкомъ уѣздѣ (по словамъ бывшаго крѣпостного повара князя, Гаврилы). Князь раздѣлилъ имѣніе съ братомъ, и средства его таяли съ каждымъ годомъ. Построился онъ на берегу Нары не въ дремучемъ лѣсу, и не изъ цѣлей подвижничества, а изъ необходимости завести свою усадьбу (старая по раздѣлу досталась брату). «Дремучій боръ», гдѣ князь подвизался, былъ обыкновенный лѣсъ въ полуверстѣ отъ прежней усадьбы, vis-á-vis къ ней черезъ рѣку. Это было такъ недалеко, что князь, выйдя изъ дома, кричалъ въ деревню на другомъ берегу, и его слышали. И выстроенъ новый домъ былъ не какъ крестьянская изба, а какъ маленькая усадьба, на каменномъ фундаментѣ, въ три комнаты (свѣтелка наверху); около дома были два амбара, два сарая, конюшня и кузница. Безъ прислуги князь не жилъ. Послѣ раздѣла князь часто ссорился съ братомъ. Увидѣлъ какъ-то, что везутъ братнее сѣно черезъ мостъ и взбѣленился: «Какъ, по моей землѣ везли! Вали все въ Нару!» и выворотилъ сѣно въ рѣку. Очень ревнивый къ своей собственности, князь велѣлъ окопать свои владѣнія глубокими канавами и не позволялъ крестьянамъ переступать этихъ границъ.

Любопытны отношенія «великаго подвижника» и народолюбца къ крестьянамъ. Такъ-какъ минуло уже 45 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостные князя вышли изъ-подъ его власти, то немного осталось лицъ, помнящихъ это время. Но живо сохранилось преданіе о подвигахъ князя, и даже живы еще нѣсколько крѣпостныхъ князя въ деревнѣ Кудаевѣ: названная выше бабка (Анна Трефильевна Никанорова), лѣтъ 70, высокая, тощая, но еще работающая всю крестьянскую работу; мужикъ Прокопій, долгое время служившій князю, поваръ Гаврила и др. Почти полъ-столѣтія конечно, достаточно, чтобы примирить ихъ съ прошлою неволей, и всѣ неохотно разсказываютъ о томъ времени.—«Что старое вспоминать! Нехорошо худое говорить о покойникѣ! Бывала всячина, вѣдь вся ихъ воля была». Но никто, рѣшительно никто не отозвался о князѣ хорошо, даже тѣ, кто умѣлъ ему угождать и наживаться около него, какъ говорятъ о Прокофьѣ.

VIII.

— Правда-ли, спрашиваю одного бывшаго крѣпостного,—будто князь жилъ какъ святой?

— Святой? Съ рогами, вотъ какой святой. Чортъ, былъ, одно слово.

— Говорятъ, что онъ любилъ своихъ крестьянъ, отпустилъ ихъ на волю,..

— Любилъ! Хуже собакъ мы были у него... Я князя помню, когда мнѣ было 9 лѣтъ и до 23-хъ все при нихъ былъ. Меня, правда, онъ не билъ, — разъ только отодралъ да зубъ вышибъ, когда я еще былъ совсѣмъ маленькимъ. У него воронъ ручной былъ, такъ изъ-за ворона. А другихъ—и дня не было, чтобы не билъ...

— Кажинный день драли, говорила бабка Анна. — Тутъ-же передъ домомъ, на травѣ, и самъ смотритъ, какъ дерутъ. Ѳедора, отца Прокопьева, засѣкъ до смер-

ти· три дня, бѣдняга, провалялся и отдалъ душу. Драли такъ, что на рогожахъ уносили. И дѣвокъ драли, которыя ему не сдавались. Бѣгали отъ него, дѣвки-то: одна, Аленка, ночевала въ ригѣ, подъ мостомъ, да нашли· сдалась... А не то, которая не сдается, поставитъ на колѣни, на шею доску повѣситъ и кусокъ гнилой падали.

— Моя племянница,—говорилъ Гаврила, — красивая была—четыре дня стояла такъ-то... Кулаками тоже любилъ драться, каблуками, и ни за что.. Былъ мальчишка Алешка, лѣтъ 12.—Алешка, кричитъ, ступай съ письмомъ въ Бронницкій уѣздъ! (А это за 120 верстъ отсюда). Алешка говоритъ:—А какъ мнѣ пройти? Я дороги не знаю.—А, кричитъ князь,—не знаешь!—Схватилъ за волоса, повалилъ, таскалъ, таскалъ, ногами топталъ... Потомъ ужъ мальчишкѣ разсказали, какъ идти отъ деревни до деревни, и онъ пошелъ... Озорникъ былъ князь хуже пьянаго.

— Мучитель былъ, заявила бабка Анна —Въ гробъ пойду, не забуду, какъ онъ насъ мучилъ. Моего мальченку,—лѣтъ ему десять было, при себѣ держалъ, такъ-то тиранилъ! Уши были оборваны, какъ ножомъ обрѣзаны. Билъ въ голову, и объ верстакъ, а то повалитъ—каблуками начнетъ бить. У мальчишки кровь изъ носу и изо рту ручьемъ такъ и хлынетъ; все время оглохши ходилъ. Мало князю:—Не топить, кричитъ, въ кухнѣ,—пусть, подлецъ, двѣ недѣли въ холодной ночуетъ! И ночевалъ—это зимой-то. Приду, бывало, ночью потихоньку—двѣ собаки лежатъ и мой мальченокъ между ними забьется, дрожитъ, грѣется. Хлѣбца, бывало, принесу, самоваръ для князя приготовлю, а чуть заря—бѣгу, чтобы князь не увидалъ. Каждую ночь посылалъ ребенка черезъ Нару (а моста не было) за косухой водки, безъ водки не ужиналъ. За провизіей посылалъ по деревнямъ—денегъ не даетъ, доставай откуда хочешь.. А насъ-то какъ мучилъ, какъ измывался! Пойду теперь

въ лѣсъ за грибами, увижу ту копань, что мы копали да корчевали, заплачу: Господи милостивый, какое было горе! Вѣдь какъ работали: поѣсть не давалъ времени, на одно колѣно прикурнешь да похлебаешь, а присѣсть было некогда. Въ полѣ часто ночевали, домой не отпускалъ; ребяты плачутъ—«А-а, кричитъ князь, такъ-то васъ! Вы ребятъ нарочно дразните! Все равно ночевать не пущу!» У меня была день и ночь зыбка за плечами, такъ и работали: веревки въ тѣло вросли... Чуть не по его, не тамъ свалишь глину,—лейте, кричитъ, воду! Полѣзайте въ глину! И лѣзли всѣ, какъ есть... Зимой, бывало, въ снѣгъ голымъ задомъ сажалъ. Надъ дѣвками куражился, выйдетъ бывало въ одной рубахѣ, безъ портокъ, или безъ рубахи и начнетъ гадить.—Эй, кричитъ, которая красивѣе, иди сюда!—Дѣвки молчатъ, нейдутъ.. Эхъ, что тутъ было, и разсказать нельзя! Вѣдь вся ихъ воля была! Нужнаго мѣста не было у князя, а тутъ-же гадилъ на виду, подъ окнами, и потомъ кричитъ дѣвкѣ: убирай! Та беретъ лопату, хочетъ лопатой сгресть,—такъ нѣтъ:—руками убирай, такая-сякая!—Вотъ какъ измывался надъ нами!...

Дѣвокъ всѣхъ портилъ, ни одна не миновала,—постоянно мѣнялъ. Тутъ въ лѣсъ къ нему пріѣзжали какіе-то изъ Калугина четыре брата дворяне, тоже пьяницы и пахабники. Жрутъ водку, созовутъ дѣвокъ, да мало своихъ—изъ Скребухова, изъ Бутырокъ скличутъ. Тутъ Марфичка такая была, поставщица, она все дѣвокъ князю доставляла. Голые, безъ рубахъ, бывало, ходятъ по лѣсу... И-и, что тутъ было! Любовницы у князя жили и кромѣ дѣвокъ, и подолгу жили.

— Ну, что объ этомъ говорить, перебилъ Прокопій (любимецъ князя съ дѣтскихъ лѣтъ и самый снисходительный къ нему).—Вся ихъ воля была.

— А дѣвокъ все-таки портилъ? спросила его бывшая тутъ-же помѣщица, г-жа М—фель.—Молоденькихъ, шестнадцатилѣтнихъ?

— Ну, это что! неохотно промолвилъ онъ.—шестнадцатилѣтнихъ! А что *двѣнадцатилѣтнихъ* портилъ—это точно...

Бабка Анна подтвердила это:—До воли, бывало дѣвченокъ отбиралъ еще маленькихъ, двѣнадцатилѣтнихъ и всѣхъ портилъ. Въ деревнѣ бабы выли, какъ на солдатскомъ наборѣ, провожали дѣвченокъ. Одну испортитъ, посылаетъ за другой. Помню, дѣвочка двѣнадцати лѣтъ изъ Гуслицъ—онъ-то былъ здоровый вѣдь—оборвалъ ей въ животѣ, долго мучилась, бабы горшки ей накидывали... Такъ хорошо жилось, что за Дунай бѣжали отъ князя...

IX.

— Пишутъ, будто князь отпустилъ васъ на волю всѣхъ, роздалъ земли...

— Никого на волю не отпускалъ даромъ, все на выкупъ. Съ кого триста, съ кого пятьсотъ рублей бралъ, опричь дѣвокъ, которыхъ портилъ. Еще до воли князь промотался, заложилъ насъ въ опеку, которые остались. Проценты нечѣмъ платить, такъ мы и остались за опекой. И землей онъ насъ шибко обидѣлъ. Не токмо что отъ него ни пяди не досталось даромъ, а нарѣзъ далъ такой, что не повернуться: земля самая сухая, лѣсокъ—лядащій. Вотъ этотъ клинъ, что онъ продалъ Ильѣ Агаѳонову — какъ онъ намъ нуженъ! Нѣтъ, намъ его не отдалъ и на вѣки насъ стѣснилъ, прогнать скотину негдѣ. Всѣ теперь въ кабалѣ у Ильи. Послѣ воли, князю уже ѣсть было нечего, и онъ побирался,—то у одного живетъ, то у другого,—онъ и у меня жилъ Христа ради. Я (говоритъ Гаврила) и говорю ему какъ-то:—вотъ, ваше сіятельство, мужички то какъ васъ проклинаютъ, послушали-бы. — За что? спрашиваетъ.—Да какъ за что, землей-то какъ вы насъ обидѣли. Вѣдь эта околица-то наша, вѣдь наша она, что вы Ильѣ продали. Теперь мы всѣ въ его рукахъ будемъ...

За землю кудаевскіе крестьяне обижены на князя до сихъ поръ и не могутъ простить этой обиды

— Говорятъ, у князя были заведены мастерскія, образцовое хозяйство, и что будто-бы онъ молотилки и плуги раздавалъ?

— Не слыхали. Была это построена кузня за Нарой, кузнецъ работалъ,—да потомъ кузнецъ замерзъ и кузня закрылась. Самъ князь не умѣлъ работать, хоть за все хватался. Стругаетъ, стругаетъ бывало, а ничего не выходитъ. Кузнечный приборъ—зря валялся, безъ дѣла. Никто ему заказовъ не дѣлалъ, и о хозяйствѣ не слыхали. Самъ онъ не пахалъ, не сѣялъ...

Князь женился уже за сорокъ лѣтъ на В. А. Поливановой. Онъ далъ ей княжескій титулъ, она ему—средства къ жизни, но невыносимый характеръ князя повелъ къ быстрому разрыву. Крѣпостные разсказывали, что княгиня каждый день плакала и горничныя подбирали кучу мокрыхъ платковъ: возмущало ее крайнее неряшество князя и его грубость и жестокость. Стоило княгинѣ замѣтить:—Ахъ, какая славная липа передъ окнами! Какъ она мнѣ нравится!—чтобы на другое-же утро, пока княгиня не проснулась, липа была спилена. Все наперекоръ ей дѣлалъ. Княгиня была добрая и ласковая до крестьянъ. Съ княземъ жила всего нѣсколько мѣсяцевъ и бросила его. Онъ не хотѣлъ выдавать ей отдѣльнаго вида,—заставили черезъ губернатора выдать. По другимъ разсказамъ, княгиня, какъ увидала мотовство князя, всѣ его затѣи, изъ которыхъ ничего не выходило, не стала давать ему денегъ, «14 тысячъ потеряла на заведеніе для него кузни, машинъ разныхъ, котловъ для варки лошадинаго мяса, которымъ онъ кормилъ собакъ и пр.—видитъ, что конца нѣтъ расходамъ—и бросила князя».

Біографы князя разсказываютъ о его величественной наружности, о головѣ Іоанна Предтечи, о «длинной библейской бородѣ» и пр. Это мѣсто біографіи особенно воз-

мущаетъ серпуховскихъ помѣщицъ: по общему отзыву, князь былъ очень непріятной наружности. «Ястребиные глаза, огромный носъ крючкомъ, вѣчно лохматый и съ короткою грязною бородой».—«Вылитый филинъ, говорили барышни Ульяновы—мы держали ручного ястребка, такъ княземъ его и прозвали: двѣ капли Василій Васильевичъ». Единственный портретъ князя—набросанный г. Обнинскимъ профиль — подтверждаетъ этотъ отзывъ. Типъ лица—восточный: массивный горбатый носъ, усы и бритая борода, тощія щеки.

Послѣ разрыва съ женой князь, по словамъ біографіи, поступилъ мастеровымъ къ московскому переплетчику Кузнецову, и было это будто-бы въ 1856 году. На самомъ дѣлѣ, это было годами тридцатью позже, и не въ Москвѣ, а въ Серпуховѣ, въ послѣдніе годы жизни князя. Лишившись вмѣстѣ съ женою и средствъ, князь остался при своемъ родовомъ клочкѣ и волей-неволей поселился въ своей усадьбѣ за Нарой—одинокій, но вовсе не какъ пустынникъ.

X.

— Разскажите, какъ жилъ князь послѣ воли, какъ онъ обходился съ вами, спрашиваю у мужиковъ.

— Озорничалъ, только потише. Воли-то ужъ не было, а куражиться любилъ—пока не проѣлъ все. Окопался канавами—и сохрани Богъ, бывало, если по его землѣ пройдетъ кто, а какъ на грѣхъ, по его землѣ тропа была. Собакъ держалъ большихъ, злющихъ. Жеребятъ покупалъ—мясо собакамъ варилъ да кормилъ. Чуть завидитъ кого на своей землѣ—бѣжитъ съ собаками.—Какъ смѣли?! Заставлялъ мужиковъ кланяться, цѣловать землю. Подведетъ къ обрыву на берегу Нары:—Кланяйтесь! Поклонятся—онъ ихъ подъ обрывъ.—А не то:—«Читайте три раза Отче Нашъ!» Прочтутъ.—«Прикладывайтесь къ собакѣ!..» Безбожникъ былъ князь.—Шли

бабы въ родительскую субботу на кладбище блины святить. Князь и поймалъ ихъ съ собаками на тропѣ. Велѣлъ снять горшки.—Пиль! кричитъ собакамъ. Тѣ схватили по нѣскольку блиновъ, пожрали.—Ну, говоритъ князь бабамъ:—теперь идите святить ваши блины!..—А то идетъ какъ-то мужикъ по его землѣ.

Я не передаю здѣсь нѣкоторыхъ слишкомъ грязныхъ разсказовъ о князѣ, какъ и легенды о немъ, присланной мнѣ изъ Воронежской губерніи. Она записана, будто-бы, отъ стариковъ-крестьянъ и поражаетъ своимъ цинизмомъ.

Всѣ эти народные разсказы, быть можетъ, и не вполнѣ точно передаютъ событія; можно допустить, что нѣкоторые изъ нихъ преувеличены, но преувеличены, очевидно, въ согласіи съ той репутаціей, которую князь когда-то составилъ о себѣ. Для дѣятеля, о которомъ не осталось болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній, важны и менѣе достовѣрныя—въ качествѣ *общей* характеристики его. Въ народныхъ сказаніяхъ иногда бываетъ много лжи въ подробностяхъ, но духъ событія или лица всегда передается вѣрно. Поэтому я старался возможно точно записать все то, что мнѣ передавали люди, знавшіе лично князя и бывшіе его крѣпостными; память не могла-же имъ измѣнить настолько, чтобы праведникъ сталъ казаться имъ злодѣемъ или наоборотъ. Примите въ расчетъ то, что старики, безпамятные на ближайшія событія, отчетливо помнятъ время своей юности. Примите въ расчетъ особое уваженіе въ народѣ къ истиннымъ подвижникамъ и то, какъ заботливо хранится о нихъ память. Поэтому, какъ ни ужасны нѣкоторые разсказы о князѣ, я не счелъ въ правѣ опустить ихъ (кромѣ немногихъ).

Что дѣйствительно эти разсказы о князѣ держатся въ мѣстномъ населеніи, это подтвердилъ мнѣ и священникъ села Нехорошева, Е. И. Соколовъ (бывшій секретарь «Московскихъ Вѣдомостей»). Его отзывъ особенно за-

служиваетъ вниманія. У крестьянъ Е. И. Соколовъ пользуется большой любовью, денегъ за требы не беретъ вовсе, выстроилъ превосходную школу и пр. и пр. Словомъ — типъ культурнаго дѣятеля въ деревнѣ въ лучшемъ смыслѣ слова. Попавъ въ Нехорошее лѣтъ десять тому назадъ, онъ очень заинтересовался княземъ, лично познакомился съ нимъ и собралъ отъ крестьянъ много разсказовъ о немъ, которые и записалъ. Но когда умеръ князь, священнику стало жаль его, и онъ сжегъ записки о немъ: de mortuo aut bene, aut nihil.— «Грустное явленіе русской жизни этотъ князь, говорилъ священникъ: такъ много получить отъ судьбы и такъ мало дать людямъ, родиться русскимъ княземъ и сдѣлаться бродягой — это печально». Біографія, написанная г. Корсаковымъ, и возмущала, и смѣшила священника до слезъ. до такой степени не соотвѣтствуетъ она истинѣ. Князь былъ, по мнѣнію священника,—не глупый. начитанный человѣкъ, но совершенно безнравственный, взбалмошный, жестокій, и самодуръ въ высшей степени. Буквально тотъ-же отзывъ далъ и другой священникъ (села Капустина), Б. Л. Протасовъ: «Очень дурной былъ человѣкъ князь и дурную о себѣ славу оставилъ» Третій священникъ (въ Спасѣ Темномъ), отецъ Минервинъ, молодой и мало помнитъ князя, отозвался уклончиво (князь былъ крестнымъ отцомъ его жены).—Нехорошо о князѣ говорятъ, это правда,—но о комъ-же хорошо говорятъ изъ помѣщиковъ? Если князь былъ жестокъ съ крѣпостными, то кто-же не былъ жестокъ? Такое было время, вся ихъ воля была»...

Помѣщица г-жа Мантейфель разсказывала, какъ при князѣ пріѣхалъ къ нимъ мировой посредникъ М. А. Козловъ. Князь съ нимъ не раскланялся. Произошла сцена. Козловъ, между прочимъ, замѣтилъ:—А вы забыли, князь, какъ я къ вамъ ѣздилъ чуть не каждую недѣлю, а то и по два раза, для разбора дѣлъ о вашихъ жестокостяхъ надъ крестьянами?—Этотъ Козловъ (нынѣ покой-

ный), человѣкъ прекрасный, считалъ князя настоящимъ негодяемъ. Это было уже послѣ воли.

«Потомъ-то, подъ старость, разсказывали крестьяне, князь простъ былъ. Когда жилъ за Нарой, любилъ, правда, въ морду кому-нибудь съѣздить, чуть не по его характеру. Пришли мы (разсказываетъ мѣщанинъ Михайло Ивановъ, сторожъ Спасъ-Теменской школы), пришли мы къ князю въ самый Христовъ-день, насчетъ земли, снимали у него покосъ за Нарой. Похристосовались. Я и говорю. нельзя-ли, ваше сіятельство, рублика три сбавить?—А-а, закричалъ: сбавить! Бацъ-бацъ мнѣ кулакомъ въ рожу. Вонъ выгналъ. Вышелъ я, сижу это на заваленкѣ, а мужики остались въ горницѣ. Выходитъ князь.—Ты что сидишь тутъ, мать-мать... (любилъ, знаете, крѣпкое слово).—Жду, говорю, ваше сіятельство, артель.—Иди, говоритъ, въ избу. Дали ему задатокъ 15 рублей. Видимъ, онъ прикинулъ на счетахъ 19.—Ошиблись, говоритъ одинъ мужикъ: тутъ всего 15 рублей.—Какъ? Я ошибся! Бацъ-бацъ того кулакомъ. Князь не можетъ ошибаться. Четыре рубля вамъ за то, что морды побилъ».

По отзыву И. А. Ульянова (и всѣхъ крестьянъ), князь ругался отборнѣйшими площадными словами, и такъ до самой смерти. Въ біографіи сказано, что «всю жизнь онъ не зналъ ни вина, ни табаку». Ульяновъ-же (и многіе другіе) утверждаютъ, что онъ любилъ водку («безъ шкалика не ужиналъ», говоритъ бабка Анна), не только пилъ, но часто напивался до безобразія, укладывать его приходилось. Князя видали (дѣвицы Ульяновы) съ четвертной въ рукахъ, въ женской сорочкѣ и безъ штановъ. Табакъ-же онъ курилъ—и трубку, и сигары, и махорку, а нюхалъ табакъ безпрерывно: «носъ всегда былъ грязенъ». Въ біографіи князь описывается, какъ «дѣвственный, невинный, чистый, сознавшій, что «сожительство съ женщиной способно ослабить энергію и духъ мужчины, и что только воздержанность и цѣло-

мудріе властно окрыляютъ мысль и закаляютъ человѣческій духъ». На самомъ-же дѣлѣ князь и въ этомъ отношеніи не зналъ удержу. «Даже послѣ воли у него, любовницы не переводились; иныя жили у него, иныя приходили». По остроумному замѣчанію помѣщицы г-жи Мантейфель, не во́роны кормили кудаевскаго пророка (какъ говорится въ одной біографіи), а скорѣе воро́ны: старыя любовницы князя, таскавшія ему изъ милости хлѣбъ. Даже другъ князя Вяземскаго, А. П. Мантейфель, вопреки другимъ біографамъ, признавался мнѣ, что «князь, дѣйствительно, былъ женолюбивъ»; по его словамъ, названная выше бабка Анна (старуха 70 ти лѣтъ) отзывается дурно о князѣ потому только, что «онъ измѣнилъ ей». Одна изъ любимыхъ привычекъ князя была—кощунство надъ всѣмъ, что у народа считается священнымъ. «Къ попамъ онъ питалъ неодолимое отвращеніе», хотя (по отзыву помѣщицы г-жи Кропотовой) посѣщалъ часто какого-то отца Павла, и въ домѣ у него была икона Божіей Матери работы Заворуева; эту икону онъ держалъ, впрочемъ, какъ картину. Князь не упускалъ случая осмѣять религіозныя церемоніи. Въ церкви Спаса-Темнаго, въ правомъ придѣлѣ сохранился иконостасъ, работанный подъ наблюденіемъ князя: работа простая, довольно грубая *. Князь, какъ разсказываютъ, потому только взялся сдѣлать иконостасъ, что придѣлъ посвященъ св. Іоанну Новгородскому, который, по преданію, осѣдлалъ чорта верхомъ. Этотъ подвигъ святого приводилъ князя въ восхищеніе: «На мнѣ всю жизнь чортъ ѣздитъ, говорилъ князь, а святой Иванъ самъ его осѣдлалъ!» О кощунствѣ князя много разсказывалъ свящ. Е. И. Соколовъ, который дѣлаетъ на основаніи этой черты мало вѣроятное предположеніе, что князь принадлежалъ когда-то къ революціонной партіи и

* Другія оставшіяся вещи «работы князя» книжныя полки у А. П. Мантейфеля—еще грубѣе, обыкновенной столярной работы.

остался нигилистомъ до конца дней. Это подтверждается будто бы тѣмъ, что князь не признавалъ и властей, и что дикія выходки съ собакой, которую князь причащалъ передъ смертью, и съ мужиками, которыхъ судилъ при собакахъ, представляютъ издѣвательство и надъ религіей, и надъ введенными въ то время мировыми учрежденіями.

Циниченъ былъ князь въ высшей степени. Внѣшней неряшливостью онъ, повидимому, щеголялъ. Грязный, нечесанный, вшивый, онъ ходилъ босой, въ рванномъ овчинномъ тулупѣ. Противно было, по отзыву тѣхъ, у кого онъ обѣдалъ, сидѣть съ нимъ за столомъ: потянется, напримѣръ, за солью или закуской, и по столу волочитъ рваную овчину. Обѣдая смѣшивалъ въ одной тарелкѣ всѣ кушанья, говоря, что «все равно—въ одномъ брюхѣ будутъ». Пилъ чай—самый крѣпкій настой, какъ кофе, причемъ въ стаканъ клалъ соли и ложку коровьяго масла; любилъ варенье и пилъ за ѣдой много водки. «Бывало, придешь къ нему въ гости, разсказываетъ г-жа Мантейфель,—онъ обрадуется, лѣзетъ цѣловаться:—«А-а, голубка! Ну, поцѣлуй меня! Чаю хочешь? Сейчасъ поставлю!» Начинаетъ ставить самоваръ — угольевъ нѣтъ. Сейчасъ къ верстаку, настругаетъ стружекъ и задымитъ самоваромъ. А не то выйдетъ на берегъ Нары и закричитъ на ту сторону, въ Кудаево, басомъ:—Прокопій! Прокопій!—И чуть Прокопій, его прислужникъ, замѣшкается, князь уже сердится и кричитъ:—Не надо! Не надо!—Потомъ начинаетъ, согнувшись, искать что-то подъ кроватью, вытаскиваетъ ворохъ грязнаго бѣлья, выбираетъ которое почище и начинаетъ вытирать чашки. Потомъ нальетъ —На, пей! Пить было противно: чуть князь отвернется, выльешь за окно и поблагодаришь: спасибо, князь!—А онъ — «Пей еще, голубка! Ужо, хлѣба принесу». Къ той-же помѣщицѣ князь какъ-то пришолъ наканунѣ Пасхи и сѣлъ въ своемъ грязномъ тулупѣ въ кресло. А на ме-

бели, по случаю праздниковъ, были чистые чехлы. «Увидѣла я и ахнула:—Василій Васильевичъ, вы хоть-бы пожалѣли меня: смотрите, какъ вы чехолъ обдѣлали!— Насупился князь, засопѣлъ: признакъ, что собирается ругаться—я и ушла. Возвращаюсь—князя нѣтъ, а всѣ чехлы до одного перепачканы. На-зло — сѣлъ на каждый стулъ и всѣ перемаралъ». Племянникъ князя пробовалъ-было поселить старика у себя въ имѣніи, но это оказалось невозможнымъ. Не говоря о крайне грубомъ тонѣ и вмѣшательствѣ во всѣ дѣла, о стараньи всѣхъ перессорить,—князь на-зло молодой княгинѣ устраивалъ такія сцены. Обѣдаютъ,—онъ беретъ остатки супа и выливаетъ на полъ своей собакѣ. Отвели ему особую комнату, рядомъ съ залой. Онъ отворитъ комнату и выплеснетъ оттуда на паркетъ изъ ночной посуды... Княгиня не могла этого вынести, и князь ушолъ отъ племянника. Еще раньше какъ-то гостилъ князь въ имѣніи матери А. П. Мантейфеля, въ отдѣльномъ флигелѣ. Въ домѣ жила хозяйка имѣнія, дочь, гостили барышни. Вдругъ видятъ: князь совершенно голый выходитъ изъ флигеля, идетъ черезъ дворъ и обширный садъ къ берегу маленькой рѣчки. Оказывается, онъ собрался купаться. Хозяйка попросила его послѣ этого удалиться. Въ личныхъ отношеніяхъ князь, какъ оригинальный и начитанный человѣкъ, былъ интересенъ—особенно въ серпуховской глуши, гдѣ и до сихъ поръ интеллигентный человѣкъ—большая рѣдкость. Но мирно жить съ княземъ было невозможно: его страстью было ссорить всѣхъ—мужа съ женой, хозяевъ съ работниками и т. п.—Придетъ и говоритъ мужу: Какая у васъ жена! Вѣдь она совсѣмъ необразованная! Какая она мать!— и начнетъ, и начнетъ. А женѣ говоритъ: — Ну, ужь и мужъ у васъ: поглядите, какъ онъ смѣшонъ и т. д. и т. д. Побываетъ въ избѣ у рабочихъ, говоритъ имъ:— «Эхъ вы, работаете изъ-за гроша, да и гроша не получите: обманетъ васъ хозяинъ-то!» А потомъ сейчасъ-же

идетъ къ хозяину: «Видѣлъ рабочихъ—ничего не дѣлаютъ, подлецы!» Переносилъ сплетни и обо всѣхъ злословилъ. Такъ что какъ появится князь—въ домѣ общій содомъ, прислуга говорила: опять, дьяволъ, пришолъ! «У насъ онъ пробовалъ учить дѣтей, разсказывала та-же помѣщица,—но вотъ какой характеръ. Дѣтей ставилъ въ уголъ за то, что мать слушались. Чуть въ одномъ словѣ у ребенка ошибка, или цифра не вѣрна—сейчасъ-же всю тетрадь разорветъ въ клочки». Раздражителенъ былъ князь донельзя. Работаетъ что-нибудь по столярной части или вырѣзаетъ; вещь ужь совсѣмъ готова, да вдругъ царапина какая-нибудь. Сейчасъ-же всю вещь вдребезги. «За все брался, ничего не оканчивалъ».

Почти всѣ знавшіе князя считаютъ, что онъ былъ ненормальный, «полоумный какой-то». Чувствовалось, что тѣмъ изъ крестьянъ, кто помнитъ князя недоставало слова, которое сразу его охарактеризовало-бы — слова «психопатъ». Можетъ быть Вяземскій обладалъ даже отягченной наслѣдственностью, какъ выражаются врачи. Можетъ быть, онъ былъ послѣднею отраслью выродившагося въ этой линіи древняго рода, и какъ большинство «послѣднихъ въ родѣ» носилъ въ себѣ черты вырожденія. Психопаты обыкновенно вбираютъ въ себя всѣ помѣшательства своей эпохи, — и князь вобралъ ихъ въ себя, отъ крѣпостническаго изувѣрства до самыхъ циническихъ формъ нигилизма. Натура страстная, неустойчивая, тяготѣющая къ излишествамъ разнаго рода, князь — какъ всѣ психопаты — былъ крайне тщеславенъ; неспособный заслужить себѣ уваженіе дѣйствительною заслугой, онъ старался хоть чѣмъ нибудь поразить воображеніе ближнихъ. Отсюда его циническія выходки и причуды, часто очень походившія на кривлянье. Разсказываютъ, напримѣръ, какъ князь разводилъ змѣевъ, вороновъ, волковъ, какъ покупалъ овецъ и кормилъ ими собакъ, какъ онъ пилъ чай,

забравшись по горло въ рѣку, какъ прислалъ однажды письмо сосѣду на цѣлой тесинѣ и пр. пр. Все это, дѣйствительно, удивляло сосѣдей и многимъ казалось замѣчательнымъ; для скрытыхъ циниковъ и скрытыхъ психопатовъ, которыхъ у насъ такъ много,—князь-нигилистъ могъ казаться даже героемъ...

XI.

Біографы Вяземскаго въ особенности превозносятъ одну черту: полную безсребренность князя, даже какое-то отвращеніе къ деньгамъ. Но эта безсребренность на самомъ дѣлѣ была весьма относительная. Въ крѣпостное время князь съ крестьянъ, по словамъ ихъ, «тащилъ, что было можно». По разсказамъ бабки Анны, какъ-то вымерзъ у князя картофель. Князь увелъ корову у мужика—зачѣмъ тотъ не досмотрѣлъ. Убилъ кто-то собаку у князя, — онъ обвинилъ мужика и опять свелъ корову. Крестьянъ онъ, какъ уже сказано, не даромъ выпустилъ на волю, а за значительный выкупъ,—земли имъ не подарилъ ни вершка; подѣлившись съ братомъ, свою землю отдавалъ въ аренду, а землю брата (когда онъ умеръ), по довѣренности племянника, сдалъ не крестьянамъ, которымъ она была нужна до-зарѣзу, а мѣстному богатѣю, который за это ублажалъ князя, поилъ его водкой и кормилъ. Свою собственную землю князь, какъ говорятъ, запродавалъ нѣсколько разъ; получитъ деньги—проживетъ, и снова продаетъ. Окончательно онъ отказался отъ земли всего за три мѣсяца передъ смертью, да и то не отдалъ, а продалъ ее тому-же И. А. Ульянову. И съ вещами тоже: продастъ книгу, потомъ возьметъ ее назадъ и опять продастъ. По словамъ помѣщицы г-жи Кропотовой, князь очень любилъ брать деньги взаймы и рѣдко возвращалъ ихъ. Но беря отъ другихъ, князь разбрасывалъ деньги безъ разсчета, сорилъ ими и это производило впечатлѣніе безкорыстія. Деньги валя-

лись у него иногда на полу, но чтобы онъ раздавалъ ихъ бѣднымъ — этого я не слышалъ отъ крестьянъ.— Что ему было раздавать? Самъ былъ нищій, говорили они. Вѣроятно, однако, что князь оказывалъ крестьянамъ посильныя услуги, и можетъ быть дѣлился съ ними въ мелочахъ, какъ и они дѣлились съ нимъ хлѣбомъ, яйцами, медомъ и т. п. Одна баба изъ сосѣдней деревни разсказала мнѣ, напримѣръ, что князь когда-то далъ ей гвоздей на постройку.

Я получилъ—уже послѣ поѣздки въ Серпуховскій уѣздъ—письмо отъ нѣкоего г. Н. Скворцова, который пишетъ: «... Очень сожалѣю, что не могъ васъ видѣть и передать мнѣ лично извѣстные его, князя-подвижника, возмутительныя продѣлки. Я уроженецъ села Спаса-Темни, рядомъ съ Кудаевымъ; проживши болѣе 25-ти лѣтъ, хорошо зналъ князя. Отецъ мой, Ефимъ Алексѣевичъ Скворцовъ, въ концѣ 60-хъ годовъ арендовалъ у него, князя, тотъ «уютный домикъ на берегу Нары», о которомъ такъ много писала компанія писакъ. Многочисленная семья отца въ домѣ прожила года два, платила исправно впередъ арендныя деньги. Въ одно время нужны были князю деньги, взять ихъ было негдѣ, арендныя забраны впередъ. Онъ предложилъ отцу моему купить этотъ домъ, отецъ согласился, сдѣлка состоялась за 500 руб. за домъ и одну десятину при домѣ. Князь взялъ впередъ деньги, выдалъ отцу какую-то простую записочку, купчую-же крѣпость все время откладывалъ. Отецъ мой былъ хотя бѣдный, но чрезвычайно честный и простой малограмотный человѣкъ,—повѣрилъ князю. Въ это время я, какъ старшій сынъ, женился. На второй день послѣ свадьбы князь призываетъ моего отца въ Кудаево, гдѣ онъ жилъ, и объявляетъ отцу, чтобы онъ прислалъ молодую сноху къ нему, князю, вечеромъ (для извѣстной цѣли), на что старикъ-отецъ посовѣстилъ князя за гнусныя его намѣренія и наотрѣзъ отказался исполнить грубую привычную прихоть князя. На это

князь разсвирѣпѣлъ и чрезъ нѣсколько недѣль выгналъ съ ругательствомъ отца съ многочисленнымъ семействомъ, не давши найти квартиру, не возвратилъ отцу какъ арендныя деньги, такъ и полученныя за проданный домъ. Такъ деньги и пропали. Это былъ не «великій подвижникъ», какъ его возвеличила праздная компанія, а великій мошенникъ, бродяга, тунеядецъ, свое все промоталъ, жилъ на чужой счетъ, ничего не дѣлалъ, человѣкъ въ высшей степени безнравственный, грубый, неряшливый, ужасный ругатель—сквернословъ, невѣрующій въ Бога, надъ религіей постояннно глумился, кощунствовалъ, ругалъ священниковъ, однимъ словомъ—звѣрь, а не человѣкъ. Что вами описано о его безобразіи... это далеко не полно, нѣтъ даже десятой доли его безобразій. Напримѣръ, приведу любимую его потѣху во времена крѣпостного права· соберетъ бывало молодыхъ дѣвушекъ, самъ раздѣнется до-гола, велитъ дѣвушкамъ его носить или качать: чуть что на какую дѣвушку разгнѣвается—повѣситъ дохлаго ягненка нашею и велитъ такъ носить дня два или три; сколько растлилъ молодыхъ 14, 15, 16 лѣтъ дѣвушекъ—счету нѣтъ. Нестоитъ всѣ его безобразія вспоминать.

«.. Меня сильно удивляетъ, для какой цѣли г.г. Мантейфелю, Корсакову и К° нужно было сфабриковать изъ великаго негодяя — великаго праведника-подвижника?..»

XII.

Крестьяне, когда Вяземскій обнищалъ, помогали ему, какъ бывшему своему господину и дряхлому старику, но иногда и потѣшались надъ нимъ.—«Помните, ваше сіятельство, какъ мы были вашими крѣпостными? Мы просили хлѣба, а вы кричали:—сосите себѣ лапу! Ну, теперь пососите-ка и вы себѣ лапу». Въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ князь пускался на хитрости. Слышитъ мужикъ, князь кричитъ съ другого берега рѣки:—Эй, иди хле-

бать уху! Хлѣба соли захвати!» Мужикъ забираетъ хлѣба и соли и переправляется къ князю. — Гдѣ-жъ уха? — «А вонъ, въ рѣкѣ; бери ложку и хлебай!»

Лѣтъ за шесть до смерти князь переселился въ Серпуховъ и тутъ жилъ по знакомымъ: на постояломъ дворѣ у Кирьякова, у столяра Кузьмичева, переплетчика Кузнецова и др. Г Корсаковъ разсказываетъ крайне трогательную исторію, какъ князь вошелъ въ семью простого переплетчика въ качествѣ генія-утѣшителя: «Каждый праздникъ переплетчикъ напивался пьянъ, бушевалъ, а остальные дни недѣли, ругаясь съ рабочими, тузилъ подмастерьевъ и своихъ дѣтей... Князь очутился въ небольшомъ міркѣ, гдѣ традиціи кулака и озвѣрѣлаго самовольства, казалось, свили себѣ такое прочное гнѣздо, что нечего было и думать подорвать ихъ престижъ. Однако князь не отступилъ отъ представившихся ему трудностей, и мало-по-малу своимъ скромнымъ, полумолчаливымъ вмѣшательствомъ пытался нравственно оздоровить среду... Онъ началъ съ защиты самыхъ безпомощныхъ—дѣтей... Прежде всего онъ старался устранить по возможности всѣ поводы, вызывавшіе раздраженіе ихъ отца» (описывается очень трогательно, какъ князь привлекъ къ себѣ любовь дѣтей). Кузнецовъ замѣтилъ хорошее вліяніе князя на дѣтей и сталъ понемногу сдержаннѣе по отношенію къ нимъ. Отношенія князя къ хозяину заставили послѣдняго призадумываться надъ своимъ работникомъ и удивляться его тихому нраву. Князь никогда не осуждалъ никого и какъ съ хозяиномъ, такъ и со всѣми былъ предупредителенъ, кротокъ и внимателенъ. Онъ не позволялъ себѣ также вступать съ Кузнецовымъ ни въ какіе споры и разсужденія, предпочитая личнымъ своимъ поведеніемъ убѣждать хозяина въ возможности иныхъ, болѣе гуманныхъ и справедливыхъ отношеній къ людямъ. Однажды пьяный хозяинъ, возвратившись домой, началъ буянить. Изругавъ мастеровыхъ, жену, страшно нашумѣвъ и на-

кричавъ онъ, по какому-то ничтожному поводу, напустился на дѣтей и, схвативши вѣникъ, началъ ихъ сѣчь. Раздались отчаянные, раздирающіе душу крики. Не проронявши ни единаго слова, князь вдругъ молча сталъ передъ разсвирѣпѣвшимъ отцомъ. Кузнецовъ бросилъ было негодующій взглядъ на князя, но замѣтивъ, что онъ горько плачетъ, мгновенно пришелъ въ себя... Дѣти окружили своего друга, прижались къ нему, какъ-бы прося его защиты, а князь попрежнему продолжалъ плакать, гладилъ дѣтей по ихъ свѣтлымъ головкамъ, прижималъ ихъ къ себѣ и не спускалъ глазъ съ Кузнецова. Эта молчаливая сцена до такой степени поразила пьянаго отца, что и онъ заплакалъ и началъ обнимать князя. Съ этого дня вліяніе князя сдѣлалось неотразимо. Къ нему съ уваженіемъ относились его товарищи по работѣ, и самъ Кузнецовъ все рѣже и рѣже проявлялъ свой крутой нравъ. А князь продолжалъ прилежно переплетать книги, училъ дѣтей грамотѣ, охотно помогалъ въ домашнемъ хозяйствѣ Кузнецовыхъ, дѣлился своимъ заработкомъ съ бѣднѣйшими изъ своихъ товарищей и сдѣлался незамѣнимымъ человѣкомъ въ мастерской переплетчика».

Такъ описываетъ г. Корсаковъ. Я вмѣстѣ съ г-жею Мантейфель нарочно съѣздилъ въ Серпуховъ и не безъ труда розыскалъ тамъ переплетчика Кузнецова. При одномъ имени князя Кузнецовъ пришолъ въ волненіе. «О покойномъ грѣхъ говорить что-нибудь худое, заявилъ Кузнецовъ, но кромѣ подлости мы ничего не видѣли отъ князя. Подлецъ былъ и злостный человѣкъ. Я въ трактирѣ при всемъ честномъ народѣ,—спросите Илью Агафонова,—говорилъ: мерзавецъ, вы, князь, подлецъ, людоѣдъ!—Мстительный былъ ухъ какой! Чернилъ всѣхъ за глаза—я работу черезъ него потерялъ въ земствѣ. Отчего я держалъ его? Да просто изъ жалости: вѣдь старикъ былъ и нищій, да къ тому-же и князь. А пользы отъ него, кромѣ вреда, никакой не было. Ничего онъ не смыслилъ

ни въ какой работѣ, а ужъ заносился передъ рабочими страхъ какъ. Все ученостью своею кичился и ругался со всѣми. Рабочіе не встерпѣли, и я прогналъ его. Жить съ нимъ было невозможно. изъ-за пустяка, изъза жидкаго стакана чаю (а онъ пилъ какъ деготь крѣпкій)—весь домъ ставилъ вверхъ дномъ». Я разсказалъ Кузнецову о томъ, какъ князь, по біографіи г. Корсакова, защищалъ дѣтей его отъ отца. Кузнецовъ не повѣрилъ, что это напечатано.—«Приди апостолъ Павелъ—не повѣрю. Вѣдь я могу подать за это, и типографіи будетъ вредно. Все это вздоръ, легенда́, сущая легенда́... Какъ онъ жилъ? Бродягой. Шкаликъ любилъ пуще всего; чуть заведется грошъ—въ трактиръ тащилъ, а табакъ почти что ѣлъ—во по какой засыпкѣ втягивалъ... Не знаю, каковъ онъ былъ въ молодости, можетъ быть и хорошій, но старикомъ былъ подлецъ и безбожникъ».

Такъ-то не сходится мелодраматическое описаніе г. Корсакова съ дѣйствительностью.

XIII.

У г. Корсакова записанъ еще одинъ благородный поступокъ князя. Живя въ Серпуховѣ, князь будто-бы «особенно помогалъ осиротѣвшей семьѣ умершаго столяра Евстафія Кузьмичева»... который «умеръ въ великой бѣдности, оставивъ послѣ себя жену *и многочисленное семейство*». Я разыскалъ это семейство: оно состоитъ изъ единственной дочери столяра, Екатерины Кузьмичевой, дѣвицы очень почтенныхъ лѣтъ, живущей, повидимому, безбѣдно (шитьемъ). Дѣтей у Кузьмичева не было, кромѣ этой дочери, и послѣдняя подивилась слуху, что князь имъ помогалъ. Очень вѣжливо и сдержанно она замѣтила. «Вѣдь у нихъ у самихъ ничего не было. Не они намъ, а тятенька имъ помогали, просто изъ жалости. Князь не могли работать; они совсѣмъ не понимали въ столярномъ дѣлѣ, и надо-же было имъ кор-

миться». Кузмичевъ былъ сектантъ (молоканинъ), любилъ поговорить съ княземъ, ожесточеннымъ противникомъ церкви,—жена-же Кузмичева, по словамъ помѣщицы г-жи Мантейфель, просила знакомыхъ избавить ихъ семью отъ князя.

Такъ-то пишется исторія г. Корсаковымъ.

Въ Серпуховѣ князь терпѣлъ иногда крайнюю нужду. Однажды хозяйка квартиры, гдѣ онъ пріютился, прогнала его, и онъ цѣлую ночь провелъ на кладбищѣ. Все свободное время князь проводилъ въ трактирахъ. Наконецъ, это бродяжничество князя-рюриковича показалось зазорнымъ мѣстнымъ дворянамъ: въ деревнѣ оно было не видно, въ городѣ — производило скандалъ. Его устроили чѣмъ-то вродѣ надсмотрщика при постройкѣ земской больницы, положивъ, какъ говорятъ, жалованье по 10 рублей. Въ больницѣ, по словамъ г. Кирьякова, князь преслѣдовалъ всѣхъ сторожей и ругался съ ними.

О послѣднихъ дняхъ «великаго подвижника» сообщалъ мнѣ въ Серпуховѣ хозяинъ постоялаго двора г. Кирьяковъ, котораго А. П. Мантейфель рекомендовалъ мнѣ какъ лицо особенно близкое къ князю въ послѣдніе годы. У г. Кирьякова князь и жилъ одно время, и забиралъ провизію, и такъ бывалъ часто. Г. Кирьяковъ читалъ біографію, написанную г. Корсаковымъ, и возмущенъ ею — дотого, что самъ даже составилъ «опроверженіе», гдѣ — хоть и мало-образованный человѣкъ — отмѣчаетъ не только ложь, но и вычурную безсмыслицу многихъ мѣстъ біографіи. Князь, по отзыву Кирьякова, былъ «ученъ, великаго знанія изъ химіи и ботаники», но «имѣлъ тяжелый характеръ и любилъ ругаться крѣпкими словами». Праведникомъ онъ вовсе не былъ; мелкіе долги отдавалъ и передъ смертью раздавалъ лишнія деньги (полученныя отъ г. Ульянова за проданную землю). Называлъ себя лютераниномъ, смѣялся надъ религіей, духовенства терпѣть не могъ. «Остановились у

меня аѳонскіе монахи, говоритъ Кирьяковъ. Князь пересталъ ко мнѣ ходить. — Что-же вы, В. В., не заходите? — Какъ-же я пойду, говоритъ: — вѣдь у васъ черти остановились! — Разсердился, началъ бранить монаховъ самыми площадными словами. Покричалъ и пошолъ домой, не дошолъ до дому — ударъ съ нимъ сдѣлался. Видимъ, смерть приходитъ князю, начали увѣщевать, чтобы исповѣдовался. И слышать не хочетъ: «Давайте, я передъ вами исповѣдуюсь. Когда я былъ мальчикомъ, повезли меня въ Кіевъ и поставили передъ мощами св. Андрея. Я взялъ да и укусилъ потихоньку мощи за палецъ ноги. Смотрю — солома. Съ тѣхъ поръ я не вѣрю». Мы стали просить его позвать священника и причаститься. Наконецъ, согласился. Исповѣдовался и причастился, какъ христіанинъ. Но все страдалъ и не могъ умереть. Я послалъ тогда въ Москву, разыскать аѳонскаго архимандрита, что стоялъ у меня, за разрѣшительной молитвой. Когда онъ далъ молитву — князь и умеръ». Кирьяковъ убѣжденъ, что князя Богъ покаралъ за богохульство.

— Правда-ли, спрашиваю, что на похороны сошолся весь городъ, «всѣ сословія, всѣ профессіи, духовенство, пѣвчіе, земство, несмѣтная толпа народа», и что дѣти служили панихиды?

— «Все ложь, заявилъ Кирьяковъ. — Похороны я и устраивалъ: все-таки, знаете, покойникъ княземъ былъ, и похоронить надо было прилично. Духовенство было, это точно, были и пѣвчіе,—такъ вѣдь безъ этого нельзяже и хоронить. Везли изъ земской больницы, — были кое-кто изъ земцевъ, которыхъ мы оповѣстили. Шли по улицѣ гимназисты—и тѣ пристали; знаете, городъ нашъ уѣздный, всѣ рады посмотрѣть похороны. Всегда толпа бываетъ». Въ общемъ, Кирьяковъ считаетъ князя «удрученнымъ судьбою и полоумнымъ».

Посѣтилъ я могилу князя. На ней поставленъ сыномъ бывшаго кудаевскаго арендатора, г. Ульяновым.

приличный чугунный крестъ, на пьедесталѣ котораго вырѣзаны тѣ-же слова Пушкина, на которыя ссылается г. М—фель, первый біографъ князя· «Замѣчательные люди проходятъ у насъ безслѣдно» и пр.

Посѣтилъ я и мѣсто, гдѣ князь жилъ за Нарой въ лѣсу. Остались развалины бутоваго фундамента дома, густо заросшія бурьяномъ,—огромный камень у бывшихъ дверей, изъ котораго князь собирался высѣчь намогильную плиту кому-то, да такъ и не собрался; остался засохшій маленькій прудъ, «Катина роща» (названная княземъ въ честь одной сожительницы), да канавы — та страшная «копань», о которой безъ ужаса не можетъ вспомнить крѣпостная бабка Анна... Да и эта копань ужь заростаетъ. Природа великодушна: она «топитъ въ пропасти забвенья» все безуміе и всю злобу людскую, сама «сіяя красою вѣчною»...

XIV.

Долженъ замѣтить, что пораженный всеобщимъ безпощаднымъ приговоромъ надъ Вяземскимъ въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ, я старался собрать какіе нибудь факты, говорящіе въ его пользу, но не нашелъ ихъ. Я просилъ бывшихъ крѣпостныхъ хорошенько припомнить, не сдѣлалъ-ли для нихъ чего нибудь добраго князь, мнѣ на это почти ничего не могли отвѣтить. Но въ образованномъ кругу, гдѣ князь велъ себя прилично, память о немъ осталась очень разнообразная. Въ гостиной своей жены, въ обществѣ свѣтскомъ, князь казался интереснымъ, умнымъ, образованнымъ, тонкимъ и можетъ быть даже возвышеннымъ. Натуры психопатическаго склада хорошо притворяются и иногда очаровываютъ малознакомыхъ съ ними. Они разсказываютъ о себѣ столько прекрасныхъ вещей и съ такою увѣренностью, что внушаютъ уваженіе. Въ обществѣ разночинной интелли-

генціи, среди тогдашнихъ либераловъ, князь видимо, производилъ сильное впечатлѣніе рѣзкостью своего радикализма, глумленіемъ надъ авторитетами, восторженною вѣрою въ естественныя науки и въ матеріальный прогрессъ, своимъ злорѣчіемъ и независимостью. Сверхъ того не забудьте, что Вяземскій былъ *князь*—качество, повергающее столь многихъ въ гипнозъ почтенія. Для множества людей громкій титулъ покрываетъ чуть-ли не всѣ грѣхи и самымъ незначительнымъ заслугамъ придаетъ размѣры подвига. Уже послѣ моего разслѣдованія легенды о Вяземскомъ, нѣкоторыя лица сообщили въ печати кое-какія свѣдѣнія о князѣ, говорящія въ его пользу. Такъ, проф. К. Бестужевъ-Рюминъ, бывшій съ княземъ въ свойствѣ, пишетъ, что былъ «нѣсколько изумленъ», прочтя мою статью, хотя онъ князя и зналъ недолго, всего «во время его супружеской жизни въ Москвѣ, въ 1857 году». Князь показался тогда Бестужеву-Рюмину «въ высокой степени эстетическимъ человѣкомъ, способнымъ глубоко любить и страдать отъ того, что любовь его не находила ожидаемаго отвѣта». Характеръ князя онъ называлъ «страстнымъ и пылкимъ». По воспоминаніямъ автора, князь занимался изобрѣтеніемъ какихъ-то особенныхъ ружей, что онъ много читалъ и сдѣлалъ для княгини распятіе художественной работы. Разрывъ съ женой произошелъ «по несходству характеровъ». Земскій статистикъ г. Ив. Боголѣповъ, со словъ своего отца, мѣстнаго священника, пишетъ, что въ 1848 году мѣстность, гдѣ жилъ князь, была поражена сильнѣйшей холерой, населеніе было объято паникой. «Князь перебывалъ едва-ли не во всѣхъ селеніяхъ округа, навѣщалъ больныхъ, производилъ самъ растиранія и пр. и ободрялъ священниковъ». Самъ г. Боголѣповъ помнитъ князя съ 50-хъ годовъ, помнитъ, что онъ работалъ надъ какими-то ружейными стволами и велъ жизнь простого лѣсника. Въ гостяхъ князь выпивалъ, но немного, очень дружилъ съ молодежью, особенно со

студентами. Въ отношеніи крестьянъ г. Боголѣпову извѣстенъ случай, какъ одному погорѣльцу князь отдалъ половыя доски своего дома. Князь былъ страстнымъ любителемъ природы, и отсюда его столкновенія съ проѣзжими по его землѣ и арендаторами. «Не могу забыть, говоритъ г. Боголѣповъ, тѣхъ волненій, которыя князь переживалъ при всякомъ извѣстіи, что тотъ или иной изъ крестьянъ, а иногда и цѣлое общество пострадали отъ какого-либо мѣстнаго кулака. Князь въ такихъ случаяхъ дѣлался рѣшительно Донъ-Кихотомъ: выходилъ изъ себя, громко высказывалъ сожалѣніе, что онъ, какъ не юристъ, не знаетъ, какъ тутъ поступить; тѣмъ не менѣе онъ все-таки говорилъ о своемъ вмѣшательствѣ въ дѣло для защиты пострадавшихъ. Въ дѣйствительности, изъ такихъ его волненій ровно ничего не выходило и не могло выдти». Князь сдѣлалъ рамочные ульи, впервые для своей мѣстности, и вообще старался помогать своимъ столярнымъ трудомъ. Г. Боголѣповъ присутствовалъ при кулачной расправѣ князя съ мѣщаниномъ М. И., но объясняетъ ее иначе, чѣмъ самъ побитый мѣщанинъ (см. выше). По словамъ г. Боголѣпова, врачъ серпуховской земской больницы г Витте удостовѣряетъ, что за землю, проданную передъ самой смертью одному лицу, князь получилъ всего 500 рубл. (въ актѣ значится 2000), изъ этихъ денегъ 200 р. онъ просилъ отдать въ уплату его долговъ, а 300 завѣщалъ больницѣ.

Въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» нѣкая г-жа Д. описываетъ свое знакомство съ Вяземскимъ, гдѣ подтверждаетъ многое, сказанное выше (между прочимъ слабость князя къ вину и табаку, и то, что онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и занималъ у знакомыхъ). Г-жа Д. описываетъ князя какъ рѣзкаго противника гр. Л. Н. Толстого, «Исповѣдь» котораго онъ возвратилъ ей, прося не увлекаться ею и указывая, насколько слаба въ ней философія. «Я предложила ему, пишетъ г-жа Д.,

познакомиться у насъ съ гр. Толстымъ, но онъ наотрѣзъ отказался». Медицину онъ признавалъ «ложною» наукою и отвергалъ философію. Г-жа Д. приводитъ отрывокъ изъ письма князя, важный для его характеристики: «Философія—рѣшительно безполезная наука, если-бы ее не было, все-бы мы имѣли и паровозы, и телеграфъ и пр. Повѣрьте мнѣ, что ни Ньютонъ, ни Уатъ, ни Дарвинъ не читали ни одной философской книги. Вездѣ, гдѣ философія сталкивалась съ названными науками, тамъ она оказывалась несостоятельною. Такъ Беконъ стертъ Либихомъ, Гексли и др. Даже нашъ любимецъ Гёте, какъ только сунулся въ область реальныхъ наукъ, палъ передъ Ньютономъ и Океномъ. Философія возможна только въ математикѣ, но здѣсь не допускается никакихъ фантазій, или, какъ ихъ называетъ Беконъ, «идоловъ». Да и ни одинъ математикъ не знаетъ Бекона. Естественныя науки очень обширны, въ нихъ есть части, для изученія которыхъ нужно посвятить всю жизнь (напр. химія), но вмѣстѣ съ этимъ онѣ возвышаютъ насъ, даютъ намъ какую-то силу, пониманіе нашего собственнаго значенія, ясный взглядъ на окружающую насъ природу» и пр. Та-же г-жа Д. говоритъ о восторженныхъ рѣчахъ князя о Гегелѣ, Кантѣ, Спенсерѣ и другихъ философахъ, хотя и трудно согласить это съ отрицаніемъ княземъ философіи.

Приведенный отрывокъ очень характеренъ, онъ буквально напоминаетъ рѣчи тогдашнихъ передовыхъ людей, «реалистовъ» и нигилистовъ, ихъ презрѣніе къ метафизикѣ, ихъ слѣпую вѣру въ естественныя науки, ихъ утилитарный взглядъ на знаніе, ихъ щеголянье именами Гексли, Дарвина, Окена, Либиха, сквозь которое сквозило малое знакомство ихъ даже съ этими кумирами.

У меня есть одно письмо Вяземскаго, дополняющее его физіономію. Въ немъ князь пишетъ А. П. Мантейфелю: «Я вами недоволенъ, зачѣмъ Вы бросили Вашу

прежнюю манеру насмѣшекъ? Вѣдь насмѣшка болѣе всего дѣйствительна въ исправленіи недостатковъ другихъ». «Еще вопросъ. Если я напишу Вамъ убѣдительнѣйшее письмо, въ которомъ буду Васъ просить сжечь мой трупъ,—постараетесь-ли Вы объ этомъ? Конечно, съ дозволенія начальства. Вѣдь надобно начать когда-нибудь этотъ благодѣтельный обычай. Но нельзя не замѣтить, что вывозить трупы умершихъ отъ незаразныхъ болѣзней на поле для удобренія было бы еще болѣе пользы»...

Случайныя, но характерныя черточки.

XV.

Читатель вѣроятно, спроситъ: чѣмъ-же объяснить возникновеніе странной легенды о подвижничествѣ князя? Что побудило біографовъ—людей, повидимому, почтенныхъ, столь поразительно отступить отъ истины? Что заставило ихъ сблизить до полнаго совпаденія кудаевскаго нигилиста съ ясно-полянскимъ философомъ? На эти вопросы я, по понятнымъ причинамъ, не могу отвѣтить опредѣленно. Могу только замѣтить, что біографы князя не безусловно согласны между собою. А. П. Мантейфель, давшій г. Корсакову матеріалы для біографіи, говорилъ мнѣ, что «факты въ біографіи искажены», что князь былъ «женолюбивъ и рѣзокъ» и пр. Семья г. Мантейфеля, знавшая князя, дала мнѣ отзывъ о немъ крайне отрицательный и съ большою готовностью помогала мнѣ при собираніи свѣдѣній о Вяземскомъ.

Поддержавшій легенду о князѣ Вяземскомъ г. Обнинскій очень мало зналъ Вяземскаго, живя въ другомъ уѣздѣ. Хорошо зналъ князя во вторую половину его жизни—А. П. Мантейфель; онъ былъ, по его-же словамъ, связанъ съ княземъ узами тѣсной дружбы и, очевидно, увлекся этою дружбой. Возможно, что біографъ цѣня въ князѣ его происхожденіе и начитанность, закрывалъ глаза на многое, въ чемъ «всѣ грѣш-

ны». Очень многое записано г. Мантейфелемъ, очевидно, по разсказамъ князя, которымъ вѣрить слѣдовало съ большею осторожностью. Г-жѣ Д. князь говорилъ, напримѣръ, въ числѣ другихъ небылицъ о своемъ путешествіи въ Индію... Столь-же вѣроятно его пребываніе въ Кіевскомъ университетѣ, сношенія его съ различными учеными, его знанія въ наукахъ и искусствахъ и т. п. Князь и его біографъ были поклонники другъ друга; въ одномъ письмѣ къ г. Мантейфелю князь ставитъ его выше Антона Рубинштейна, Листа и другихъ великихъ музыкантовъ. Г. Мантейфель платилъ ему такою-же гиперболой. Слѣдуетъ взять въ разсчетъ также укоренившуюся въ нашихъ нравахъ привычку къ оффиціальной лжи, считающейся не только невинной, но даже похвальной. Человѣка завѣдомо дурного, если онъ чиновный или титулованный, мы въ юбилейныхъ рѣчахъ, за тостами и въ некрологахъ превозносимъ какъ «замѣчательнаго», «несравненнаго», «честнаго, энергическаго дѣятеля», «высоко-талантливаго», «заслуженнаго» и т. п. *.

Я познакомился также съ семьею и г. Корсакова (въ селѣ Капустинѣ), съ его почтеннымъ отцомъ, хорошо знавшимъ князя, братомъ и другими. *Всѣ* они отозвались о князѣ неблагопріятно и считаютъ біографію невѣрною. Одинъ близкій родственникъ г. Коркакова остроумно выразился о немъ: «Онъ почти не зналъ князя и ошибся. нужно было закричать *караулъ!* а онъ закричалъ *ура!*»

Уже послѣ моего разслѣдованія о Вяземскомъ я узналъ

Первый авторъ легенды о князѣ В. В Вяземскомъ — А. П Мантейфель — скончался (въ преклонномъ возрастѣ) отъ прогрессивнаго паралича. которымъ заболѣлъ вскорѣ послѣ возникновенія легенды. Еще ранѣе болѣзни онъ былъ извѣстенъ въ уѣздѣ какъ искусный мистификаторъ Не объясняется-ли и эта странная литературная мистификація отчасти предрасположенностью ея автора къ душевному заболѣванію?

любопытный фактъ что еще задолго до смерти князя, въ 1877 году, со стороны того-же г. Корсакова была попытка создать легенду о князѣ. Г. Корсаковъ напечаталъ тогда въ «Недѣлѣ» (№ 9) довольно большую статью — «Князь-крестьянинъ», причемъ указана приблизительно та-же мѣстность и описывается тотъ-же образъ жизни князя, который почти дословно повторенъ въ біографіи напечатанной въ «Сѣв. Вѣстн.». Но какъ бы чувствуя, какъ мало правды въ этой статьѣ, г. Корсаковъ вывелъ Вяземскаго подъ именемъ князя Пряникова: вымышленому имени можно было приписать что угодно. Насколько свободно г. Корсаковъ обращается съ истиной доказываетъ то, что первоначально онъ женилъ своего героя на графинѣ S. и тогда уже заставилъ его умереть. За 15 лѣтъ до дѣйствительной смерти князя Вяземскаго г. Корсаковъ пишетъ: «Уже около полугода какъ домъ пустуетъ .. Въ Сентябрѣ (замѣтьте, какая точность) крестьяне схоронили князя. До церкви ближайшаго села его простой, наскоро сколоченный гробъ несли на рукахъ... Большая толпа крестьянъ, пришедшая проводить своего друга, горько оплакивала человѣка, который сумѣлъ любить эту толпу и жить ради нея».. По словамъ самого г. Корсакова (въ «Сѣв. Вѣстн.») онъ имѣлъ намѣреніе этою статьей о князѣ Пряниковѣ вызвать большой шумъ въ печати и ослабить тогдашнее революціонное броженіе. «Мнѣ, говоритъ г. Корсаковъ, думалось тогда· хорошо-бы было, ежели-бы кто нибудь изъ нашихъ большихъ писателей обратилъ вниманіе на мой слабый очеркъ, и силою своего таланта, развилъ написанное мною о князѣ, раскрылъ-бы молодежи новые горизонты, рекомендуя не «дѣйствіе» а такъ сказать самодѣйствіе, и я помню, какъ съ моимъ очеркомъ я собирался идти къ Ѳ. М. Достоевскому. Я хотѣлъ съ нимъ переговорить, *хотѣлъ просить его взять на себя трудъ написать статью по поводу «князя Пряникова»* съ указаніемъ для молодежи единственнаго хоть и тернистаго

пути къ благу... *Я рисовалъ себѣ, какой шумъ произведетъ горячая статья Достоевскаго, которому молодежь уже поклонялась въ то время, жадно прислушивалась къ каждому его слову*». Былъ у Достоевскаго г. Корсаковъ или не былъ—провѣрить трудно. Г. Корсаковъ говоритъ, что ему стыдно было нести свою статью великому писателю и онъ не пошелъ къ нему. Но подчеркнутыя мною выше слова составляютъ, какъ мнѣ кажется, любопытное признаніе. Еще 15 лѣтъ до смерти Вяземскаго у г. Корсакова была идея при посредствѣ какого нибудь великаго писателя, любимца молодежи, вызвать всеобщее вниманіе и «шумъ» около своей статьи. Съ Достоевскимъ ничего не вышло; однако, замыселъ вызвать шумъ повидимому не покидалъ г. Корсакова, и послѣ смерти Вяземскаго; черезъ 18 лѣтъ послѣ первой попытки онъ повторяетъ ее почти буквально. Ту-же сказку свою о князѣ Пряниковѣ онъ распространяетъ въ большой біографическій очеркъ, придаетъ личности своего героя рѣзкія черты толстовства и несетъ къ гр. Л. Н. Толстому, прося «предисловія» для своей работы. Но, какъ мнѣ передавали, великій художникъ почувствовалъ какую-то фальшь въ писаніи г. Корсакова и отклонилъ его просьбу. Попытка взлетѣть на чужихъ могучихъ крыльяхъ не удалась окончательно... Г. Корсакову оставалось попробовать прошумѣть «своими средствами»...

XVI.

Что-же такое былъ на самомъ дѣлѣ князь В. В. Вяземскій? Какъ согласить повидимому противоположныя черты его личности, оставшіяся въ памяти его знавшихъ? Какъ объяснить глубокое презрѣніе къ нему однихъ свидѣтелей его жизни съ несомнѣннымъ уваженіемъ къ нему нѣкоторыхъ другихъ?

Мнѣ кажется есть легкая возможность согласить всѣ эти противорѣчія. Стоитъ признать, что князь былъ

именно такимъ, какимъ его рисуютъ не голословныя утвержденія, а *факты*, приводимые и поклонниками и противниками. Голословныя утвержденія у біографовъ до такой степени явно страдаютъ отсутствіемъ правды, что болѣе рѣзкаго примѣра въ этомъ отношеніи я не встрѣчалъ въ литературѣ. Но факты изъ жизни князя рисуютъ въ высшей степени опредѣленный, рѣзко выраженный, *вѣчный* типъ — типъ *циника*, съ его хорошими и дурными сторонами. Возстановите въ памяти образъ древнихъ циниковъ—князь В. В. Вяземскій повторяетъ этотъ образъ съ необыкновенной вѣрностью, исключая совсѣмъ несущественныя частности времени и мѣста. Цинизмъ—какъ и всякая до конца выраженная философія — есть прежде всего характеръ, психологическая разновидность, и какъ всѣ характеры, онъ вѣченъ. Хорошая сторона цинизма та, что онъ по природѣ своей есть протестъ противъ зла; дурная сторона та, что это протестъ злобный и безумный. Первая черта привлекаетъ къ нему поклонниковъ, вторая — враговъ. Вспомните Антисѳена, отца цинической школы. «Онъ выражалъ свое презрѣніе къ господствующимъ обычаямъ и гордился тѣмъ, что не похожъ на другихъ людей. Обыкновенно онъ ходилъ въ поношенномъ плащѣ, выставляя на показъ свою нищету. Все это ясно было для Сократа, и онъ сказалъ ему однажды: «Твое тщеславіе, Антисѳенъ, выглядываетъ изъ дыръ твоего плаща»... Бороды Антисѳенъ никогда не брилъ, ходилъ съ сумою и посохомъ и употреблялъ самую простую пищу... Его рѣчь отличалась суровостью и грубостью и оскорбляла тѣхъ, къ кому была обращена. Въ своихъ манерахъ онъ былъ безцеремоненъ и неприличенъ» *. Самое названіе философія его пріобрѣла отъ злобной ворчливости, за которую его часто называли собакой. «По мѣрѣ того, какъ Антисѳенъ старѣлъ, онъ дѣлался все болѣе и

---

* Льюисъ. «Исторія Философіи» т. I, стр. 173

болѣе мрачнымъ и угрюмымъ, и наконецъ сталъ не выносимъ до такой степени, что всѣ его ученики оставили его, кромѣ Діогена Синопскаго». Развѣ это не точный портретъ князя Вяземскаго, какъ онъ сохранился въ памяти народной? Подобно другому цинику—знаменитому Діогену—князь Вяземскій сдѣлался нищимъ недобровольно, а по необходимости, и какъ у Діогена, не столько удача жизни, сколько неудача привела его къ цинизму. «Всѣми отвергнутый, Діогенъ самъ возымѣлъ желаніе удалиться отъ общества, заклейменный позоромъ, онъ поспѣшилъ найти себѣ пріютъ въ философіи, клеймившей въ свою очередь все общество». Спалъ онъ подъ портиками или въ бочкѣ, одѣвался въ одинъ грязный плащъ, «при всѣхъ совершалъ всѣ тѣ отправленія, которыя по требованію приличій, скрываются отъ постороннихъ взоровъ. Вообще онъ старательно нарушалъ всякаго рода приличія... имѣлъ обычай совершать въ виду всѣхъ непристойныя тѣлодвиженія». Кощунство надъ всѣмъ, что считается уважаемымъ, глумленіе, доходящее до богохульства—вотъ цинизмъ древности, поразительно похожій на модное въ эпоху Вяземскаго настроеніе—нигилизмъ. Отрицаніе всего,—возстаніе противъ всего, это дерзость, имѣющая въ себѣ черту какого-то величія. Древній цинизмъ былъ явною психопатіей, явнымъ декадансомъ, но декадансомъ великой философіи и истинно-нравственной школы. Изъ учениковъ Сократа только циники старались перейти отъ словъ къ дѣлу, отъ разговоровъ о добродѣтели—къ самой добродѣтели,—отсюда ихъ не теоретическая, а дѣйствительная побѣда надъ плотью (достойная мудреца), дѣйствительное отреченіе отъ богатства и соблазновъ міра. Но не совсѣмъ добровольное, не совсѣмъ искреннее отреченіе отъ міра всегда переходитъ въ презрѣніе, которое есть та-же гордость. Какъ въ прежнія времена нѣкоторые виды аскетизма, а въ наши дни нигилизмъ — цинизмъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ проявленій человѣческой

гордости. Гордость-же — одинъ изъ наиболѣе внушительныхъ пороковъ, она часто смѣшивается съ достоинствомъ. Простодушные люди, по добротѣ своей, охотно подчиняются мысли, что такой-то человѣкъ замѣчателенъ, что стало-быть ему есть чѣмъ гордиться, коли онъ такъ гордъ. Цинизмъ разцвѣтаетъ какъ реакція изнѣженности, въ вѣка уже дряхлѣющей цивилизаціи. Въ изнѣженности много лжи, — точнѣе, она вся—ложь, хотя-бы и подъ самой невинной маской. Когда въ обществѣ вмѣсто простоты и искренности воцаряется жеманность, когда и манеры, и мысли начинаютъ быть изысканными, потребности—вычурными, когда развивается неимовѣрное тщеславіе богатства, происхожденія, образованія, воспитанности, красоты, изящества и т. д.,—то цинизмъ является ушатомъ холодной воды для этого безумія. Слишкомъ долго попираемый здравый смыслъ сбрасываетъ съ себя эту одурь и называетъ ее надлежащимъ именемъ. Циники разбиваютъ идоловъ общества и въ своемъ собственномъ лицѣ показываютъ, что внутренняя свобода человѣка дороже всего на свѣтѣ. Цинизмъ по природѣ своей есть отрицаніе лжи, — и этимъ привлекаетъ къ себѣ поклонниковъ. Даже древніе циники, которыхъ называли собаками, внушали къ себѣ уваженіе во многихъ. Нашъ нигилизмъ тотъ-же цинизмъ, возродившійся черезъ двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ. Этотъ древній типъ нравственнаго протеста, строго говоря, существовалъ всегда подъ разными названіями; его лучшая черта присутствуетъ во многихъ монашескихъ орденахъ и сектахъ, худшая—въ разбойничествѣ и преступленіи. Вообще духомъ цинизма напоена политическая и религіозная борьба всѣхъ временъ. Нигилизмъ эпохи Вяземскаго повторилъ собою презрѣніе ко всякой изнѣженности, ко всякому отжившему авторитету, ко всякой формѣ, лишенной содержанія. Но, какъ и древній цинизмъ,—современная его разновидность не имѣла въ себѣ чувства мѣры, что отличаетъ ее

отъ нравственно-философскихъ школъ. Заодно съ ложными авторитетами отвергались и истинные, заодно съ изысканными, вычурными, тщеславными чертами общества клеймились и та нѣжность, чистота, невинность, которыя составляютъ самое драгоцѣнное существо жизни. Вяземскій, какъ и большинство ему современныхъ нигилистовъ, — во имя какого-то страннаго идеала отвергаетъ даже нравственное поведеніе. Онъ дотого озлобленъ на весь міръ, что не щадитъ даже невинности 12-лѣтней дѣвочки, не щадитъ дѣтскаго испуга и боли, не щадитъ ни цѣломудрія, ни материнской любви, ни свободы подвластныхъ ему людей, ни ихъ скромнаго счастья. Онъ топчетъ и свое и чужое достоинство въ грязь, онъ издѣвается надъ всѣмъ священнымъ и въ себѣ, и въ ближнихъ. По теоріи, распространенной среди нигилистовъ, преступленіе есть не болѣе какъ протестъ противъ общества, и въ борьбѣ съ послѣднимъ допустимы всѣ средства, до обмана, воровства, клеветы, убійства. По весьма распространеннымъ тогда взглядамъ, бороться съ общественнымъ зломъ нужно насиліемъ, и «разрушать предразсудки», входило въ планъ борьбы. Однимъ изъ предразсудковъ напримѣръ, считалось цѣломудріе — отсюда такой поступокъ, какъ изнасилованіе, выводился не только позволительнымъ, но и похвальнымъ. Разрушая всѣ путы, которыми связана воля человѣка, нигилизмъ рвалъ особенно крѣпкія — нравственныя путы, и доходилъ до преступности въ силу одной теоріи. Люди иногда даже высокой честности дѣлались преступниками; тѣмъ легче это было для людей нравственно-ограниченныхъ, какимъ былъ, повидимому, Вяземскій. Онъ былъ рожденъ и воспитанъ въ жестокихъ преданіяхъ крѣпостного рабства и какъ многіе крѣпостники—до нѣкоторой степени *помѣщикъ* на своей власти. Оказавшись неудачникомъ тамъ, наверху,—онъ увидѣлъ себя здѣсь, внизу неограниченнымъ повелителемъ хотя-бы небольшого числа

человѣческихъ душъ, и онъ въ маломъ видѣ дошелъ до той жестокости и сладострастія, до которыхъ доходили великіе деспоты, вродѣ Нерона, Людовика XI, Ивана IV и др. Подобно этимъ коронованнымъ циникамъ, Вяземскій былъ не глупъ отъ природы, начитанъ, склоненъ къ эстетикѣ и т. п., подобно имъ, онъ очаровывалъ многихъ приближенныхъ, подобно имъ, былъ способенъ иногда на великодушные порывы, подкладка которыхъ была, можетъ быть, даже не одно тщеславіе. Но жизнь поставила Вяземскаго внизу общества, обрекла на невольную бѣдность и ограничила предѣлы вліянія. Изъ него вышелъ не всесвѣтно извѣстный Діогенъ и не Иванъ IV, а одинъ изъ безчисленнаго множества неизвѣстныхъ русскихъ циниковъ и самодуровъ, какими кишѣла эпоха разложенія крѣпостнаго быта и какихъ вы можете встрѣтить и теперь почти въ каждомъ медвѣжьемъ углу. Цинизмъ—увы, почти національный грѣхъ нашъ; онъ гораздо шире такъ называемаго политическаго радикализма. Развѣ купцы-самодуры и купеческіе сынки у Островскаго не циники? Развѣ Карамазовы—отецъ и дѣти—не нигилисты? Неодолимый безудержъ, самовластіе, доходящее до потребности всегда «*переступить* черту», доводящее до оргическаго безпутства, до бездны нравственнаго паденія—эта черта слишкомъ стародавняя у насъ. Она несознанный, не высказанный, но по природѣ своей циническій протестъ противъ сложившагося образца вещей. Вяземскій самый заурядный циникъ—ничуть не выше Ѳедора Карамазова или Тита Титыча: послѣдніе вели-бы себя на его мѣстѣ такъ-же, какъ онъ себя на ихъ мѣстѣ.

Въ легендѣ о князѣ Вяземскомъ, кромѣ возможной неправды сознательной — «изъ любви къ искусству» — была можетъ быть и безсознательная. Біографъ Вяземскаго старался написать біографію какъ можно лучше—но самъ находился подъ господствовавшимъ тогда въ обществѣ представленіемъ о томъ, *что лучше*. Въ концѣ

80-хъ годовъ дни нигилизма были сочтены: на вершинѣ славы былъ Достоевскій, всю жизнь боровшійся противъ нигилизма и выдвинувшій вновь христіанскіе идеалы, новые грядущіе типы... Какъ лицо идеальное былъ показанъ—хоть еще въ качествѣ «идіота»—князь Мышкинъ. Левъ Николаевичъ, съ его чуткою возвышенностью. Г-нъ Корсаковъ, видимо увлеченный Достоевскимъ, могъ и вольно, и невольно придать своему «князю Пряникову», тѣ черты, которыя могли-бы понравиться Достоевскому. Прошло семнадцать лѣтъ, на смѣну Достоевскому выступилъ новый вождь, гр. Л. Н. Толстой, во многомъ только продолжившій и развившій коренные идеалы своего предшественника. И вотъ, подобно тому, какъ слѣдуя модѣ, въ одни годы мебель красятъ «подъ дубъ», въ другіе «подъ орѣхъ», и герои времени прежде дѣланные «подъ Достоевскаго», стали дѣлаться «подъ Толстого». Новый герой времени былъ образованный человѣкъ, идущій изъ города въ деревню, на лоно природы, отказывающійся отъ богатства, ведущій цѣломудренную трудовую жизнь, цѣль которой благо народное. Біографы князя Вяземскаго—подъ внушеніемъ моды — безсознательно придали своему герою черты моднаго типа; не будучи писателями, не умѣя описывать точно, біографы подчинились представленію о князѣ не какимъ онъ былъ, а какимъ долженъ-бы, по ихъ мнѣнію, быть. Лѣтъ тридцать тому назадъ, при другомъ общественномъ настроеніи, тѣ-же біографы изобразили-бы князя революціонеромъ, пошедшимъ въ народъ для пропаганды, деревенскимъ агитаторомъ и пр. Въ фигурѣ Вяземскаго нашлось-бы для этого еще больше внѣшнихъ чертъ. Нѣкоторыя отдѣльныя точки въ фигурѣ князя совпадали и съ представленіемъ о гр. Толстомъ: князь по рожденію былъ аристократъ, онъ, какъ и графъ служилъ на Кавказѣ, вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ, любилъ ручной трудъ и т. п. Этихъ очень немногихъ точекъ сходства было до-

статочно, чтобы біографы смѣло *дорисовали* и всю фигуру князя по образу и подобію графа. Но, стало быть, не Толстой «списалъ точка въ точку» свое ученіе съ князя, неповиннаго ни въ какомъ ученіи, а наоборотъ: біографы князя «списали точка въ точку» ученіе Толстого въ портретѣ кн. Вяземскаго. Зоологи, какъ извѣстно, берутся «по одной кости» возстановить полный типъ ископаемаго животнаго, но зато случается, что возстановленная птица оказывается потомъ рыбой, а великанъ-человѣкъ—коровой. То-же случилось и съ Вяземскимъ: можетъ быть, одна какая-нибудь кость у него и была общая съ гр. Толстымъ, но все его существо составляетъ почти полную противоположность съ нашимъ знаменитымъ нравоучителемъ.

Цѣль настоящаго очерка — правдивымъ разслѣдованіемъ дѣла на мѣстѣ—положить конецъ лжи, проникшей было въ газеты, толстые журналы и отдѣльныя изданія, лжи вѣтвившейся и росшей—какъ паразитный лишай около нравственно-философскаго ученія совсѣмъ иного духа.

Нужна-ли правда?

«Россіи нужна правда».

С. Аксаковъ

«Слишкомъ много правды насъ удивляетъ; я знаю такихъ, которые не могутъ понять что отнимая отъ 0 четыре получаемъ 0.

Паскаль.

I.

Въ числѣ писемъ по поводу моего разоблаченія легенды о кн. Вяземскомъ я получилъ одно особенно любопытное. Авторъ письма, нѣкій г І. Б. изъ Смоленской губерніи, какъ онъ пишетъ, «дворянинъ и честный человѣкъ». Вотъ что пишетъ о правдѣ современный честный человѣкъ и дворянинъ (письмо огромное, привожу лишь выдержки):

«...Зачѣмъ это (т. е. разслѣдованіе о Вяземскомъ)? Для чего? Скажите-же мнѣ на милость: для чего? Чтобы искать правду? Но кому нужна эта правда? И что пользы отъ этой правды? Одна правда, бѣдная, всѣми заѣзженная, всевыносящая правда! Знаете-ли вы, какое впечатлѣніе произвели на насъ статьи Мантейфеля, Корсакова, Обнинскаго? Вѣдь онѣ ободрили, подняли насъ духомъ, привели въ умиленіе, оживили нашу вѣру въ человѣка, окрылили надеждами на лучшее будущее, открыли предъ омраченнымъ затосковавшимся взоромъ такія чудныя перспективы... Ахъ, Боже мой! Вѣдь былъ-

же, жилъ-же среди насъ такой человѣкъ! Всего отдалъ себя людямъ, отъ всего отказался, не убоялся ни нищеты, ни лишеній... И вдругъ... вдругъ все разсыпалось въ прахъ передъ нами! Только ложь, значитъ, осталась, наглая, вопіющая ложь, возведенная на пьедесталъ чуть-ли не святого подвижничества!.. Тяжко, тоскливо, обидно!.. Это называется спасительнымъ отрезвленіемъ· молъ правда прежде всего, а не иллюзія. Правда, житейская пошлая, реальная правда, правда ограниченнаго пошлаго разсудка даже тамъ, гдѣ все неуловимо, гдѣ все необъятно и необъяснимо, гдѣ все мечты, иллюзіи и чудные сны, подвластные совершенно инымъ законамъ, чѣмъ наша мизерная, ограниченная, жалкая жизнь... Ахъ, эта правда, правда Писаревская, правда Базарова, правда вся проникнутая бездушіемъ, желчью и злобою! Да чортъ возьми эту правду, когда она какъ насѣдающая на насъ глыба грязи гнететъ, обезсиливаетъ, наконецъ совсѣмъ придавливаетъ насъ къ растлѣвающей юдоли земной!... Чѣмъ мѣшала вамъ эта хорошая, чудная иллюзія въ жизни? Что-бы и мы, и оберегаемая вами госпожа Истина потеряли-бы, если бы этотъ «насъ возвышающій обманъ» и остался-бы обманомъ? Ничего вѣдь? Да? Если не напротивъ только. Зачѣмъ же это?...» Черезъ страницу авторъ опять восклицаетъ: «Зачѣмъ-же надо было вамъ это разслѣдованіе? Кому? Что пользы? Уличить Корсакова, Мантейфеля и другихъ во лжи? Слѣдовательно, во имя правды? А что такое правда по-вашему?» и пр. и пр.

Такъ вотъ какъ относится къ правдѣ иной «честный человѣкъ и дворянинъ» конца вѣка. Подобно Пилату, онъ уже спрашиваетъ съ ироніей: «Что такое истина?!» И нетолько съ ироніей, а съ запальчивымъ сарказмомъ. Въ удивительное время мы живемъ. Люди начинаютъ во всемъ сомнѣваться, даже въ томъ, что тысячи лѣтъ считалось истинной безспорной, какъ дважды-два. Четыре тысячи лѣтъ тому назадъ сказано было: «Не

послушествуи на друга твоего свидѣтельства ложна», и эта истина казалась нетолько ясной и необходимой, но даже священной, какъ завѣтъ вѣчный, на всѣ времена. Но вдругъ выскакиваетъ смоленскій дворянинъ и спрашиваетъ: да полно, нужна-ли правда? Не лучше-ли лгать другъ о другѣ, если это пріятно? Не лучше-ли ложное свидѣтельство, чѣмъ истинное?

Надо замѣтить, что при удручающей нашей общественной праздности очень быстро вошло въ моду декадентство, которое именно объявило правду, какъ ее понимали до сихъ поръ, своимъ кровнымъ врагомъ. Именно въ томъ журналѣ, гдѣ г. Корсаковъ далъ біографію-иллюзію о князѣ Вяземскомъ, ведется проповѣдь о чарующихъ обманахъ, символахъ-мечтахъ, причемъ изуродованіе дѣйствительности считается за нѣчто сверхъестественно тонкое и божественное Очевидно, эта глупая мода дошла и до смоленскихъ захолустій, а можетъ быть она осталась тамъ еще отъ той жеманной эпохи, когда даже гоголевскій поручикъ разсуждалъ съ пріятелемъ объ эмпиреяхъ, а Маниловъ провозглашалъ именины сердца подъ сѣнью струй? А можетъ-быть эта претензія: зачѣмъ правда? — объясняется помимо всякой моды — просто закоснѣлою, стародавнею, историческою правдобоязнью русскаго человѣка?

II

Какъ ни наивенъ вопросъ нужна-ли правда?—я всетаки отвѣчу на него смоленскому «честному человѣку». Она нужна ну хотя-бы для того, чтобы вы могли назвать себя «честнымъ»: вѣдь если вы предпочитаете обманъ, то вамъ слѣдовало-бы соотвѣтственно этому и рекомендоваться. Правда оказалась нужна даже для того, чтобы вы восхитились обманомъ. Вѣдь какъ ни отвратительна «госпожа Истина», по вашимъ словамъ, а вы очаровались именно ею, въ біографіи Вяземскаго:

послѣдній былъ интересенъ только при условіи, что написанное о немъ—правда, не вымыселъ. Теперь доказано, что это иллюзія—и весь интересъ къ князю пропалъ. Если именно обманъ вамъ милъ—восхищайтесь-же имъ! Теперь-то, когда вы навѣрно знаете, что это обманъ, вамъ и восторгаться-бы, однако вы пишете: «И вдругъ все разсыпалось въ прахъ передъ нами», вамъ стало тяжко, тоскливо, обидно,—какъ только вы убѣдились, что это не истина. Да, и иначе быть не могло. По самой природѣ своей обманъ только и можетъ привлекать подъ личиной истины, и если-бы вся эта мишура «чудесныхъ сновъ», «мечтаній» не напоминала новой настоящей правды (хотя на мгновеніе), она показаласьбы нелѣпой и неинтересной.

Во что превратится жизнь, литература, исторія, наука, самый разумъ человѣческій, если допустить умышленно наводненіе ихъ ложью, представленіями сочиненными, небывалыми? Вѣдь если допустить одного придуманнаго великаго подвижника, то завтра же изо всѣхъ угловъ милаго отечества посыпятся сообщенія о великихъ ученыхъ, изобрѣтателяхъ, администраторахъ, и еще больше о великихъ (тоже сочиненныхъ) злодѣяхъ, болѣе страшныхъ, нежели Фра-Дьяволо, сообщенія о великихъ событіяхъ и фактахъ, никогда не случавшихся,—и вы не будете имѣть права не вѣрить имъ, не будете имѣть права сказать, что это ложь. Какой-нибудь серпуховскій астрономъ откроетъ новую планету въ простой бинокль, и хотя вы узнаете, что это не планета, а искра, вылѣтѣвшая изъ трубы сосѣдняго дома, но—«зачѣмъ разрушать прекрасную, безвредную иллюзію»? Или въ томъже Серпуховѣ построятъ на площади новую будку и напишутъ въ газетахъ, что воздвигнули храмъ, напоминающій Кельнскій соборъ. Не смѣйте опровергать—эта ложь безвредна и кому-нибудь, можетъ быть, доставляетъ «невинное утѣшеніе». Изъ подъ Серпухова оповѣстятъ, что «Войну и Миръ» гр. Л. Н. Толстой не

сочинилъ, а списалъ «точка въ точку» съ сочиненія умершаго великаго писателя, нарочно скрывавшагося въ неизвѣстности. — «Ну, ужъ это невѣроятно, воскликните вы,—такого вздора никто не напишетъ». Почему? Вѣдь писали-же и доказывали въ обширныхъ статьяхъ, что Толстой «списалъ точка въ точку» свое нравственное ученіе съ Вяземскаго...

Говорить: что «пользы» въ разоблаченіи лжи о Вяземскомъ? — значитъ корыстно относиться къ истинѣ, значитъ не уважать ея ради нея самой. Но *истина* есть сама по себѣ *польза*, помимо всякихъ разсчетовъ. И эту пользу нельзя даже измѣрить, потому что она—условіе всѣхъ другихъ пользъ, безъ котораго онѣ обращаются въ ничто. Истина нужна для сознанія, которое необходимо для жизни. Жизнь теряетъ всякую цѣну, если лишена сознанія: вообразите, что вы обречены на вѣчный сонъ или идіотизмъ или сумасшествіе. Только сознаніе дѣлаетъ насъ существующими. Ложь, искаженіе разума, есть вмѣстѣ съ тѣмъ искаженіе и чувства жизни, омертвѣніе ея. Сознаніе состоитъ изъ безконечнаго количества мелкихъ и крупныхъ истинъ, другъ друга безпрерывно доказывающихъ и провѣряющихъ, и только этою провѣркой входящихъ въ разумъ: всякое заблужденіе, какъ гнилая нить, входя въ эту нѣжную ткань души, портитъ всю высокую работу ея. Отстаивать чистоту сознанія — величайшая необходимость, единственное, что дѣлаетъ человѣка богоподобнымъ. И всѣ это, хоть смутно, чувствуютъ, и если дорожатъ неправдой, то лишь въ силу привычки, какъ алкоголикъ или развратникъ дорожатъ своими пороками. Вы привыкли къ красивой легендѣ, какъ къ гашишу, теперь у васъ отнимаютъ ее, и вамъ «тяжко, тоскливо, обидно». Былъ поставленъ передъ вами деревянный идолъ, въ котораго вы увѣровали, какъ въ живого Бога,—но идолъ свергнутъ, и вы, какъ древніе кіевляне, готовы кричать: «выдыбай, Перуне!..»

Идолъ свергнутъ, но Богъ остался. Мое разслѣдованіе не отрицаетъ самаго идеала, приписаннаго кн. Вяземскому,—оно отрицаетъ только ложь, будто этотъ идеалъ былъ воплощенъ въ князѣ. Идеалъ высокъ и неприкосновененъ, онъ остается невредимъ, отъ него отпадаетъ только связанное съ нимъ по ошибкѣ реальное лицо. Идеалъ скорѣе выигралъ, чѣмъ проигралъ отъ разъединенія со столь недостойною реальностью. Хороша была-бы нравственность, если-бы въ пророки ея записывать всѣхъ Карамазовыхъ, Іудушекъ и Іонъ-циниковъ! Идеалъ подвижничества просвѣщеннаго человѣка среди народа—святыня, которая заслуживаетъ особеннаго береженья, и тѣ, кто возводятся въ апостолы этого идеала, должны быть дѣйствительно святыми. Они нужны, эти святые; идеалъ дѣйствуетъ неотразимо лишь тогда, когда осуществляется въ живомъ образѣ. Утѣшительно было-бы вѣрить, что жилъ великій праведникъ, воплощавшій въ себѣ человѣческое совершенство, и что, стало быть, природа человѣческая достаточно благородна, чтобы не отчаяваться за нее. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ не было такого человѣка. Былъ нѣкто совсѣмъ другой, обыденный, жалкій. Какое кощунство—этого порочнаго, грѣшнаго человѣка ставить «учителемъ жизни»—на ряду съ древними спасителями человѣчества!

III.

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ .

Съ тѣхъ поръ какъ Пушкинъ обмолвился этимъ стихомъ, не было, кажется, обманщика, который не приводилъ-бы его въ свою защиту Но надо *понять* мысль Пушкина. Онъ употребилъ слово обманъ въ смыслѣ очарованія поэтическаго, въ смыслѣ отрѣшенія человѣческой души отъ мертвой внѣшности вещей въ живую глубь ихъ. Возвышающій обманъ—

это представленіе *реально* неосязаемой, но высокой истины, которая, конечно, дороже низкихъ истинъ дѣйствительности.

Наша реальная жизнь часто пошла и ничтожна, она намъ надоѣла, мы желаемъ совсѣмъ иной жизни, благородной, чистой, свободной, — и такъ какъ этой жизни нѣтъ въ дѣйствительности, то мы упиваемся ея изображеніемъ. Поступая такъ, мы говоримъ: «пошлая правда», «высокій обманъ». Но это неточное употребленіе словъ. Когда дѣйствительность отвратительна и уродлива, она уже не есть правда. она—матеріализованная ложь, и наоборотъ, когда воображаемая форма жизни прекрасна—она есть истина, хотя еще не воплощенная. Для нея есть свое названіе: идеалъ, и это вовсе не иллюзія, не ложь, а самое достовѣрное, что только есть на свѣтѣ. Дѣйствительность измѣнчива и условна, идеалъ неподвиженъ и вѣченъ, какой-же это обманъ? Еще глубокой древности была ясна непоколебимость идеала и химеричность дѣйствительности («обманъ Майи»). Но, кромѣ истины самихъ вещей, есть еще истина ихъ изображеній. Можно уродливую, т. е. ложную дѣйствительность изобразить точно, и это будетъ правдивое изображеніе лжи, равно какъ идеалъ изобразить неточно, и это будетъ ложное изображеніе истины. Надо остерегаться принимать какъ это часто дѣлаютъ, изображеніе за предметъ и обратно. Нужно стремиться къ двумъ правдамъ: къ идеальной истинѣ дѣйствительности и къ истинному ея выраженію. Здоровая душа безсознательно стремится къ тому и другому. Прекрасное несуществующее — это не обманъ, если оно дѣйствительно прекрасно. Это всетаки возможность, т. е. существованіе въ абсолютѣ, которое каждое мгновеніе можетъ принять реальность. Таковы многія «утопіи»: онѣ вовсе не «иллюзія» въ ходячемъ смыслѣ, не ложь, а нѣчто несравненно болѣе истинное нежели безобразная дѣйствительность. Но «утопія» можетъ быть и нелѣпою, и тогда она

ложь, и въ мѣрѣ ложности своей не нужна и не интересна. Интересна вездѣ и всюду только истина или то, во что вѣрятъ какъ въ истину. Еще лгать — инымъ доставляетъ удовольствіе, это особый видъ воровства — воровство чужого довѣрія, но слушать завѣдомую ложь противно даже лжецамъ. Поэтому слѣдуетъ счесть опасною ошибкою мысль, будто обманъ въ иныхъ случаяхъ лучше истины, пріятнѣе ея, нужнѣе ея. Отчего непріятны правдивые упреки и пріятна незаслуженная похвала? Оттого, что упрекъ напоминаетъ намъ о лжи, вкравшейся въ нашу жизнь, и чѣмъ правдивѣе напоминаетъ, тѣмъ ярче и тѣмъ больнѣе представленіе объ этой лжи. Лесть-же напоминаетъ правду, хотя и не осуществленную, но которая дожна-бы осуществиться. Люди благородные сравнительно равнодушны къ справедливой похвалѣ, потому что правда уже воплощена въ ихъ жизни и не есть нѣчто новое для нихъ. Лесть-же имъ отвратительна ложью, въ нее влагаемой, отвратительна именно тѣмъ, что она поддѣлка подъ любовь. По той-же причинѣ непріятна «проза жизни», горе, болѣзнь и т. п., и пріятна поэзія: въ истинной поэзіи больше правды, чѣмъ въ мрачной дѣйствительности.

Вы скажете: а искусства, театръ, изящная литература? Вѣдь это все «иллюзія», обманъ.—Иллюзія—да, но не обманъ. Искусство истинное есть *изображеніе* правды, дорогое намъ напоминаніе ея. И требуется не фальшивое, а *правдивое* изображеніе, иначе пропадаетъ всякій интересъ къ нему. Есть родъ искусства, повидимому посвященный изображенію лжи: сказки, балетъ, опера Въ нихъ выводятся и невозможныя дѣйствующія лица, и небывалыя явленія природы. Нравится, однако, въ нихъ одно *правдоподобное*, т. е. привлекаетъ опять-таки возможность правды, правды новой, иной, чѣмъ всѣмъ извѣстная. Волшебныя сказки очень любимы дѣтьми и народомъ; но взрослые образованные люди ими не интересуются. Отчего? Оттого что дѣти и народъ *вѣрятъ*, что разска-

занныя чудеса возможны, что они—истина, а не ложь. Въ народѣ до сихъ поръ вѣрятъ въ оборотней, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ, въ силу заклинаній и т. п. Для нихъ сказка—быль, не обманъ, а истина. Образованные люди долго не могутъ отрѣшиться отъ этого внушенія дѣтства, и когда вѣра въ волшебство исчезаетъ, любовь къ нему иногда долго еще остается. Но въ позднемъ возрастѣ мы сказки цѣнимъ не какъ дѣти—за ихъ содержаніе, а лишь въ качествѣ историческаго документа, говорящаго о первобытной душевной жизни человѣка. Сказочный элементъ балета и оперъ отживаетъ свой вѣкъ. Всѣ эти феи, гномы, духи, драконы введены въ балетъ еще въ старое время, когда европейская интеллигенція почти вѣрила въ нихъ какъ въ быль, когда суевѣрія были очень искренны и сильны. Для современнаго человѣка волшебство уже мало интересно, а иногда смѣшно. Такъ-какъ всѣ мы воспитаны въ религіи и вѣра въ ангеловъ и демоновъ, вплетенная въ память о дѣтствѣ, кажется прекрасной и поэтической даже тѣмъ, кто ее потерялъ, то напримѣръ изображеніе ангеловъ на сценѣ (въ «Ганнеле») или появленіе демона (въ «Фаустѣ») производитъ еще сильное впечатлѣніе. Но появленіе на той-же сценѣ какого-нибудь другого миѳическаго существа—напримѣръ египетскаго бога Гоуруса съ собачьей головой—вызвало-бы только смѣхъ. Забавное чувство возбуждаютъ и всѣ эти переряженные гномы, феи, духи, русалки въ трико и короткихъ юбочкахъ. Балетъ и феерія—самыя скучныя для взрослыхъ вещи на сценѣ, и самое скучное въ нихъ сказочное. Еще можно любоваться танцами, граціей движеній, блескомъ костюмовъ и декорацій, красотою тѣла, но *смыслъ* балета, его содержаніе для публики безусловно непонятны; въ балетѣ, конечно, и нѣтъ опредѣленнаго смысла. Присяжные балетоманы—эстетики тѣла или эротики—тоже, я думаю, любуются въ феяхъ не сказочной иллюзіей, не мечтой, а худой-ли, хорошей-ли, правдой,

правдоподобіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все то, что уже неправдоподобно въ нашихъ искусствахъ—непремѣнно вымретъ и лѣтъ черезъ двѣсти-триста даже Мефистофель будетъ невозможенъ на большой сценѣ, какъ смѣшонъ теперь на ней огненный трехглавый змій, еще находящій свою публику на народныхъ балаганахъ.

IV.

Нужна-ли борьба съ ложью? Часто слышишь, что среди заблужденій живется легче и счастливѣе, нежели среди ясныхъ истинъ. Практическіе философы не разъ одобряли ложь. Бэконъ въ своемъ крошечномъ очеркѣ «Объ истинѣ» говоритъ, что «немножко вымысла. примѣшаннаго къ правдѣ, всегда доставляетъ удовольствіе... Отнять у людей пустые предразсудки, ложныя мнѣнія, обольстительные призраки и химерическія надежды, питающія ихъ,—значило-бы предоставить ихъ скукѣ, отвращенію, тоскѣ, отчаянію». Буквально то-же мнѣніе впослѣдствіи повторили множество писателей и между прочимъ Тэнъ Шопенгауэръ рекомендуетъ ложь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ какъ незамѣнимое оружіе защиты, а Маккіавелли рекомендуетъ ее для нападенія и пр. и пр. И вѣроучители, и философы ставятъ высоко невинность дѣтства, т. е. какъ-бы считаютъ заблужденіе кореннымъ условіемъ счастья. Но здѣсь опять неточное употребленіе словъ. «Предразсудки, ложныя мнѣнія, обольстительные призраки» не потому утѣшаютъ человѣка, что они ложь, а потому лишь, что кажутся истиной. Отнять у людей ложныя мнѣнія и не оставить никакихъ, дѣйствительно, было-бы жестоко,—но если вмѣсто *кажущихся* истинъ дать *дѣйствительныя*, то они сослужатъ службу ничуть не хуже химеръ. Возьмемъ такой случай: вы, по вашему воспитанію, убѣждены въ химерѣ, будто истинное счастье состоитъ въ милліонномъ состояніи. Эта химера васъ утѣшаетъ и

живитъ, пока вы вѣрите, что она истина. Но вотъ вы душевно развиваетесь, зрѣете, дѣлаетесь разумнѣе, образованнѣе и начинаете переходить къ другой, истинной вѣрѣ—въ то, что не милліонъ составляетъ счастье, а напримѣръ, душевное благородство, всѣмъ доступное. Эта истина, если она сильна въ васъ, утѣшаетъ и живитъ ничуть не менѣе, чѣмъ прежняя химера. Надо замѣтить, также, что невѣжество (невинность) еще не есть заблужденіе: это отсутствіе какого-бы то ни было мнѣнія: отсутствіе правды, но и отсутствіе лжи одинаково. И я думаю, что секретъ невиннаго счастья не въ незнаніи правды, а въ незнакомствѣ съ ложью. Если бы можно было въ невинное сердце внести одну истину, безъ сопровождающей ее лжи, счастье незнанія тотчасъ возвысилось-бы до божеской степени—блаженства знанія. Къ несчастью, ложь пока еще не отдѣлима отъ истины, какъ пыль, которую неизбѣжно вдыхаешь вмѣстѣ съ кислородомъ. И не кислородъ знанія, а именно эта пыль лжи ведетъ къ душевной чахоткѣ.

Отчего мы, вступающіе въ XX вѣкъ, такъ не удовлетворены духомъ, хотя обладаемъ тьмою вновь открытыхъ истинъ? Я думаю, оттого, что половина этихъ новыхъ истинъ— ложь,—не совсѣмъ ложь, а недоговоренная до конца правда. Всѣ такъ называемые законы точныхъ наукъ понятны лишь на половину, въ ихъ осязаемой части, а внутренняя ихъ причина скрыта И не только скрыта, а отрицается многими совсѣмъ или держится подъ сомнѣніемъ. Оттого законы природы нельзя назвать истинами,—они еще полуистины. Вотъ эти-то скрытыя половины правды произвольныя, явно недостаточныя, ошибочныя догадки о нихъ и тяготятъ насъ. Исполинская работа знанія подняла тучи гипотезъ обрывковъ, опилокъ идей, которыя въ своемъ раздробленномъ видѣ засоряютъ дыханіе души. Прежде, въ эпоху суевѣрій, атмосфера мысли была чище, здоровѣе. Были доступны немногія вѣрованія и часто ложныя, но

они *казались истинами вполнѣ*—скрытыхъ половинъ не было. Чуть являлось неразрѣшимое—оно относилось къ волѣ Божіей, т. е. къ причинѣ завѣдомо существующей для вѣрующаго человѣка. Пусть это былъ иксъ, но все-же хоть *X*, т. е. нѣчто реальное, которое, какъ-бы оно ни было скрыто, все-же *существуетъ* и уже фактомъ бытія своего успокаиваетъ. Не то теперь, въ вѣкъ «отрицанья и сомнѣнья», когда утрачено великое довѣріе къ Богу, младенческое довѣріе ребенка къ матери. Теперь все абсолютно непостижимое представляетъ уже не *X*, а ноль, ничто, пустоту, въ которой духъ человѣческій ничего невидитъ кромѣ зіянія смерти. Отсюда пессимизмъ, этотъ душевный tuberculosis. Однако онъ не вѣчно будетъ длиться. Пыль знанія уляжется или будетъ подметена и выброшена изъ науки, воздухъ сдѣлается чище, проглянетъ какой нибудь новый великій свѣтъ, который освѣтитъ скрытыя части знаній и сдѣлаетъ ихъ—хоть на время—*полными* истинами. Тогда мы успокоимся и почувствуемъ блаженство, о которомъ говоритъ Бэконъ: «Погоня за истиной, сознаніе и ощущеніе ея, представляющіяся какъ-бы желаніемъ, созерцаніемъ и пользованіемъ ею, суть величайшее благо, какое только предоставлено человѣку. Первое, что создалъ Богъ въ дни творенія, былъ видимый свѣтъ, а послѣднее—свѣтъ разума. но вѣчнымъ его твореніемъ, достойнымъ дня субботняго, было просвѣщеніе разума человѣка». Человѣкъ, обладающій истиной, говоритъ онъ дальше, «уже въ этомъ мірѣ предвкушаетъ небесное блаженство».

Мнѣ кажется, что подобно предкамъ, мы должны будемъ найти способъ возмѣщать вѣрой неизбѣжную неполноту знанія. И тогда насъ не будетъ пугать то, что абсолютная истина недоступна, что всѣ человѣческія идеи относительны, не исключая математическихъ аксіомъ. Пусть человѣку извѣстенъ лишь алфавитъ природы, не языкъ ея, пусть онъ читаетъ слова Божіи не постигая ихъ внутренняго значенія. Но хоть немногіе избранные

мгновеніями все-же догадываются о великомъ смыслѣ, бодрствующемъ гдѣ-то въ центрѣ міра. Пусть конечное сознаніе наше меркнетъ входя въ область абсолютнаго, однако, изъ того, что намъ доступны лишь проэкціи абсолютныхъ истинъ, не слѣдуетъ считать ихъ ложью. Даже невѣрныя проэкціи вещей—лишь-бы была искренняя увѣренность въ ихъ правдѣ, есть только заблужденіе, а не ложь. Ложь есть *умышленное* искаженіе правды—и вотъ тутъ, въ нравственной области, низость ея безмѣрна.

Человѣкъ лжетъ человѣку: происходитъ въ идеалѣ великое крушеніе, какъ-бы чья-то смерть. Представьте ангела, который сказалъ-бы неправду ангелу. Страшное паденіе, лишеніе высокаго достоинства! Но люди — тѣ-же ангелы, по крайней мѣрѣ рождены быть ими. Наши тѣла заслоняютъ наши души, иначе мы видѣли-бы ихъ, и мы ихъ можемъ видѣть, если внутренній свѣтъ настолько ярокъ, чтобы сдѣлать тѣла какъ-бы прозрачными. Обманывая, мы облекаемъ ближняго, какъ ночью, невѣжествомъ, какъ говоря правду озаряемъ его истиной. Передавать истину, по легендѣ, есть призваніе ангеловъ.—И людей, прибавлю я, если они хотятъ быть подобными небеснымъ духамъ Земля наша, вѣдь звѣзда небесная и мы такіе-же небожители, какъ и тѣ, что населяютъ сверкающіе міры. Но жить въ этомъ безбрежномъ небѣ, въ глубинѣ двухъ безконечностей времени и пространства—и лгать! Позволить себѣ неправду, въ присутствіи вѣчно бодрствующей природы, въ этотъ столь короткій моментъ существованія въ ней! Придти въ міръ, встрѣтить подобную себѣ душу и измѣнить ей... Потому что ложь есть всегда измѣна. Всѣ мы въ душѣ полусознательно носимъ великій, какъ-бы въ началѣ міра начертанный договоръ истины, договоръ съ Богомъ, и въ минуту лжи мы подло нарушаемъ его, умираемъ разумомъ, перестаемъ быть достойными неба.

V.

Ложь—продуктъ рабства; если брань, по пословицѣ, есть оружіе слабыхъ, то ложь есть правда слабыхъ. Ложь начинается на низшихъ ступеняхъ жизни. Крошечное насѣкомое троньте его—мгновенно прикинется мертвымъ, сложитъ лапки и лежитъ неподвижно, пока, по его мнѣнію, опасность не минуетъ. Тутъ всего ярче виденъ психическій источникъ лжи — страхъ, трусость. Человѣкъ «самое развратное изъ животныхъ», говоритъ Руссо; другой мудрецъ опредѣляетъ человѣкъ, какъ единственное «сумасшедшее животное». Я думаю, вся извращенность человѣческой породы зависитъ отъ того, что въ силу общественности это—самое порабощенное изъ существъ, кромѣ домашнихъ животныхъ. Да и тѣ во многомъ, и можетъ быть самомъ существенномъ, свободнѣе человѣка.

Рабство и продуктъ его—ложь—бываютъ двухъ родовъ: рабство варварское, когда огромное большинство народа живетъ въ вѣчномъ страхѣ передъ поработителями, и рабство культурное, когда надъ всѣми царитъ самый жестокій изъ тирановъ — общественное мнѣніе. Насколько оно сильно, доказываетъ то, что люди стрѣляются отъ позора, не разбирая, справедливъ или нѣтъ надъ ними приговоръ общества. Только немногія, сильныя, внутренно-свободныя, непобѣдимыя души равнодушны къ общественному мнѣнію: онѣ не страшатся общества и только онѣ однѣ не лгутъ. Ложь культурная состоитъ во всеобщемъ лицемѣріи, въ безмолвномъ какъбы договорѣ не имѣть личнаго мнѣнія. Къ этому роду лжи относится бездушная вѣжливость всѣхъ архикультурныхъ народовъ, англійское «cant», компромиссъ, мода, comme il faut, qu'en dira le monde, наше «принято» и пр. и пр. Въ Испаніи бездомные бродяги, нищіе, обращаются между собою какъ гранды, что не мѣшаетъ имъ

пускать въ дѣло ножи. Въ Польшѣ вѣжливый человѣкъ говоритъ: «кланяюсь вамъ въ ноги», вѣжливость требуетъ отвѣтить: «а я уже лежу предъ вами распластавшись». Чѣмъ древнѣе культура, тѣмъ тоньше разработанъ этотъ видъ лицемѣрія.

Эта мертвая, лицемѣрная вѣжливость, можетъ быть, не хуже злорадной грубости, оскорбительнаго тона, столь отравляющаго семейную жизнь нашей буржуазіи (крестьяне у насъ культурнѣе среднихъ классовъ — купечества и чиновничества, и потому болѣе вѣжливы). Но пріятное лицемѣріе культурныхъ классовъ все-же ложь, измѣна истинѣ, и потому несовмѣстима съ настоящимъ благородствомъ Дѣйствительно *живая* душа не лжетъ, такъ-какъ жизнь есть сознаніе правды. Потеря влеченія къ правдѣ изъ страха предъ общественнымъ мнѣніемъ есть смерть души, и эта смерть, какъ думаютъ нѣкоторые, угрожаетъ культурному человѣчеству въ послѣдніе его дни. Въ писаніи сказано, что Христосъ, при послѣднемъ своемъ пришествіи, не найдетъ болѣе правды на землѣ—хотя Евангеліе будетъ проповѣдано всѣмъ народамъ. Онъ, можетъ быть, не найдетъ болѣе искренности. «Ложь, говоритъ Бэконъ, переполнивъ мѣру человѣческихъ беззаконій, будетъ трубою, которая призоветъ нѣкогда людей на судъ Божій». Современная цивилизація, какъ и всѣ прежнія, стремится къ лжи, но въ отличіе отъ прежнихъ, въ ней есть стремленіе и къ правдѣ. Современный складъ культуры *не неизбѣженъ*; я думаю, возможны иныя общественныя построенія, которыя не ведутъ къ тиранніи общества надъ личностью и къ непремѣнной потерѣ совѣсти.

VI.

Выработка достойной человѣка цивилизаціи состоитъ преимущественно въ борьбѣ съ ложью, личной и общественной, какими-бы культурными декораціями она ни прикрывалась. Борьба съ ложью во всѣхъ ея видахъ особенно необходима въ Россіи: неправда покрываетъ нашу страну особенно темнымъ пятномъ. Ужь если въ Англіи благородный Морлей, авторъ превосходной книги «О компромиссѣ», считаетъ эту борьбу насущной, то у насъ-то—гдѣ она еле начата—и подавно. Въ истари честной «старой Англіи», съ ея пуританскою культурой и безстрашнымъ народомъ, существуютъ могущественныя, у насъ невѣдомыя орудія для борьбы съ ложью; свободная, неразвращенная печать, «платформа», парламентъ, а главное—уже подготовленные, облагороженные нравы,—и тамъ эта борьба не легка. У насъ она—подвигъ, чаще всего оканчивающійся катастрофой для возставшаго противъ лжи. И главное препятствіе для успѣха истины потерявшіе свою независимость общественные нравы.

Наблюдатели бытовой жизни культурныхъ народовъ увѣряютъ, что нѣтъ лживѣе русскаго средняго человѣка. Что народы протестантскіе отличаются сравнительною честностью—это общеизвѣстно. Рѣзкій переходъ отъ лживой расы къ правдивой можно наблюдать на нашей границѣ съ Финляндіей и Прибалтійскимъ краемъ. Покойный Н. С. Лѣсковъ, долго жившій на дачѣ за Нарвой, указывалъ съ точностью чуть не съ версты, гдѣ кончается «подлецъ-человѣкъ» и начинается «честный чухна». По сю сторону этой этико-этнографической границы—говорилъ онъ—васъ и обмѣрятъ, и обвѣсятъ, и въ сдачѣ обсчитаютъ;—потеряли самую простую палку—низачто не возвратятъ, и такъ просто надуютъ на тысячу манеръ: пообѣщается извозчикъ подать лошадей въ десять

часовъ утра,—непремѣнно подастъ въ двѣнадцать, да еще и экипажъ не тотъ поставитъ. Совсѣмъ не то по ту сторону границы: плохо выговоренное по-русски, едва понятное слово свое, «чухна» держитъ точно заповѣдь передъ Богомъ, не спроситъ лишняго, не подмѣшаетъ всякой дряни въ провизію, если ошибкой обсчитаетъ васъ—разыщетъ и отдастъ. Кошелекъ найдетъ—не скроетъ, возвратитъ. И за это Лѣсковъ любилъ чухонъ. Помню я, какъ однажды лѣтомъ—послѣднимъ для Лѣскова—мы гуляли какъ-то съ нимъ въ Меррекюльской сосновой рощѣ: погасалъ вечеръ, наступали сумерки, и въ нихъ раздавался тихій и горькій голосъ больного писателя о безчестности русскаго человѣка. И думалъ я: вотъ ты старикъ, такъ хорошо знавшій русское общество и самъ русскій до послѣдней клѣточки сердца, ты уже видимо уходишь изъ этой жизни, и какое горькое сознаніе ты уносишь съ собой!

Лживость русскихъ людей обнаруживается заграницей, тамъ, гдѣ сталкиваются иностранцы со всѣхъ концовъ свѣта. Припомните русское общество въ Баденѣ, описанное въ «Дымѣ». Г-жа Цебрикова наблюдала гдѣ-то въ Швейцаріи рядомъ живущія семейства—русскихъ и англичанъ, и ее поражала лживость русскихъ дѣтей сравнительно съ маленькими англичанами. И тѣ лгутъ, но рѣдко и при исключительныхъ условіяхъ (Дарвинъ записалъ, съ точностью натуралиста, первый случай лжи у двухлѣтняго сынишки и не могъ надивиться—откуда это взялось въ его семьѣ, гдѣ воспитаніе было такъ поставлено, что исключало надобность лгать). Англійскіе купцы поражаются нечестностью русскихъ купцовъ, для нихъ необъяснимой и кажущейся безумною. Вмѣсто того, чтобы дорожа рынкомъ, отпускать возможно образцовый товаръ—хлѣбъ, ленъ и т. п., русскіе купцы подмѣшиваютъ туда всякую дрянь—песокъ, куколь, а ленъ смачиваютъ водой, такъ-что въ послѣдніе годы англичане перестаютъ покупать нашъ товаръ, — потребовал-

ли правительственный надзоръ надъ чистотою зерна. Стоило въ голодные годы задремать надзору, какъ свои-же голодающимъ, умирающимъ съ голоду купцы стали продавать зерно пополамъ съ куколемъ, нарочно для того закупая эту сорную траву цѣлыми обозами. Видали-ли гдѣ нибудь возможна подобная жестокость нравъ, такіе колоссальные обманы, какъ у насъ въ самыя страшныя народныя минуты: вспомните интендантовъ и ополченцевъ въ крымскую войну. Иванъ Аксаковъ — достаточный, кажется, патріотъ — не находитъ достаточно негодующихъ словъ, чтобы выразить пучину мерзостей, которыхъ онъ насмотрѣлся, будучи ополченцемъ (См. т. III его собранія писемъ). Фальсификація во всѣхъ сторонахъ жизни, — быта, труда, знанія, науки, литературы у насъ цвѣтетъ роскошно. Національной чертой нашей московской исторіи считается фальсификація царей—самозванство, многочисленныя и не безуспѣшныя попытки поддѣлать не только какую-нибудь монету съ портретомъ государя, какъ на Западѣ, но и самаго государя. Политическіе самозванцы перевелись, но обыкновенные, выдающіе себя за аристократовъ, ученыхъ, администраторовъ, ревизоровъ и т. п. — развѣзжаютъ по Россіи и теперь во множествѣ, судя по частымъ сообщеніямъ газетъ и по непрерывному ряду судебныхъ процессовъ, возникающихъ на этой почвѣ.

«Отчего у насъ всѣ лгутъ до единаго?» съ отчаяніемъ восклицалъ прозорливый наблюдатель русскаго общества — Достоевскій (см. «Дн. Писателя» 1873 года). «У насъ въ Россіи, въ классахъ интеллигентныхъ, даже совсѣмъ и не можетъ быть нелгущаго человѣка. Это именно потому, что у насъ могутъ лгать даже совершенно честные люди. Я убѣжденъ, что въ другихъ націяхъ въ огромномъ большинствѣ лгутъ только одни негодяи; лгутъ изъ практической выгоды, т. е. прямо съ преступными цѣлями. Ну, а у насъ могутъ лгать совершенно даромъ самые почтенные люди и съ самыми поч-

тенными цѣлями...» Затѣмъ на двухъ страницахъ Достоевскій даетъ примѣры самыхъ распространенныхъ лжей. «Все это лганье, продолжаетъ онъ,—несмотря, на всю невинность свою, намекаетъ на чрезвычайно важныя основныя наши черты до того, что ужъ тутъ почти начинаетъ выступать міровое... Мы, русскіе, прежде всего боимся истины, т. е. и не боимся, если хотите, а постоянно считаемъ истину чѣмъ-то слишкомъ ужъ для насъ скучнымъ и прозаичнымъ, недостаточно поэтичнымъ, слишкомъ обыкновеннымъ и тѣмъ самымъ избѣгая ея постоянно, сдѣлали ее, наконецъ, одною изъ самыхъ необыкновенныхъ и рѣдкихъ вещей въ нашемъ русскомъ мірѣ. Такимъ образомъ у насъ совершенно утратилась аксіома: что истина поэтичнѣе всего на свѣтѣ, особенно въ самомъ чистомъ своемъ состояніи; мало того, даже фантастичнѣе всего, что могъ-бы налгать и напредставить себѣ повадливый умъ человѣческій» и пр. и пр. Достоевскій приводитъ ему лично извѣстные случаи, когда вполнѣ почтенные съ вида люди лгали передъ публикой крайне беззастѣнчиво, лишь-бы хоть на полъ-часа розыграть интересную роль. Ужъ Достоевскаго-то нельзя счесть не патріотомъ—и въ лучшемъ, и въ худшемъ смыслѣ этого слова. И вотъ до какого отчаяннаго стона доведена была эта великая душа нашею стихійной ложью. «*Ему* (лгуну) *было не стыдно, ему было не совѣстно*!», кричитъ онъ: «Эта-то извѣстнаго рода безсовѣстность русскаго интеллигентнаго человѣка—рѣшительный для меня феноменъ. Что въ томъ, что она у насъ такъ сплошь да рядомъ обыкновенна и всѣ къ ней привыкли и пригляделись; она всетаки остается фактомъ удивительнымъ и чудеснымъ. Она свидѣтельствуетъ о такомъ равнодушіи къ суду надъ собой своей собственной совѣсти, или, что тоже самое, о такомъ необыкновенномъ собственномъ неуваженіи къ себѣ, что придешь въ отчаяніе и потеряешь всякую надежду на что-нибудь самостоятельное и спасительное для націи даже въ будущемъ отъ такихъ людей и такого общества»...

VII.

Откуда пошла русская лживость? Древняя Русь, до водворенія варяжскаго и татарскаго ига, отличалась сравнительно высокой нравственностью. Какъ ни скудны историческія свидѣтельства того времени, однако они не обошли этой черты. «Будь я безчестенъ!» клялся древній славянинъ. Насиліе, говоритъ Аксаковъ, было случайностью въ древней Руси, и никогда какъ законъ. Древнѣйшій кодексъ нашъ—«Русская правда»—въ тоже время и гуманнѣйшій изъ кодексовъ до послѣдняго времени. Свободные новгородцы, ведшіе торговлю съ Ганзой, славились безукоризненною честностью. Но уже удѣльныя войны вносятъ огрубѣніе нравовъ: война теряетъ рыцарскій характеръ эпохи Святослава («Иду на васъ!»), сопровождается страшными низостями и вѣроломствомъ, причемъ тѣсное соприкосновеніе съ разбойничьими племенами кочевниковъ (печенѣги, половцы и пр.) еще до татаръ выработало всѣ виды рабства. Рэклю замѣчаетъ, что турки, завоевавшіе Византію, были племенемъ хотя и воинственнымъ, но все же менѣе растлѣннымъ и погрязшимъ въ порокахъ, чѣмъ тогдашніе греки и малоазіатцы, и что пришествіе турокъ было благодѣтельно для гніющаго Востока. Это замѣчаніе отчасти примѣнимо и къ древней Руси, втеченіе 400 лѣтъ до татаръ отравляемой византизмомъ. Татары — орда въ какихъ-нибудь 300,000 душъ — могла завоевать Русь такъ поразительно быстро, втеченіе всего одной или двухъ зимъ, только потому, что Русь уже была завоевана и порабощена до этого, народъ обезсиленъ и раздробленъ. Татары ушли и власть ихъ держалась насиліемъ самихъ-же русскихъ князей, сдѣлавшихся тотчасъ-же какъ-бы намѣстниками хана, его воеводами. Уже въ татарское время кромѣшная борьба между православными князьями-рюрикови-

чами дотого была полна низостей, что даже сами татары стыдили русскихъ. По всѣмъ свидѣтельствамъ, нравы перваго вѣка Золотой орды были гораздо выше, чѣмъ въ современной Руси, и напрасно думаютъ, что татары испортили наши нравы. Порча ихъ—нашъ собственный многовѣковый продуктъ, слѣдствіе самобытно-сложившагося рабства. Замѣчательно, что татары заволжскіе и теперь отличаются большею честностью, трезвостью и болѣе строгими нравами, чѣмъ коренное русское населеніе. Набѣги татаръ были, какъ и набѣги Литвы, развѣ только внѣшними обстоятельствами, благопріятствовавшими образованію рабства,—ударами молота, отковывавшими московскую тираннію, упадокъ-же честности есть процессъ внутренній, который не могъ быть заимствованъ. У существа физически угнетеннаго неизбѣжно начинаются психозы, и первый изъ нихъ—потеря нравственнаго чувства. Наша русская лживость, культивировавшаяся до половины этого вѣка, признакъ уже сильно подвинувшагося душевнаго вырожденія нашей расы, и нужны великія культурныя усилія, чтобы остановить этотъ процессъ.

Послѣ сверженія татарскаго суверенитета нравы не только не улучшились, но ухудшились. При Иванѣ III невозможны были тѣ звѣрства, которыми ознаменовалось у насъ слѣдующіе XVI столѣтіе, невозможны были ни сплошныя казни, ни разгромъ лучшей въ то время части государства—Новгорода, ни опричина. Все это разрѣшилось смутнымъ временемъ, во время котораго государство едва-едва не погибло. Нѣкоторые историки увѣряютъ, что только счастливый случай—полная неспособность польскаго правительства — спасла Россію отъ завоеванія, какъ приблизительно въ то-же время былъ завоеванъ Китай манджурами и немного позже — Индія англичанами.

Омертвѣніе, которое вноситъ въ жизнь народную рабство, сказалось въ слѣдующіе вѣка въ крѣпостномъ

правѣ, самомъ тяжеломъ изъ униженій, пережитыхъ русскимъ народомъ. Это униженіе не чувствовалось только вслѣдствіе глубокаго упадка совѣсти и возобладавшей лжи въ обществѣ, дотого возобладавшей, что ее перестали уже отличать отъ правды. Вспомните, съ какимъ омерзѣніемъ отзываются иноземные послы о русскихъ нравахъ — не только во времена московскихъ царей, но и при дворѣ уже XVIII столѣтія. «Ни въ комъ не осталось и тѣни добросовѣстности, чести, довѣрія, скромности, справедливости», пишетъ посланникъ Соединенныхъ Штатовъ Стюартъ при дворѣ Елизаветы. «Я не знаю здѣсь, пишетъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ, ни одного человѣка, который въ какой-либо другой странѣ могъ пользоваться репутаціей мало-мальски честной личности». Этотъ отзывъ—о дѣдахъ живущаго теперь поколѣнія.

VIII.

Въ тягостной борьбѣ съ ложью самый трудный, но за то самый дѣйствительный способъ—это *дознаніе*, т. е. разслѣдованіе факта на мѣстѣ дѣйствія и опросъ живыхъ свидѣтелей лицъ и событій. Въ наукѣ, искусствахъ, во всѣхъ областяхъ общественной жизни истина добывается именно путемъ дознанія. Историкъ, этнографъ, статистикъ, художникъ, врачъ, администраторъ и т. п. если хотятъ знать правду, непремѣнно должны ѣхать на мѣсто, которое хотятъ изучить, и непремѣнно опросить всѣхъ что-либо знающихъ о данномъ предметѣ. Умираетъ замѣчательный человѣкъ, слѣдуетъ спѣшить собрать всѣ, даже незначительные разсказы о его личности и жизни. Даже о великихъ, безспорно-свѣтлыхъ людяхъ слѣдуетъ собирать не одни хорошіе отзывы, но и дурные. Историческая правда требуетъ, чтобы портретъ замѣчательнаго человѣка и картина его дѣлъ были нарисованы тѣми красками и тѣнями, какія были въ дѣйствительности. Всѣ

помнятъ старую манеру писать оды и дифирамбы, теперь всегда несносно-лживые. Она отжила свой вѣкъ—всюду, кромѣ развѣ Серпуховскаго уѣзда. Этою манерой въ свое время всѣ мрачныя лица нашей исторіи были раскрашены совершенно въ томъ родѣ, какъ сдѣлали съ княземъ Вяземскимъ. До сихъ поръ исторія у насъ преподается по учебникамъ крайне неточнымъ, и въ сущности правдивая исторія Россіи еще не только не написана, но *теперь* еще, пожалуй, и невозможна: наше поколѣніе не настолько честно, чтобы вынести присутствіе правды. Но уже и теперь чувствуется, что или ничего не стоитъ писать, или нужно писать одну *правду*, nil nisi veritas.

Посмотрите, путемъ какихъ страшныхъ усилій наука борется съ «иллюзіями», какъ безпощадно искореняетъ ихъ всюду, гдѣ можетъ. Придуманы безконечно тонкіе аппараты и провѣрочные приборы, механическіе, электрическіе, тепловые, химическіе, автоматическіе, фотографическіе и т. п. Ученый *себѣ* вѣритъ столько-же, какъ заклятому врагу, и обставляетъ опыты тысячью уликъ, не вѣритъ глазамъ—заставляя мертвый инструментъ отмѣчать явленіе на движущемся цилиндрѣ, на фотографической пластинкѣ, на электрическомъ колокольчикѣ и т. д. Добытый фактъ десятки разъ всесторонне провѣряется, прежде чѣмъ будетъ сообщенъ товарищамъ, которые съ инквизиторскою строгостью снова его провѣрятъ, и эта провѣрка длится годами, прежде чѣмъ фактъ будетъ признанъ установленнымъ. И научную заслугу составляетъ нетолько открыть истину, но и опровергнуть заблужденіе. Кохъ открылъ туберкулинъ: еслибы подтвердилась его цѣлебность, открытіе было-бы великимъ, но оказалась ошибка; нельзя назвать неважнымъ открытіе этой ошибки. Свѣтовая теорія Ньютона была важнымъ событіемъ въ наукѣ, но нельзя счесть незначительнымъ и опроверженіе истинности этой теоріи. Мало сказать, что наука изобилуетъ примѣрами важныхъ опроверженій: она вся сплошь изъ нихъ состоитъ;

цѣна новаго открытія въ огромномъ большинствѣ случаевъ заключается не въ утвержденіи новой истины (которая столь часто оказывается новой ложью), а въ разъясненіи ошибочной старой.

IX.

Что касается литературы, то разслѣдованіе на мѣстѣ нетолько допустимо въ ней, но именно этому способу она обязана своими величайшими заслугами. Что такое реальная школа, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Толстой и др. — какъ не сплошное *дознаніе* о русской жизни? Великіе художники не *выдумывали*, какъ серпуховскіе біографы, несуществующіе интересные типы, а списывали ихъ изъ жизни, единственно стремясь къ одному: къ правдѣ изображеній. Вспомните, какъ собиралъ свой матеріалъ Гоголь, какъ онъ въ письмахъ къ матери умолялъ ее записывать и присылать разныя подлинныя свѣдѣнія изъ мѣстной жизни. Тургеневъ заявлялъ, что во всю свою литературную дѣятельность онъ не позволилъ себѣ нарисовать ни одного лица не съ натуры. Въ этой правдѣ изображенія все могущество реальной школы. Пушкинъ и Лермонтовъ первые были правдивыми реалистами,—до нихъ литература глохла въ преданіяхъ псевдо-классической, сентиментальной, романтической лжи. Въ самой жизни дѣйствовали жестокіе и низкіе характеры, свирѣпствовало кромѣшное насиліе надъ человѣкомъ, народъ изнывалъ въ страданіяхъ, а милые романтики описывали счастье селянина, наслаждающагося золотыми днями жизни подъ попеченіемъ благодѣтельнаго помѣщика. Не было лицъ порочныхъ, все были герои, все благородные, великодушные, вродѣ князя Вяземскаго *до* дознанія. Ложь эта была чудовищная, явная, но какъ общепринятая она имѣла силу даже надъ крупными талантами начала вѣка: не говоря

о Жуковскомъ, даже Пушкинъ, и даже Лермонтовъ были склонны идеализировать тогдашній народный бытъ. Но Гоголь уже произвелъ формальное дознаніе и подтвердилъ догадку Фонвизина, еще неясную, что русскій человѣкъ того времени не Милонъ, не Правдинъ, не Стародумъ, а по преимуществу Тарасъ Скотининъ. Не лишено значенія, что величайшая русская комедія зовется «Ревизоръ» и посвящена страху русскаго общества передъ дознаніемъ. Во времена Гоголя еще сильнѣе чѣмъ теперь царствовала неправда, русское общество гнило во лжи, причемъ лгали всѣ, отъ высшаго до нисшаго, лгали простодушно, смѣло, торжественно, оффиціально, лгали въ канцеляріяхъ, судахъ, департаментахъ и даже высшихъ учрежденіяхъ (какъ жалуется на это извѣстный циркуляръ великаго князя Константина Николаевича послѣ крымской войны). Россія, по словамъ поэта, была

. . черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена.
И пошлой лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна

Крѣпостная Россія погрязала въ грубомъ рабствѣ, въ самомъ мрачномъ невѣжествѣ, во всеобщемъ угнетеніи,—но оффиціально все обстояло неизмѣнно благополучно: «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ», гласилъ тогдашній гимнъ. Крѣпостное право возводилось въ идиллію, въ благодѣяніе, которое оказываетъ просвѣщенное благородное сословіе темному народу. Гоголь первый разоблачилъ эту страшную неправду, выставивъ «благодѣтельныхъ помѣщиковъ» въ ихъ подлинномъ, неприглядномъ видѣ въ лицѣ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, Коробочекъ. Но и Гоголь не договорилъ всей правды: народа онъ не зналъ и не понималъ его страданій. Договорило правду слѣдующее дознаніе—Григоровича, Тургенева и школы народниковъ. Вспомните впечатлѣніе, произведенное «Ан-

томъ Горемыкой» и «Записками охотника». Это было хватающее за сердце, страшное и важное дознаніе. Для русскихъ читателей былъ открытъ точно новый міръ. вслѣдъ за благодѣтельными помѣщиками испарились и счастливые поселяне и на ихъ мѣстѣ предстала горькая до жестокости правда...

Было-бы утомительно перечислять всѣ случаи великихъ и малыхъ дознаній, общихъ ревизій и частныхъ, произведенныхъ русской литературой. Вспомните, какое значеніе имѣли «Севастопольскіе разсказы» гр. Л. Н. Толстого, «Очерки бурсы», «Записки изъ Мертваго Дома» «Губернскіе очерки» и сатиры Щедрина, сочиненія Островскаго, Писемскаго, Лѣскова и др. И эта великая традиція нашей литературы дознаваться правды *на мѣстѣ* поддерживается съ честью и позднѣйшими писателями. Вся дѣятельность Глѣба Успенскаго и его школы, вся заслуга рано скончавшихся Атавы, Левитова, Рѣшетникова («Подлиповцы»), а также Златовратскаго и пр. есть все тоже разслѣдованіе русской жизни, — не сочинительство, а дознаніе. На ту-же дорогу выступилъ было покойный Гаршинъ («Четыре дня») и современные талантливые беллетристы. Что самое крупное въ нашей литературѣ вотъ этихъ дней, когда я пишу эти строки? «Голодный годъ» г. В. Короленко и «Островъ Сахалинъ» А. П. Чехова. Вчитайтесь въ эти замѣчательныя и важныя книги — что онѣ такое, какъ не «дознанія»? До какой степени намъ еще нужна правда, какъ необходимы точныя и строгія разслѣдованія на мѣстѣ, съ опросомъ живыхъ людей—доказываютъ эти книги. Подошелъ великій голодъ, — неожиданный, хотя и подготовлявшійся цѣлыя десятилѣтія разстройствомъ деревенскаго хозяйства и земельнымъ хищничествомъ. Вы думаете, мы честно отнеслись къ этой катастрофѣ? Нѣтъ, мы постарались прикрыть правду съ рискомъ народной гибели. Нѣкоторые администраторы и охранительныя газеты закричали, что ка-

кой-же это голодъ, — всего лишь «недородъ» и въ сущности все благополучно, только неблагонамѣренные люди производятъ смуту. И много было упущено дорогого времени, пока правдивые люди не отправились, какъ Л. Н. Толстой, лично въ мѣста голода дознаться: что это такое? Дознались и пришлось «спасать погибающихъ» на пространствѣ двадцати губерній. И даже тогда, когда голодъ былъ признанъ оффиціально, все еще находились просвѣщенные помѣщики, такъ-таки все время упорно отрицавшіе голодъ, доносившіе, въ качествѣ земскихъ начальниковъ, что особая помощь не нужна, отпускавшіе казенный хлѣбъ чуть не по крохамъ. Прочтите книгу г. Короленки и увѣрьтесь, какъ еще нужны намъ честныя дознанія!

X.

Но еще, пожалуй, рѣзче это доказываетъ книга А. П. Чехова. Пять лѣтъ тому назадъ разнеслась вѣсть о томъ, что онъ ѣдетъ на Сахалинъ. Всѣ были удивлены. Куда, зачѣмъ? Молодой беллетристъ, любимый публикой, талантъ котораго созданъ «для вдохновеній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ» — и вдругъ отправляется на каторгу! Это было странно, тѣмъ болѣе, что именно тогда, въ 1890 году, ходили самые розовые слухи о русскихъ тюрьмахъ. Кеннанъ былъ «посрамленъ», какіе-то англичане ѣздили въ Сибирь и вернулись въ восторгѣ отъ нашихъ тюремъ, въ Петербургѣ былъ открытъ международный тюремный конгрессъ и всемірная тюремная выставка, причемъ иностранные делегаты не жалѣли комплиментовъ по адресу Россіи. Послушать ихъ — мы далеко ушли впередъ въ тюремномъ дѣлѣ, и вся Европа должна брать съ насъ примѣръ. И въ самомъ дѣлѣ, — Сахалиномъ, напримѣръ, завѣдывалъ генералъ В. О. Кононовичъ, человѣкъ, по отзыву г. Чехова, образованный, начитанный, опытный. «Онъ красиво го-

воритъ и красиво пишетъ и производитъ впечатлѣніе человѣка искренняго, проникнутаго гуманными стремленіями... Меня пріятно поражала одна черта его характера, а именно, постоянно высказываемое имъ отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Ж. Кеннанъ отзывается о немъ восторженно». Тогдашній генералъ-губернаторъ А. Н. Корфъ славился рыцарской честностью. Чеховъ описываетъ, какъ принимали генералъ-губернатора какъ благообразный старикъ, бывшій каторжный, разбогатѣвшій на Сахалинѣ, поднесъ ему хлѣбъ соль на серебряномъ блюдѣ мѣстнаго издѣлія, какъ устроили ему иллюминацію, обѣдъ съ музыкой, тостами, рѣчами... Въ отвѣтъ на тостъ за его здоровье, благодушный начальникъ выразился «Я убѣдился, что на Сахалинѣ «несчастнымъ» живется легче, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи и даже въ Европѣ. Въ этомъ отношеніи намъ предстоитъ сдѣлать еще многое, такъ какъ путь добра безконеченъ». Онъ пять лѣтъ назадъ былъ на Сахалинѣ и теперь находилъ прогрессъ «превосходившимъ всякія ожиданія». Настоящее представлялось началомъ золотого вѣка. Баронъ Корфъ самъ продиктовалъ А. П. Чехову свой взглядъ на каторгу, причемъ г. Чеховъ убѣдился, что это великодушный и благородный человѣкъ, но что «жизнь несчастныхъ была знакома ему не такъ близко, какъ онъ думалъ». «Каторжныя работы, говорилъ генералъ, не тягостны. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы — въ этомъ его тягость, а не въ напряженіи физическомъ. Цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ»...—Словомъ — идилія. «Мы туть каторжные, а не они», говорятъ чиновники.

Но послушайте теперь, что происходило на Сахалинѣ въ тотъ самый годъ, когда произносились эти благодушныя рѣчи, когда въ Петербургѣ на конгрессѣ славили Россію за ея гуманные ссыльные порядки. Привожу одну страничку изъ извѣстнаго онорскаго дѣла, взятую изъ газеты *Владивостокъ* (№ 36 1894 г. «*Страница изъ*

онорскаго дѣла, разсказъ очевидца»). Рѣчь идетъ о томъ, какъ надзиратель Хановъ съ тремя помощниками укрощалъ партію каторжниковъ въ 200 — 300 человѣкъ, прибывшихъ съ Кары. Прошу прощенія за довольно длинную цитату.

Какъ-то человѣкъ 25 плотниковъ не хотѣли идти на работу, урокъ былъ не подъ силу. Выходитъ Хановъ. «Это что такое? Не хотите на работу идти, бунтовать?!» Выхватываетъ револьверъ: разъ, разъ, дѣлаетъ два выстрѣла. — «Всѣхъ до одного перестрѣляю и отвѣчать не буду!»

Руки трясутся, самъ весь дрожитъ.

— Вы думаете, что вы каринцы, такъ знайте, что я разгильдѣевскій каринецъ *, сумѣю управиться съ вами, какъ собакъ всѣхъ переколочу и въ оврагъ позакидаю. Маршъ на работу!» И мы пошли.

Дальше—больше. Народъ упалъ духомъ, задавили работою, не даютъ оправиться, а все больше и больше налегаютъ. Чуть кто не выполнилъ урока,—штрафъ,—уменьшаютъ порцію хлѣба, ну человѣкъ и совсѣмъ упадетъ.

Утромъ на раскомандировкѣ·

— Олемпій Ивановичъ! обращаются къ Ханову.

— Ты что, слабый? Становись къ сторонкѣ, говоритъ этакъ тихонько.

Разойдутся всѣ на работу, останутся слабые.

— Ну, такъ вы слабые? обращается онъ къ нимъ.

— Да, отдохнуть бы маненько.

— У меня есть вотъ про васъ лекарство. Схватываетъ приготовленный стягъ и начинаетъ лупить имъ по чемъ попало. Которые въ состояніи бѣжать, тѣ, конечно, разбѣгутся, а другой еле волочитъ ноги, ну, ошарашитъ его дубиной, тотъ упадетъ; бьютъ его, а затѣмъ отправ-

---

* Разгильдѣевъ, завѣдующій тюрьмами на Карѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, извѣстный въ каторгѣ за свою необыкновенную свирѣпость

ляютъ въ лазаретъ. Современемъ отошли мы работать отъ балагановъ верстъ на пять Обѣдать всетаки приходилось ходить туда и ходить очень скоро; потому, Боже сохрани отстать, сзади идутъ надзиратели съ дубинками и всякаго отставшаго бьютъ немилосердно, почти до смерти. Были случаи, что заползетъ побитый куда-нибудь въ кусты и тамъ кончится. Прибѣжавши на обѣдъ, некогда даромъ время проводить, получаешь въ котелокъ баланды, ставишь его въ воду, чтобъ скорѣе остыла, похлебаешь на скорую руку и живѣе бѣжишь на работу, чтобъ не остаться заднимъ,—убьютъ, просто боязно, — живьемъ забьютъ до смерти. Работу кончали уже темно. Шли съ работы опять такимъ-же манеромъ. Изобьютъ другого и бросятъ: «доползетъ захочетъ, а не захочетъ—пусть здыхаетъ, чертъ съ нимъ». Иной только къ свѣту притащится къ балагану, кричитъ, какъ сумасшедшій «давайте мнѣ пайку хлѣба!» Потому онъ кромѣ этого ужь ничего не помнитъ.

И вотъ когда подѣлался почти весь народъ такимъ, тогда-то Хановъ, Мурашевъ и другіе и ходили совершенно безъ всякой опаски среди нашего брата, и днемъ, и ночью, и по тайгѣ за бѣжавшими, и гдѣ угодно. Потому что это ужъ не люди, а полудохлыя животныя. Чего такого бояться, хотя даже у него топоръ въ рукахъ, онъ уже себя не помнитъ. Скажутъ ему: работай,—ударитъ топоромъ и самъ падаетъ черезъ колодникъ, махаетъ кайлой и самъ летитъ за ней. Очевидное дѣло, такихъ можно тысячу перебить дубинкой одному человѣку, а не то, что...

Наѣзжалъ и окружный. (Замѣтьте! Наѣзжалъ ревизоръ и могъ-бы, если-бы захотѣлъ, остановить эти ужасы). Посидитъ, посидитъ съ Хановымъ въ балаганѣ, поговоритъ о чемъ-то и ѣдетъ назадъ. Такъ вотъ и шло до самаго конца. Много пошло бродяжить, только что это за бродяги! Съ одной пайкой хлѣба, больше на руки не давали за разъ. Пойдетъ этакимъ манеромъ, конечно,

и до ближняго селенія не дойдетъ, запутается гдѣ нибудь въ валежникѣ, упадетъ и сгниваетъ. Не повѣрители, такая вонь поднялась въ тайгѣ, не приведи Господь и слышать. Жара, смрадъ, бьютъ всѣхъ чѣмъ ни попадя, всѣ мы потеряли головы, шарахаемся отъ стяговъ, какъ овцы, урока не можемъ выработать, — силъ нѣтъ, хоть ложись и помирай. Спасибо надзирателямъ, походятъ около тебя со стяжками, ну скорѣе и конецъ... Да-съ, вотъ какъ старичекъ распорядился съ нами. Только покрикиваетъ: «всѣхъ перебью, какъ собакъ, и отвѣта никакого не дамъ!» Много тамъ били и убивали, даже и не запомнишь всего. Идетъ, напримѣръ, обезумѣвшій отъ побоевъ татаринъ у всѣхъ на виду въ тайгу.

— Ты куда? спрашиваетъ его надзиратель.

— Алла, отвѣчаетъ тотъ.

Нагоняетъ его надзиратель. Разъ! въ него изъ револьвера. Идетъ. Въ другой разъ, какъ въ тѣсто. Идетъ. Въ третій разъ. Падаетъ. Помню однажды, кто-то изъ надзирателей привелъ изъ тайги одного бѣжавшаго, который былъ тутъ-же по близу. У него оказалось два халата, укралъ значитъ.

— Вѣдь ты руками бралъ этотъ халатъ?

— Да, руками.

— Ну, такъ... Эй наручни!

Принесли наручни; Хановъ взялъ ихъ, положилъ въ костеръ, что постоянно горѣлъ у его балагана, разжегъ и красными заклепалъ ему на руки. Ажъ зашипѣли и кожа, и кости!

— Ну, теперь бѣги, въ другой разъ не будешь воровать.

Фамилія закованнаго Кожевниковъ, онъ дѣйствительно тутъ-же побѣжалъ въ тайгу и погибъ тамъ съ раскаленными на рукахъ наручнями.

Разсказчикъ замолкъ. Да чего тамъ? Вотъ у всѣхъ на виду, здѣсь въ тюрьмѣ при смотрителѣ Ливинѣ, не то же ли самое было?

Въ зимнее время на раскомандировкѣ человѣкъ 500—600 выстроены шеренгами съ топорами, съ лопатами, съ кайлами на плечахъ. Темно. Отъ 40° мороза ажъ дымъ! Руки, ноги коченѣютъ отъ холода, а всѣ стоятъ, не шелохнутся, только смотритель съ фонаремъ ходитъ по рядамъ, какъ сатана въ аду между грѣшниками, да отсчитываетъ каждому, тыкая рукою въ грудь. Иной въ Россіи, можетъ, человѣкъ двадцать убилъ, а здѣсь онъ стоитъ съ топоромъ на плечѣ и дрожитъ отъ страха передъ этимъ плюгавенькимъ человѣчкомъ. «Староста, розогъ!» кричитъ онъ—и начинается порка. Крикъ на все селеніе. Русскіе кричатъ: «Отецъ родной, ваше благородіе!» Татары: «Алла!» Такой крикъ поднимется, что кажется и спящіе въ это время чиновники должны повскакивать съ постелей. «Р-ѣже, к-рѣпче!» подбадриваетъ смотритель палачей. Иной разъ, если никого изъ чернорабочихъ незачто наказывать, что бывало очень и очень рѣдко, такъ онъ пойдетъ по всему двору нюхать. Зайдетъ въ мастерскія, въ хлѣбопекарню, на кухню и ужъ гдѣ-нибудь сыщетъ случай выпороть, ужъ безъ этого онъ ни одинъ день не проведетъ и чаю, говорятъ, не можетъ напиться. Если и здѣсь не къ кому придраться, такъ встрѣчаетъ кого-нибудь:

— Почему у тебя шуба не зачинена?

— Да, нитокъ, ваше-скородіе, нѣтъ.

— Жилами зачини, гадъ, кожею своею! — Староста, розогъ! — и порка есть. А его тридцать штукъ розогъ принять — легче теперь триста. Иного слабаго комплекціей такъ и съ 15-ти на рукахъ отнесутъ. А который здоровый, да шибко кричитъ, такъ его за руки и за ноги поднимутъ на воздухъ, да и дерутъ пока не замолчитъ. Такъ, вотъ видите-ли. Человѣкъ изъ себя совсѣмъ не видный былъ, а передъ нимъ полтысячи народа съ топорами дрожали и всѣхъ доводилъ работой до истощенія силъ. На словахъ онъ очень заботился о насъ, на дѣлѣ-же онъ выжималъ послѣдніе

соки. Все, что съѣшь за обѣдомъ, къ вечеру все до капельки работа вытянетъ изъ тебя. Еле-еле на ногахъ держишься. Ошибся разъ, не исполнилъ урока, пиши пропало! Во-первыхъ, получай тридцать, и затѣмъ на два фунта на нѣсколько дней. Тутъ опять не исполнилъ, снова и снова розги и два фунта—и такъ до больницы.

— Вамъ одинъ выходъ, — упиваясь ораторствовалъ онъ на раскомандировкѣ,—вамъ одинъ выходъ за кирпичное (т. е. на кладбище за заводомъ).

И дѣйствительно, въ бытность его кладбище населилось изрядно. А пойди жаловаться къ начальнику округа, ну тогда окончательно конецъ. У него одна препорція для всѣхъ—*сто*. Перво-на-перво, ты пожаловался не по закону, помимо ближайшаго начальства, смотрителя, а потомъ на что жалуешься? Что васъ бьютъ? Да какъ васъ не бить, когда вы не выполняете урока по положенію? А «положеніе»-то у нихъ извѣстно какое. Вотъ генералъ Гродековъ былъ, жаловались ему семейные каторжные, что имъ приходится работать на тюрьму и самимъ и скотиною почти круглый годъ, выставляя «по положенію» 20 сажень дровъ въ мѣсяцъ за семь верстъ. Ну, генералъ и видитъ какое это «положеніе», взялъ и сбавилъ съ 20 на 8, потому-что немыслимое дѣло выставить такого урока даже со скотиною, а не то, что однимъ человѣкомъ. А вѣдь тоже сколько перепороли за это «положеніе»! Про рабочихъ, исполняющихъ общія работы. бревнотаски, плотники, пильщики, объ этихъ нечего и говорить. Эти-то самые и населяли кладбище. Какъ-бы думали? Вѣдь работа изо дня въ день не мѣсяцъ и не два, а года, года, батенька ты мой, изо дня въ день въ морозы, въ бураны на трехъ фунтахъ въ перемежку съ 2-мя фунтовыми пайками. Кто-же тутъ можетъ выстоять? Выносливъ человѣкъ, эхъ какъ выносливъ! Иной разъ смотришь: и въ чемъ только душа держится, и съ чего тянетъ человѣкъ? А тянетъ, и все тянетъ, пока глядишь поднимутъ гдѣ-

нибудь и приволокутъ въ больницу или-же придетъ благая мысль отрубить руку или ногу.

— Ты, гадина, лучше-бы голову себѣ отрубилъ, тогда по крайней мѣрѣ тебѣ не пришлось-бы давать трехъ фунтовъ, говоритъ ему Ливинъ.

Разъ на раскомандировкѣ докладываютъ ему, что одинъ въ кандальной лежитъ на нарахъ и не идетъ на раскомандировку, не можетъ встать.

— Тащите, волоките его!

Побѣжали. Смотримъ—волокутъ, зацѣпили веревкой за кандалы и тянутъ какъ бревно, по ступенькамъ головой бьется, галька отъ головы отскакиваетъ. Приволокли, положили на кобылу.

— Р-рѣже, крѣпче! Пойдешь на работу?

Молчитъ. «Отволоките его обратно». Потащили, оттуда въ околодокъ. Къ вечеру, слышимъ, кончился.

Для чего тамъ разсказывать, вѣдь все дѣлалось на виду, знали и знаютъ всѣ и вы въ томъ числѣ, такъ чего же тутъ... вдругъ оборвалъ мой собесѣдникъ, зѣвнулъ и видно было, что у него не было ни малѣйшаго желанія начинать сказку про бѣлаго бычка».

XI.

Такъ вотъ что творилось на благословенномъ островѣ, гдѣ, по мнѣнію благородныхъ и гуманныхъ начальниковъ, каторжнымъ было «нетягостно—лучше, чѣмъ въ Россіи и Европѣ». Вы видите, какъ *теперь* еще, въ наше время, Россіи нужна правда и какъ важно бываетъ до нея дознаться. Одинъ изъ «біографовъ» кн. Вяземскаго всю свою защиту строитъ на томъ, что онъ, біографъ, будучи прокуроромъ, *не слыхалъ* объ уголовныхъ дѣяніяхъ князя (лѣтъ черезъ двадцать послѣ ихъ совершенія). Но вотъ и генералъ Кононовичъ, начальникъ Сахалина, и генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ тоже ничего не слыхали объ онорскихъ звѣрствахъ, пока

они не всплыли наружу черезъ печать. Не черезъ двадцать лѣтъ, а въ то самое время какъ эти звѣрства подъ ихъ-же властью совершались. Надзиратели Хановъ, Ливинъ и др. при всей лютости, дослужились до почтенныхъ сѣдинъ и вѣроятно были извѣстны начальству какъ хорошіе надзиратели. Въ канцеляріи или у начальства Хановъ, какъ и князь Вяземскій въ гостиныхъ своихъ друзей, велъ себя не такъ, какъ съ каторжниками и крѣпостными. И не найдись честнаго человѣка, написавшаго въ газеты объ онорскомъ дѣлѣ, Хановъ считался-бы ревностнымъ чиновникомъ, и по его смерти «друзья», быть-можетъ, говорили-бы о немъ, какъ о прекрасномъ примѣрномъ старичкѣ, какъ о подвижникѣ среди каторжныхъ...

На этомъ послѣднемъ, столь свѣжемъ примѣрѣ, вы видите, что борьба съ ложью представляетъ необходимый и самый важный видъ заступничества за народъ, и что борьба эта состоитъ прежде всего въ гласномъ обнаруженіи правды.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Народные заступники . 1

На порогѣ храма. 30

Дружескіе союзы . 66

Охрана юности. . . 99

Совѣсть и знаніе 130

Ѳ. П. Гаазъ 154

Сердуховскій циникъ . 215

Нужна-ли правда. . . . 273